

The background of the entire page is a repeating pattern of red poppies with black centers and green stems, scattered across a white background. The text is centered over this pattern.

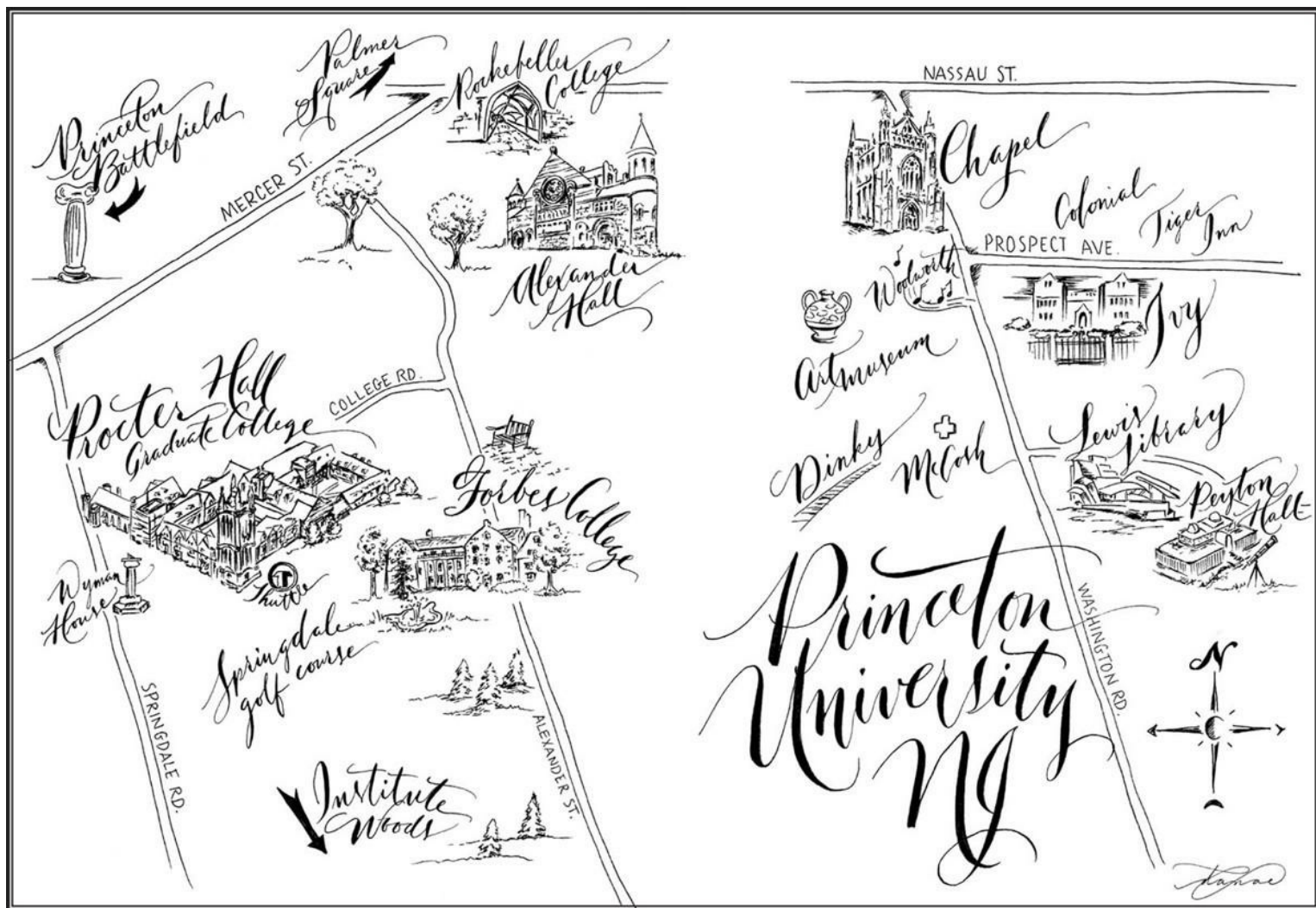
Самогица

A solid black silhouette of a poppy flower, positioned to the left of the author's name.

Красси
Зуркова

Книжный червь Переводы книг

Карта

Пролог

В 1802 ГОДУ В Рильском монастыре в Болгарии монах по имени Рафаил вырезал последнюю из шестисот пятидесяти фигур на деревянном кресте. По официальным документам, он потерял зрение после двенадцати лет работы над творением.

В начале 1990, просматривая опечатанный архив, помеченный как "Угроза Идеологии" бывшим коммунистическим управлением, исследователи нашли коллекцию религиозных артефактов. Среди них находился манускрипт, изъятый из монастырской библиотеки в Риле, датируемый временами Рафаила.

Основываясь на дальнейшем изучении манускрипта было выдвинуто предположение, что монах уже был слеп, когда начал работу над своим шедевром.

В монастыре Ионанна Рильского, пятого дня Августа месяца одна тысяча семьсот восемьдесят девятого года было записано следующее обращение смиренного слуги к Господу:

Мне сказано, что данные слова записаны при свете шестнадцати свечей, и я доверяю глазу незнакомца, который их посчитал, и руке, водящей пером по пергаменту, записывая мои слова, ибо вера — единственный путь для незрячего.

Я был ослеплен за увиденное мною. Но по милости Всевышнего, увиденное мною того стоило!

Легенды воспевают Самодив; мрачные, злачные легенды. Но ни одна из них не раскрывает эту возделенную красоту в той мере, в коей она предстала предо мной во плоти лунного света одной серебряной ночью за стенами этого монастыря.

Будучи по профессии резчиком по дереву, я обошел путь до Фракии и обратно, переходя от двери до двери и продавая творения своих рук — репродукции церковных реликвий — любому, кто был готов купить их за гроши. Поздний час настиг меня в глубоком лесу, и я решил найти убежище у монахов. Когда мои ноги предвкушали конец долгого рабочего дня, я увидел на своем пути силуэт: смиренная, но очаровывающая девушка, чья белая кожа созрела, словно плоть лилии, сорванной со стебля прямо перед цветением. Тонкое платье, сшитое из лунного света, окутывало ее — невесомое, словно паутина — не скрывая ее тела, когда она шагнула ко мне.

Я не был святым, я вкусил красоту во время своих странствий, настолько редкую в темноте нашего мира, насколько редок мужчина, не испытывающий сожалений среди гибнущих. Но ни разу, никогда, я не встречал существа, способного соперничать с ней. Лучезарной улыбкой она манила меня за деревья, на луговину, где уже ждали две ее сестры. Окружив меня, они завертелись в танце — ошеломляющем, безупречном — в то время как луна освещала их своей драгоценной завистью. Они едва касались земли, но она пульсировала под ними отдаленными звуками барабанов, словно сердце гор было охвачено огнем. Они заключили меня в свое неистовство, в круг их соединенных рук, пока я боролся, не сдавался, противясь крови, заполняющей мои вены все больше с каждым шагом, пока грудь не сжало спазмом. Я видел их улыбки, триумф в их глазах, когда мое тело падало к их ногам. Другие медленно растворились в ночи, но она осталась и держала меня, рассыпав свои волосы, словно крупитчатое золото поверх моего тела...

Горе, говорят, выпадет на долю странника, набредшего на Самодив, тому, кто лицезреет их танец под полной луной. Но будь благословен человек с такой горестной судьбой: когда она обнажила для меня свою кожу, когда она расположила грудь мне между рук, и ее изголодавшиеся губы раскрылись над моими, ни горя, ни пыток не осталось во всем мире — даже самой смерти — которых не приняла бы моя душа. Время исчезло, когда ее ноги раздвинулись надо мной, гладкие, мягкие, словно снег, чье прикосновение мужчина не в силах забить, вкусивши его. Я взял ее глазами, руками, ртом. Взял отчаянно, обезумевший от боли, разрывающей кости и мышцы; мучительной боли, которая не прекратилась даже когда она заставила меня войти в нее. Если бы она попросила, я бы умолял. Умер. Убил бы. Стал бы ради ее проклятым. Я бы сделал все, и сделал много раз.

Но она не просила. Ее лицо склонилось над моим, и она поцеловала мне веки, закрыв их, прежде чем внезапная боль выжгла мои глазницы. Я услышал ее смех — свободный, невинный, смех ребенка — и почувствовал еще одно прикосновение ее губ, на этот раз к груди. И все же, прежде чем ее пальцы успели опуститься и заклеить мое сердце, раздался крик петуха, оглашавшего рассвет...

Затем тишина.

Монахи нашли мое тело там, где она его оставила, и меня отнесли в святое жилище, чьи стены я никогда больше не покину. Способность видеть мир была у меня отнята с тех пор, а вместе с ней исчезла и большая часть мирского бремени и благословений. По божьему желанию мое умение обращаться с деревом было не тронут, и ныне пальцы мои вырезают с новым рвением: последняя радость и печаль, оставленные мне из всех, которые были до знакомства с... ней.

Я состарюсь в темноте и в темноте покину этот мир, чьи сокровища, словно живые стоят за моими покрытыми рубцами веками. Но до тех пор каждую ночь в этой темноте она танцует для меня — завораживающая, как и ранее — и обрушивает свою красоту на мое сердце, объятые безумной болью, на сердце, которого не смогли коснуться ее пальцы, но которое она похитила, — похитила, несмотря ни на что...

Темнота смягчается. Я слышу стук шагов. Ее кожа касается моей. Затем и вся она; ее быстрые губы на моем рту. Я вижу ее, всю, как не могут видеть глаза смертного. И с этих пор, по крайней мере на время, смерть не имеет значения.

Часть I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что скрывается за холмами

Я ОСТАВИЛА всех, кого любила. Навсегда.

Мой мозг отодвинул эту мысль на задний план и попытался сфокусироваться на подсчете долларовых купюр, ожидая, что они растворятся в любую секунду от невероятной летней влажности в Америке.

— Удачи здесь, солнышко. — Водитель Принстонского трансфера из аэропорта взял деньги и поблагодарил меня, подмигнув. — Она тебе понадобится. — Затем, словно, чтобы доказать свои слова, он удалился по пустым аллеям кампуса.

Глубокий вдох. Игнорируй опускающиеся сумерки. Они знают о твоём приезде, кто-то вскоре появится.

Я села на больший из моих двух чемоданов и принялась ждать. Вечер пропитался жарой и жидким запахом травы настолько насыщенного зеленого цвета, что ее соки, казалось, пробивали путь прямо в мои легкие. Можно было протянуть руку и коснуться гладкой и густой, словно персидский ковер, травы университета, чье имя стало легендой даже в моей крошечной стране на другой стороне планеты. Принстон был единственным учебным заведением, которое оставалось за завесой пелены. Ни ярких фотографий в брошюрах. Ни саморекламы. Тайна, скрытая в собственном кармане вселенной.

Теперь повсюду вокруг меня среди роскошных крон деревьев возвышались чуждые серые здания, словно вырванные из фильмов о средневековых рыцарях: острые углы стен смягчались арками при входах; крышу украшали башни, чьи зигзагообразные крепости подслушивали тайны уединенных дворов; окна, с железными решетками на них, жадно

глотали воздух, извергая насыщенный свет цвета только что очищенного апельсина. И в добавок ко всему — дикая тишина. Не из — за пустоты, а словно предвестие чего-то. Предвестие грозящей лихорадки.

— Наверно перелет с Болгарии был долгим. Прости, что заставил ждать!

Раздался голос с немецким акцентом, принадлежащий Клаусу, студенту, который вызвался встретить меня. Мы пожали руки, и он указал на гольф — мобиль, припаркованный неподалеку.

— Я намеревался провести тебе экскурсию, но, наверно, нам стоит сразу же отправиться в общежитие. В любом случае, завтра тебе тут все покажут.

Форбс, одно из шести общежитий в Принстоне, оказалось самым отдаленным, изолированным на южной границе кампуса. Добавленная к университету в 1970 в качестве эксперимента в смешанном проживании, бывшая гостиница выглядела совершенно непохоже на все те неоготические здания, которые встречались на нашем пути: корпус здания из красного кирпича неловко гнезился за несколькими старыми деревьями, а фасад, с его шиферной кровлей и окнами с белыми рамами, создавал скорее впечатление санатория, нежели студенческого общежития. В интернете я видела открытые террасы и огромные веранды, выходящие на пруд, но ни одной из них не было видно с данного ракурса. Гольф — мобиль свернул на асфальтированную дорожку к прикрытой галерее, где развивались в одинаково бойких приветствиях флаги Соединенных Штатов и общежития Форбс.

Мы прошли по нескольким тихим коридорам, и Клаус, открыв дверь в комнату, завез мои чемоданы.

— Сейчас темновато. Но не волнуйся, днем здесь много света. Твоя комната выходит на поле для гольфа.

На стене напротив нас окно доставало едва ли не до пола. Я открыла его и вдохнула темного воздуха — все еще влажного, но уже пробуждающего мои легкие первыми свежими касаниями ночи. Звуки заполнили комнату: едва слышный шелест листвы, эхо ломающихся под невидимыми ногами щепок, короткие звуки пения ночной птицы. И звуком воды, шепчущей черному небу.

Мне потребовалась лишь секунда, чтобы выйти на траву.

— Технически, ты не должна использовать его в качестве двери. — Клаус указал на наклейку на стекле, которая говорила, что это не выход. — И я бы держался подальше от поля для гольфа — оно не является собственностью университета. К тому же, стоит закрывать окно на щеколду. Даже когда ты дома.

Дома. Я осмотрела комнату общежития, которой выпало невыполнимое задание — заменить мне дом: в ней было всего несколько предметов мебели, забытых призраками, которые населяли ее каждый год. Приглушающий звуки ковер. Обрушивающийся потолок. Бледный шлакобетонный камень, отчаянно пытающийся создать видимость кирпича, но обреченный на безликие отклики мотеля. Это была самая маленькая комната, которую я только видела.

— Я лишь хотел сказать, что это странно. — Клаус оперся на стул, пока я толкала багаж в угол. — Это удача для тебя, но все равно странно.

— Что именно, что можно дотянуться до всего, находясь посередине комнаты?

— Нет, — он вежливо улыбнулся, и я поняла, насколько избалованной меня выставила моя шутка. — Что они разрешили тебе жить одной.

— Они?

— Администрация приемной комиссии.

Я повернулась к нему. Что знал этот парень? Он проверял меня? Намекая на вещи, которые должны быть давно забыты, и все же скрывались где-то в старых Принстонских файлах, называя меня последним человеком, которого стоило оставлять в одиночестве в кампусе?

Я изучала его лицо в поисках подсказок.

— А почему должны были не разрешить?

— Потому что у большинства первокурсников есть соседи. — Он снова улыбнулся — безучастная улыбка, которая говорила, что он все знал. — Особенно иностранные студенты. Нас селят с Американцами, чтобы облегчить переезд.

— Лучше я буду привыкать сама.

— Это ты сейчас так говоришь, но это место до тебя еще доберется, поверь. Это не большой европейский город, из которого ты приехала, это глушь Нью — Джерси. Поля, леса и заводы. Ты умрешь со скуки.

— Судя по тому, что я слышала о Принстоне, я буду слишком занята, чтобы заботиться о скуке.

— В том то и проблема. Слишком много времени наедине с книгами может свести с ума.

— Не человека, родом из Балкан. Мы уже безумны.

Он долго думал, что сказать еще, боясь пересечь границу, за которой этнические стереотипы переставали быть веселыми. Хотелось сказать ему, что все в порядке, что я всю жизнь жила среди людей, которые в лицо высказывали, что думают, не заботясь о фильтрации. Но я последовала его примеру и оставила свои мысли при себе, пытаюсь представить четыре года *этого*. Коротких бессодержательных бесед с незнакомцами.

— Кстати об мигрантах, в твоём приветственном письме должен быть список.

Наши взгляды сошлись на конверте, который он дал мне чуть ранее. Несложно было догадаться, что будет в том списке: имена других болгар, учащихся в Принстоне. Или закончивших. Вопрос только в том, насколько далеко во времени решила зайти администрация.

Я перебрала стопку бумаг и нашла список в самом конце.

— Тебе стоит гордиться; не многие страны могут с этим сравниться. Один — два болгарина в год — это что-то.

Я просматривала имена, пока он говорил. Около двадцати, каждое с электронным адресом и номером телефона.

Рядом указаны годы учебы, начиная с 1994 (первый болгарин, закончивший Принстон после распада коммунизма). Это и вправду был впечатляющий список. Но Клаус ошибся кое в чем: не каждый год здесь учились болгары. Недостающим годом был 1996.

— На самом деле есть смысл в том, что вас так много. "ДА" — мужчина сказал, что был очень впечатлен болгарями.

— Какой мужчина?

— "ДА" — мужчина. Декан Фред.

Я все еще не имела понятия о ком он говорил.

— Фред Харгадон, глава приемной комиссии Принстона. Говорят, он является создателем неофициального фирменного знака в тех "ДА" письмах.

Это было письмо о приеме, которое я никогда не забуду. Единственное письмо, в котором вместо *"Мы рады сообщить Вам..."* было обычное *"ДА!"*

— Не помню его имени в нем.

— Потому что он ушел в 2003. Тщательно отбирал здесь каждого студента, знал всех по именам. Ходят слухи, что его отставка повергла весь университет в траур.

Это могло быть правдой. Но для меня эта отставка произошла в идеальное время. Если мужчина, который так хорошо помнил имена, остался бы на своей работе еще на четыре года, у моего заявления в Принстон была бы иная судьба.

Когда Клаус наконец ушел, и дверь в холле заперлась за ним, все снова погрузилось в тишину: Форбс был пустынным. На данный момент, я была единственной живой душой во всем доме, вызванная за неделю до предварительной ориентации с несколькими другими иностранными студентами, устроившимися где-то в кампусе.

Я достала набор постельного белья из чемодана и принялась застилать кровать, стараясь не смотреть на содержимое страницы, которая должна была заставить меня гордиться.

— Не бойся позвонить любому из них, они будут более чем счастливы поговорить с тобой, — сказал Клаус об именах в том списке. Но он не знал, что единственного человека, которому я хотела позвонить, не было в списке, кое — кто из выпуска 1996 года, кто был принят, как и все другие, "ДА" — мужчиной в 1992.

Позже тем годом развернулась трагедия на темных холмах этого же кампуса, не оставляя ни рубца, ни следа, каждая деталь была тщательно скрыта в сейфах прошлого. И все же, тайна осталась жить глубоко в тех холмах. Упертая и равнодушная ко времени, она терпеливо ждала, все время зная, что однажды ее вернут к жизни.

ДНИ НАЧАЛИ СЛИВАТЬСЯ один в один с механической, спешной точностью. Распаковать вещи. Обжиться. Открыть телефонный счет. Электронную почту. Банковский счет. Изучить план кафетерия. Запомнить географию кампуса. Запомнить даты праздников. Выучить имена, соотнести их с лицами. Общаться. Находить общий язык. Едва я успевала вычеркнуть один пункт, следом за ним поторапливал другой, словно в движение пришел гигантский механизм, требуя быстрого и четкого попадания каждого зубчика шестеренки на свое место.

Я старалась поспевать за всем этим, за каждой деталью, которая делала это новое место совершенно чуждым. Кивать в знак согласия и махать головой в отрицании — противоположное тому, к чему я привыкла. Ждать зеленого света, чтобы пересечь улицу и напоминать себе при белой вспышке, что важен не цвет, а картинка. И еда, всюду неограниченное количество еды. Легко было наложить чрезмерное количество на тарелку или взять что-то не то и чувствовать потом вину за расход продуктов. Не говоря уже об обманчивой еде, той, которая только выглядела знакомо: фета оказывался тофу, кориандр — петрушкой. Не важно, насколько странным был вкус, не могла же я просто так выплюнуть еду при всех, не так ли?

Но худшим из всего было утро. Какое-то время я просыпалась, уверенная, что слышала голос матери с кухни. Но потом вдруг будильник не принес больше ничего, кроме своего собственного звона, и меня словно озарило, я осознала расстояние от дома, и вместе с этим осознанием пришла паника.

Когда слово "Америка" впервые сорвалось с моих губ прошлым летом, родители

предупредили меня, чтобы я даже не помышляла о ней — без объяснений или намека на то, что их голоса скрывали намного больше, нежели просто страх отправлять единственного ребенка из дома. Мы месяцами спорили. Но обучение за границей стало моей мечтой, и они сдались, как только я пригрозила не подавать заявления в колледж, если они заставят меня остаться в Болгарии.

Той осенью я сдавала экзамены, писала эссе, заполняла формы на финансовую помощь — все мои друзья делали это. Будучи счастливыми, принятыми в самую элитную старшую школу в стране, мы провели годы, изучая английский, учась на английском, заочно окунаясь в английский с первого же мгновения, как ступили в класс. А вместе со всем этим пришла жажда реальности, жажда жизни на притягательном континенте по ту сторону океана, где не только язык, но и все, что мы видели по телевизору и читали в книгах, стало бы нашим — настоящим, осязаемым, естественным, словно дыхание.

И теперь я была здесь. Но ничто не ощущалось естественным, и даже передышка казалась роскошью. В течении недели после моего прибытия в Принстон, я была выжата — из — за нехватки сна, стресса и невероятной скорости событий. Да и когда я уже думала, что хуже стать не может, становилось хуже.

— Теодора Славин, да? Приятно познакомиться, очень приятно. Ты — наша новая звезда фортепиано, которая извергает талант, как пушка — ядра. Не завидую тем, кто стоит на твоём пути.

Пушки были странной темой для добродушного приветствия на музыкальном отделении, да и мужчина, поднявший ее (синий бархатный пиджак, непослушные волосы, обаяние небритого мальчишки, отказывающегося взростеть даже в пятьдесят) не совсем подходил под мое понимание профессора. И тем не менее он знал о моем умении игры на фортепиано и явно видел мой файл, так что я поддержала его метафору.

— Принстон действительно похож на поле боя?

— Да, и не только Принстон. Но не волнуйся, ты узнаешь правила боя из нашего разговора. Моя работа — убедиться, что с каждым выстрелом ты будешь попадать в цель. Твоя работа, — он подмигнул, словно пытаюсь смягчить удар, — противиться желанию делать противоположное моим словам.

Я все еще не могла понять, кем он был, но, к счастью, он протянул руку для рукопожатия.

— Натан Уайли, твой наставник по музыке. Нам называть тебя Теодорой или есть сокращение?

— Просто Теа. Приятно познакомиться. Правда, мне кажется, я записана к профессору Доннелли.

— Правильно. Сильвия — первый человек, к которому ты будешь обращаться по академическим вопросам; она может наставить тебя по учебе лучше кого-либо. Но касательно эстрадных выступлений, мы решили, что тебе понадобится скорее злодей, чем добрая крестная фея. Кстати, а вот и она.

Он помахал женщине, входящей в дверь. Если нимб коротких темных кудрей и красная помада могли вас обмануть на расстоянии, то все остальное в Сильвии Доннелли — ее спокойная походка, любознательный взгляд, неспешно сканирующий толпу, авторитетное излучение в воздухе, пока она ждала, чтобы кто-то из нас заговорил первый — ясно давало понять, что преподавала она дольше Уайли, возможно даже дольше любого другого преподавателя в комнате.

Он представил нас и повернулся к ней.

— Ты вовремя. Я как раз рассказывал Теа, что мы с тобой решили разделить опеку.

— Значит, то, что она не бежит сломя голову к выходу — хороший признак. Могу представить, что еще ты ей сказал. — Настороженность в ее глазах смягчилась, после пристального взгляда на меня. — Скажи мне, милая, как у тебя дела?

Мы начали разговор о перелете из Болгарии и моих первых впечатлениях о жизни в кампусе. Уайли отошел сделать звонок.

— Постарайся не бояться Нейта. У него странное чувство юмора, но достаточно приятное, когда привыкаешь к нему.

— Меня это не волнует.

— Хорошо. Это тот союзник, которого нельзя терять.

— Потому что он мой наставник?

— И поэтому тоже. Но он также декан факультета. А это значит, что он может поспособствовать тебе, поэтому, пока ты...

Остальное я не услышала, вернулся Уайли, и выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Они отложили концерт Падеревского; Моравек болен. Франциску нужно немедленно закрыть окно, и он попросил то же, что и всегда — показ студентов с отделения. Я сказал, что этому не бывать. Меня тошнить от попури.

— Конечно, как и всех остальных. Но концерт уже на этой неделе. Нам никак не удастся найти замену.

— Значит, нам нужно найти альтернативное решение к завтрашнему утру. — Он перевел взгляд на меня, словно только вспомнив о моем существовании там. — Хотя, думаю, я только что это сделал. Что, если мы проведем шокирующее открытие сезона? Скажем, просто показав одного из наших новых студентов?

Я понятия не имела, как реагировать. Неужели он имел в виду меня? Я видела упоминание в какой-то рекламке о Принстонском памятном концерте Падеревского — ежегодное мероприятие в честь польского пианиста и политика. Концерт того года, в исполнении известного чешского пианиста Моравека, должен был состояться в пятницу, и я планировала сходить на него. Теперь же Уайли считал, что я должна быть на сцене.

Доннелли понадобилось несколько секунд, чтобы отреагировать.

— Ты ведь несерьезно, да?

— А почему нет? Мы можем позволить себе рискнуть хотя бы раз.

— Это не риск, Нейт. Это безумие. Теа — первокурсница; мы не можем ставить ее на сольные концерты, пока.

— Первокурсница, которая на бумагах выглядит лучше многих наших старшекурсников вместе взятых. Да и ты слышала ее демо; знаешь, что она умеет.

"Демо" — это запись, которую я приложила к заявлению о поступлении; оно никогда не должно было покинуть приемную комиссию. Тренировка, чтобы записать его, заняла у меня месяцы, и теперь они ожидали такого же исполнения менее чем через неделю. Нереально. *Сольный концерт в Принстоне.* Это невероятная возможность, шанс, о котором я и не мечтала. Но он также мог обернуться огромным фиаско. Кого волнует, как я выгляжу на бумагах? Пока что, все в Америке оказывалось более сложным, чем я представляла. Даже мой английский с безупречным произношением уже безжалостно меня подводил. На протяжении лет я забивала свой мозг правилами грамматики, идиомами, латинскими по

происхождению словами; я читала в оригинале Шекспира и получила по АОТ¹ балл выше, нежели того требует средний проходной балл в Принстон. Но в общении с носителями языка не было ничего общего со сложностями лингвистики. Я ощущала себя зрителем на чемпионате настольного тенниса, которого заставили глотать мячи для пинг — понга.

Но, Уайли не сдавался.

— Ну же, Сильвия, подумай об этом. Все любят молодые таланты, людям определенно будет любопытно. По факту, чем она моложе, тем лучше. К тому же, мы оставим славянскую тему вечера, что значит меньше возвращенных билетов.

Она едва заметно кивнула. Теперь они оба смотрели на меня.

— Я ведь обещала найти тебе место на выступлениях, не так ли? — И вот она снова шутила. — Мы перешли к делу намного быстрее обычного, но кто не рискует. Так что, мы в деле?

В деле? У меня голова кружилась от страха, и я могла пробормотать лишь благодарности за то, что они рассматривали мою кандидатуру.

— Мы не *рассматриваем* — пятница твоя, если ты хочешь этого. От тебя требуется лишь да или нет. Но ответить нужно сейчас.

— Я не притрагивалась к фортепиано с отъезда из Болгарии.

— У тебя четыре дня, а занятия еще даже не начались. С твоей техникой будет не тяжело вернуться в форму.

Мы ведь обсуждали не поездку на велосипедах вокруг квартала.

— Профессор Уайли, я никогда не играла целый концерт в подобном месте, как это.

— Конечно нет, никто на это не рассчитывает. Что-то еще?

Я уставилась на него. Чего еще он от меня ожидал?

— Тогда прекрасно, договорились! У тебя будет куча времени на сомнения позже. — Он повернулся к Доннелли, словно я снова перестала существовать. — Отредактированные объявления уйдут в прессу сегодня вечером. Дадим завтра зеленый свет билетным кассам.

— А программа?

— А что с ней?

— Учитывая время, думаю, нам стоит позволить Теа самой выбирать ее.

Он принял решение незамедлительно, как, казалось, и всегда.

— Хорошо, вперед.

Все еще шокированная, я попросила разрешение играть только Шопена.

Уайли не был воодушевлен этим.

— Я понимаю, правда — «Чехов для клавиатуры» и тому подобное. Продемонстрируй нам силу, а не фестиваль плача.

Доннелли пришла мне на выручку.

— Позволь ей сделать это, Нейт. Мне нравится эта идея — музыка одного восточного европейца в исполнении другого, оба добровольно эмигрировали на запад.

Они немного поспорили, взвешивая все за и против вечера, полностью посвященному Шопену, но потом Уайли разрешил мне выступать, как я хотела. Так мы и решили. Хотела я того или нет, пятница была моей, и пути назад не было.

К ПОЛУДНЮ ФЛАЕРА БЫЛИ по всему кампусу, ярко белые на фоне цветного коллажа на досках объявлений. Лишь с близкого расстояния можно было разобрать тонкую границу из черно — оранжевого знака Принстона, окружающую дату — 14 сентября 2007 — и два

имени рядом друг с другом, словно волшебная опечатка связала меня с одним из самых одаренных людей, когда-либо касавшихся фортепиано:

ТЕОДОРА СЛАВИН ИГРАЕТ ШОПЕНА

Я обожала его музыку. До него было много композиторов: мягкая многогранность Баха, развязная орнаментика Моцарта, оглушительная гениальность Бетховена, поставившего всю Европу на колени. Но только Шопен мог раскрыть все грани фортепиано и создать необыкновенный звук. Его считают претенциозно тривиальным. Громкая игра — оскорбительна. Он, щедушный мужчина с бархатным туше², посвятил свою жизнь единственному инструменту. И результат оказался феноменальным.

— *Все, что я теперь слышу, кажется настолько незначительным, что я предпочел бы вовсе этого не слышать,* — написал знаменитый пианист, услышав живую игру Шопена. — *Это не выразить словами. Мои чувства меня покинули.*

Доннелли, конечно, тут же догадался, почему я хотела играть Шопена и как в его "добровольной миграции на запад" — переезде из родной Польши в двадцать один год ради того, чтобы бросить вызов музыкальным салонам Парижа — я увидела собственную судьбу. Теперь, так называемое окно возможностей открылось для меня. И заморский мир ждал с нетерпением. Мир, готовый подвергнуться чарам, но безжалостный к поражениям.

В Форбсе я стала знаменитостью всего за ночь. Увидев флайера, все внезапно узнали мое имя и то, что я была родом из малоизвестной европейской страны.

— Ты нанесла Балканы на карту, — сказал мне какой-то парень за завтраком, пытаюсь сделать комплимент, но не ожидая, что с таким же успехом это могло стать оскорблением.

— Спасибо. Хотя моя страна была на карте уже тринадцать столетий.

— Да? Круто! — Он усмехнулся из — под бейсболки. — Что там было раньше, замки вампиров?

— Нет, это в Румынии. Все еще Балканы, но севернее.

— Как скажешь. Кстати, я тоже немного севернее тебя. Комната 208. — Мой отсутствующий взгляд вызвал у него еще более широкую улыбку. — В случае, если ты, ну знаешь, захочешь крови или еще чего-нибудь. Лишь крикни. Или просто приходи.

Обычно, я бы показала ему, как Балканские вампиры реагируют на небрежные приглашения на свидание. Но тем утром мне было все равно. Я была вымотана, совершенно не спала. Мой мозг был изнурен от попыток предсказать все катастрофы, ждущие меня на концерте — словно что-то могло предупредить меня о том, что действительно произойдет, о том, что фортепиано не будет моим единственным волнением в пятничный вечер.

Чтобы "вернуться в лучшую форму" вовремя, я отправилась в один из репетиционных залов в Вулворте, Принстонском музыкальном отделении, и выходила оттуда лишь для сна и еды. Игра часы напролет была моей второй натурой — с пяти лет я только этим и занималась. Мои родители не были музыкантами. Они даже не пытались прикоснуться к инструменту. *Как тогда это произошло?* Этот вопрос завораживал людей, словно существовала секретная формула, которую они могли применить к своим детям. *Как она, будучи такой маленькой, настолько сильно увлеклась этим?*

Я много раз слышала ответ на эти вопросы и насытила его красками, настаивая, что это детское воспоминание ясно отпечаталось в моей голове. По правде говоря, я лишь могла мечтать об этом. Когда родители из раза в раз повторяют ту или иную историю,

воображение дополняет ее деталями до тех пор, когда уже становится нереально сказать, где заканчиваются факты и начинается выдумка. Но в одном соглашаются все: в нашем доме было фортепиано. Фортепиано, которое молчало многие годы.

Предположительно, прадедушка принес его со свалки. Дантист со страстью "воскрешать вещи" (находить брошенное барахло и приспособливать его для домашнего использования), он увидел в брошенном фортепиано вершину вызова, шанс показать свои плотничьи навыки — ну или так гласит история, — доказать миру и себе, что даже сломанная резонансная дека не могла уничтожить фортепиано. Именно резонансная дека, сердце фортепиано, рождала вибрацию струн ударами своих молоточков, усиливая её, и выводила звук наружу, как диафрагма динамика проецирует электрический сигнал, достигающий ушей. На протяжении недель наш дом наполняли звуки плотницких работ. Когда последняя щель в дереве канадской сосны была исправлена, настройщик проверил двести с лишним струн и подтвердил, что их тональность была идеальной, снова. Таким образом, прадедушка победил: фортепиано было воскрешено. К сожалению, никто в доме не умел играть. Но, видимо, он понял, что кому-то в еще не появившейся ветви на семейном дереве было суждено рано или поздно оживить его.

И это произошло. Я нашла фортепиано незадолго после моего пятого дня рождения в закрытой комнате ниже по коридору. Однажды поздней ночью я услышала там чей-то плач. Будучи слишком напуганной, чтобы вылезти из кровати, я ждала, пока плач прекратится. Что и произошло — сразу перед тем, как мама пришла поправить мое одеяло, пока я притворялась спящей.

Шли минуты. Кто мог быть в той комнате? Я часто гадала, что было там внутри. Проход в тайный сад? Скрытое сокровище? Или комната была заполнена призраками? Я кружилась в постели, отчаянно желая выяснить правду, но боясь темноты и всего, что меня ждало в ней.

— У страха ноги короткие, он далеко не зайдет, — сказал однажды мне отец. — Тебе лишь нужно подойти к нему, взять под локоть и посмотреть прямо в глаза. Так ты заставишь его исчезнуть.

И я прислушалась к его совету. Вскочила с кровати и вышла в коридор. Луч света виднелся из загадочной комнаты — кто-то оставил дверь приоткрытой. Я толкнула ее и заглянула внутрь — там никого не было, лишь луна подглядывала в окно. Справа от меня, у стены, выстроились три деревянных ларца, заглушенные скобообразными замками. Слева ждало фортепиано. Я подошла ближе и нажала на несколько клавиш.

— Что ты тут делаешь, Теа?

Мама увела меня раньше, чем я успела сказать, что еще не закончила, что я хотела поиграть еще. В моей комнате она заставила меня пообещать никогда — никогда! — не входить в ту комнату без разрешения.

И на этом эпизоде воспоминания начинают отличаться. Я снова оказалась возле фортепиано, только как? Замок сдал после долгих лет? Отец был убежден, что я пролезла в одно из окон, но я не помнила ни окон, ни дверей. В моем воспоминании я просто нахожусь там и нажимаю клавиши — которые нравились мне больше всего — пока из — под моих пальцев не рождается мелодия. Мелодия, заставляющая меня чувствовать себя тепло и безопасно, словно я лежала под одеялом, засыпала.

— Хорошо, я сдаюсь. Так как я не хочу, чтобы ты занималась этим у меня за спиной, с этого дня тебе разрешено играть. Но под одним условием. — У моей мамы всегда были условия, для всего. — Если начнешь, бросать не вариант.

И таким образом дверь закрылась еще раз, а фортепиано заняло свое место в гостиной и никогда его больше не покинуло. История, конечно, видоизменялась для незнакомцев. Не упоминался плач, который я слышала той ночью, ни второе условие, поставленное мне матерью: не играть больше ту мелодию. Остальная часть была короткой и милой. *Наша девочка и фортепиано нашли друг друга*. Но, что насчет запертой комнаты? Что было в ней? *Ох, знаете, опасные вещи. Все, что нужно было убрать, когда мы делали дом безопасным для детей*. Это утоляло любопытство. Моим родителям говорили, что им посчастливилось иметь меня, и беседа продолжалась, изжив свое короткое отступление.

В последующие годы я держала обещание и не бросала игру. Занятия начались незамедлительно и прежде, чем я научилась читать алфавит, я уже умела читать ноты. Сначала игра перед кем-то меня ужасала; потом я привыкла к адреналину и даже начала наслаждаться им. Но было кое-что, что я искренне любила — играть для родителей. Заставлять их гордиться. Видеть на их лицах то, что ранее бывало там редко — улыбки. Однажды я услышала, как сосед называл их "сломленными людьми". Я не знала, что это значит, но меня заботило то, что другие родители казались моложе, энергичнее, счастливее. Я никогда не говорила об этом и не смела задавать вопросы. Вместо этого, я надеялась, что, что бы не нанесло этот вред, будет вычеркнуто моей музыкой по мере улучшения моих навыков. Так что я продолжала играть — упорно, ежедневно, пока мои кисти не начинали ныть, затем болеть, а после и вовсе неметь от долгих часов практики.

— Это откроет для тебя двери, — говорил мне отец, постукивая по фортепиано, словно оно само было дверью. Тем временем, единственная дверь, которую я хотела открыть, была дверь в наш дом, по другую сторону от которой мои ровесники играли в игры, вместо сонат. У меня появилось чувство, что меня загнали в ловушку, приковали к клавишам. И когда мои друзья делали то, частью чего я быть не могла, игра на фортепиано становилась эквивалентом наказания.

— Ты неугомная, вечно ищешь ответы. Но не все дети могут понять музыку, — предупреждал меня преподаватель по фортепиано, будучи единственным, кто сумел почувствовать что-то неладное. — Так что не ожидай мгновенной любви к ней. Пока улучшай свою технику. Укроти клавиши, присвой пальцам врожденное чутье. Однажды, ты начнешь слышать музыку. Действительно слышать. Затем и вселенная услышит ее.

Услышит? Каждая пьеса сотни раз жаждала быть услышанной, возможно даже тысячи, пока их звуки не начинали преследовать меня во сне. Тогда я с ним не спорила, но теперь жалею, что не задавала вопросы — об этом неуловимом возрасте, когда ты перестаешь быть ребенком и становишься достойным космического уха. Восемнадцать лет подходит? Надеюсь. Потому что за считанные дни до моего первого концерта в Америке я боялась узнать, что произойдет, если вселенная решит послушать до того, как я буду готова.

В ПЯТНИЦУ ДНЕМ Я ЗАКРЫЛА последнюю партитуру, чувствуя себя необычай- спокойно, будто старый друг пообещал мне, что придет на концерт.

— Только ты и я, чудак, — прошептала я изображению Шопена на обложке и ушла готовиться.

Александр Холл был одним из самых массивных зданий в Принстоне. Возвышаясь над всей лужайкой, коричневый монолит оставался невозмутимым, наблюдая за кампусом своим циклопым взглядом в виде круглого окна. Концертный зал в его стенах был просто изумительным. Массивные каменные арки мелькали по всему бельэтажу, опускаясь к

сиденьям с тяжестью Романского собора.

После такого количества концертов и конкурсов я знала, что страх перед сценой был нормальным явлением, был частью сущности музыканта. Даже Шопен, бесспорный гений, боялся давать концерты, избегая их, когда это было возможно.

«Толпа внушает мне страх, ее дыхание душит, меня парализует ее любопытный взгляд и незнакомые лица, лишаящие дара речи», — написал он однажды, и я точно знала, что это значит. Хватало лишь одного взгляда на огромный зал, на потоки спешащих на свои места людей, и начинались сомнения. *Что, если я сломаюсь под давлением? Если Уайли ошибся с риском?* Ко всему прочему существовали случайности. Споткнуться за подол длинного платья на сцене. Мышечный спазм во время игры. Зуд. Кашель. Чихание...

Эстрадный координатор положил конец моему самобичеванию.

— Пора.

Я вышла под аплодисменты. На сцене стояло большое фортепиано — черное, блестящее, ожидающее. Все затихло, когда я села, поправив табурет. На протяжении последующих двух часов эти люди получают мою музыку в обмен на короткое приветствие. За признание того, что меня тут ждали из — за моего таланта. Я принадлежала этому месту.

Началась прелюдия — завораживающая и богатая, набирающая скорость, льющаяся из безустанных восьмерок и только лишь тридцать вторая нота из десятков. Я старалась думать только о музыке, а не об измерениях звуков, которые рождали из этого инструмента, на этой же сцене, чужие руки. Вся хитрость заключалась в том, чтобы не позволить глазам увидеть ряды, на которых сотни других глаз возвращали тебе свой осуждающий взгляд; по крайней мере, этого нельзя было делать во время игры. Поэтому я приковала свои глаза к знакомым черным и белым полоскам, бегая пальцами по клавишам. Вскоре самая тяжелая часть закончилась. Я решила завершить ее тремя ноктюрнами, и мой любимый — задевающий за живое си — бемоль минор — был оставлен напоследок, перед антрактом. Я могла сыграть его с закрытыми глазами.

В мгновение тишины перед этим последним ноктюрном я увидела его впервые. Высокий парень, возможно моего возраста, поразительно красив даже на расстоянии, стоял под светом знака выхода. Он вошел в ближайшую к сцене дверь и остался там; руки сложены на груди, весь погружен в темноту кроме глаз — крошечных озер отраженного света, отказывающихся отпустить меня.

Мои пальцы опустились на клавиши и растворились в музыке, в ее темной кручине. Мне нужно было сконцентрироваться на фортепиано, и я не могла на него больше смотреть. Но каждый нерв в моем теле чувствовал его присутствие, его взгляд — единственного стоящего в холле человека — словно он хотел, чтобы я его заметила. Знала, что он там. И сыграла последний ноктюрн только для него.

Сыграв последние ноты, я подняла взгляд, глядя на ту дверь.

Он ушел.

Звук аплодисментов был далекий, приглушенный, словно ему приходилось пробиваться сквозь стены сна. Кем был этот парень? Он не только опоздал, он даже не позаботился остаться до конца пьесы, будто пришел не ради музыки, а чтобы не пропал билет. Чего вообще меня это беспокоило? Дерзость опоздавших не была для меня чем-то новым. Они считали себя вправе врываться, беспокоить других, требовать свои места, спорить с билетерами и даже вызывать ужасную "волну" (поднимая весь ряд, чтобы их пропустили) только потому, что они заплатили за те билеты. Это неизбежно все портило. Настроение.

Магию. Поток музыки. И все же, в этот раз не было ни малейшего волнения. Он тихо вошел, и никто даже не обернулся. Его ничто не выдавало, за исключением глаз и темного силуэта. Могло ли это быть изменением, которое мне обещал мой преподаватель игры на фортепиано, тем абстрактным ухом вселенной? Вселенная, представленная единственным человеком. Незнакомцем, затмившим все остальное...

Антракт пронесся мимолетно, сопровождаясь поспешными пожеланиями удачи на остаток концерта от моих менторов. Когда я вернулась на сцену, зал уже ждал. Но у двери никого не было. И в проходе. И никого, похожего на него, на ближайших сиденьях.

Вторую часть концерта составляли только этюды — в основном из Опуса 10, сочинения, посвященного Шопеном своему главному конкуренту Ференцу Листу. Поражающие своим великолепием единицы мягко перетекали в мечтательные тройки и переходили к более темным, навязчивым девяткам. Затем последовал Опус 25 — звуковое наводнение, шторм поверх шторма. Публика сходила с ума, дав мне возможность сбегать за кулисы, сделать глоток воды. Когда я вернулась, аплодисменты продолжились, но дверь слева от меня оставалась запертой. Остались секунды до прекращения оваций. Секунды, до последнего этюда.

Я села за фортепиано. Сделала вдох. Посмотрела на дверь. Подняла пальцы и опустила их на клавиши. Еще один вдох. Закрытая дверь. Медленно я опустила правую руку на неуверенные нотки самого поразительного, самого интимного из всех этюдов — Новый этюд в фа — минор, 1839 года. Прозвучали лишь первые ноты, когда в зал вошёл тёмный силуэт, словно он ждал снаружи начала мелодии. И снова он остался у двери, в тени, безликий, не сводя с меня взгляда в ожидании звуков.

Понятия не имела, кем он был и почему его присутствие так влияло на меня. Но в одном я была совершенно уверена — он не был простым опоздавшим. Уже дважды его появление было четко вымерено, намеренно. Словно он увидел программу, узнал наиболее значащие для меня пьесы в каждой части концерта и решил послушать лишь их и ничего более.

Проигрывая этюд, я думала о всей этой толпе после игры на бис: все поспешат домой, а этот вечер превратится лишь в воспоминание. Каковы шансы, что я наткнусь на него? Что незнакомец, который не показал даже своего лица, решит остаться и встретиться со мной?

И все же, я не хотела, чтобы он уходил. Перед последней нотой, когда я подняла взгляд от фортепиано, я увидела, как он подошел к сцене и оставил в ее углу одинокий белый цветок.

Затем он вышел за дверь и исчез.

— ЭТО СТРАННО. ПАРНИ ЗДЕСЬ не делают подобных вещей.

Девушка, решившая провести для меня блиц — курс об американских свиданиях, как раз выполняла свою работу. Ее звали Рита и она была моим УС (сокращение от "университетского советника", третьекурсница, живущая в Форбсе и ответственная за меня и еще девятерых первокурсников). Чтобы создать командный дух, она привела всех на мой концерт. И сейчас, направляясь к общежитию, она копалась в единственной на данный момент сплетне, связанной со мной — розе на длинном стебле.

— То есть, парень может всячески стараться подарить тебе цветок, если уже встречается с тобой, ну или на день рождение. Но скрываться у двери и следить за тобой таким образом — ни за что.

Я обернулась назад. Вдали круглое окно концертного холла излучало слабый голубой

свет, бодрствуя последние несколько минут, прежде чем все здание будет закрыто на ночь. Два арочных выхода все еще освещали лужайку. Но там никого не было, двери уже были заперты.

— И как ты не увидела его лицо?

— Все, кроме сцены, было темное. Так всегда.

— Не знаю, звучит жутко. Кажется, у тебя есть преследователь, Тэш!

Она придумала для меня это ласковое прозвище на Венгерский манер. Ее семья переехала из Будапешта в Нью-Йорк, когда ей было всего пять, что значит достаточно долгую жизнь в штатах, чтобы стать УС, которыми обычно становились Американцы. Как она выразилась: *"только те, кто знает, как решить чужие проблемы"*. И теперь, видимо, она собиралась решить мою.

— Слушай, давай не будем накручивать. У меня нет никакого преследователя. Он пришел, чтобы послушать Шопена, а не из — за меня.

— Цветок тоже был для Шопена, а не для тебя? — Она улыбнулась, добавляя себе ещё одну словесную победу. — Тэш, не в обиду твоему мертвому композитору, но, насколько я знаю, мужчины сейчас думают не ушами. Да даже не мозгами, раз уж на то пошло.

— Конечно. Возле тебя мужчины, наверно, вообще теряют способность мыслить.

Она проигнорировала мой комментарий, но я была права — с ее стройной фигурой, длинными темными волосами и глазами цвета темного шоколада место Риты было на подиуме. Рядом с ней я была бледной поганкой: светлые волосы, бледная и вечно слезящиеся глаза.

— Давай проясним: из — за меня прохожие ломают шеи, а тебя замечают лишь из — за фортепиано? — Ее смех отдался эхом, отражаясь от стен самой знаменитой арки Принстона, Блэр, где я однажды попала на выступление группы а капелла и на полчаса забыла обо всем на свете. — Если бы я знала тебя хуже, подумала бы, что ты лицемеришь. Когда ты последний раз смотрелась в зеркало?

Я никогда не волновалась особо о своем внешнем виде — до моей первой недели в Принстоне. *Ты так разодета, у тебя день рождение?* Я так часто это слышала, что начала менять по пять нарядов, прежде чем, наконец, выйти за пределы комнаты утром. "Разодета" включало в себя все, что не входило в повседневную форму Американцев — джинсы, футболки и кроссовки. В моем случае это значило "все черное" — вид, который с натяжкой посчитался бы повседневным в Болгарии, где девушки носили высокие шпильки и мини — юбки даже в супермаркет.

— Тэш, серьезно. Знаю, у тебя голова забита фортепиано, но попробуй хотя бы время от времени выходить со своей скорлупы. Ходи на вечеринки, пей, расслабляйся — что — угодно. Все о тебе спрашивают.

— Кто все?

— Ребята из компании советников; не говори, что не заметила. Они краснеют, как школьницы, когда ты появляешься, такая притягательная с иностранным акцентом в облегающем черном наряде. Вообще-то, это весело. Они прозвали тебя "Три Б" — Безбашенная Болгарская Бомба.

— *Безбашенная...* надеюсь это что-то хорошее?

— Ты шутишь? Это значит, что у тебя есть все: внешность, поведение, сексуальность. Вот. — Она остановилась и повернула меня, указывая на мое отражение в одном из окон спортзала Диллон. — Потрясающее лицо, ноги до ушей, сиськи, за которые любая девушка

убьет, и эти полные губы — я бы тоже бросала цветы на сцену, если бы была парнем.

— Вау, спасибо... — Я улыбнулась, стараясь не прозвучать смущенно. — Приятно слышать такое от девушки, хотя бы раз. С парнями никогда не знаешь, какие у них мысли.

— Не думаю, что невинные. Но теперь, с твоим новым поклонником у них нет шанса. Если я правильно чувствую, планка сегодня выросла? — Она так просто не забудет о последней сплетне. — Посмотрим... Он должен быть эксцентричным. Загадочным. Бонусом станет увлечение музыкой девятнадцатого столетия. Оу, и ни в коем случае он не должен открывать своего лица — только одно это его дисквалифицирует еще до того, как он заговорит!

— Вот только я сомневаюсь, что увижу его когда-либо снова, Рита. Я даже имени его не знаю.

— Но он знает твое, а Принстон меньше, чем ты думаешь. — Она сорвала один лепесток с цветка. — Забудь о том, что я сказала ранее, скорее всего он совершенно нормальный. Если же он снова решит появиться при странных обстоятельствах, я хочу об этом знать.

— Говоришь, как моя мама.

— Предпочитаю звание *компаньонки*, спасибо.

Мы обе засмеялись. Я уже собиралась пообещать докладывать о всех загадочных цветах и странных появлениях, когда кто-то позвал Риту по имени, и нас окружила группка ребят. Мы, наконец, дошли до Форбса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Зал живой глины

ДО НАЧАЛА ЗАНЯТИЙ оставались только одни выходные, поэтому главной целью было выжать из них как можно больше: познакомиться с одними и поздороваться с другими, пообщаться за обедом, веселиться всю ночь, а затем вернуться домой со списком новых друзей. И не простых друзей. Старшекурсников, а лучше спортсменов, которые смогут выделить тебя из толпы новеньких и ввести в свой круг избранных, что в свою очередь будет означать допуск на вечеринки после игр, официальные мероприятия и другие тусовки, доступные только тем, кто достаточно популярен.

Это, как оказалось, целая наука. Чтобы максимально продуктивно провести свое время, самым мудрым решением было передвигаться группами, избегая встреч один на один, и не витать в облаках. Имена раскидывались, как конфетти. Знакомства были быстрыми. Разговоры прекращались резко, едва успев начаться.

— Приятно познакомиться. Думаю, еще пересечемся?

— Да, конечно.

— Круто.

— Пока.

Я отступила от правил только однажды, чтобы поболтать на вечеринке с русской девушкой в надежде, что мы могли бы подружиться, поскольку у нас было так много общего. Но она быстро извинилась, сказав, что такое общение — только мы вдвоем — не в ее интересах.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы застрянем в нашем восточно — европейском пузыре вместо того, чтобы общаться с американцами и становиться более похожими на них. Ведь мы здесь именно для этого, правильно?

Правильно. За исключением того, что я не видела необходимости становиться кем-то еще и хотела проводить время с интересными мне людьми — неважно, американцами или нет.

К сожалению, поблизости не было единственного человека, с которым я до смерти желала встретиться. Он внезапно ворвался в мою жизнь и покинул ее, не сказав ни слова, и его цветок теперь был единственным (и быстро вянущим) доказательством того, что он существовал на самом деле. Учítывая, что в Принстоне больше семи тысяч учащихся, шансы случайно с ним столкнуться были ничтожны. И все же, куда бы я ни пошла, часть меня предвкушала его появление.

Концерт прошел успешно, и Доннелли пригласила меня в воскресенье на ланч, чтобы отпраздновать рецензию, которая должна была появиться в номере «*Вестника Принстона*» в понедельник. Доверенный источник, как оказалось, дал ей ознакомиться с предварительным вариантом.

— Послушай только. — Она открыла желтую папку еще до того, как мы отправились в ресторан. «*Иностранные таланты — это всегда глоток свежего воздуха, но в прошлую пятницу студентка из Болгарии стала для всех просто кислородным баллоном*». Звучит так, будто это сказал Нэйт. На самом деле, я бы не удивилась, если бы это написал один из его многочисленных фанатов.

— У профессора Уайли есть фанаты?

— Он тот еще рок — звезда. Ты не знала?

Я закачала головой, пристыженная тем, что так и не нашла времени почитать в сети о своем наставнике.

— Ты должна послушать его игру на электрогитаре, это расширит границы того, что ты когда-либо слышала о музыке. Естественно, студенты обожают его. И тебе крупно повезло, что он решил взять тебя к себе.

Я была того же мнения. Концерт был тому доказательством. Но еще он доказывал, что Уайли видел во мне своего нового любимчика, и мне было страшно от того, как далеко он готов зайти в «поиске концертов» для меня. Или что произойдет, если в один прекрасный день он поймет, что переоценил меня.

Я сказала Доннелли, что благодарна им обоим.

— Не за что. Но это была просто разминка, дорогая. Настоящим испытанием станет Нью-Йорк. Нэйт уже дергает за ниточки, чтобы ты оказалась там, хотя это далеко не слэм-данк. — Мое озадаченное лицо заставило ее рассмеяться. — Это значит «дело верное». Не фанат баскетбола, верно?

— Я не очень дружу со спортом.

— Что ж, здесь будет по-другому. Тут все увлекаются спортом. Кроме того, тебя и наших спортсменов объединяет одна общая черта: ты можешь не волноваться об оценках. На первом месте фортепиано, в университете относятся к этому с пониманием.

— С пониманием... то есть будет меньше занятий?

— Нет, скорее в виде более гибкого учебного плана. Есть более легкие курсы, единственная цель которых дать студентам вроде тебя передохнуть: физика для поэтов, горные породы для качков. Они должны дотянуть тебя до требуемого научного уровня, если только ты не ненавидишь геологию.

Мне хотелось спросить, что значит «студентам вроде меня», ведь я не была качком, но мы уже подошли к ресторану. Место оказалось куда более дорогим, чем я ожидала. Его стеклянные стены выходили прямо на тротуарное патио улицы Нассау — главную торговую и ресторанный артерию, которая отделяла северную часть кампуса от Принстонского городка. И снова я пожалела о том, что не провела хотя бы малейшего интернет — исследования. Когда в своем письме Доннелли упомянула ланч в гриль — баре «Синяя Точка», я была сбита с толку названием, не зная, что в Америке слово *гриль* означает высококлассную атмосферу и тридцатидолларовые закуски. Она, конечно, чувствовала себя комфортно в коричневом брючном костюме с коралловой брошью, приколотой к лацкану, тогда как я, насупившись, надеялась, что мои черные джинсы и водолазка смогут сойти за стильный университетский наряд.

— Миссис Доннелли! Мы начали беспокоиться, что на этой неделе вы о нас забыли.

Официант показал нам наш столик и, пока эти двое обменивались любезностями, я пыталась разобраться в меню. Это были дебри из блюд с морепродуктами, в которых упоминалось не меньше десятка видов рыб, о которых я раньше даже не слышала. Когда Доннелли заказала сибаса, я тоже изъявила желание его попробовать.

Официант усмехнулся, глядя на меня.

— Могу я заинтересовать вас нашими замечательными аппетайзерами?

— Прошу прощения?

Доннелли почувствовала, что мне нужна помощь.

— Хочешь суп или салат, дорогая?

— Нет, горячего будет вполне достаточно, спасибо.

Видимо, чтобы перестать упражняться в смущении за обедом, мне понадобится еще немало походов в ресторан в Америке. К счастью, Доннелли, похоже, ничего не заметила. Ей нравилось место, которое она называла «еженедельной слабостью», но мне было трудно поверить, что она может позволить себе ходить сюда так уж часто. Дома моя семья ходила в дорогие рестораны только по особым случаям — два, может быть, три раза в год. Многие другие семьи могли позволить себе это еще реже.

— Итак, на чем мы остановились? — Она развернула салфетку и положила себе на колени — еще один американский обычай. — Ах, да, занятия и оценки. Основная задача — набрать не меньше среднего общего балла. Не обязательно самый высокий, главное не меньше среднего.

— Мне нужно больше, чем средний балл, чтобы продолжать получать материальную помощь.

— Это последнее, о чем тебе стоит волноваться, особенно с такими отзывами, как тот, что ты получила. С другой стороны, есть небольшая проблема с твоей работой по кампусу. Я слышала, они назначили тебя в обеденный зал на две ночи в неделю?

— Я не боюсь работы.

— Вопрос не в этом. Есть определенное количество часов в сутках, и ты не можешь заниматься мытьем посуды, в то время как могла бы практиковаться в игре на фортепиано. Ты с кем-нибудь об этом говорила?

— В письме о назначении пособия говорилось, что это обязательно для всех, без исключений.

Она нахмурила брови, сняла жакет и закатала рукава бежевой блузки, как будто готовясь к сражению с едой, которая еще даже не была подана.

— Во-первых, не для *всех* — только для тех, кто не может платить самостоятельно. А во — вторых, всегда есть исключения. В любом случае, вся эта затея абсурдна.

— Почему? — Я не видела ничего абсурдного в зарабатывании карманных денег, особенно если они нужны.

— Потому что у кое-кого был прекрасный замысел, который перевернули с ног на голову. Думаешь, с той кучей денег, которую они дают тебе каждый год, одна или две тысячи сыграют роль?

— Возможно, нет.

— Абсолютно точно нет. Суть не в деньгах. Главное — это трудом научить смирению там, где книги этого сделать не могут, по крайней мере, это то, о чем мы трубим во всех наших буклетах. Но я не понимаю, как мы этого добьемся, если дети, которые учатся благодаря финансовой помощи, подают еду своим более обеспеченным сокурсникам. В любом случае, занятия будут более полезны.

Для меня это была новая точка зрения. Я всегда принимала как должное, что в Принстоне будут богатые студенты, и что я им не ровня. По крайней мере, по уровню благосостояния.

— Как бы то ни было, я посмотрю, что можно сделать. К сожалению, семестр уже начался и Офис финансовой помощи, возможно, не пойдет мне навстречу. Но не позднее, чем к весне, мы должны это исправить. — Она говорила так уверенно, что мне стало интересно, было ли что-нибудь, что она не могла исправить, приложив к этому все усилия. — Как тебе сибас?

Еду только-только принесли, и я пробовала первый кусочек.

— Вкусно, напоминает то, как готовит моя мама. За исключением аромата, который я не могу разобрать. Это точно не тимьян.

— Это розмарин. — Она наслаждалась блюдом, закрыв глаза от удовольствия. — У меня дома есть сад, и единственная трава, которую я люблю использовать только свежей, это розмарин.

Розмарин. Или тимьян. У всех нас есть растение, которое напоминает о доме.

— Теперь давай обсудим занятия. Нам нужно кое-что переставить. — Она достала из сумки расписание, и красная ручка начала порхать по странице, обводя несколько ячеек. — Эти занятия по литературе тебе не нужны. Они читают по книге в неделю, и это съест слишком много твоего времени. — Быстрое "X" на трех ячейках избавило меня от избыточного чтения. — Нужно оставить композицию, но одного занятия музыкой недостаточно. Я бы сказала, два, или даже три, чтобы как можно скорее улучшить твое резюме. Это также означает, что древнегреческое искусство или базовый французский нужно вычеркнуть.

Кончик ручки замер над расписанием понедельника, готовый вычеркнуть одно из

занятий, как только я сделаю свой выбор.

— Профессор Доннелли, я не уверена насчет обмена.

Она пожала плечами.

— Без обмена не обойтись. Тебе будут полезнее языки, чем история искусств. Но у тебя уже есть болгарский и... какой у тебя второй язык? Русский, верно? Так что, если хочешь оставить вместо него искусство, то пожалуйста.

— Я имела в виду обмен этих предметов на музыку.

Ручка упала на стол.

— Не уверена, что понимаю.

— Есть и другие предметы, которые я хотела бы изучать.

— Изучать это хорошо. Но я не могу позволить тебе подвергать риску фортепиано.

— Как это может подвергать его риску?

— Легко. Музыка не терпит, чтобы ею пренебрегали — или ты бросаешь все для нее, или она бросает тебя. Поэтому бесконечное перебирание гуманитарных предметов может быть и полезно кому-то, но у тебя все по-другому.

Мне нравилось, что для меня всегда что-то было по-другому. Но не такое «другое» имела в виду Доннелли. Останься я в Болгарии, и все мое будущее было бы передо мной как на ладони: конкурсы и концерты на протяжении всех старших классов, затем поступление в Национальную Академию Музыки, еще больше конкурсов и концертов, и так до бесконечности. Это было бы прекрасное будущее для человека, который любит музыку (а я люблю). Но я приехала в Америку выбрать свое собственное будущее. И в этом случае одного фортепиано мне было недостаточно, я хотела попробовать все. Все, чего я быть лишена всю свою жизнь.

Я попыталась объяснить это Доннелли, но она меня перебила.

— Теа, я все прекрасно понимаю. Я сама через это прошла, поверь мне. Вот чего я не понимаю, так это как ты предлагаешь это делать.

— Делать что?

— Выполнять необходимые требования, выдвигаемые профилирующим предметом, претендовать на Концертный сертификат, продолжать концертные выступления и, при этом всем, вот так размениваться по мелочам. Не думаю, что это принесет пользу.

Я стала задыхаться, просто слушая ее список.

— Профессор Доннелли, я считала, что у меня есть время.

— Время для чего?

— Выбрать профилирующий предмет в Принстоне.

Я точно знала, что у меня есть окно протяженностью ровно в два года. В американских учебных заведениях можно попробовать различные основные предметы и даже менять их в середине семестра. В отличие от Болгарии, где решение должно быть принято до окончания школы. Там не было такого понятия, как поступление в колледж или университет в общем, только на определенный факультет. И если факультет принимал тебя, значит, все решено.

— Ты ведь не серьезно, правда? — Поворот нашей беседы смысл улыбку с ее лица. — Или ты пытаешься сказать мне, что можешь выбрать что-то еще?

— Я думала об этом.

— И?

— Я хочу посещать занятия помимо музыки, пока окончательно не определюсь.

Она посмотрела на меня так, будто на моем лице были запечатлены ужасы

апокалипсиса.

— Отлично, значит, мы вернемся к этому, когда закончится семестр. Но на твоём месте я не стала бы говорить об этом Нейту.

Я пообещала не делать этого. Она вручила мне расписание, французский и древнегреческое искусство все ещё были не тронуты. И всё же был только первый из восьми семестров в Принстоне, и до победы было очень и очень далеко. Вполне возможно, что профилирующим предметом я выберу, конечно, музыку. Но мне надоело жертвовать всем на свете ради нее. Мне было восемнадцать. Я хотела жить. И если это значило больше не быть протеже Уайли или терпеть угрюмое молчание Доннелли, значит, так тому и быть.

НАКОНЕЦ, НАСТУПИЛ ПОНЕДЕЛЬНИК. Я так долго его ждала, так много раз представляла свой первый день учебы в Америке. Так же, как и мой прадедушка, приложивший много сил в реставрацию своего фортепиано, чтобы в конце концов услышать самые потрясающие звуки, на которые только был способен инструмент, я бесконечно проигрывала этот день у себя в голове. Вход в аудиторию Принстона был похож на обряд посвящения, на вхождение в нечто потрясающе новое — по крайней мере, так я считала, покидая тем утром Форбс.

К моей жалости, этот момент был мгновенно разрушен. Первым занятием было древнегреческое искусство, и я была унижена уже через несколько минут после того, как вошла в лекционный зал. Другие студенты, казалось, уже прочитали несколько десятков страниц, тогда как я даже не знала, было ли что-то задано. Они отвечали на вопросы, узнавали изображения на слайдах и смеялись над шутками преподавателя о происхождении древнегреческой мифологии. А я тем временем вжималась в кресло. Как так могло случиться, что я *уже* так сильно отстала?

Ответ был прост: ознакомительная неделя. Я заиклилась на прелюдиях и ноктюрнах, в то время как остальные изучили учебное расписание для каждого занятия и начали читать. Я так и слышала голос Доннелли у себя в голове: *«Все, за исключением тебя и спортсменов, дорогая...»*

Когда лекция закончилась, я поспешила уйти, признательная хотя бы за то, что мне не пришлось участвовать в дискуссии.

— Мисс Славин, не могли бы вы задержаться на минуту?

Профессор Джайлс бросил эти слова в аудиторию как будто машинально, без вопросительной интонации или даже взгляда в мою сторону. Суровый, в твидовом жакете, для худощавого мужчины шестидесяти лет он обладал неожиданно глубоким, выразительным голосом. Именно из — за его голоса, как я вскоре выяснила, многие девушки находили его неотразимым и обаятельным.

— Рад вас видеть на искусстве Древней Греции. — Его глаза осмотрели комнату, убедившись, что последний студент покинул ее. — Моя семья посетила ваш концерт на прошлой неделе. Все уверены, что это триумф.

Я поблагодарила его, почувствовав облегчение от того, что причина, по которой он хотел поговорить со мной, не относится к активности на занятии. Но облегчение длилось недолго.

— Могу я спросить, что заставило вас выбрать мои занятия? Первокурсники обычно начинают с основ искусств.

— Я люблю историю искусств. А искусство Древней Греции было самым близким к

моему дому.

— Дому?

— Я имею в виду мою страну, Болгарию.

— Ах, да. Прямо в сердце Восточной Европы, рядом с Грецией. — Он говорил разочарованно. — Меня никогда не перестанут удивлять музыкальные таланты таких Балканских стран, как ваша. Несущие в себе некую... тревожность. Едва уловимое волнение, уходящее в прошлое настолько, что, можно было бы сказать, оно практически в крови.

Можно было бы. Или он на самом деле это подразумевал?

Я заставила себя посмотреть ему в глаза.

— Вы слышали, как играют другие болгары?

— Да, определенно слышал. — Он взял лист бумаги и пристально на него посмотрел, как будто пытаюсь извлечь что-то из глубин памяти. — Мисс Славин, я надеюсь, вы позволите мне небольшое отступление от учебного плана.

— Отступление?

— В некотором роде. Ваша первая письменная работа будет в пятницу, и я всегда оставляю ее тему открытой: выбрать греческую вазу и рассказать, какой миф, по вашему мнению, она изображает. У каждого свои предпочтения, поэтому возможность выбора помогает студентам воодушевиться. В вашем случае, однако, определенный сосуд вызывает у меня особый... могу я сказать, резонанс?

Листок опустился на стол, уже лицевой стороной ко мне. На нем оказались две фигуры, тонкие, будто вырезанные из тщательно прорисованного мультфильма: человек, держащий лиру, и человек, готовый внимать звукам.

— Ваза на витрине внизу. Вам не составит труда найти ее.

Принстонский музей искусств, ну конечно. В Болгарии было неслыханно, чтобы университет владел собственной коллекцией предметов искусства, не говоря уже о целом музее. Но опять же, со стоимостью обучения тридцать три тысячи долларов в год, с чего бы Джайлсу заставлять писать нас работы, глядя на фотографии, когда оригиналы были всего в шаге?

Я взяла у него лист. Возможно, мне стоило насторожиться. Может, мне следовало подумать над тем, что система оценивания подразумевает правила (относиться к студентам одинаково), и это «отступление» от нее не было случайностью или прихотью. Но в тот момент я убедила себя, что все было правильно: домашняя работа, относящаяся к музыке, была дана мне преподавателем, который слышал мою игру. Он восхищен моей техникой. Моим необъяснимо тревожным талантом. И чем-то еще, что бежит в моей крови, но для чего он, похоже, не смог подобрать слов.

ПИСЬМЕННАЯ РАБОТА на свободную тему вызывала смешанные чувства: она все взбудоражила, но в то же время вызвала стресс. К середине недели обычное «Как дела?» превратилось в «Ты еще не выбрала себе вазу?» — вопрос, на который я отвечала вскользь, не упоминая тот факт, что моя ваза уже была выбрана для меня.

И не только ваза. Один древнегреческий миф не выходил у меня из головы, потому что, как сказал Джайлс, музыкальный дар Балкан уходил далеко в прошлое. Очень далеко. В нескольких часах езды от моего дома, в регионе, известном как Фракия, горы вторят эхом песне о человеке, который в легендах описывается как величайший музыкант среди живущих, «отец всех песен». Его лира, как говорили, умирала гнев зверей, уговаривала

деревья и камни танцевать, и даже изменяла течение рек. Больше двух тысяч лет спустя люди на моей родине еще помнили историю Орфея наизусть. О его любви к Эвридике. О ее смерти от укуса змеи. О его спуске в загробный мир, чтобы вернуть ее обратно. Боги, тронутые его музыкой, согласились вернуть его жену к жизни. Но с одним условием: по дороге обратно в мир живых он не должен оборачиваться, чтобы увидеть ее.

Я могла бы легко написать требуемое количество страниц без охоты за сокровищами в подвалах музея. Но Джайлс настаивал с самого первого слайда, показанного в лекционном зале, что ни у одной фотографии нет ни единого шанса против живой глины.

Принстонская коллекция «живой глины» не пробилась на главный этаж галереи, поэтому, следуя карте, я спустилась на нижний этаж. Четверг был единственным днем недели, когда музей оставался открытым допоздна, и без четверти десять это место было пустынным. Мне хотелось побыть здесь одной и найти вазу без спешки, но сейчас я бы предпочла прийти пораньше, с другими. Здесь было слишком много тишины. Она вырастала из серых ковров и ползла по стенам, оставляя свой невидимый отпечаток на всем.

В первых двух витринах были в основном фрагменты. Разложенные в случайном порядке осколки, запертые на века в своих гробницах, застенчиво выглядывающие сквозь стекло. Я остановилась рядом с третьей витриной: в ней были целые сосуды. На них были воины, боги, герои, цари, которые были застигнуты в позах необратимого поражения или триумфа. Но изображение, которое я старалась найти, не относилось к героическим битвам. Оно относилось к музыке.

Наконец, я ее увидела — на витрине в конце, поразительно странную благодаря своей перевернутой форме, которую греки называли "*псиктер*" (сосуд как брюхо, никаких ручек, горлышко куда более короткое, чем ножка, будто гончар сел за круг, не отойдя от похмелья). Я прикинула поближе к двум фигурам, разыгрывающим свою пьесу. Голова музыканта была грустно отклонена назад. Он отпустил лиру. Опустошенный, воздух мучительно требовал звуков. Его компаньон, все еще очарованный музыкой, поклонился, а в это время полная луна над их головами — отблески на стекле от направленного освещения — пронзала глиняно — черную ночь.

— Время без четверти девять, музей закрывается через пятнадцать минут.

Меня испугало сразу все: скользнувшая по стеклу тень, гул в конце помещения, эхо динамиков, оповещающих и просящих посетителей продвигаться к ближайшему выходу. Я осмотрелась вокруг, но никого не было. Охранник, вероятно, решил предоставить меня на оставшиеся минуты самой себе.

Я взяла с собой книгу, «*Метаморфозы*» Овидия, и открыла ее на том месте, где говорилось об Орфее и Эвридике. Джайлс хотел нежного волнения, но история музыканта из Фракии и того, как он увел жену у смерти, была самой волнительной из всех возможных. Живой мужчина, затерявшийся в загробном мире. Блуждающий во тьме между глухих гор и омертвевших теней, зная, что единственная ошибка может стоить ему жизни любимой женщины. Затем боги подняли ставки, и звуки шагов Эвридики начали утихать, несмотря на то, что она следовала рядом с ним, в пределах досягаемости. *Обернется он или нет?*

Слова на странице подкрадывались медленно, ведя мой взгляд по давно забытым ритмам:

*Из пропасти крутой они держали путь,
Ступая в тишине мрачайшей из дорог.
Их ноги от заветной поверхности земной*

*Всего в одной ступени, и вот уже порог.
Его окутал страх лишиться ее вновь,
Желая раз взглянуть, тревожась упустить,
Он обернулся в миг, но обнаружил морок,
Растаяла она, как призрачная нить.
Он руки к ней тянул, отчаяньем питаем,
Стремясь ее спасти, нащупать ее плоть,
Но пальцами схватить, без устали стараясь,
Способен был лишь воздух, один только его.
Второй раз умирая, его и не винила,
Не жаловалась вовсе, ей не было на что.
За то, что полюбил он? Сильнее всех на свете?
Да молвила лишь слово прощальное одно.
Услышать он не смог.
И, немо ускользая,
Она, став тенью, снова
Оставила его.*

Дальше было о его короткой жизни без нее, жизни, наполненной лишь скорбью. Снедаемый горем, он поклялся больше никогда не любить. И даже самые соблазнительные из женщин — бессмертные менады, одержимые богом Дионисом — не могли склонить его к нарушению данной им клятвы. Разгневанные, когда Орфей отверг их всех, они разорвали его на куски.

— Время без пяти десять...

Я закрыла книгу как раз тогда, когда потолочное освещение было выключено, и подсветка осталась только в витринах — глубокий янтарный свет лучился изнутри, из спрятанных лампочек, заставляющих вазы искриться, оживать после продолжительной дремы. Вдруг помещение стало напоминать гробницу. Темную, зловещую, словно я сама спустилась в уголок загробного мира. Воображение пустилось в пляс. Я уже хотела оказаться в своей комнате. Начать писать. Попытаться на бумаге выразить невыразимое: музыку и душу Орфея, чья трагическая история прокручивалась у меня в голове подобно бобине с фильмом. Если музыкантом, изображенным на вазе спереди, в действительности был он, тогда с другой ее стороны могла быть другая сцена из его жизни. Может, даже, его смерть? Витрина была заперта, так что я попыталась приглядеться через стекло, стараясь увидеть заднюю стенку сосуда, насколько это вообще было возможно...

— Там, наверно, менада.

Я развернулась и застыла. С другой стороны помещения, прислонившись к стене, перегородив дорогу к выходу, за мной кто-то наблюдал. Чтобы рассмотреть силуэт и узнать его, у меня ушло пару секунд: мой «преследователь».

Я приложила максимум усилий, чтобы в голосе не было слышно нервозности:

— Прошу прощения?

— На вазе, которую ты рассматриваешь. С другой стороны, должно быть, менада, совершающая месть над обреченным музыкантом.

Что-то в его голосе меня зацепило. Мне хотелось продолжать слушать его звук. Согревающий. Тихий. Обезоруживающий, похожий на тот, что издает фортепиано, когда пальцы едва касаются клавиш.

Я повернулась обратно к вазе; так с ним говорить было значительно проще.

— Почему ты так думаешь?

— А что еще там может быть? Грустный лирист, изображенный на древнегреческой вазе, который, как ты полагаешь, является Орфеем, только что потерял Эвридику. Единственное, что ему остается, это быть разорванным на кусочки. Разве не это должно быть там?

Он снова прочел мои мысли на расстоянии, как сделал это в Александр Холле. В буклете к концерту упоминалось мое болгарское происхождение, из чего становилось ясно, почему он приплел Орфея. Но как он нашел меня здесь? Уж слишком сомнительное совпадение, чтобы он оказался в музее так поздно, да еще и в ночь, когда все отправлялись развлекаться по клубам (всем было известно, что по четвергам и субботам в Принстоне проводятся вечеринки). Он, должно быть, последовал за мной в галереи, чтобы в тайне наблюдать за мной, до этого момента.

От подобных мыслей мне стало не по себе, и я продолжила смотреть на вазу, сторонясь его.

— Кажется, ты много знаешь о древнегреческой мифологии.

— Лишь некоторое. Миф об Орфее мою семью привлекает... особым образом.

— Искалеченный музыкант где-то в корнях семейного дерева?

— И да, и нет. Длинная история.

Я ждала объяснений, но их не было. Комната была пропитана тишиной и я поспешила сказать хоть что-нибудь, что угодно, прежде чем безумное сердцебиение в моей груди начало бы доноситься до него.

— Ты в группе по древнегреческому искусству? Не помню тебя.

— Нет, на мой вкус слишком эпично.

— И что же в твоём вкусе?

Он замер. Затем его голос стал еще тише:

— Думаю, ты знаешь.

Я не знала, пока не знала. Но так со мной еще никто не говорил: загадочно, мягко, словно наша близость была даром. Мне захотелось верить ему, что напугало меня еще больше.

— Вообще-то, я ничего о тебе не знаю.

Раздался щелчок, затем помещение погрузилось во тьму: музей был закрыт. Я ощутила в воздухе движение, а также почти неуловимый аромат одеколона, сочетающий в себе запахи мха и коры с измельченными лепестками, и поняла, что он подошел ко мне настолько близко, что его грудь касалась моей при каждом его вдохе. Я наконец рискнула подать голос:

— Спасибо за розу.

Он промолчал, может, тоже нервничал.

— А ты сам играешь на фортепиано или просто фанат музыки?

— Я играю. А твой Шопен роскошен, — проговорил он медленно, словно каждое слово должно было проникнуть в меня и там и остаться. — Ты напишешь об Орфее?

— Думаю, да.

— Ты должна. Это самый печальный древнегреческий миф. Мужчина, потерявший любовь из — за того, что был слишком слаб.

— Или потому, что любил слишком сильно?

— На самом деле, это одно и то же. — Он приблизил свое лицо к моему. — Охрана будет здесь в любую секунду.

От прикосновения его щеки мой пульс участился, сбился от незнакомой, одурманивающей теплоты...

— Теодора... Греческое происхождение, не так ли?

— Да, но никто меня так не зовет. Просто Теа.

— Скоро я найду тебя, Теа.

Он дал мне проскользнуть мимо него и подняться по единственному лестничному пролету, ведущему обратно к главной галерее, где все еще горел свет. Когда я поднялась, то обернулась. Но темнота была пустой.

ТОЙ НОЧЬЮ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧАТЬ ПИСАТЬ, я снова прочла окончание истории Овидия — *самого печального древнегреческого мифа*. О смерти Орфея.

Она начиналась с того, как поэт из Фракии сидел на холме, проливая слезы и напевая песни сообразно мелодии струн. Когда ветер разметал волосы женщины, за ними раздался голос: «Узрите, сестры, узрите того, кто презрел нас!» Было брошено копьё, но оно достигло земли, не задев поэта. Далее последовал камень, но очарованный музыкой поэта, тот пал у его ног, моля о прощении. Когда свирепствующая фурия подкралась ближе, стук барабанов потопил мягкий глас лиры. Наконец оглохнув, камни обагрились кровью.

Первыми были растерзаны птицы, звери, бесчисленные вереницы существ, следовавшие за поэтом, покоренные его песней. Затем менады бросились к Орфею, окружая поэта в амфитеатре, как гончие — обреченного оленя. Впервые замолкнув, уступая судьбе, он протянул к ним руки, и через рот, к которому столько прислушивались камни, чей голос дикое создания понимали, вылетел дух и развеялся по ветру.

Птицы, стеная, оплакивали Орфея; отчаявшиеся звери собирались ради него в последний раз; деревья, стряхивая листья, горевали по нему с оголенными ветвями. Говорят, реки тоже скорбели, захлебываясь собственными слезами; а русалки — неяды — с взъерошенными волосами облачались в мрачные одежды.

Части тела поэта были разбросаны по земле, его голова и лира были сброшены в реку Гебр, граничащую с загробным миром, и (о чудо!) несущаяся с потоком лира печально зашептала; печально зароптал безжизненный язык, и отмель печально вторила им. Призрак Орфея просочился под землю, узнавая все те места, в которых бывал прежде. Будучи в поисках поля блаженных, он нашел жену и сжал ее в своих объятиях. Так они и идут вместе по сей день, бок о бок — теперь она идет впереди, он же следует за ней; теперь он ведет ее и может, не опасаясь, сколько пожелает оглядываться назад на его Эвридику...

ПЯТНИЦА ПРОШЛА БЕЗ НАМЕКА на загадочного незнакомца. Как и суббота. Но обещал найти меня, и это стало моим секретом. Преобразилось все: безмолвные аллеи, уединенные тротуары, жуткие постройки, показывающиеся из — за невзрачных деревьев — каждое место в кампусе начинало играть красками, когда я представляла, что именно здесь мы можем встретиться снова. «Похоже, я была права, у тебя есть преследователь», — сказала бы Рита перед тем, как провела бы собственное расследование, выясняя причину, по которой кому-то нужно было следовать за мной в запустелый музей и заговаривать со мной в темноте. Именно поэтому я решила ничего ей не рассказывать. Не нужно было снова клеймить его «странным»; мне не хотелось, чтобы это слово засело у меня в голове.

Неважно, кем был этот парень, он понимал музыку Шопена и обожал историю об Орфее, как и я, и если это значило, что он был странным — то и я была такой. И меня не волновало, что он мог продолжать преследовать меня. Я беспокоилась, как бы он не перестал.

Субботним вечером группа наставников проголосовала за отказ от предложения Риты сходить в кино и вместо этого в итоге выбрала отдых на вечеринках с перебежками из одного общежития в другое.

— Ребята, поберегите энергию для завтрашнего дня, для Проспекта, — продолжала она предостерегать нас, но всем было плевать.

Мы торопливо перемещались из одного места с гроыхающей музыкой в другое, взбудораженные от адреналина из — за того, что наконец выбрались на вечеринку в колледже. К полудню мы все пожалеем об этом.

Проспект, или же первые несколько кварталов по Проспект Авеню, был самым оживленным (и часто единственным) центром ночной жизни университета: это была дорога, шедшая параллельно Нассау Стрит на самом севере кампуса, где принстонские «обеденные клубы» открывали свои двери — и пивные краны — дважды в неделю, по четвергам и субботам. Все, что касалось Проспекта, имело четкую систему. Чтобы помочь нам разобраться что к чему, Рита после позднего завтрака раздала каждому по таблетке аспирина и подготовила к основному.

«Обеденный клуб» было причудливым названием, подразумевающим под собой нечто среднее между столовой и закрытым братством. Эти клубы не были связаны с университетом, что освобождало Принстон от ответственности за безбашенные вечеринки, кошмарные попойки и прочее, что было их частью. На данный момент насчитывалось десять клубов, и по окончании второго курса вам нужно было выбрать один из них так же, как необходимо выбрать специализацию. Но был подвох: то, что вы выбрали клуб, еще не значило, что он выберет вас. В пяти сообществах из десяти устраивали лотерею, и согласно молве, Вегас представлял собой просто детские игры в сравнении с теми ставками, что были в день отбора в клуб, когда ваше имя вытягивали (или не вытягивали) из шляпы. Другая половина была откровенно элитной. Бесценными местами членов награждали во время так называемого «пика» — натиска братства, приправленного щепоткой собеседования, вакханалией и проведением политической кампании одновременно. «Неделя пик похожа на средневековье: все шокирующее и постыдное перестает быть таковым», — коротко подвела итог Рита, давая нам домыслить остальное.

Одним из таких был «Плющ». Старейший и исключительнейший из всех клубов, он упивался своей легендарностью: несравнимой аурой собственного имени, неоспоримой и славной, насчитывающей более сотни лет историей, а также распространенным слухом (который почти наверняка был правдой), что даже идеальное человеческое существо, щедро созданное по образу и подобию Господа, могло быть отвергнуто Плющом за неимением родословной с упоминанием в ней королевской особы, главы государства, ну или как минимум миллиардера. Плющ был известной крепостью привилегированных. Великолепных обособленцев. Самых избалованных детей, создававших собственные правила и отказывающихся нести ответственность за любое из них. Плющ был кровеносным сосудом, всегда пульсирующем в самом сердце Принстона.

— Если у вас в голове пронеслась мысль, что неделя пик похожа на слабый ветерок, то вам срочно нужно поговорить со мной. Особенно девочкам.

Рита проговорила все это на одном дыхании, но мы были уверены, что она абсолютно

серьезна. Кто-то смог бросить робкое «почему».

— Потому что она беспощадна. Вас прожуют и выплюнут — и все только из — за того, что вы осмелитесь подумать хотя бы на секунду, что достойны такой очаровательной организации. Моей подруге так промыли мозги, что она неделями питалась почти одним чаем, чтобы «соответствовать образу Плюща». А потом оказалась в больничной койке, и ей пришлось взять академический отпуск до конца года, чтобы восстановиться.

— Они попросили ее сесть на диету?

— О нет, они не просят. Кто-то был настолько милостив, что, прежде чем сопроводить ее до двери, отметил, что, хоть она достаточно миленькая и определенно рисковая, когда это нужно, нескольким участникам показалось, будто она бы выиграла, если можно так выразиться, от того, если бы была куда стройнее.

Наступила напряженная тишина.

— Ладно, я слышу, как вы мысленно высчитываете свой вес. — Рита спрыгнула со стула, точно угадав, о чем многие из нас думали. — Я назначу наказание, если кто-либо из вас подвергнется этому весовому абсурду. А теперь вперед, вечеринки уже начались.

Только на этой неделе на Проспекте важнейшим днем было воскресенье. В этот день намечалось официальное открытие обеденных клубов, в полдень, когда любое место — даже территория Плюща — было доступно. Все двери оставались закрытыми, но несколько метров, разделявших эти самые двери и тротуар, становились ареной с дикими танцами: проходили тусовки на лужайках. Было море звуков и красок. Девушки в сарафанах. Парни в том, что вывалилось из шкафа. И повсюду — толпы, взбудораженный гомон людей, что собрались вокруг строений, поднимая стаканы с пивом и слушая живую музыку, в которой я могла расслышать лишь стук барабанов и вопли тех, кто расположился слишком близко к микрофону.

Рита вела нашу сплоченную группу, пробираясь по лабиринту лужаек и задних дворов. Я была рада выбраться куда-то вместо того, чтобы дуться в своей комнате, фантазируя о незнакомце, о котором мне не было известно ровным счетом ничего. Но, как это обычно случалось, у меня не получилось прогнать мысли о нем надолго.

— Тещ, я все забываю, здесь кое — кто хочет познакомиться с тобой. — Рита схватила меня за руку и потащила через улицу. — Он пристаёт ко мне с самой пятницы, когда услышал, как ты играешь.

Я почти споткнулась. «Когда услышал, как ты играешь». Неужели я наконец встречаюсь с ним? По — настоящему, а не с его ускользающей тенью?

Мы подошли к зданию, чьи стены из красного кирпича и белые ионические колонны создавали эффект греческого храма, неожиданно вlepленного напротив ратуши. Когда мы пробирались через столпотворение, она все продолжала спрашивать людей, видели ли те Бена, и поясняла мне, что это был Колониальный клуб, доступный любому учащемуся в Принстоне. Парня же, тем временем, невозможно было найти.

Бен... Бенджамин? Я прокручивала имя в голове, пытаюсь соотнести его с незнакомцем. Конечно, это милое имя. Но недостаточно загадочное. Беннет? Или, может, Бенедикт?

— А вот и он!

Она помахала кому-то, и я почувствовала, как скакнуло сердце. К несчастью, парень оказался второкурсником из Форбса и, прежде чем признаться, что мое исполнение лишило его слов, он одарил меня милой улыбкой, из — за чего стала видна щель между его зубов.

— Уверена, он описывал мне его как «*благословенно — паразитическое*». Ты околдовала бедного Бена, Теш! — Рита не переживала по поводу того, чтобы скрывать своднические нотки в ее голосе. — Который, между прочим, сам бренчит на скрипке.

«Бедный Бен» покраснел до самых корней.

— Не могу сказать, что у меня талант. Но я зависим от классической музыки. Неисправимо.

Мы долго говорили о сложностях струнных квартетов (его любимых) и о том, теряется ли передача, когда к фортепианному концерту подключается скрипка и наоборот. У него была милая и ненавязчивая манера демонстрировать свои обширные познания в музыке — теорию, историю и абсолютные знания о классиках и их репертуаре, и я поймала себя на мысли, что хотела бы вести такие разговоры чаще. Но все равно не могла отбросить разочарование от того, что он не был кое — кем другим. Все выходные я ждала парня, последовавшего за мной в пустынный музей, но так и не попросившего мой номер. Может, он увидел во мне девушку, которая, так уж вышло, играет на фортепиано и увлекается античной керамикой? Не удивительно, что обещание найти меня выскользнуло из его головы, подобно моему, данному Бену, сходить с ним через две недели на исполнение Шуберта, выскользнувшему из головы сразу, как только я попрощалась с ним и направилась обратно в Форбс.

В комнате первым делом я проверила электронную почту. Да, меня ждало письмо, но не то, что я надеялась. Оно было помечено как срочное и озаглавлено темой «*Завтра утром*», отчего у меня сразу возникло ощущение, будто что-то пошло не так. Во второй раз я была выделена особым образом. И снова без явной причины. На первый взгляд письмо казалось относящимся к занятиям: мой профессор по древнегреческому искусству оценил письменную работу. Если я не возражала, он хотел бы встретиться со мной в музее искусств в восемь часов утра.

МИНИАТЮРНЫЙ НИКЕЛЕВЫЙ КЛЮЧ скользнул в замочную скважину и повернул вправо один раз, затем второй.

— Невероятно, чем только может стать горсть глины, не так ли?

Джайлс находился у той самой витрины, перед которой я стояла четыре дня назад. Музей по понедельникам был закрыт, но у него имелся доступ, и единственное, что меня невероятно поражало, так это его решение позвать меня сюда для встречи один на один.

— Каждый из этих кусочков является заурядной землей, запеченной в определенной форме и окрашенной в различные цвета. Но если присмотреться получше, то целый мир возвращается к жизни спустя тысячи лет!

— В Болгарии этот мир никогда и не умирал. Я была выращена на этих мифах.

— И это потому вы распорядились своей работой так вольно, мисс Славин? Обычно мои студенты пишут о том, что видят на вазе, а не о том, что, как им кажется, скрыто на ее обратной стороне.

Его комментарий застал меня врасплох.

— Мне показалось, что невидимое глазу будет куда более интересным.

— Справедливо. И ваше описание убийства Орфея разъяренными менадами было, несомненно, красочным. Но если вы предпринимаете попытку угадать, то лучше попасть в цель. Ну или предложить оригинальную версию.

Совершенно ясно, что моя не была ни первым, ни вторым вариантом.

— Я написала об Орфее, потому что люблю музыку.

— Любовь к музыке — это, естественно, самое очевидное объяснение. И все же ваша интерпретация мифа претерпела неудачу. Просто повторение того, что другими было сказано тысячи раз.

Я сделала глубокий вдох.

— Профессор Джайлс, если вам кажется, что работу нужно пересмотреть, я была бы рада переделать ее.

— Пересмотреть? — В его глазах зажегся неизвестный огонек, будто он поймал меня с ложкой за зачерпыванием меда из запретной бочки. — Это зависит.

— От чего?

— Есть ли у вас свежие мысли. Иначе мы просто раз за разом переписываем одну и ту же историю.

— Из пустого в порожнее.

— Прошу прощения?

— Мы так говорим в Болгарии: «переливать из пустого в порожнее». Это значит ходить кругами и не говорить ничего по существу.

— Тогда зачем вы это сделали?

— Сделала что?

— Погрузили меня в пять страниц пустого и порожнего.

Хорошего понемножку. Этот мужчина получал какое-то нездоровое удовольствие от провокаций, и сейчас его целью стала я, получившая и особое внимание, и особые насмешки. Мне встречались такие преподаватели прежде. Но пока я искала вежливую причину, чтобы уйти, он потянулся к витрине. Пальцами аккуратно открыл стеклянную дверцу, взялся за ножку сосуда и повернул его.

Изображение было простым, гораздо проще моих догадок в работе. Никаких брошенных камней. Ни расчлененных зверей. Не было роя неистовых женщин, устроивших засаду. На изображении было две фигуры — всего две — но, с другой стороны, сцена изображала именно то, что я и описала. Музыкант падал: опущенные плечи, подогнувшиеся ноги, безвольные руки отпустили замолкшую лиру. И нависающая над ним разъяренная женщина с разметавшимися во тьме волосами и в платье, не висевшем вертикально, а развевавшемся и спутанном из — за развитой ею высокой скорости. Хватающая его за руку. Тянущая его за кудри так ожесточенно, что его голова была оторвана от оседающего тела.

— Сами можете увидеть, — указывал Джайлс на вазу. — Смерть Орфея всегда описывалась как массовое убийство. И все же у художника на уме было совсем иное.

— Только одна менада?

— Именно. Читая вашу работу, я лелеял надежду, что вы отбросите множественное число.

Одна менада или много, какая разница?

— Может, она олицетворяла собой множество, но изображена одна для упрощения композиции?

— Может. Но вам правда кажется, что ответ такой очевидный?

Он открыл свой портфель и достал злополучные пять страниц, протягивая их мне. На верхней странице красовалась большая красная "А".

— Не понимаю. Мне казалось, вам не понравилась моя работа.

— Видите ли, мисс Славин, она более чем удовлетворяет условиям поставленного

задания. Изящная. Отлично написанная. Достаточно исследовательская. Но чего она не удовлетворила, так это моего любопытства.

— По поводу?

— Подражали ли вы другой работе, прочитанной мной давным — давно. Уникальнейшему сочинению, когда-либо попадавшему мне в руки.

— Об этой самой вазе?

— Именно. К несчастью, так сложилось, среди студентов искусствоведов сцены сражений более популярны, потому музыкант неизменно оставался незамеченным. Но одна студентка заметила его. И, полагаю, я должен вам сказать, что она на обороте увидела одну менаду — сквозь запертое стекло, сквозь глину — словно обладала рентгеновским зрением?

И снова на меня был устремлен обвиняющий взгляд. Какого он ждал от меня ответа? Затем начало закрадываться подозрение, а с ним и вопрос, как давно была написала переданная ему работа, так похожая на мою собственную.

— Если память меня не подводит, то ровно пятнадцать лет назад.

Я почувствовала, как комната завертелась, и все вокруг слилось в сумрачном водовороте.

— Мисс Славин, в вашей стране ваша фамилия распространенная?

— Не совсем. То есть, вообще нет. А что?

— Были ли у вас родственники, посещавшие Принстон примерно в то время?

Ключ повернулся в замке, возвращая вазу, потревоженную на короткое время во второй раз за пятнадцать лет, на положенное ей место. И в этот решающий миг, пока он стоял ко мне спиной, у меня был последний шанс сбежать от прошлого — взбежать по ступенькам, покинуть этот класс и никогда больше не заговаривать с Джайлсом.

Последний шанс прекратить идти по все еще свежим стопам Эльзы Славин.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Незримые в ночи

В ЛЕГЕНДАХ МОЕЙ СТРАНЫ нет создания более прекрасного и жестокого, чем *самодива*: юная лесная ведьма, танцующая в полнолуние, заманивающая мужчин обещаниями любви, после чего отнимающая их жизни. Фольклорные суеверия заверяют, что силы *самодив* передаются по наследству в определенных семьях, но я никогда не верила в это. Во всяком случае, пыталась. Потому что тогда бы это значило, что безумие этих

созданий находится в моей собственной крови.

Однажды, за тридевять земель, глубоко в лесах жили три девицы неписанной красоты, три самодивы. Их молочная кожа была белее горного снега, глаза цвета голубого топаза был чище утренней росы, а их золотистые волосы до талии сияли так ясно, что само солнце леденело от зависти. Потому самодивы выходили только в ночи, подальше от злонамеренных глаз, купаясь под старым дубом, отплясывая в бесконечном танце и упиваясь луной, пока не запевал петух, отсылая их скрываться от рассвета обратно в пещеру, в которую не мог войти ни человек, ни зверь.

Книга с переведенными на английский язык болгарскими легендами была единственной вещью, которую я привезла с собой в университет. Сначала она лежала на дне чемодана. Затем, когда Форбс заполнили незнакомые лица, и в людных коридорах я чувствовала себя более одинокой, чем в пустой комнате, я достала маленький томик и положила рядом с кроватью. Он был напоминанием о доме, о старинных рассказах, связанных с моей семьей. И Эльзой Славин.

Называть Эльзу родственницей было благоразумно, но неправильно: она была чем-то большим, ранней версией меня. Я узнала о ней всего за несколько месяцев до отлета в Америку. До тех пор детали о ее кратком пребывании в Принстоне скрывались от меня, как и другие признаки ее существования. Заботясь обо мне, семья вырвала ее из наших жизней, как корку болячки. Родственники поклялись молчать. Друзья и знакомые были задвинуты подальше вместе с прошлым. Родители заглушили их собственных сердца, похоронив все, чем она владела и к чему прикасалась, в трех запертых сундуках. И тогда началось бдение длиною в жизнь. И безмолвные муки. Постоянное наблюдение. Все это время они, вероятно, представляли, как их маленькая Теа, в то трагическое время бывшая еще младенцем, вырастет счастливой и здоровой девочкой, защищенной от прежних событий. И на протяжении пятнадцати лет эти секреты покорно дремали, как запертый в скорлупе зародыш птенца, без единого намека, сорвавшегося с чьих-либо губ. Но затем оболочка треснула.

Выразилось это в лице моей потерявшей рассудок бабушки Мары, увидевшей меня крутящейся в ее цветочном саду одним апрельским полуднем. Мы только закончили обедать. Сидевшая рядом с ней мама погрузилась в долгий полуденный сон, подложив маленькую подушку под голову.

— В чем дело, бабо?

Пожилая женщина сидела, застыв и — привиделось ли мне — прослезившись. Лишь мгновение тому она говорила без умолку.

— Что случилось? — Мое белое хлопковое платье сложилось в платок, пока я утирала ее щеки. — В чем дело? Скажи мне.

Она сжала свои огрубевшие руки.

— Ты так напоминаешь мне ее.

— Кого?

— Мою девочку...

— Какую? — Я предположила, что мою маму в этом возрасте.

— Мою давно пропавшую девочку...

— Теа, хватит! — Мой локоть с яростью схватила рука. — Стоило закрыть глаза на минуту, и что ты делаешь? Тебе удалось расстроить бабушку!

— Я ничего не сделала. Мы просто говорили о том, что она...

— О чем бы вы ни говорили, не желаю в этом участвовать.

— Что с тобой, мам?

Очевидно, ничего. Просто мигрень. И уже было поздно, так что она хотела поторопиться и успеть приехать домой до темноты.

Прощания были быстрыми, а короткие объятия неловкими. Я не прекратила задавать вопросы, даже когда мы добрались до дома, и тогда мне было сказано, что бабушке все привиделось. Что то вообще могло быть помешательство.

Но однажды выйдя на свет, секреты так просто не уходят снова в тень. Позже тем же вечером я пошла пожелать родителям спокойной ночи и с другой стороны двери в их спальню услышала рыдания. Насколько я знала, мама никогда не плакала. Она и улыбалась — то не так часто, но совершенно точно никогда не плакала (мы с папой шутили, что она была оловянным солдатиком в нашей семье). Сейчас же я стояла в коридоре, пораженная тем, насколько этот звук был мне знаком. Каждая его тональность, его необъяснимая опустошенность: плач, который я слышала в той призрачной комнате много лет назад.

И снова мне было сказано не беспокоиться. Мама была расстроена из — за здоровья бабы Мары, ничего другого.

— Тогда, что ты скажешь о запертой комнате с хламом? Ты плакала там той ночью, когда я нашла фортепиано.

— У всех нас есть определенные моменты, Теа. Не всем нужно делиться, даже с семьей. Так что забудь. Прошу.

Тогда я впервые начала подозревать, что кто-то мог играть на фортепиано до меня. Кого мои родители любили до сих пор, но держали в секрете всю мою жизнь.

Намереваясь узнать больше, на следующий же день я поехала в дом бабы Мары, но выяснила лишь, что у нее не было ни помешательства, ни желания обсуждать странный инцидент.

— Забудь, что я сказала или не сказала, дорогая Теа. Правду ли я слышала, что ты отправляешься в Америку?

— Ну, да, но откуда ты... мама рассказала тебе?

— Конечно, рассказала! Я должна быть очень зла на тебя. Такое достижение, а ты вчера ни словом не обмолвилась!

Я просила родителей не распространяться, пока не выберу университет и не буду готова рассказать всем сама. И вдруг оказалось, что мама вчера уже выдала всю информацию. Использовала ли она это как предупреждение? Как дополнительную причину, почему давно пропавшая девушка не должна быть упомянута в моем присутствии?

Мы много говорили об Америке. Что очаровывало бабу Мару больше прочего, так это то, что университеты там были маленькими городками с кампусами для проживания, иногда даже бог знает где, без единого признака цивилизации поблизости. Мои же мысли, тем временем, были совсем в другом месте.

— Бабушка, ты так и сказала мне, кого я тебе напоминаю.

— Что за упрямый ребенок. Все напоминают кого-то — сегодня одного, завтра другого. Но прошлое не имеет значения, особенно когда у тебя впереди такое будущее!

Когда я села в машину и наблюдала, как она машет мне у калитки, то не могла перестать думать о загадочной девушке из прошлого. Она не должна была иметь значения, но все же имела, иначе что было бы плохого в том, чтобы рассказать мне о ней? И если моя непосредственная семья не собиралась этого делать, был ли еще кто, у кого я могла бы

спросить?

Мысленно я пробежалась по списку родственников, короткость которого я воспринимала как данность. Тетя в Вене. Две дальние кузины (наши родители не общались). Три умерших пожилых родственника. Было странно, как маме с папой удалось отстраниться от всех, в том числе отдалить ото всех и меня. У меня не получилось припомнить хотя бы одно семейное воссоединение, полный дом народу на Рождество или день рождения, когда присутствовал хотя бы кто-то помимо нас троих. Но также я заметила кое-что еще: название маленького города в нескольких часах езды отсюда, где, как однажды утверждала баба Мара, у нее была кузина.

В выходные, под предлогом предпринятой в последнюю минуту поездки с друзьями, я собрала несколько вещей и отправилась в дорогу.

НЕДОСТАТОК ЯРКОСТИ ГОРОДА Царево компенсировался его уединенностью, и ему удавалось оставаться малоприметным островком приватности для осведомленных. Вдоль всего берега болгарского черного моря мостились города, чьи золотистые пляжи, археологические памятники и ультрамодные отели конкурировали между собой. Царево к ним не относился. Скрывавшийся у неприметного залива примерно в двух часах езды севернее турецкой границы сам по себе он не был предметом гордости. Море обгладало пляжи до тех пор, пока на них едва ли остался песок, сюда никогда не стекались археологи, а бюджетом на строительство отелей магнаты обрубали на корню любое подобие роскоши. Мои родители тоже избегали этого места, когда мы каждое лето отправлялись отдыхать на черное море. Но до этих пор я ни разу не задавалась вопросом почему.

Здание муниципалитета (огромное желтое строение, вырисовывавшееся на городской площади) было лучшим началом пути, так что я пошла в него и совершила грех, побеспокоив полуденный сон служащего своим вопросом.

— О, одна из этих. — Его голос не оставлял сомнений относительно его отношения к людям, которые не могут придумать ничего лучше, чем отслеживать семейное древо. — Имя?

Я произнесла девичью фамилию бабы Мары.

— *Златева* через З, правильно? — Он переворачивал страницы огромного журнала со скоростью улитки, после чего неохотно проинформировал меня об отошедшей от дел школьной учительнице, которая фигурировала под этим именем несколько лет назад. — Стефана Златева. Хотя не знаю, жива ли она еще. Да даже если и жива, я бы не стал возлагать на нее много надежд.

— Почему?

Он поднял палец ко лбу.

— По слухам она повредила умом.

Я поблагодарила его за адрес и ушла.

Первый дом по улице Смирненски больше был похож на бутик — отель, чем на односемейный дом. Но так выглядело большинство домов в Царево, ведь много лет назад владельцы вложили в строительство домов все свои сбережения, лишь бы привлечь призраков туристов, которых так и не привело падение коммунистического режима.

Я позвонила в дверной звонок. Открывшая дверь женщина была крошечной, согнувшейся в силу возраста и из — за этого похожей на крюк. С одной рукой за спиной, чтобы помочь себе распрямиться, другой она укрывалась от солнца, смотря вверх.

Сощурившись. Эти глаза, два озорных уголька, были единственной ее частью, которой удалось сохранить молодость, пронеся ее сквозь годы.

— Полуденный стук привел гостя! — Ее голос колебался между высокотоновой пронзительностью и глубокой гортанностью, как бывает с людьми, когда они становятся слишком хрупкими. Затем озорство в ее глазах усилилось узнаванием. — Небесные силы, посмотрите — ка, кто вернулся спустя столько лет!

— Мне кажется, что мы не встречались прежде.

— Конечно же, встречались! Я молилась, чтобы увидеть тебя еще раз до своей кончины. Служащий был прав, она не ведала, что говорила.

— Можете уделить мне минутку?

— Минутку? У меня есть уйма минут, дитя, если так будет угодно Господу.

Мы сели в саду, укрытые с одной стороны фиговым деревом и гранатовым с другой.

— Скучала по старому другу? — Она взглядом указала на фиговое дерево. — Говорила же тебе, что это фиговое дерево хорошее, говорила тебе не бегать в церкви так часто. Но ты не слушала, *самодива* Эльза.

— Вы приняли меня за кого-то другого. Я внучка бабы Мары.

— Само собой! Внучка моей обожаемой кузины, Эльза. Все такая же... — Она осмотрела меня сверху вниз. — Нет, моложе!

Теоретически, возможно, чтобы у двоих женщин было помешательство, выражающееся одинаковыми маниями. В реальности же такая странная вероятность стремилась к нулю. У бабы Мары был один ребенок: моя мама. А у моих родителей была только я — ну или так мне всегда казалось. Но если в том, что я слышала, был некий здравый смысл, если у бабы Мары на самом деле была еще одна внучка, то это в некотором роде значило, что когда я была слишком маленькой, чтобы помнить, либо когда даже не родилась, у меня могла быть кузина или даже сестра.

Слова сорвались произвольно, и лицо пожилой женщины просветлело.

— Да, сестра! Все *самодивы* — сестры. — Она скрестила лодыжки и начала качаться на скамейке назад и вперед. — Выходят в ночи, в полнолуние... все красивы и похожи. Танцуют у кладбища у церкви над морем. Боже, пощади любого, кто встретится им на пути! — Ее голос опустился до шепота. — Но не волнуйся, я никому не сказала о сестринстве. Твой секрет в надежных руках..

Я повторила, что она ошиблась и приняла меня за другую, но мои слова канули в пустоту.

— Как ты двигалась, как танцевала у фигового дерева! Белоснежная красота под светом луны...

Она закрыла глаза, подняла руки в воздух и начала петь:

Самодивы являются ночью,

являются ночью

в белых сорочках.

Дивясь, увидев их танец воочию,

их танец воочию,

теряй же очи.

Она бормотала те же строки снова и снова, пока я не начала испытывать странное

волнение. Мелодия казалась знакомой. Не столько как воспоминание, сколько подобно отдаленному зыбкому сну. Первые ноты детской песенки, которую я слышала давным — давно, когда-то кто-то убаюкивал меня ею перед сном, были поразительно похожи на те, что я впервые сыграла на фортепиано.

Я вскочила со скамейки, но она поймала меня за запястье, прерывая песню так же внезапно, как и начала ее.

— Я предупреждала тебя много раз: не приближайся к церкви! Я знала, что они доберутся до тебя у церковного кладбища. *Самодивы* не знают пощады. И не забывают.

Садовая калитка захлопнулась.

— Ну вот, мама, стоило оставить тебя на пять минут и у тебя уже появился гость.

Мужчина выглядел как вернувшийся с моря рыбак: загорелая кожа, полосатая морская майка, а волосы и нечесаная борода местами выгорели на солнце, а местами были седыми из — за возраста. Он застыл, словно увидел перед собой смерть.

Я пришла ему на помощь:

— Меня зовут Теа. Я пытаюсь отыскать любых родственников, которые могли бы знать бабу Мару и... — По какой-то причине имя Эльзы встало в горле. — И остальную мою семью.

— А, да, я помню тебя — ребенок, который всех доводил до белого каления. Но было это когда, пятнадцать лет назад? Только посмотрите на нее!

Я не знала, что сказать, как начать разговор с родственником, бывшим для меня абсолютно незнакомым. Ему, кажется, было так же неловко. Выражение его лица немного смягчилось, больше не отражая шок, но лишь немного, и незнакомец начал потеть из — за полуденной жары.

— Итак, Теа, рад видеть тебя повзрослевшей. Мы с твоей мамой троюродные брат и сестра, почему я получаюсь... твоим дядей, примерно так?

Пожилая женщина одарила его лучистой улыбкой.

— Говорила я тебе, что наша Эльза вернется?

— Говорила, мама, говорила. — Взглядом он предупреждал меня не произносить ни слова. — Идем. Уже время обеда.

Он завел ее внутрь и через несколько минут вернулся один.

— Она нездорова, выдумывает разное. И когда она это делает, спорить с ней бесполезно. Это ее только выматывают.

— Представляю. — Чего я не могла представить, так это почему она вообще начала выдумывать подобное. — Кстати, я задолжала извинения, сначала следовало позвонить. Все решилось в последнюю минуту.

— Нет ничего плохого в минутных решениях. Ты семья.

Я скользнула на край скамейки, чтобы освободить для него место: для его мускулистого, но уже измотанного тела, а также для невидимого облака из паров машинного масла, что пропитывали воздух вокруг него.

— Родители никогда не упоминали, что у меня здесь есть семья.

— Возможно и к лучшему. — Затем он пояснил. — Меньше семья, меньше головной боли.

— Я хочу эту головную боль. Немного одиноко быть единственным ребенком.

— Единственным ребенком? Это они тебе так сказали?

Ну хоть кто-то произнес это. Я пыталась перевернуть эту мысль. Но слово "*сестра*"

оставалось для меня абстрактным. Неугрожающим. Как генетическое заболевание, которое могло касаться кого угодно, кроме меня, так как не должно было являться частью моей ДНК, но лишь до этих самых пор.

— У меня была сестра, так ведь? Эльза, девушка, за которую приняла меня ваша мама.

Он опустил взгляд, погружая каблуки глубже в землю.

— Может, мне не стоило говорить тебе этого.

— Нет, я рада, что вы сказали. В любом случае, я уже подозревала это, потому и приехала сюда. Никто не говорит со мной о ней, так что я надеюсь, что вы сможете.

— Я могу рассказать тебе все, что знаю, но, боюсь, что этого мало.

— Много и не нужно.

Он откинулся на спинку скамейки, готовый погрузиться в прошлое.

— Тебе было почти три года. Ты совсем ее не помнишь?

— Только колыбельную, которую она скорее всего пела мне, вот и все.

— Судя по тому, что я помню, ей разрешали проводить с тобой не так много времени. Твои родители беспокоились, что с тобой... что она может навредить тебе. Происходило слишком много разных неурядиц.

— Например, каких?

Внезапно я почувствовала практически иррациональную необходимость знать. Но давить на него было плохой идеей: что если бы он передумал и стал бы молчаливым, как и все прочие? Внизу, в пыли, шеренга муравьев прокладывает свою дорогу по краю его обуви. Наконец он поднял взгляд.

— Я видел твою сестру всего пару раз, да и то недолго. Я работал на кораблях, путешествовал без перерывов, так что меня здесь толком и не было. Ты очень похожа на нее. Все, связанное с этой девушкой, было очень... — Он покачал головой, словно подобранное определение не удовлетворяло его. — Воздушным. Не ветренным, нет, но... что же за слово...

— Эфирным?

— Именно! Двигалась плавно. Говорила мягко. Слово ее можно было сдуть, как одуванчик.

— Вы знаете, что с ней случилось?

— Да, *это*. — Он продолжал избегать моего взгляда. — Я был здесь, когда это случилось. Хотелось бы мне, чтобы было иначе. Тем летом ходили слухи о каком-то мальчике, я никогда с ним не встречался, но слышал, что он был привлекательным, таким, в которых обычно влюбляются девушки. Они сказали, что он разбил ей сердце. Если ты спросишь меня, то чушь это. Не родился еще парень, который мог бы уйти от создания вроде нее.

— Она была красивой?

— Красивой? Ха! Самой идеальной девушкой из всех, что я видел! Ей стоило лишь улыбнуться мужчине, и он готов был умереть за нее. На кораблях все стелилось у ее ног. Она приходила к докам, светила своим милым личиком, и эти глупцы не говорили ни о чем другом дни напролет. Меня они называли "кузеном ведьмы". Большинство из них получили за это!

— Думаете, она правда была...

— Ведьмой? Я не верю в ведьм.

— Тогда почему люди звали ее так?

— У нее, должно быть, что-то перемкнуло в голове. Она начала гулять у моря, одна

одинешенька, часто после захода солнца. Бог знает, что она делала там. Одной ночью она ушла и пропала, после чего ее нашли практически безжизненной у старой церкви. Твои родители забрали ее обратно в Софию и больше мы о них не слышали.

— Так значит, вы не знаете, жива ли она?

— Мне всегда казалось, что жива. Но судя по тому, что ты говоришь, не похоже, чтобы все было так, как я полагаю. — Он нервно теребил потертые разрывы на его джинсах чуть выше колена. — Я предупреждал, что не смогу помочь. Как и моя мать.

— Она назвала меня *самодивой*. Само собой, я в курсе легенд. Но какое они имеют отношение к Эльзе? И к местной церкви, к кладбищам, фиговым деревьям?

— Именно там нашли твою сестру, у церковного кладбища. Там растут фиговые деревья. А что до моей матери... она не в своем уме уже долгие годы. Верит в разное.

— Вроде чего?

— Что *самодивы* существуют. В историю, связанную с нашей семьей. Слышала ее?

— Нет.

— Она очень старая. Моя двоюродная бабушка Евдокия жила в регионе, который сейчас является частью Турции. После одной из многих балканских войн³ были возведены границы, и все, преследуемые турецкими войсками, перебрались на эту сторону. У Евдокии тогда был новорожденный младенец и, когда ты прячешься в лесах, плачущий ребенок это последнее, что тебе нужно. Только представь себе, каково очнуться посреди ночи и обнаружить, что над тобой стоит мужчина в тюрбане и кончик его ятагана направлен на твоего ребенка. "*Все неверные должны быть убиты во имя Аллаха!*" Когда лезвие начало погружаться, то ощущения были такие, словно надвое рассекали твое собственное сердце. Затем разверзся ужас. Массовая резня. Даже луна в небе и та кровоточила. Пока вдруг, словно спустившиеся прямиком с небес, среди деревьев не начали кружить белые фигуры. Молодые девушки. Хрупкие. Светящиеся. Такой ясной красоты, что встречается только в сказках. С выверенной точностью они стремительно отрывали каждую замеченную ими облаченную в тюрбан голову — *хрясь! хрясь!* — шеи ломались, словно ветки, извергая красные фонтаны, пока сами тела, дергаясь, падали на влажную землю. Как только дело было сделано, существа исчезли. Но прежде они пустились в танец, приглашая в их круг только одну человеческую девушку: ту, что проливали слезы над своим мертвым дитем. Позже выжившие рассказывали, как Евдокия спасла их. Как, обезумев от горя, она призвала *самодив*.

— Призвала их?

— Я слышал, что каждый, рожденный с кровью *самодив*, может вызывать их вот так... — Он щелкнул пальцами. — Без слов, просто так. Просто пожелать из появления в ночи, и они придут.

Теперь я понимала, почему родители все эти годы держали меня в неведении. *Рожденные с кровью самодив*. Я одна из таких? А моя сестра? Звучало это все, как безобидное суеверие. Фольклорный рассказ. Сказочка. Но однажды посаженные семенами в голову вопросы было невозможно вырезать.

— То есть вы говорите, что даже я могу... что в нашей семье может передаваться некоторая разновидность ведьминских способностей?

— Я говорю, что все это чушь, бред, который выдумывают пожилые люди, чтобы позабавить их ломящие от боли кости. Тебе бы хотелось обладать суперспособностями? Да и кто бы не захотел? Но мне жаль говорить тебе, что это лишь премилая история. Евдокия не была *самодивой*. Иначе она до сих пор была бы жива, ночами бродя по нашим побережьям.

— Как она умерла?

— Пневмония, довольно скоро после того, как добралась сюда. Я видел ее могилу собственными глазами.

— На церковном кладбище?

После быстрого кивка головой, он сменил тему разговора:

— Как долго ты пробудешь в городе? Приглашаю остаться у нас.

— Спасибо вам, но я забронировала номер в отеле. Уезжаю уже завтра рано утром.

— Вижу, родители уже не пристают за тобой так пристально.

— Вообще-то, у них нет особого выбора. Скоро я уезжаю в Америку.

— И ты тоже?

Это последний секрет о моей сестре, который я узнала от него. Тем роковым летом она хвалилась скорым отъездом в университет, тем, что уже куплен и билет и все прочее. Нередко упоминался город Нью-Йорк. А затем произошел инцидент у церкви.

— Мне частенько бывало интересно, поехала она в итоге или нет, — сказал он, бросая на меня взгляд прежде, чем мое безмолвие напомнило ему, что я знала о судьбе Эльзы еще меньше его. — Эти решения, связанные с учебой... Твоя родня наверно в смятении. Потеряв одного ребенка, они наверно и не думали, что второй тоже уедет.

— Может, по этой причине они и завели меня? Страховка, чтобы не остаться одинокими, когда Эльза вырастет.

— Не говори так. Люди заводят детей по многим и самым разным причинам, даже в зрелом возрасте. Дай им шанс исправить то, с чем они напортачили в первый раз. — Он улыбнулся и поднялся со скамейки. — Уверен, что они делали все возможное, чтобы уберечь тебя от проблем. И все же ты здесь.

Как только мы попрощались, я спросила у него, были ли у них фотографии Эльзы. Он отправился проверить некоторые старые фотоальбомы, но вернулся, качая головой.

— Прости, не повезло. Но хорошие новости в том, что тебе достаточно посмотреться в зеркало. Когда я только увидел тебя, то, клянусь, решил, что вижу привидение.

— А я... эфирная?

— Надеюсь, что нет! — посмеивался он. — Ты настоящая, из плоти и крови. Оставайся такой и дальше.

Я поблагодарила его и пообещала прислать открытку из Америки. Но я еще не закончила. Прежде чем уехать из Царево, мне нужно было сделать еще одну остановку.

ЦЕРКОВЬ ТЕРПЕЛИВО ЖДАЛА на голых скалах над черным морем. Закатное небо в одеялом расплывалось над всем вокруг, оставляя на окнах отливы насыщенных гранатовых оттенков, как будто все здание изнутри было охвачено пламенем.

Я сидела в машине.

И что теперь?

Подняться по склону... Открыть дверь... Войти и зажечь свечу...

Или просто уехать и никогда не возвращаться?

Как будто это все не имело значения. Я чувствовала себя преданной: каждым по отдельности, а особенно моими родителями. Когда правда выплыла наружу, ничто не могло изменить ее или дать хотя на намек на то, что же с ней делать.

У меня была сестра.

Скорее всего сумасшедшая.

Жива ли она еще? А если нет, то как умерла, случайно? Самоубийство? Или что похуже, что запечатывало всем рты так долго?

Я оставила машину у дороги и пошла по склону. Ко входу вела тропинка, сворачивающая лишь раз, на середине пути, чтобы избежать контакта со старым фиговым деревом, чьи изогнутые ветви провисали до земли непроницаемым куполом из плодов, коры и листьев.

"Как ты двигалась, как танцевала у фигового дерева. Белоснежная красота под светом луны..."

Я заглушила голос в голове; она просто пожилая женщина, приправившая свой рассказ деталями из легенд. Но ее место заняли другие голоса. Знакомых. Незнакомцев. Людей, знавших о моем прошлом больше, чем я сама. Я представляла их беседы. Годами скрываемые взгляды. Слухи, скрываемые за жалостью, склоненные друг к другу головы через мгновение после того, как я поворачивалась к ним спиной:

— Бедная семья. Пытаются сделать все возможное, чтобы уберечь хотя бы младшую дочь от скатывания в глубокую яму.

— А что случилось со старшей?

— Вы не слышали? Она была замешана в колдовстве. Стыд-то какой. Быть такой умной и попасться на *таких* делах!

— И Славины не знали?

— Должны были. Зачем иначе так торопиться заводить второго ребенка через пятнадцать лет после первого? Самое печальное, что проблема может быть в генетике... Но будем надеяться на лучшее. Ведь маленькая Теодора, кажется, очень даже нормальной.

Поднимаясь на вершину холма, я слышала, как внизу волны обрушивали свою ярость на камни. Воздух был пропитан солью, наполнен криками чаек, ароматом умерших моллюсков и морских водорослей (перегреваемых днем и загнивающих ночью). На расстоянии церковь обладала строгим, минималистичным шармом — была практически естественным продолжением скалы. Но вблизи поражала простотой. Стены казались возведенными совершенно случайным образом из любых материалов, которым довелось валяться не слишком далеко. Камни всех форм и цветов держались на честном слове, готовые вот — вот распасться на части природного хаоса.

Передняя дверь была заперта, так что я обошла церковь, обнаружив позади открытую террасу над морем. Перед огромными водами невозможно было не почувствовать себя крошечной. Но также я ощутила его равнодушие — разрушительное равнодушие мира, начинающегося там, где заканчивался мой дом. Где-то там в мире, в тысячах миль отсюда, уже ждала *граница*. Мечта. Неизведанное. Мои надежды на предположительно фантастическое будущее. Сейчас, впервые за все время, я задалась вопросом, готова ли к этому. Да и как я вообще могла быть готовой, когда мне больше не было известно, кто я? «Призрак ребенка» (термин, который я однажды увидела в книге): ребенок, выращенный в тени умершего брата или сестры. Всю свою жизнь, не осознавая этого, я была всего лишь заменой другой девушки. Наследуя ее обноски. Ее фортепиано. Ее внешний вид. И что бы там еще не было в нашей крови. Вероятно, я и вела себя, как она. Говорила точно так же. Было всего лишь вопросом времени, когда меня поманит Америка.

Отвлеченная этими мыслями, я не заметила наступление сумерек. Находившиеся вдали холмы исчезли. Тьма наступала быстро. Я отступила от перил, обернулась и пошла к другой стороне церкви...

Всего секунда ушла на осознание ошибки, но было уже слишком поздно. Передо мной, прямо под моими ногами, было кладбище. Кресты. Надгробные плиты. Чертополох. Он раскачивался в мою сторону, преграждал мне путь.

"Не приближайся к церкви, они поймут тебя на кладбище!"

Я не слушала, а теперь попала в ловушку. Внезапно ветер исчез. За ним испарился звук волн. Воздух оказался настолько недвижимым, что я начала слышать собственное дыхание. В ужасе, я обвела взглядом тьму до центра террасы. А там, невыразимо реальная, на фоне черного небесного полотна...

девушка...

одетая в белое

худая настолько, что казалась невесомой

лицом обращенная к морю, ногами едва касающаяся земли, с воздетыми к небу руками,двигающаяся так медленно...

Спотыкаясь, я бежала через кладбище, борясь с диким желанием оглянуться, чтобы убедиться в отсутствии погони, после чего сократила путь напрямик через спуск с холма, подальше от тропинки, от черного изваяния, которым могло быть только фиговое дерево.

Как только ноги почувствовали асфальт, я нырнула в машину, захлопнула дверь и выместила всю свою панику на педали газа.

КАК СКАЗАТЬ ДВУМ ЛЮДЯМ, которых ты любишь больше всего, что ты им лгала? До ужаса боялась возвращения домой, неизбежного выяснения отношений. Не то чтобы мне нужно было извиняться: склонность к хранению секретов у нашей семьи в крови. К тому же, судя по тому, что я выяснила, моим родителям было что рассказать побольше моего. Но это ничего не упрощало. Ни обратную дорогу до Царево. Ни первые шаги в гостиную. Ни восприятия тревоги на их лицах, когда я рассказала, что, вообще-то, не путешествовала с друзьями. И, наконец, самое сложное — новость о сестре.

Я хотела знать все, и они делились информацией неохотно, как если бы каждая деталь была ядом. Эльза была их гордостью. Идеальным ребенком. Гениальным дьяволенком, начавшим развиваться очень рано. Она научилась читать, когда ей было три. Играть на фортепиано в пять. Английскому языку в семь. Училась в лучшей старшей школе. Получала награды. Затем получила полную стипендию в Америке.

Во многом похоже на меня. Но это была лишь верхушка айсберга.

— Что с ней случилось?

Сначала мама сказала, что Эльза уехала учиться и не вернулась.

— Мам, мне нужно знать, что случилось на самом деле.

Они встретились взглядами — соучастники по жизни, пытающиеся пережить горе. Но затем безграничная молчаливая грусть вылилась наружу, внезапно прорвав многолетнюю преграду.

Эльза писала домой раз в неделю, звонила каждое воскресенье. Затем две недели в ноябре не было ни одной весточки. Родители повременили еще пару дней, прежде чем позвонили в университет и узнали, что их дочь придерживается расписания, как было указано в сканах ее персональных данных, взятых в кафетериях и учебных корпусах.

Десятого декабря, за две недели до рождества, поступил телефонный звонок от официального представителя университета с расстроенным голосом. Случилось нечто кошмарное: тело мисс Славин было найдено недалеко от походного маршрута. Без следов

насилия, хвала Господу. И нет, сомнений по поводу личности девушки не было. Учебное заведение позаботится об организации похорон (или транспортировке по воздуху, если семья предпочтет похоронить ее дома) так же, как и о других моментах, включая полет родителей туда и обратно.

— Так вы отправились в Америку?

Мама покачала головой.

— Мы получили еще один звонок, Теа.

Второй звонок принес новость странного характера, поведал о повороте событий, не укладывающимся в голове.

Тело Эльзы было украдено из морга. Накануне. Вот так просто.

«Мы глубоко сожалеем, миссис Славин, но несмотря на совместные усилия охраны университета и присутствовавшей там городской полиции, нет ни зацепки, ни подозреваемых.»

Газеты приступили рассуждать о возможном взломе, но утром морг был найден запертым, каким и был оставлен предыдущим вечером. Не говоря уже об очевидном: зачем кому-то оставлять тело у тропы лишь для того, чтобы похитить его немного погодя?

«Университет выказывает вам соболезнования. Наше управление уведомит вас о любом прогрессе по делу, но пока, мы предлагаем отложить вашу поездку.»

Было еще много звонков. Очень много. Но ни один из них не дал ни одного ответа. До нынешнего дня мои родители понятия не имели о том, кем — или чем — была отнята жизнь их дочери.

ГОДЫ РАЗМЫЛИ ПОЛАРОИДНЫЕ снимки, сделав изображения на них неузнаваемыми и бежевыми — все, кроме глаз. На краткое мгновение они околдовали камеру темно — голубым цветом, подобным зимним морям. Затем, постепенно, небо утихомирило свое буйство. Воды выдохнули и прояснились. И теперь те же самые глаза источали бледный свет, и взгляд их был устремлен на вас так, словно в последнюю секунду, прежде чем вовсе забыть о вашей встрече, Эльза добралась до каждого потаенного уголка в вашем сознании, до самой сути.

Тем вечером я лежала в кровати и смотрела на девушку, которая могла бы быть моей лучшей подругой. Мы действительно были похожи. Если бы разрыв в нашем возрасте был меньшим, нас могли бы принимать за близняшек. И все же я не замечала в себе очарования великолепного создания, имя которого до сих пор заставляло светиться глаза всех, кто ее знал. Она была эфирной, как одуванчик: цветок желаний. Из всех цветов только этот начинал свой путь ярким и сочным (как солнце), затем бледнел до невесомой серебристости (как луна), позволяя вам дунуть на него, рассеяв по ветру созвездия разрозненных семян, лишь бы ваши желания воплотились в жизнь. Как и у каждой девушки, у нее должны были быть собственные желания. Фортепиано. Университет подальше от дома. Парень, который, может быть (а может и нет), посмел разбить ей сердце...

Стук в дверь вынудил меня засунуть фотографии под подушку: отец пришел пожелать спокойной ночи. Но вместо обычных быстрых поцелуев в обе щеки он остановился у моей постели, не произнося ни слова.

— Мне лучше не ехать, пап?

— Не ехать? Так вот чего мы добились — разрушения планов?

— Я серьезно. Не хочу, чтобы вы с мамой мирились с этим второй раз.

– Второго раза не будет. Потому что ты приедешь на рождество.

– Конечно, приеду. — Также мне стало интересно, поседет ли он еще сильнее, могут ли за четыре месяца изменений быть очень явными визуально, если все это время не наблюдать их. — Я о другом: мой отъезд, отсутствие меня в поле зрения, беспокойство обо мне.

– Родители всегда беспокоятся. Это неотъемлемое состояние.

– Вы будете беспокоиться меньше, если я буду здесь.

– Как это пришло в твою маленькую головку? — Он сел на край кровати. — Конечно, ты едешь. Мы будем переживать куда меньше, если будем знать, что ты счастлива.

– Я могу быть счастливой где — угодно. Для этого не нужно идти по стопам сестры.

Он положил мне на колено руку — руку такую большую и теплую, что я часто хотела свернуться под ней как лилипут.

– Идти по чьим-то стопам нормально, Теа. Если ты не идешь за чьей-то мечтой.

Я огляделась, осматривая то, что явно не влезет в два чемодана.

– Сейчас я мечтаю поднять все это и переместить в Бостон, вместе с тобой и мамой.

Он попытался улыбнуться.

– Твоя комната все еще будет здесь, когда ты вернешься зимой. Как и мы с твоей мамой.

– Но мне казалось, что вы с мамой против Америки.

– Не против, просто... опасаемся ее. Особенно одного учебного заведения.

– Которого?

Он сразу же нахмурился. Очень, очень сильно.

– Принстон.

Несколько прошлых недель промелькнули в голове вспышкой: стресс из — за выбора университета, необъяснимая антипатия родителей к Принстону. Даже когда пришло письмо о приеме, они настаивали на Гарварде, а я обвиняла их в снобизме по принципу наименования: «Гарвард есть Гарвард» в Болгарии похоже было мантрой, явным решением для тех, кому посчастливилось туда попасть. Но время для окончательного принятия решения еще не пришло. У меня все еще была неделя, чтобы передумать.

– Пап, как думаешь, мы когда-нибудь узнаем, что с ней случилось?

– Нет. И я не хочу, чтобы ты пыталась узнать. Ты едешь учиться, а не гоняться за призраками прошлого.

– Почему? Я тут подумала, а что если...

– Никаких «если», Теа. Мы сделали все, что могли. Как и полиция, университет, пресса, наше посольство. Дело пошло дальше и не завершилось ничем. Поверь мне, оно очень быстро станет для тебя падением по спирали вниз.

– Почему?

– Потому что ты любишь ее и хочешь знать. Ты одержима поисками. Заголовками в прессе. Университетскими протоколами. Не находишь ничего в том, что имеешь, и начинаешь перебирать документы тысячу раз. *Может я что пропустила? Должна быть улика...* Проходят годы. Затем появляется интернет и становится твоим ежедневным наркотиком. *Еще пять минут, еще один поиск.* Пока ты не начинаешь осознавать, что не приближаешься к разгадке. И никогда не приблизишься.

Он выглядел опустошенным. И в этот момент я поняла: я поеду в Принстон. Может мой отец был прав, и не было никакой надежды на выяснение того, что же стало с Эльзой. Но как я могла быть уверена, не попытавшись? Все, что я считала своим: семью, дом, жизнь,

которую должна была оставить позади — разрушалось плахой, построенной из лжи. А на их месте что? Подозрения. Опасения. Страх, что я могу, как и моя сестра, стать... чем именно? Психически неуравновешенной? Подверженной бреду? Чудачкой? Ведьмой? Монстром?

— Итак, никаких игр в детектива. Обещаешь? — Он поцеловал меня и пошел к двери.

— Пап... — Когда он обернулся, его лицо наконец было умиротворенным. — А что за история про *самодив*?

АЭРОПОРТ СОФИИ ВЫГЛЯДЕЛ, как и любой другой: белый мрамор, сталь, благодаря стеклянным потолкам все залито светом, словно весь терминал был спроектирован так, чтобы тем, кто оставался здесь, была подарена иллюзия, будто они сами отправляются куда-то, взмыв ввысь, в небо.

Я летала за границу и раньше для участия в музыкальных фестивалях и соревнованиях и обожала каждую минуту этого процесса: даже суету в аэропорту, когда родители непрерывно фотографировали меня во время демонстрации посадочного талона, как официального доказательства о начале очередного путешествия.

На этот раз все было иначе. Я силой заставляла себя проходить через охрану. Потом паспортный контроль. Затем спуск по коридору на посадку. И я снова и снова оборачивалась, лишь бы поймать взглядом мелькание двух фигур, быстро растворившихся в толпе и превратившихся в парудвигающихся точек (все еще машущих руками).

Что за дар природы, эта маленькая девочка. Но Славины все равно останутся сломленными людьми.

Услышала я эти слова годы тому назад. Но их значение до меня дошло лишь в самолете до Америки. Существовали разные типы сломленных людей. Те, кто потерял любовь. Дом. Мечту. Также были люди, пережившие крах, прошедшие через потерю большего одного раза, и их души латались, рвались и снова латались, пока не становились похожими на лоскутные одеяла: с квадратиками самых различных цветов, доказывающими, что сердце все равно остается теплым, готовым к следующим разрывам.

Теперь и я впервые почувствовала себя сломленной. Я пыталась думать об университете, о новой жизни, что ждала меня там. Но могла представлять лишь маму с папой, которые возвращались в пустой дом. Я огорошила их в мае, рассказав о решении ехать в Принстон. Я ведь не просто приняла решение, но выполнила все необходимое для этого, не оповестив их: написала в университет, забронировала билет на самолет и прочее. Это был их худший кошмар. Судьба смеялась им в лицо после восемнадцати лет попыток игнорировать именно это: я становилась такой же, как Эльза. Я пыталась объяснить, что была другой, что прошлое меня не пугает, и что Принстон не более опасное учебное заведение, чем другие. Если, находясь там, мне удастся решить тайну ее смерти — почему нет? И даже если не смогу, то они хотя бы примирятся с самим местом и воспользуются, наконец, отмененной поездкой спустя столько лет, только на этот раз ради моего выпускного...

Чтобы перенести десятичасовой полет, я начала читать книгу с легендами. На обложке была девушка в белом, стоящая у колодца и смотрящая на луну. *Однажды, давным — давно, за тридцать земель...*

В рассказе о *самодивах* говорилось, что они плавали в черных водах горного озера: обнаженные и невинные, словно увлеченные и забывшиеся в играх дети. После купаний, как только они облачались вновь в свои одежды, их танец, гипнотизирующие кружения в

хороводе, наполнялся магией: круг из переплетенных рук и мелькающих ног, чей ритм распространялся по лесу дрожью.

Никогда еще смертный не видел такой красоты. А из тех несчастных, что видели, из тех обреченных скитальцев в ночи, кто осмелился ступить на луга, на которых самодивы насыщались луной, глаза тех никогда больше не видели рассвет, никто из них не дошел до дома, чтобы поделиться сказом о любовной печали.

Будь то бродяга, сложивший колени под кроной ветвистого дуба. Будь то вор, посчитавший опавшие листья дуба подушкой на одну ночь. Торговец ли, весь день гнавшийся за неуловимой сделкой, привязавший коня к изборожденному стволу дуба. Или будь то сбившийся с пути монах, читающий молитвы у корней дуба, щекой касаясь земли, как будто зазывающей его и убаюкивающей ко сну. Но все одно: равный конец был сужден им всем. Конец из троекратного наслаждения и десятикратного кошмара...

– А что за история про самодив, пап?

Он побледнел, побледнел от безысходности, как мужчина, который достаточно долго страдал лишь для того, чтобы понять, что болезнь разъедала его с самого начала.

– Почему ты спрашиваешь, Теа?

Я пересказала, что услышала в Царево, но не упоминала о визите в церковь.

– Старая Стефана все еще живет в ее полоумном мире! Она всегда забивала голову твоей сестре этими фольклорными историями, почему мы и не хотели, чтобы ты приближалась к ней. Но сын-то хотя бы мог продемонстрировать здравомыслие.

– Он сказал мне лишь то, что знал.

– И ты поверила во все это?

– Почему бы и нет?

– Потому что людям нечем больше заняться. Им становится скучно, и они дают волю своему больному воображению.

– У Эльзы тоже было больное воображение?

Ответа не последовало.

– И, пап, есть ли что-то подобное в нашей семье на самом деле?

Он обратно сел на кровать и потянулся к моей руке, словно его прикосновение могло убедить меня в том случае, если слова не смогут.

– Ничего такого в нашей семье нет, неважно, кто что говорит. Твоя сестра была совершенно здоровой девушкой. Как и ты.

– И все же она верила в легенды о самодивах.

– Она была очарована ими, а потом начала верить, да. Но не из — за передаваемой по наследству невменяемости. Все дело было в университетском проекте.

Я почти рассмеялась. *Все студенты танцуют в полнолуние на церковном кладбище. Белая одежда предпочтительна. Дополнительные баллы за осуществление танца в пределах фигового дерева.*

– С чего бы университету предлагать такой проект?

– Он не был предложен, она была волонтером. У твоей сестры было две страсти: фортепиано и археология. Каждое лето у черного моря она водила нас посмотреть древние поселения. Городские стены, церкви, любые руины. Чем старее и дряхлее, тем лучше.

Что объясняло ее частые побеги к церкви в Царево, но не то, что я там видела.

— В первые годы после коммунизма мародеры начали контрабандой переправлять антиквариат за границу. Эльза и ее сокурсники связались с министерством культуры, чтобы вносить в центральную базу данных артефакты. Им открылись коммунистические архивы, склады, целые помещения с предметами искусства, с пометками "высокая конфиденциальность" и запечатанные десятилетиями. И тогда она нашла свиток, который в итоге захватил ее разум.

— Что за свиток?

— Записанное признание монаха, который якобы был ослеплен в лесу *самодивами*. Эльза обожала необычные истории и не прекращала говорить об этой: что этот монах мог быть тем самым мастером, создавшим крест для Рильского монастыря.

— Тот знаменитый крест? — Он был одной из самых сокровенных реликвий Болгарии. Деревянный крест, который отличался сотнями резных деталей, в миниатюре изображающими сцены из Евангелия.

— Да. Она пришла к мнению, что благодаря *самодивам* монах обрел сверхъестественные силы. Что он создал крест только после того, как был ослеплен.

— А что, если это правда?

— Это невозможно, Теа.

— Почему?

— Потому что этих существ не существуют. Какой-то взбудораженный мужчина написал какую-то выдумку, а твоя сестра восприняла ее слишком серьезно.

— Пап, может у тебя есть копия этого рассказа?

— Эта беллетристика в прошлом. И ты пообещала мне не лезть в это дело.

Он выглядел расстроенным, потому я не настаивала — ни в эту ночь, ни следующие несколько месяцев перед отправлением в Америку. Все мои вопросы об Эльзе, а особенно о ее жизни в Принстоне, получали одинаковые ответы: "*Ничто из этого уже не имеет значения*". Ее письма из университета? Уничтожены. Ее пожитки? Не было смысла хранить их. А три закрытых сундука? Он отвел меня к запертой комнате и открыл их один за другим. Все три были пусты.

Я ни на секунду не поверила, что мои родители, два самых сентиментальных человека из всех, что я знала, хранившие даже корешки билетов с моих концертов, которые бережно размещались в альбомах, выбросили бы все, что осталось от их первого ребенка. Вероятнее всего, вещи Эльзы вынесены из дома и заперты в другом месте, в безопасности и вне досягаемости для меня. Возможно со временем, когда я проведу в Принстоне несколько семестров, мама и папа смогут наконец отпустить их страх и дать мне доступ к жизни сестры, включая упомянутый "вымысел", который захватил ее разум рассказами монаха и лесными ведьмами.

Сейчас же другая выдумка обнаружила путь к моим рукам, и я продолжила читать о *самодивах*, пока остальные в самолете спали. У слов был игривый, присущий сказкам ритм. И все же болгарские сказки часто читались с мрачным налетом предзнаменований.

Мягко ступая из их купален, смеясь и возбуждаясь из — за звездного тумана, девы начинают ощущать на себе скрытый взгляд путешественника. Они искушают его, выманивают и дарят ему их невинные тела. Пока ночь не пронизывает странный стук. Пульсация внезапно ожившего ритма. Красавицы начинают их танец, луна же дает волю их безумию. И задыхающиеся, неистовые, свободные в конце концов, они замыкают вокруг

Дальше следует кошмарный пир. Потворство жестокости. Ведьмы танцем подводят жертву к краю смерти и, как только его сердце поражают первые спазмы, они опускаются к нему, охваченные зверским голодом, вынимают его глаза, сердце, отрывают его конечности в мстительном порыве.

Затем происходит немыслимое: младшая из трех, Вилья, влюбляется. Так получилось, что он является юным пастухом, одаренным игроком на дуде, скитальцем, не имевшим в этом мире ни единой заботы. Как и другие до него, он натывается на *самодив*. Спрятавшись во тьме леса, он наблюдает, как луна наполняет их танец необузданными ритмами. Но прежде чем взгляд Вильи падает на него, прежде чем где-то в глубине ее дикого сердца она замечает, что впервые его биение полно необъяснимым, новым желанием, ночь успевает явить пастуху (или ветер нашептывает, или же догадывается его сердце) секрет, прежде неизвестный ни одному смертному: секрет, где кроются силы Вильи и как их украсть...

Секрет, как пленить *самодиву*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Пленник

Мой профессор греческого искусства не поверил мне, когда я рассказала ему, как мало я знала об Эльзе. В некотором смысле он был прав: я поведала ему безумную часть, о *самодивах*. Но я понятия не имела о реальных фактах ее жизни, включая несколько последних месяцев в Пристоне.

Он тоже ничего не знал или, возможно, предпочел не говорить об этом. Когда я пыталась вытащить из него больше информации, он бормотал, что догадки никому не приносили пользы, особенно догадки о прошлом.

— Прошлое в сторону, мисс Славин, я хотел бы продолжить нашу беседу о мифе об Орфее.

И намекая на то, что он хотел бы показать мне что-то еще, профессор попросил меня зайти к нему в пятницу около пяти часов дня.

В отличие от него, тем не менее, я не могла оставить прошлое в стороне. Все лето я фантазировала о том, как оказавшись в Принстоне, я пройду по стопам Эльзы. Узнаю о том, где в кампусе она жила. Что изучала. О ее любимых преподавателях. О соседях по комнате. О ее лучшем друге. Возможно даже о парне, после неудачных отношений дома.

Мой план действий был прикреплен к карте кампуса, изображающей административные здания, в которых наиболее вероятно можно было найти информацию о

каждом из пунктов. Офис регистратора был отправной точкой. Самопровозглашенный "хранитель всех академических записей" хранил не только данные о регистрации, но также каждый выбранный студентом курс и их оценки. Далее в офисе финансовой помощи могли знать работала ли Эльза на территории кампуса и, если да, то где. В офисе расселения студентов могли бы подсказать мне ее общежитие, а если повезет, то и номер комнаты. Оттуда я хотела зайти в общежитие, чтобы узнать подробности о ее жизни в Принстоне.

Фокус в том, что я, конечно же, должна была задавать вопросы, не привлекая внимание к себе или к тому, что я пыталась раскрыть преступление. Поскольку, если бы распространился слух о том, что сестра сумасшедшей пропавшей девочки теперь в Принстоне и причиняет беспокойство, университет, скорее всего, установил бы за мной специальное наблюдение, чтобы контролировать мою безопасность и моральное состояние так же, как Уайли контролировал мою музыкальную карьеру, Доннелли — мой учебный план, Рита — мою социальную жизнь. Не говоря уже о том, что они могли сообщить моим родителям, а этого я хотела избежать больше всего.

Пока Джайлс был единственным, кто узнал о моей связи с Эльзой, и если бы это зависело от меня, то я бы предпочла, чтобы так и оставалось. Но, чтобы вывести незнакомцев на разговор, необходимы были навыки. И лишь неделю назад моя первая попытка расследования провалилась.

— Мисс, прошу прощения, должно быть я неправильно вас поняла. Вы Эльза Славин или нет? — уставилась на меня пухлая женщина поверх своих очков в черепашьей оправе, сидящая в регистрационном офисе. — Потому что если нет, я не так уж и много могу сделать, чтобы выполнить ваш запрос.

— Я сестра Эльзы, надеюсь это учитывается? — Мое студенческое удостоверение едва удостоилось ее беглого взгляда. — Она училась здесь в 96 году, а я только что сюда приехала и мне любопытно... каковой была ее жизнь в Принстоне.

— Любопытно? — идеально выщипанные брови изогнулись, давая понять, что ее взяли на работу не вчера. — Боюсь, что любопытство не является достаточным основанием для доступа к чужим файлам, даже для родной сестры. Все студенческие записи, за очень немногими исключениями, конфиденциальны. Это политика университета, и она строго соблюдается.

— Каковы исключения?

— Основная информация: имена, даты поступления, факультеты и курсы, места рождения. Также можно узнать вес и рост членов спортивных команд.

Другими словами, данные, которые либо не относились к Эльзе, либо которые я уже знала.

— Вы не можете сказать мне что-то еще? Хотя бы какие занятия она посещала?

— Только если она дала вам на это письменное разрешение. И «письменное» означает подписанное лично мисс Славин.

К этому времени в голосе регистраторши уже слышалось плохо скрываемое раздражение. Я решила рискнуть.

— А что делать, если студент так и не выпустился?

Судя по ее непоколебимому выражению лица, это ничего не меняло.

— А если человека уже нет... — Слово «в живых» вертелось на кончике моего языка. — ... в США, и он не вернется?

— Правила конфиденциальности соблюдаются неукоснительно. Ожидание наших

студентов на неразглашение личных данных не ограничиваются границами страны.

— Понятно. В любом случае спасибо. — Я забрала бланк запроса, который она ранее попросила меня заполнить. И вдруг только сейчас, вероятно для того, чтобы убедиться, что я не побеспокою ее снова, женщина решила стать полезной.

— И на будущее, вот копия нашего кодекса на доступ к архивным файлам студентов. В пункте «б» вы увидите, что политика конфиденциальности прекращает действовать только после смерти студента или спустя семьдесят пять лет с момента создания этих файлов. Если вы считаете, что ваш вопрос заслуживает дальнейшего рассмотрения, то вы можете написать заявление на имя декана. Пример на обороте.

Я снова ее поблагодарила, на этот раз искренно. Но мое волнение длилось недолго, ровно до того, как я присела на скамью прочитать данную мне выписку.

Запрос на личные данные студента, умершего в течении шести лет после зачисления в Принстон, должен сопровождаться подписями ближайших родственников.

Каких ближайших? Я поискала фразу в интернете на своем телефоне — это юридический термин о том, кому переходит право на ваше имущество, после вашей смерти. Порядок таков: дети — родители — внуки — братья и сестры. Это означало, что для доступа к файлам Эльзы потребуется подпись моих родителей, не моя.

И как будто этого было недостаточно, примерно через час зазвонил мой телефон. Офис декана университета был поставлен в известность о моей попытке получить записи и, вместо того, чтобы ждать моего запроса, они сами связались со мной.

— Теа, до нашего сведения дошло то, что Вы являетесь сестрой... — Мужчине пытался найти правильное слово, чтобы описать плачевную ситуацию с Эльзой. В голове пронеслась мысль: *«Просто скажи это: сестра той бедной девушки, труп которой был похищен из нашего кампуса пятнадцать лет назад.»* — ... мисс Эльзы Славин. Боже, какая трагедия! При таких странных обстоятельствах... по крайней мере, мне так рассказывали, поскольку эти события произошли до того, как я начал свою работу в Принстоне. Без сомнения, это должно быть тяжело для вашей семьи.

— Да, эта боль навсегда останется с моими родителями, но что касается меня, я совсем не помню Эльзу.

— Не удивительно, учитывая разницу в возрасте. И все — таки замечательно, что вы решили поступить в тот же университет. Я предполагаю, что это было не единственным вашим приглашением от учебных заведений подобного класса, и многие на вашем месте держали бы обиду на Принстон.

— На самом деле я была рада, что Принстон не настроен против *меня*.

— Совсем наоборот. Наш колледж будет в вечном долгу перед вашей семьей. Это конечно не означает, что произошедшее было виной Принстона, но принять вас в качестве студента — это наименьшее, что мы можем сделать для вашей семьи.

Мне не понравилось, как это прозвучало.

— Вы хотите сказать, что меня приняли в Принстон из — за того, что случилось с моей сестрой? Своего рода... наследие?

Под «поступление по наследству» имеется в виду существующая в Америке противоречивая практика: абитуриенты, которые были в родстве с выпускниками, особенно если эти выпускники жертвовали деньги или сделали что-то другое для университета, имели в два раза больше шансов быть зачисленными в него.

— Послушайте, Теа... — на этот раз он тщательно подбирал слова для ответа. — Я

видел ваше дело и у вас более чем предостаточно положительных рекомендаций для поступления. Все, что я хотел сказать, это то, что мы должны быть крайне деликатны к ранее произошедшей истории. Что приводит нас к причине моего звонка. Я хочу удостовериться, что, если вам что-то понадобится или вы столкнетесь с любого рода препятствиями, вы сообщите об этом лично мне. Нет смысла в запросах или беседах с администраторами, которые не знают ситуации и не могут помочь. Как та леди в регистрационном офисе.

— Но она должна была знать, раз сообщила Вам о моем визите.

— Не знала, пока не провела обыденную проверку имени, которое вы ей дали, после вашего ухода. В следующий раз просто позвоните мне, хорошо? Это многое упростит. — Я была уверена, что этим я упрощу ему присмотр за мной. — Что касается табеля успеваемости вашей сестры — это не проблема. Я пришлю вам его копию на электронную почту.

— А как насчет остальных файлов, могу ли я получить к ним доступ?

— Я не думаю, что что-то осталось. Все было передано в рамках расследования в окружное отделение полиции Принстона. Могу я дать вам совет?

— Конечно, пожалуйста. — Если мне отказывали в информации, всегда прилагался совет.

— Вы начали новую главу своей жизни. Приехали в Америку, в Принстон. Не портите это гонкой за тем, что только расстроит вас и приведет в никуда. Попробуйте похоронить прошлое и ... — Это прозвучало настолько похоже на «похороните мертвых» — единственное, что мои родители никогда не смогут сделать — что я почти почувствовала его смущение. — В любом случае, я думаю вы поняли, что я имею в виду. О, и еще кое-что. Я попросил службу социальной помощи позвонить вам.

— Помощи?

— Да, из нашего центра здоровья в МакКоше. Конечно, вы не обязаны с ними говорить, но я бы вам все — таки посоветовал это сделать. Это неофициально, всего лишь договоренность, чтобы перестраховаться. Конечно же, это конфиденциально.

Что, как я уже знала, строго соблюдалось в Принстоне. Я лишь не знала в чем он хотел «перестраховаться».

— Неужели мой интерес к жизни Эльзы в Принстоне настолько... проблематичен?

— Ваш интерес сам по себе — нет. Проблемы может создать интерес других. Несмотря на то, что прошло довольно много времени, могут появиться последствия.

— Например?

— Ну, этот случай, кажется, был главной новостью в то время. И люди не забывают такие вещи, особенно в таком тихом месте, как Принстон. Рано или поздно это всплывет в каком-нибудь разговоре.

— Даже если и так. Мне нечего стыдиться.

— Конечно нет. Но я полагаю, что смерть вашей сестры довольно щепетильный вопрос. Мы хотим, чтобы вы были полностью готовы к тому, чтобы справиться с этим, вот и все. Наша задача — обеспечить каждому студенту плавное привыкание к жизни в университете, и мы стараемся устранять все преграды на пути к этому.

Я была уверена, что, в тот момент, его работа состояла в том, чтобы заглушить мои подозрения и направить меня к консультанту. Но у меня тоже были свои планы. И, как и он, я не собиралась позволять чему-либо встать на моем пути.

УЧЕБА ЗАСАСЫВАЛА МЕНЯ, словно зыбучие пески. Я продолжала пытаться распутать этот загадочный клубок, успевая при этом выполнять все задания, стремительно приближающиеся к дедлайну, что было возможно только при отсутствии сна и с зашкаливающим пульсом. И все же не было смысла обращаться к кому-либо за помощью. Дома я видела такое решительное выражение жизни или смерти на лицах людей, только когда приезжала скорая помощь или пожарники.

В довершении всего я должна была начать работать в кампусе — те смены в кафетерии, о которых меня предупреждала Доннелли. Офис Финансовой помощи назначил меня на работу в обеденном зале Магистерского Колледжа, вероятно из — за его близости к Форбсу. До меня доходили слухи об этом месте, о его снисходительной красоте, созданной почти век назад во время разгоревшейся известной вражды между деканом Эндрю Вестом и тогдашним президентом Принстона Вудроу Уилсоном. Вскоре должно было начаться строительство Магистерского Колледжа. Уилсон хотел его построить на территории главного кампуса, где все могли бы смешаться, и магистры могли бы послужить примером для шумных первокурсников. Однако у Веста были другие планы. Он предложил построить богатую академическую обитель, мини — копию Оксфорда и Кембриджа, в котором он мог бы руководить своими стажерами и возвращать старые европейские традиции, вдали от толпы первокурсников и вне досягаемости Уилсона. Вскоре последовали деньги, и Вест смог осуществить свою мечту, возведя готические стены кампуса, которым будут завидовать и подражать конкуренты, такие как Дьюк и Йель.

Мой первый рабочий день пришелся на среду. Мне так не терпелось увидеть творение Веста, что я решила срезать путь через поле для гольфа. Конечно это означало, что я нарушила правила, поскольку гольф — клуб был закрытым, и его членам не нравилось, что во время игры на него вторгались студенты. Но на то, чтобы пройти по университетской дороге потребовалось бы намного больше времени, а на праздные прогулки у меня его не было.

Через несколько безукоризненно скошенных холмов карта кампуса привела меня через резную каменную арку на задний двор, который заканчивался настезь открытыми массивными деревянными дверьми. На мгновение я подумала, что по ошибке попала в церковь. Затем я увидела стулья, длинные столы, солонки и перечницы, стоящие на них на идеально ровном расстоянии. Гигантский обеденный зал был пуст. Я попыталась осмыслить все это и представить, как я буду работать, а другие обедать, в месте, которое всем своим видом и ощущением напоминало готический собор.

Все в Проктер Холле было огромным, средневековым и красивым. Тяжелые двери, открытые в вестибюль, были отделены от других тонкими деревянными брусками. Сам зал был абсолютно ошеломляющий. Его стены были обшиты богатыми дубовыми панелями, на которых висели портреты уже умерших академиков. Над ними возвышались неразрывные белым камнем арочные окна, позволяющие свету изливаться на столы в абстрактных причудливых формах. Еще выше с резных балок куполообразного, как внутренняя часть перевернутого корабля, потолка низко свисали двенадцать люстр, со скалящимися горгульями на каждой из них. На противоположном конце доминировал над всем залом роскошный витраж, щеголяя замысловатой мозаикой своих пронзительных, ярких цветов. И царствовал над всем этим, стоящий перед входом орган — самый величественный, из всех мною виденных.

Сама работа не имела ничего общего с красотой. Вооружившись резиновыми перчатками, я забирала разносы у закончивших свою трапезу. Столовое серебро — направо. Грязная посуда — налево. Еда отправлялась в одно мусорное ведро, салфетки и мусор в другое. Сначала мой желудок сжимался от вида того, что люди оставляли на подносах. Потом я уже этого не замечала.

— Магистры — странное сборище, — предупредила меня одна из девушек из моей смены. — Большинство из них довольно милые, но попадают и социально — опасные элементы, и это пугает. Просто игнорируй их. Ты не должна потакать их глупым попыткам флиртовать.

— Например?

— Например, дешевым фразам пикапа. Сегодня, к примеру, основное блюдо — запеченная курица. Если ты будешь стоять в конце раздаточной линии, то должна будешь спрашивать, что они хотят — ножку или грудку. Этот вопрос вызывает очень странные ответы у некоторых из ребят. И так каждую среду! Та же запеченная курица, те же ребята, те же ответы. Это даже жалко.

К счастью, возня с разносами не включала в себя разговор о частях тела. Несколько студентов остались, чтобы завязать со мной разговор. Да, в основном это были парни, но все они были довольно дружелюбны. Единственный вопрос, который чуть не пересек границу, был о моем акценте, да и не о самом акценте шла речь, а о том, что Болгарское происхождение приобретало слегка иное значение, когда я убирала за другими людьми, вместо того, чтобы сидеть за одним столом со всеми.

На протяжении всей смены мой взгляд падал на накрытое фортепиано в другом конце зала. В Принстоне было много фортепиано, большинство из них находились в крошечных кабинетах или в зонах общего пользования, где столпотворение не прекращалось. Это же было идеально: когда обеденный зал закрывался на ночь, ничто не могло встать между мной и моей музыкой.

Позже, в тот же вечер, я захватила несколько нотных листов из своей комнаты и выскользнула в окно. Короткая дорожка, усыпанная гравием, вела меня к полю для гольфа, где пруд отделял собственность гольфа — клуба от собственности Форбса, а фонтан издавал ностальгическое звучание, поднимая в небо свои брызги — это был тот же звук, который я слышала в первую ночь из своей комнаты. Минуя пруд мне пришлось подняться на холм по газону к Магистерскому Колледжу и его Кливлендской башне, четыре белых турели которой насквозь пронзали тишину в мечтательной попытке поднять все здание в воздух.

В воздухе витало ощущение захватывающего дух умиротворения, о котором можно только мечтать, но представить его в полной мере невозможно, пока не окажешься в самой его сердцевине. Ни один листочек не шевелился на разбросанных по территории деревьях. Полная луна полировала каждую травинку жидким серебром, ее изумительный шар завис низко над башней, такой большой и осязаемый, словно кто-то подкатил его настолько близко, насколько только осмелился.

Мне не пришла в голову мысль, что Проктер Холл может быть закрыт, но так и было. Я повернулась, чтобы уйти, смирившись с мыслью, что мне снова придется играть в переполненном холле Форбса...

... и в этот момент я услышала шаги. Громкие и тяжелые. Они эхом отдавались от каменной лестницы, ступени которой начинались сразу за дверьми обеденного зала и исчезали под землей, в одном из многочисленных коридоров Магистерского Колледжа.

Первыми показались темные беспорядочно торчащие волосы, а вслед за ними появился коренастый мужчина средних лет.

— Вечер добрый. Вы случаем не нимфа?

Кто? Я посмотрела в сторону выхода, жалея, что вообще покинула свою комнату.

— Прошу прощения, я напугал вас? — Его огромные глаза продолжали смотреть в мою сторону, постоянно моргая. — Конечно, напугал, ведь сейчас такой зловещий час. Пожалуйста, не обращайтесь внимания на мой странный юмор. Мне показалось, вам необходима помощь?

— О нет, спасибо, я уже собиралась уходить.

Его веки наконец-то замерли, когда его взгляд остановился на нотных листах в моей руке.

— Позвольте... — Он прошел мимо меня и вставил большой ключ во входную дверь обеденного зала, провернув его один раз. — Никакой замок не должен мешать, когда ночь требует музыки.

Что-то в его голосе, возможно нотки смеха в его тембре, было странно успокаивающим. Я спросила, не побеспокоит ли кого-нибудь моя поздняя игра.

— Побеспокоит? Нисколько. Звуки не покидают этих стен, к моему сожалению. — Звук его голоса отбивался от потолка. — Происходит это только раз в несколько голубых лун, от музыки истинной нимфы.

— Я уж точно не нимфа.

— Едва ли вам судить об этом. — Он почесал голову, вытаскивая и убирая в карман несколько одиноких листьев, которые своей формой напоминали мне плющ. — Поистине неловко. Растительность здесь нуждается в постоянной обрезке. На самом деле, это часть моей работы.

Я постаралась не рассмеяться. Что в действительности нуждалось в стрижке — и серьезной — так это его голова. Грива, брови, борода — слились будто бы в облако сахарной ваты, где сахар заменил деготь. Казалось, Принстон был полон таких странных типов: небрежно одетые магистры, растрепанные преподаватели, слишком занятые или отвлеченные, чтобы позаботиться о своем внешнем виде. Они напоминали Эйнштейна. Более века назад в Принстоне доказали, что не только время и пространство, но и вид гения — относительны.

— Так вы тот самый невидимый садовник? Вы сотворили чудо с этим местом.

Сетка морщин покрыла его глаза, когда он начал смеяться.

— Я всего — навсего привратник. Хранитель ключей. Главным образом этой башни.

— Вы храните ключи от Кливлендской башни?

— Кому-то необходимо этим заниматься. Нахождение наверху в ночи уже соблазнило одну или две души на прыжок.

— Самоубийство? В Принстоне?

Мое любопытство расстроило его.

— Такого уже не происходит.

— А когда произошло последнее?

— Последнее? — он заколебался. Либо что-то вспоминая, либо анализируя свои слова. — Скорее всего оно произошло давно. Задолго до того, что происходит сейчас.

Его ответ смутил меня, но он был единственным, который я могла получить. Кивнув в сторону Проктер Холла, он напомнил мне, что я пришла сюда играть, а не обсуждать

самоубийства с незнакомцем.

— Спасибо за то, что открыли дверь. Мне повезло, что вы проходили мимо.

— Мне крайне приятно. Как вас величать?

— Теа.

— Теиа... — Новая гласная буква проскользнула между двумя другими, как будто давно утерянный звук завершил музыкальную гармонию. Глаза привратника закрылись, запечатлевая в памяти мое имя.

— А ваше имя?

— Сайлен. Как Сайлент, лишь буква «Т» немая.

Он достал странный инструмент из своего кармана (две соединенные между собой флейты с одним мундштуком), прижал к своим пухлым губам и исчез в лестничном проходе, оставляя за собой отголоски мелодии, чьи неуверенные, воздушные звуки отдаленно напоминали Дебюсси.

Не в силах избавиться от ощущения, что этот человек мне приснился, я потянулась к ручке двери. И на этот раз она послушно поддалась, впуская меня в тишину огромного обеденного зала.

СЛАБЫЙ СВЕТ ТАБЛИЧКИ «выход» освещал фортепиано; остальной зал был скрыт темнотой. Музыка медленно унесла меня в воспоминания: сначала в гостиную моего дома, где я играла точно так же как здесь — в одиночестве, затем в Александр Холл и к силуэту, который я видела там. *Твой Шопен — роскошен!* Эти слова не покидали мой разум, вызывая в памяти и другие сказанные им мне краткие фразы. Я хотела снова играть для него. Представляла, как он сидит в нескольких метрах от меня, вслушиваясь...

Должно быть я провела там несколько часов. Мои запястья были слишком истощены, чтобы оставаться над клавишами, а мое тело было невероятно, несказанно уставшим. Но я не хотела возвращаться в Форбс, пока нет, поэтому я закрыла крышку фортепиано и опустила на нее свою голову, чтобы немного передохнуть.

Я заснула, поэтому, когда я вновь открыла глаза, мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить где я нахожусь. Снаружи уже был рассвет. Большая часть темноты рассеялась, уступив место окутавшему все туману.

Я направилась обратно через поле для гольфа, едва проснувшись и вновь убаюканная — даже на ходу — неожиданно плотным воздухом.

— Почему ты так быстро пытаешься исчезнуть?

Паника и желание сбежать появилось на долю секунды раньше, чем понимание, что побег может только усугубить ситуацию — парень появился рядом со мной. Беспокойные глаза. Взъерошенные волосы. Покрасневшее от бега лицо. Увлеченная своими собственными мыслями, я не заметила приближающуюся сквозь туман фигуру. Но он заметил меня. И теперь он улыбался мне, зная, как и я, что мы были далеки от мира. Наедине. Невидимые. Что никто не услышит крик с поля для гольфа. Не в таком тумане и не так рано.

Почему ты так быстро пытаешься исчезнуть? Я должна была сказать что-то. Хоть что-нибудь.

— Почему бы и нет?

— Потому что я тебе этого не позволю.

Снова эта улыбка. Я отступила на шаг. Потом еще на пару шагов. Он следовал за мной, будто какая-то скрытая сила влекла его в моем направлении. Я встала в ступор, наблюдая за

его движениями. Он был безупречен. Сплошная энергия. С грациозной походкой дикой кошки, важно осматривающей свои владения.

— Ты боишься меня? — Эта мысль казалось обеспокоила его, и на сей раз он добавил более мягко. — Не стоит.

Внезапно я узнала этот голос. Этот силуэт. Больше не скрываемый тенью, движущийся на свету с решительностью, которой я не заметила прежде. Мы наконец-то встретились — мой преследователь и я. Не издалека, не в анонимной темноте и не в музее с охраной, готовой выскочить в любую секунду. При свете дня он был еще более поразительным — прекрасный, с совершенной красотой, достойной журнальных разворотов, красотой, которая, я могла поклясться, постоянно ретушировалась, но сейчас он стоял прямо передо мной взерошенный и настоящий. В его лице сочетались сила и хрупкость. Напряженные, выпуклые скулы. Полные губы, вызывающие озноб при малейшем изгибе улыбки. Небесно — голубые глаза, которые казалось было легко обидеть и в то же время они мгновенно, с такой же легкостью, могли обернуться льдом.

— Прежде я не видел тебя в тумане. — сказал он все еще улыбаясь.

— Такие существа как я выходят только на рассвете. — Я тоже прикрылась шуткой.

— Тогда зачем сейчас делать исключение?

— Возможно это счастливое исключение.

Было невозможно отвести взгляд от его лица. Но я уже видела все остальное и прекрасно помнила его. Сильная, гладкая шея. Обнаженная грудь, поскольку его расстегнутая рубашка свисала над джинсами. И его кожа — прекрасная, почти прозрачная, заставляла его казаться уязвимым и все же стойким.

— Твое исключение поймало меня в плен. — Его глаза изучали мои, как будто ожидая узнать какую реакцию он на меня произвел. — Чем ты занята сегодня?

— У меня занятие фортепиано.

— Пропусти его. Проведи день со мной.

— Не думаю, что смогу.

— Почему нет?

Потому что я не останавливаю свою жизнь ради совершенно незнакомых людей. Я прикусила язык.

— Все не так просто.

— Мы можем сделать это простым. — Он скользил своим настойчивым голубым взглядом по моему лицу, вниз к моим губам, как будто он меня уже целовал. Я не могла двигаться. Не могла пошевелиться. Сердце готово было выскочить, подойди он еще на несколько сантиметров. Но он передумал.

— Ты живешь в Форбсе?

Я кивнула. Тень скользнула по его лицу.

— Я буду ждать тебя в девять. В Кливленде.

— Не сегодня. Возможно если...

— Я буду ждать тебя. — Его пальцы едва коснулись моей щеки, как будто убедившись, что я не иллюзия, которую навел на него туман. — Я рад, что нашел тебя.

Как он и обещал. Но он не нашел меня. Даже не искал. Он всего лишь наткнулся на меня по случайности.

Прежде чем что-то сказать, я убрала из своего голоса упрек, и заявила, констатируя факт.

— На это ушло некоторое время.

— Да, слишком много. Едва ли не целая жизнь.

Затем он скрылся в тумане.

ДЖИНСЫ И СЕРАЯ ФУТБОЛКА — обыденный вариант для остальных — вполне ме- устраивал. Я хотела прийти к Кливлендской башне и сказать ему, что не собираюсь прогуливать занятия. Если он действительно намеревался пригласить меня на свидание, то выходные наступят всего через два дня. Но он не был похож на парня, который принял бы отказ, поэтому последнее, что я хотела — это выглядеть так, будто я собралась к нему на свидание.

— Это искусство, Тэш. — объяснила мне Рита пару дней назад, когда мы готовились к вечеринке («это» значило искусство одеваться, соблюдая баланс между гламуром и повседневностью). — Ты должна выглядеть на миллион баксов, но также нельзя заставлять парня думать, что ты слишком стараешься.

— Парни могут думать все, что хотят.

— За исключением одного из них, верно?

— Все они. — Я не могла поверить, что она все еще отпускает намеки на счет парня с концерта. — И все же, что значит «слишком»?

— Это. — Она указала на дальний конец моего шкафа, куда я повесила пару бальных платьев.

— МЧП? Я не думаю. По крайней мере не на улицу.

— М... что?

— Маленькое черное платье.

В уме я добавила эту аббревиатуру к своему тайнику сокращений, рядом с БЛТ⁴, которое я узнала в тот день за обедом. Указательный палец Риты продолжал скользить по вешалкам.

— Тоже самое касается блесок. Кожа — возможно, но на этом все.

— Значит, практически половина моей одежды никуда не годиться?

— Прости, но да. Тут тебе не Европа, где люди разодеты в пух и прах. Ты должна производить впечатление, будто бы только что вылезла из канавы, но быть сексуальнее, чем все остальные, кто вылез оттуда же.

— Так, ну и что мне тогда одеть? — Меня уже бросало в пот. Тот кто сказал, что собираться на вечеринку это уже половина всего удовольствия, явно не делал этого в Принстоне.

— Давай глянем... покажи — ка мне твои джинсы.

Я бросила три пары джинсов на кровать, с лейблами, названия которых она даже не знала.

— Те, что в середине слишком обычные, ты можешь одевать их на занятия. Так что либо темно — серые, либо облегающие. Я бы одела облегающие. Так сексуальнее.

— Неужели здесь действительно все постоянно носят джинсы, даже на вечеринки?

— В основном. — Рита достала из шкафа черную майку и босоножки на высоких каблуках. — Бесподобно! Только если ты не хочешь использовать все свои сорок процентов на свои ножки. Хотя, будь у меня такие ноги, я бы не стала их скрывать.

На сей раз я полностью потерялась, а Рита начала смеяться.

— Убийственное правило: не открывай больше сорока процентов кожи. Джинсы идут с декольте. К мини — юбке требуются кофточки по крайней мере с рукавом.

Искусство одеваться начинало казаться мне сродни оригинальности. Я и сейчас все еще ощущала это, собираясь отправиться в Кливлендскую башню, разложив на кровати те же три пары джинсов.

Безбашенная, думала я про себя, глядя в зеркало и решая, станет ли черная подводка для глаз перебором. *Безбашенная Болгарская Бомба*.

Часы на кровати показывали восемь сорок утра.

Я надела облегающие джинсы и несколько секунд спустя вышла за дверь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ИДТИ К МАГИСТЕРСКОМУ КОЛЛЕДЖУ так рано, это как будто плыть прот течения бурной реки: все остальные спешили в противоположном направлении, стремясь добраться до аудиторий вовремя. Я решила пройти не по полю для гольфа, а по Колледж Роуд, чтобы проветрить свою голову перед встречей с ним. Это не сработало. Длинная дорога лишь заставила меня нервничать. Я говорила себе, что возможно он не покажется, возможно его желание провести этот день со мной рассеялось вместе с утренним туманом. Но он был там вовремя. Так же, как и во время исполнения двух сонат Шопена.

Легкой походкой он подошел ко мне за считанные секунды. Я никогда не видела такой походки, как у него — он владел каждым движением, будто контролировал не только свое тело, но и каждый сантиметр земли, которая его окружала.

— Доброе утро, странное создание.

— Доброе утро, пленник.

— Я? — Он наклонился к моему уху, — Я собираюсь пленить тебя, что делает пленницей тебя.

— А что это дает тебе?

— Это вызывает у меня желание прямо сейчас начать твое пребывание в моем плену.

Я попыталась отвести взгляд от его лица. Сосредоточиться. Придумать способ сообщить ему, что я не могу остаться. Что я уже опаздываю на занятия.

— Пойдем. — Он потянулся за моей рукой, но я одернула ее обратно.

— Куда?

— Увидишь.

— Почему ты не можешь сказать мне?

Он достал из кармана пульт для управления сигнализацией, и открытый кабриолет просигналил со стоянки для автомашин у Кливлендской башни.

Теперь я понимала, да. Неудивительно, что он вел себя как хозяин мира, как и те студенты, о которых предупреждала меня Доннелли, которые никогда не подавали никому еды. Возможно накануне он обедал в Проктер Холле, возможно даже я, не подозревая этого, убирала за ним разнос. А теперь я должна все бросить и исчезнуть на день просто потому, что так сказал парень с крутой машиной.

— Прости, но я должна уйти.

— Так быстро?

— Я не могу пропускать занятия. Я уже тебе сказала.

— Не можешь или не хочешь?

— И то, и другое.

— Понятно. — Ни грамма нерешительности. — Это милые игры, но я в них не играю. Не надо ломать со мной комедию. Мы оба знаем, что занятия подождут.

— А ты не подождешь?

— Я не хочу ждать. Я не прекращал думать о тебе все утро.

Все утро? Я не прекращала думать о тебе всю неделю!

— Ты вообще здесь учишься? — Я так предполагала, но большинство моих предположений о нем оказывались ошибочными.

— А что если нет?

— Тогда я понимаю, почему это для тебя не важно.

— Забудь про причину. Пойдем со мной. — Он снова посмотрел на мои губы, не скрывая этого, как и прежде. — Если придется, я дождусь выходных. Но я предпочел бы продолжить наше общение сейчас. Не обязательно весь день, я могу вернуть тебя раньше.

Его голос смягчился. Или возможно его слова о том, что он предпочел бы продолжить наше общение сейчас, заставили меня передумать. Они звучали как обещание. Обещание, о котором я мечтала с тех пор, как увидела его в Александр Холле.

Он взял меня за руку и направился к машине. Это оказался Порше, черный и блестящий.

— Я не знала, что мой плен будет таким... высококлассным.

Он пожал плечами.

— Это просто колеса.

В Болгарии лишь немногие избранные ездят по улицам столицы на дорогих машинах. У моих родителей были такие друзья, и даже у моих друзей выпадала возможность одолжить у своих отцов такую машину, чтобы куда-то съездить. Большинство из этих друзей любило играть на том, что поражало других, «обычных» людей, в частности дорожные машины были для них просто «колесами». Но в отличие от тех, кто водил такие машины в моем окружении, он действительно имел в виду то, что говорил.

— Куда мы едем?

— Завтракать. — Он открыл для меня дверцу. — Это слишком далеко для того, чтобы идти. Уж поверь мне.

Поверить ему? На каком основании? Но я проигнорировала свой страх и села в машину. Только накануне вечером я провела несколько часов за фортепиано, мечтая об этом моменте, и теперь была близка к тому, чтобы испортить его. Что случится, если я пропущу несколько занятий? Он, вероятно, поступает так же. Или он пропускает работу, что в любом случае гораздо важнее.

Щелкнули автоматические замки. Я попыталась думать о чем-то еще, вести себя так, будто бы я не уезжала с парнем, которого едва знала. Ох уж эта Рита и все ее разговоры о преследовании! Это же Принстон, и все знают, что здесь безопаснее, чем в полицейском участке. Кроме того, если я хотела защищенности и безопасности то, что я делала в чужой стране совершенно одна?

Мы проехали несколько улиц, на которых старые извилистые деревья создавали туннель над нашими головами. Он ехал так же легко, как и ходил, каждое его движение было рассчитано для того, чтобы достичь того эффекта, к которому он стремился. Я посмотрела на его руки на руле — ногти были обкусаны, являя собой поразительный изъян в противовес его прекрасной внешности — и я поняла, что у него тоже, вероятно, бывали плохие дни. Стресс. Напряжение. Вещи, которые его беспокоили или стояли на его пути.

Не успела я заметить, как дома сменились лесами. Зеленые пятна сопровождали нас по обе стороны дороги.

— Куда ты меня везешь?

Он улыбнулся — медленно, наслаждаясь произведенным эффектом. На пару мгновений, пока мое сердце панически билось в моей груди, я подумала о том, что же могло произойти дальше. О вещах, которые этот парень мог сделать со мной. О вещах, которые я видела лишь в кино.

Он нажал на тормоза и завернул на лужайку. Я посмотрела в боковое зеркало — дорога была абсолютно пуста.

Был ли шанс, что боль будет меньше, если она причинена кем-то столь красивым?

Ключ повернулся, заглушив двигатель.

Потом совершенно все стихло.

ТРАВА МЕЧТАТЕЛЬНО КАЧАЛАСЬ на утреннем ветру. Высокая. Густая. Когда он вел меня через нее, она почти достигала моей талии.

Я все еще была смущена, после того, что произошло в машине. Он держал дверцу открытой, пребывая в недоумении, почему я отказывалась выходить.

— Нет? — Он посмотрел на деревья позади него, потом снова на меня. — Что ты думаешь, я сделаю с тобой?

Будто мои предположения имели значение. Мы были наедине, непонятно где.

— Если ты и правда считаешь меня серийный убийцей, то снаружи ты будешь в большей безопасности, чем в машине.

Я не находила в этом ничего смешного.

— Зачем ты привез меня сюда?

Он подошел к багажнику машины, открыл его и вернулся с пледом и корзинкой для пикника.

— Завтрак. Теперь ты мне веришь?

Я выскользнула из машины.

— Прости. У меня слишком живое воображение.

— Живое — это хорошо, но не отталкивай меня так. — Он закрыл дверцу и с той же самоуверенной улыбкой преградил мне путь, вынудив меня прислониться к машине. — Я не готовлю для женщины, чтобы затащить ее в лес и там пытать ее. Во всяком случае, не против ее воли. Мне нужно, чтобы ты расслабилась для меня. Просто расслабься. Ты можешь это сделать? — Его голос возымел надо мной совершенно другой эффект. — Я не собираюсь ничего делать с тобой, если ты этого не хочешь.

Было в нем что-то гипнотическое, что заставляло любую мысль о попытке сопротивления казаться абсурдной. Даже просто слушая его разговоры о вещах, которые он мог со мной сделать, я начинала желать их, независимо от того, какими бы ужасными они не были. И это пугало меня больше любого сценария, который я воображала в машине.

Таинственным местом нашего назначения оказалась лужайка в окружении деревьев — место настолько уединенное, что лес был бы сумасшедшим, если бы не скрывал там свои секреты. Старая ива, словно хранитель, дремала посередине лужайки, ее крона свисала до земли, давно поддавшись гравитации.

Он разделил ветви и постелил плед под их рассеянной тенью, ожидая, что я сяду первой.

— Это мое убежище. Я никому его не показывал.

— Никогда?

— Никогда. Я прихожу сюда, когда хочу побыть один.

— Почему сейчас ты сделал исключение?

Его глаза нашли каждое место, где солнце касалось моей кожи.

— Возможно, это удачное исключение.

Последнее слово он произнес прямо мне в губы, раскрывая их, пробуя их глубоким, жадным, сладким поцелуем, который мог уничтожить любой инстинкт самосохранения.

— Что не так? — спросил он все еще касаясь своими губами моих.

— Ничего, просто... у меня на секунду закружилась голова.

— С тобой я слишком увлекаюсь. Мне стоило бы быть осторожнее.

Я не хотела, чтобы он был осторожнее.

— Возможно это потому, что я мало спала.

— Или потому, что ты ничего не ела.

Он достал миску и тарелку из одного набора фарфоровой посуды, сорвал полиэтиленовую пленку и положил их на плед. Миска была полна ежевики, а на тарелке лежали четыре, свернутых в трубочки блинчика.

— Это должно помочь. — Он поднес один из блинчиков к моему рту.

Я откусила кусочек, стараясь не зацепить его пальцы. Он кормил меня как ребенка, забавляясь этим, но я искоса на него поглядывала, отмечая: сапоги — черные и угловатые, из идеально начищенной толстой кожи; темные джинсы, свободно сидящие на бедрах, несмотря на ремень; мышцы его живота были практически видны под мягкой белой тканью, которая их облежала; и футболка — одна из самых поразительных, которые я только видела на парнях. Она идеально ему подходила, так плотно облежала, что невозможно было не представить трение хлопка о его кожу, когда он двигался, а V — образный вырез — низкий и широкий — обнажал почти всю его грудь, до самых ребер.

— И это тоже. — Он указал на миску с ежевикой.

— Я съем, но при одном условии.

— Давай.

— Скажи мне кто ты. Я ничего о тебе не знаю.

Он откинулся на локтях.

— Что ты хочешь знать?

— Где ты живешь, чем занимаешься, что тебе нравится...

Он переключил взгляд на иву, прищулив глаза от улыбки (или от яркого солнца).

— Если ты будешь это знать, что-то поменяется?

— Возможно нет, но это приведет к ослаблению моего живого воображения.

Некоторое время он молчал, а затем потянулся к моей руке.

— Пойдем.

Я последовала за ним в поле. Сделав несколько шагов, он повернулся и подарил мне цветок. Я не заметила его, возможно потому что цветок скрывала зеленая тень травы, окружавшая его. Нежные лепестки были насыщенно красными и дрожали от малейшего прикосновения ветра.

— Я не знала, что в Нью Джерси растут маки.

— Никто не знает. Это тайна.

При каждом следующем шаге, когда трава словно расступалась для нас, я видела все больше маков. Все их дикое цветение. Удивительное. Нереальное.

— Знание всегда все меняет. Оставайся со мной просто так.

Он стоял неподвижно, прислонив свой рот к моему уху, ожидая. Было так много всего,

что я хотела бы узнать, и то, что он уходил от моих вопросов не предвещало ничего хорошего. Но в тот момент это не имело значения. Все, о чем я могла думать, это его быстрое и горячее дыхание на моей коже.

Оставайся со мной...

Я поцеловала его над ключицей, где плечо переходило в шею. Он смаковал мой ответ. Наслаждаясь его значением. Затем он обрушился на меня, как будто я собиралась сбежать в любую секунду. Я всюду чувствовала его поцелуи сквозь одежду, пока он опускался на колени на траву, притягивая меня к себе.

Это оказалось слишком неожиданным, и я попыталась его притормозить. Это не сработало, а лишь раззадорило его еще больше.

— Подожди, я не могу...

— Не можешь что? — Его рука легла на мою ногу, и я могла почувствовать ее жар сквозь джинсы. — Не бойся меня.

— Я не боюсь.

— Тогда позволь мне... — Он потянул за молнию на джинсах и мой желудок скрутило, как будто внутри меня его кто-то сжал.

Я поймала его за запястье.

— Не стоит.

— Почему нет?

— Слишком быстро. Я едва тебя знаю.

Его вес больше на меня не давил. Я думала, он рассердится, но он взял мою руку и поцеловал ее.

— Технически, мы не знакомы. Я Риз. А ты?

— Теа. Твое имя в моей стране означает «рысь».

— Это объясняет, почему ты так меня боишься. А из какой ты страны, Теа?

— Из Болгарии.

Его улыбка застыла, как будто он почувствовал, что по лесу приближается хищник.

— Ну конечно же ты оттуда.

— Почему «конечно же»?

Риз пожал плечами, не ответив.

— Как много ты знаешь о Болгарии?

— Очевидно не так много, как должен. Возможно, мы это исправим?

Он начал меня расспрашивать о моем доме, о фортепиано, о том, что привело меня в Америку. Я упустила только часть об Эльзе — ту часть, которую, я была не уверена, расскажу ли хоть кому-нибудь. Мы лежали так довольно долго, скрывшись в траве, разговаривая. Лес вокруг нас застыл в гробовой тишине, за исключением редких взмахов крыльев птиц и шороха ветра, качающего деревья. Когда я снова почувствовала на себе его руку, то поняла, что проспала несколько часов. Солнце начало садиться, и тени от деревьев теперь простирались через все поле.

— Почему ты дал мне проспать все это время?

— Потому что тебе это нужно. — Он помог мне подняться. — У нас впереди целый вечер. Или, по крайней мере, я на это надеюсь. Если ты не собираешься возвращаться, то я веду тебя на ужин.

Ресторан оказался небольшим деревянным домиком где-то на берегу Нью Джерси. На старой вывеске на двери было написано: У Луизы. Внутри находились четыре пустующих

стола, и женщина за стойкой (вероятно сама Луиза), улыбнулась Ризу, прежде чем повернуть на двери табличку с «открыто» на «закртыо», чтобы никто не мог побеспокоить ее особенного посетителя.

— Пусть Барнаби сыграет для нас, — тихо сказал он ей по пути к нашему столику.

Пару минут спустя, пока Риз наливал нам вина, Луиза поставила перед нами два блюда.

— Я совсем забыл спросить — ты любишь морепродукты?

— Да.

— Это их фирменное блюдо. Но я пригласил тебя сюда не за этим. Смотри...

Через боковую дверь в зал вошел старик и направился к столу, на котором стояли всевозможные виды стаканов. В каждый из них он налил воду и стал касаться их краев, смочив пальцы. Приглушенные, нежные звуки наполнили зал с такой призрачной хрупкостью, которой я никогда не слышала в музыке. Каждый тон поднимался в воздух и почти мгновенно умирал, оставляя после себя тишину, от которой с невыносимой болью сжималось сердце.

— Я знал, что тебе это понравится. — Его голос снова стал таким мягким, как в тот раз, когда он говорил со мной у греческих ваз. — Ты слышала водяную арфу прежде?

— Нет. Это напоминает мне Шопена.

— Меланхолия Шопена? Ты уверена, что это хорошее сравнение?

Что-то в его тоне обеспокоило меня, но прежде чем я смогла понять, что именно, Риз придвинул свой стул ближе к моему и попросил старика сыграть что-нибудь другое.

К тому времени как он привез меня обратно в Форбс, почти наступила полночь.

— Во сколько мы можем встретиться завтра? — Быстрый и прямой вопрос, как и все его остальные вопросы сегодня.

— У меня занятия все утро. Затем до пяти я свободна.

— Встретимся в час. В том же месте, где и сегодня.

Риз уехал, не дав мне произнести что-нибудь еще. Когда, уже на расстоянии, рев автомобиля стих, я поняла, что его красивое, странное имя, было единственным, что я знала о нем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Две смерти Орфея

НОВОСТЬ первым делом попала во входящие Уайли в пятницу утром, и он тут же прислал мне письмо: *Приходи. ЖИВО! Забудь о занятиях!*

Но к тому времени я закончила с учебой и увидела его сообщение, был уже полдень. Когда я наконец добралась до его кабинета, его лицо пылало от нетерпения.

— Где тебя носит? Ты только что выиграла в лотерею!

Стоявшая на полу рядом с ним электрогитара издала тикающий звук. Это оказались часы: четверть первого. Если эта встреча не будет короткой, то я рискую опоздать на наше свидание с Ризом в час.

— В какую лотерею я выиграла?

— Максимальный Джек — пот. — Он протянул тайну в течение нескольких дополнительных секунд. — Карнеги.

Глянцевый буклет полетел через стол, и мне удалось поймать его как раз вовремя. Обложка была иллюстрирована изображениями самого известного концертного зала Америки.

— Справочник подписчика на текущий сезон. На шестой странице. Внизу слева.

Я последовала его указаниям, слишком потрясенная, чтобы думать. На шестой странице был календарь. Одна из его ячеек была обведена красным.

— 23 Ноября. Думаешь, сможете повернуть это?

— Что именно я должна повернуть?

Доннелли предупредила меня: Уайли любит видеть успехи своих учеников и теперь он дергал за все ниточки, лишь бы затащить меня в Нью-Йорк. Но Карнеги, из всех мест?! Она называла его «малой вероятностью». Но, видимо, когда этот человек превращался в кукловода, все становилось вероятным в считанные дни.

— Это ежегодный концерт «Двадцать ниже двадцати». Двадцать студентов, все в их трагическом подростковом возрасте — ну ты уловила идею. Изначально, это должны были быть только Джулиардцы, но в последнее время они начали расширять границы. В этом году список включает в себя двух ребят из Колумбийского, одного из Стэнфорда, и тебя.»

И меня. В очередной раз, все уже было решено — хотела я того, или нет.

— Что я буду играть?

— Здесь у меня плохие новости и плохие новости. Что ты хочешь услышать в первую очередь?

Для него это были шутки. Я ничего не сказала, просто ждала.

— Первая плохая новость — ты не можешь выбирать на этот раз. Концерт является частью их Европейской серии, так что программа была установлена сразу за несколько месяцев».

Я посмотрела на обведенную ячейку и заголовок в ней:

Дань Современной Европе: Пульс Испании

— А другая плохая новость?

— Верно. Друга плохая новость та, что пьеса убьет тебя. Освежевав, зажарив, и съев заживо.

Он протянул мне несколько нотных листов. Плотные скопления нот мчались по первой странице.

— Ты играла Альбениса⁵?

— Нет. Я слышала о нем, но я не слишком хорошо знакома с его музыкой.

— Думай о нем, как Шопене, если бы он родился испанцем: взял народные темы и превратил их в салонную музыку. Не мой тип представления. Тем не менее — гениально, хотя и спустя рукава.

Названием являлось испанское слово, *Астурия*, и, казалось, она была частью чего-то под названием *Испанская Сюита*.

— На самом деле, твой Шопен гарантировал нам место.

— Причем тут Шопен?

— Один из самых великих кахунас ⁶пришёл на твой концерт. Был просто потрясен, особенно этюдами. Все время называл тебя «The Maelstorm». Ты знаешь, что это значит?

— Вихрь?

— Да, но на стероидах. Вихрь настолько мощный, что разрушает все на своем пути. Теперь этот парень убежден, что ты единственная, кто может справиться с Альбенисом. Если с ним вообще можно справиться.

Если.

На этот раз, Уайли не шутил. Он подошел к стереосистеме, нажал кнопку, и музыка пронеслась по комнате. Пугающая. Шквал звука. Быстрее, чем все, что я могла бы себе представить.

— Это все твое. — Он вытащил диск и протянул его мне. — Слушай его, пока плохо не станет. Пей его, ешь его, дыши им — меня не волнует. Но приручи его!

— Что, если его нельзя приручить?

— Тогда эта неудача будет такая же моя, как и твоя. А я никогда не проигрываю. — Небольшая пауза, чтобы убедиться, что я поняла. — Теперь давай согласуем стратегию.

«Согласуем» просто означало, что он возложил все на меня, пока я слушала:

Я должна практиковаться каждый день, отныне и до концерта. Ко времени промежуточных экзаменов я должна была знать всю пьесу наизусть, потому что, как он выразился: «все нотные листы отправятся в окно». Доннелли будет моей первой проверкой, Уайли — последней. И на последующие два месяца, начиная с этой секунды, я могла забыть о своей жизни.

К тому времени как он меня отпустил, я также могла забыть о встрече Ризом. Гитара в форме часов уже пробила час несколькими ловко выбранными аккордами в стиле Уайли: песней «One» от U2.

Я ВЫБЕЖАЛА ИЗ здания музыкального факультета, поймала следующий трансфер д кампуса, и, чудесным образом, прибыла к Магистерскому Колледжу с опозданием всего лишь в десять минут. Он был там, но не поцеловал меня. Даже не улыбнулся. Мои извинения за опоздание едва отметились на его лице.

— Я думал ты динамишь меня. Я рад, что ошибся.

— Зачем мне динамить тебя?

— Я не знаю, в этом и проблема. Ты держишь дистанцию, и я до сих пор не могу понять, почему.

— Риз, я с нетерпением ждала этого все утро. Но один из моих профессоров задержал меня после занятий, и еще один хочет встретиться в пять.

— Я верну тебя к этому времени.

Мы начали прогулку — сначала по Спрингдейл, затем налево на Мерсер, где большие дома выстроились вдоль дороги. Потом дальше, где скопление деревьев бросало густую тень на тротуар, и он наконец взял меня за руку:

— Давай срежем здесь.

— Думаешь, нам стоит?

— Нам... что? — Он звучал отстраненно, задумавшись над чем-то. — Все в порядке. Идём.

Я вытянула свою руку из его, но он продолжал идти.

— Теа, пойдём.

Одна из первых вещей, которые я узнала о Принстоне, — отсутствие ограждений, даже вокруг частных домов, но это не означает, что вы можете просто так пройти. Только два дня назад, пока я искала Проктер Холл по дороге на работу, я по ошибке зашла в сад Уайман Хаус — дома исполняющего обязанности декана и его семьи. Женщина сурово попросила меня не нарушать границ, и я не имела намерения нарываться снова.

— Ты идёшь, или мне отнести тебя?

Он улыбнулся, когда сказал это, ожидая меня посреди лужайки, окруженной деревьями со всех сторон. Всех кроме одной — напротив нас, где огромный каменный особняк затмил все в поле зрения. Когда я не ответила, он направился обратно в мою сторону.

— В чем дело?

— Это чей-то дом.

— И?

— И... почему мы не можем просто пойти по дороге?

Мое беспокойство очаровывало его, и следы плохого настроения стали исчезать с его лица.

— Всё нормально, я обещаю. Просто пойдём со мной. Мы почти на месте.

Я посмотрела на особняк: признаков жизни не было.

— Почти где?

— Я так сильно пугаю тебя?

Что я могла сказать? Я больше не боялась его. Но, может быть, должна была.

— Как я могу заставить тебя довериться мне? — Он оттеснил меня к ближайшему дереву и оперся руками на него, поймав меня между ними в ловушку. — Нам не нужно никуда идти. На самом деле, план только что изменился — ты победила.

Победить его было невозможно. Его губы уже спускались по моей шее, и слова не имели значения.

— Риз, подожди...

— Ты уверена, что хочешь, чтобы я подождал? Я так не думаю. — Его руки оставили кору и скользнули под мою одежду, по голой коже моей спины, живота, груди. — Я не хочу ждать. Я представлял тебя всю ночь!

Я не могла поверить, что делала это. Мы были в чьем-то дворе, посреди бела дня, в нескольких футах от тротуара и дороги, по которой проезжали машины — но мне было все равно.

Когда он начал расстегивать мою рубашку, я мгновенно протрезвела и оттолкнула его.

— В чем дело?

— Мы не можем сделать это здесь.

— Кого волнует, где мы?

— Меня.

— Нет. Мы не были здесь вчера, но вела ты себя так же. Почему?

— Потому что... ты даже не знаешь меня.

— Мне не нужно знать тебя. — Его потрясающие глаза были безжалостны. — Мне нужно обладать тобой.

Он прижал меня спиной к дереву с настойчивостью, которую он был не в состоянии — или не желал — контролировать.

Я сомневалась, что долго смогу сопротивляться.

— Тогда, потому что я не знаю тебя.

— Тебе тоже не нужно знать меня. Все, что тебе нужно сделать — дать мне позволение.

Эти слова разлились по бешено пульсирующей артерии на шее. Одной рукой он прижал мои руки к дереву над головой, другую сунул в мои джинсы, даже не потрудившись расстегнуть молнию.

— Риз, стой, — сказала я из последних сил, едва выдавливая слова.

Он замер, все еще держа меня. Я слышала, как он вдохнул. Затем его тело отделилось от моего и, не касаясь меня и даже не глядя в мою сторону, он отошел и скрылся между деревьями.

ИМЕЯ ЦЕЛЫХ ДВА ЧАСА ДО моей встречи с Джайлсом, я пошла в библиотеку искусств и попыталась почитать. Но чем дольше я смотрела на книгу, тем более расстроенной я себя чувствовала из — за того, что только что произошло: жалкая прогулка назад от Мерсер Стрит, гнев из — за того, что меня бросили под тем деревом.

Мне не нужно знать тебя.

Да и зачем ему? Узнавать каждую девушку, чью одежду он хотел бы снять? Полноценная работа, можно не сомневаться. С другой стороны, именно таким и должен был быть короткий путь к сексу: Случайный. Анонимный. Легкий. Ему, возможно, достаточно было улыбнуться, чтобы девчонки снимали с себя одежду, не говоря уже о том, чтобы приглашать их прокатиться на дорогом автомобиле или на пикник в лесу. Так что, если я не была готова ответить взаимностью при дополнительных усилиях, зачем тратить время на меня?

Я вышла из библиотеки и пошла в музей искусств, чтобы последний раз взглянуть на вазу на случай, если Джайлс снова решит поднять о ней тему. Так, по крайней мере, я говорила себе, в то время как на самом деле часть меня все же скучала по Ризу. Не по нему самому, конечно — по фантазии о нем. По нашим нескольким мгновениям у греческой вазы, когда он говорил со мной загадками о любви.

Место оказалось совсем не таким, как я его запомнила: ни магии, ни призраков, просто ничем не примечательная комната с несколькими загроможденными шкафами. Внутри, у каждого предмета была карточка с описанием. Надпись рядом с вазой Орфея гласила: *Психтер, Афины, примерно 500 г. до н. э. [Приобр. 1995]*

Мне потребовалось несколько секунд для обработки прочитанного — скобки, аббревиатуры внутри них — и осознания, что единственный след Эльзы, который я обнаружила до сих пор, вовсе не был следом. Джайлс ошибся. Она не могла написать об этой вазе. То ли возраст, то ли огромный поток студентов доконали его, смешивая воспоминания, производя бессвязные истории, одну из которых он рассказал мне.

Принстон приобрел вазу в 1995 году, тогда моя сестра была уже мертва.

— МИСС СЛАВИН, ЕСЛИ ПАМЯТЬ мне не изменяет, в легендах вашей страны существо похоже на менаду?

Вопрос полетел в меня, как только я вошла в кабинет Джайлса, прежде чем я имела шанс сесть.

— Да, Самодива. В Болгарии, Сам означает «одинокий» и дива — «дикий».

— Как интересно Дикая одиночка. — Слова сошли с его языка так естественно. —

Неукротимая и одинокая. Как менада на определенной вазе.

Мы вернулись к моей непростительной ошибке: написание эссе во множественном числе. Это глубоко задело его, и я до сих пор не знала почему.

— В наших сказках, самодивы никогда не ходят в одиночку. Они танцуют вместе в лесу

— Как делали менады. Их название означает «неистовые». И как и в вашем типичном мифе, именно такими они являются: свитой свирепых женщин, опьяненных Дионисом и безумием его ритуалов.

Он открыл одну из книг на столе и, как ни странно, ему не пришлось листать её, чтобы найти то, что он хотел:

«Я видел этих неистовых женщин, которые с босыми ногами носились в исступлении по этой земле. . стремясь удовлетворить свою страсть, среди лесов, вина и музыки, что сводили с ума. . со змеями, что лизали их щеки. Они носили короны из плюща или дуба или цветущего вьюнка. Одна из них вонзала свой посох в землю, и Бог пускал в том месте родник из вина».

Он закрыл книгу.

— Знакомо? — Его глаза загорелись странным возбуждением. — *Вакхи* Еврипида, принесла ему первую премию на фестивале драмы в Афинах. Целая трагедия о менадах. Или, в данном случае, вакханках, как их называли в Риме.

— Мне очень жаль, но я не читала его.

— Ну, так я и предполагал. Все же я продолжаю думать, что это может прозвучать знакомо.

Он изучал меня еще момент, пока не стало ясно, что неопределенный кивок был единственным ответом, который он получит.

— Профессор Джайлс, вы хотели показать мне что-то.

— Да, хотел. — Он заколебался, словно больше не был уверен, что это того стоило. — Как хорошо вы знакомы с мифом об Орфее?

— Кроме того, что я написала в моей работе?

— Всем известна эта часть — его спуск в подземный мир и трагический хаос, последовавший за этим. Я больше заинтересован в остальном. В его жизни *до того*, как он встретил Эвридику.

Мой мозг мучительно пытался вспомнить подробности, но, к моему собственному смущению, извлечь из памяти удалось немного:

— Он родился во Фракии, у музы поэзии Каллиопы. Когда Аполлон дал ему лиру, мальчик начал превращать свои стихи в песни.

— Да, да, музыка и прочее. Но более важно то, что Орфей провел много лет в загадочных школах Египта. По возвращении в Грецию, он был вовлечен в культы Диониса.

— Культы?

— Культы, ритуалы, мистерии, оргии — я слышал весь тезаурус. Большинство негативных ярлыков были изобретены Римской Церковью, разнузданность — один из особо любимых.

— Зачем Церкви устраивать оргии?

— Забавно, не правда ли? Секс был, конечно, ведь Дионис бог сил природы и всего, что производит жизнь. Тем не менее, секс ради секса, особенно в его... его менее распространенных вариантах, никогда не был основополагающей частью ритуалов. Часто они не прибегали к сексу вовсе.

— Я не улавливаю. Церковь просто заполнила пробелы выдуманной историей?

— Я боюсь, что восполнение пробелов не было у них в намерениях. Наоборот. Вы должны понять, было время, когда дионисийская религия была так же распространена, как христианская, и такой языческий соперник должен был быть устранен, и быстро. И провозглашение греческих ритуалов пьяным разгулом было надежным способом. Еще более парадоксально, что это стало аналогом поедания овцы ягненком, ведь христианство заимствовало так много от греков.

— Из их мифов?

— Особенно из мифов. Дионис, например, считается архетипом Христа: оба умерли в акте самопожертвования и возродились, не говоря уже о владении силой исцелять и превращать воду в вино. Что касается Орфея, он у христиан тоже прототип — Иоанн Крестителя. Иоанн распространял учение Христа также, как Орфей распространял дионисийские таинства. Они оба развивали идеологию, основанную на аскетической жизни, и практиковали ритуалы очищения водой — для греков это был *kathairein*, или катарсис, для христиан это крещение. Но моя любимая аналогия, уверен, вы ее оцените, это то, что Иоанн был обезглавлен по требованию разъяренной женщины.

— Саломея? — Я видела оперу о ней. Принцесса, что потребовала голову Иоанна, когда молодой пророк не ответил на её любовь.

— Саломея, да, самая непревзойденная ведьма из всех. Или самодива, как вы могли бы назвать ее. Использовала свою красоту в качестве оружия, чтобы снести его голову с плеч. Увидев ее танец, король просто не мог отказать.

Я сделала вид, что не заметила любопытство, с которым он посмотрел на меня, произнося это.

— Во всяком случае, христианские заимствования у греков — тема для отдельно, возможно даже бесконечной, беседы. Дело в том, что Дионис был гораздо большим, чем бог вина и секса. Его ритуалы были частью сложной философии, серией мистических посвящений, цель которых заключалась в достижении перерождения. Духовного возрождения, конечно. Но также и физического».

— Как именно они это делали?

— Это одна из самых больших загадок древнего мира. Отсюда термин «мистерия». Кульминация их всех — Мистерия в Элевсине — длилась девять дней и была, пожалуй, наиболее глубоким опытом, который знали греки. К сожалению, все посвященные в это поклялись молчать. И эта тайна остается нетронутой и по сей день.

Он опять послал мне этот выжидательный взгляд, как если бы я имела сверхъестественную способность расшифровывать его греческие мистерии.

— Мисс Славин, не думаю, что можно придумать обстоятельства, при которых одно из этих существ, одна из ваших... самодив... может принять решение выйти на охоту самостоятельно?

Мои самодивы. Я покачала головой.

— Странно, что вы не можете, потому что ваша сестра описала их так ярко. Она разработала свою весьма красочную, если можно так сказать — версию мифа об Орфее. Я до сих пор понятия не имею, как она дошла до этого. Возможно, взросление на тех землях, на вершине тысячелетий истории, подпитывает воображение в том направлении, которому мы, западные ученые, можем только позавидовать. Но факт остается фактом: я никогда ничего подобного не видел прежде. И не видел после.

— Что было уникального в нем?

— Все. Как бы вы отнеслись к предположению, что, прежде чем Орфей отправился в подземный мир, задолго до того, как он встретил Эвридику, он был уже мертв?

Я думала, я неправильно поняла.

— Вы имеете в виду его душу?

— Нет, на самом деле мертв. В наиболее общем, физическом смысле этого слова.

— Я не представляю, как это возможно.

— Не можете, пока. Но представьте вот что: молодой человек умирает, вероятно, по случайности — даже самый блестящий музыкант не застрахован от смерти. Все оплакивают его. Особенно женщины, все женщины, которые были очарованы его музыкой, но которым не удалось заполучить его сердце. Затем, из ниоткуда, посреди оплакивания, просачиваются таинственные слухи — слухи о ритуале. Секретном ритуале. Опасном. Темном. О том, который окунёт вас прямо в безумие Диониса. Если вы только решитесь, сможете достичь двух вещей, которые вы желаете больше всего: вернуть этого мужчину из мёртвых и сделать его навсегда своим. Всё это, конечно, ценой собственной жизни.

Я устала на Джайлса. Он звучал немного бредово. Может быть так и должно быть, чтобы суметь подняться так высоко по академической пирамиде? Но мне было интересно узнать о ритуалах, так что я решила подыграть.

— Если вы умрете, как это человек навсегда останется вашим?

— Отказаться от человеческой жизни не значит, что ты умрешь. Наоборот, ты переродишься в менаду — бессмертную, одержимую богом. По словам вашей сестры, кто-то любил Орфея достаточно, чтобы пройти через такой ритуал для него.

— Эвридика?

— Нет, Эвридика появилась гораздо позже. Эта женщина отличается и не имеет имени — ваша анонимная самодива. Она зла. Сломана. Орфей никогда не любил ее и никогда не полюбил бы.

— Но вы сказали, что она будет владеть им вечно.

— Ага! Вот мы и подошли к сути вещей: как завладеть кем-то? И не просто завладеть им, но делать это против его воли. Есть какие-нибудь догадки?

У меня не было ни одной. Не могла даже представить себе, как это — владеть кем-то или быть в собственности.

— Это все возвращает нас к тому же ритуалу. Женщина становится менадой. И мужчина, он... он просыпается от смерти, чтобы обнаружить себя существом совсем иного рода. Вы можете думать о нем, как о демоне, хотя не совсем в традиционном смысле. Наша современная концепция демонического восходит ко временам средневековья, когда христианские писания связывали этот термин со злыми духами. Греки, с другой стороны, верили в существо, известное как *даэмон*.»

Он написал это слово и обвел дифтонг.

— Есть разница? Я имею в виду, кроме дополнительной буквы?

— Они как черное и белое. Греческий даэмон был добрым существом, на полпути между человеком и Богом. Ваша сестра описала его как вариант Диониса: чувственный, темпераментный, склонный к безумию и даже насилию. В типичных Дионисийских канонах, он также имел абсолютную власть над природой и непревзойденный дар искусств. Особенно музыки. Что могло бы объяснить, почему, на протяжении всего своего времени на земле, Орфей достигает непревзойденного мастерства лиры. Единственная проблема, —

Джайлс повернулся к стоящему рядом проектору и щелкнул выключатель, — даже демон должен платить цену за бессмертие.

Сцена с вазы появились на противоположной стене. Она напоминала одну из моих *психтер*⁷: порочная менада атакует слабого музыканта. Но потом я начала понимать, что это была атака иного рода. Она принуждает его к поцелую, прижимала его руку к своей голой груди.

— Они... — Я не была уверена, что произносить слово «секс» вслух было хорошей идеей. — Выглядит так, будто менада насилует его.

— Потому что это именно то, что она делает. Ритуал работает как брачный обет, связывающий демона в менаду навсегда. В сущности, ему приходится выплачивать долг, так как она отдала человеческую жизнь, спасая его. И теперь каждый месяц, в полнолуние, он должен участвовать с ней в сексуальных ритуалах Диониса. Двое стали вечными любовниками, нравится это даемону или нет.

— А если он нарушит клятву?

— В этом и вся ирония. Видите ли, ничто в этом мире не может причинить ему вред, кроме одного исключения: он во власти женщины, которую, вероятнее всего, никогда не полюбит. Если он нарушит клятву, она разорвет его на части. Греки называли это *спарагмосом*⁸, и раньше я поддерживал мнение большинства, что подобные акты жестокости были лишь символическими, разыгрывались в театрах, создавая драматическую атмосферу ритуалов. Но теперь, прочитав эссе вашей сестры, я уже не так уверен в этом.

Он выключил проектор, возвращая стене её лакированный белый цвет.

— Как вы думаете, есть хоть доля правды во всем этом?

— Я не знаю. — Сожаление в его голосе подтвердило, почему он так хотел назначить вазу мне: кто еще, если не сестра Эльзы, могла принести ему недостающие ответы? — Ничто не обрадует меня больше, чем найти доказательства — любые доказательства — того, что написанное ею является реальными историческими фактами. Тем не менее, сейчас я должен рассматривать это как простое предположение. Провокационное, интригующее — бесспорно. Но все — таки не более, чем фантазии одержимой девушки.

— Одержимой... Вы имеете в виду психически больной?

— Может быть, не в соответствии со строгими медицинскими определениями. Однако, к сожалению, я не могу исключать этого полностью.

Мысль, что что-то было не так с умом Эльзы, лишило меня всякого интереса к Дионисийским ритуалам.

— Профессор Джайлс, я не думаю, что моя сестра написала эту статью.

— Нет? Почему нет?

— Потому что Принстон купил вазу в 1995 году. Её не было здесь, когда Эльза училась.

Он смаковал вызов.

— У вас на редкость пылкий ум, мисс Славин. Но я вынужден сказать вам, что ваза была здесь в 1992 году. Она была отдана в аренду нашему музею Греческим фондом, и работа вашей сестры стала причиной, по которой я, в конце концов, лоббировал идею приобрести этот экспонат. Мы быстро получили средства, хотя логистика заняла годы.

Не сказав больше ни слова, он достал из ящика стола несколько машинописных страниц. Края их были темными от времени.

— Это то, что я хотел вам показать. Должен сказать, я не ожидал, что они увидят снова дневной свет.

Я заметила имя Эльзы, напечатанное в верхней части, и мне пришлось бороться с желанием вырвать у него листы.

— Она пишет очень убедительно, вы сами увидите. Но когда я впервые прочитал это, я подумал, что это больше подходит для художественной литературы, а не для искусствоведческого анализа — больше мечтательных бредней. Изложение фантазий культовой практики.

Очевидно, он изменил свое мнение — достаточно, чтобы хранить мечтательные бредни в течение пятнадцати лет.

— Потом я перешел к скопированным иллюстрациям в приложении. И Дионисийские практики все были там, точно так, как она их описала. Все уже было нарисовано на вазах, более двадцати веков назад!

Он начал листать, указывая на каждое изображение.

— Мистерии Диониса — выпивка, восторг безумия... Танцы менад... Менады с Дионисом, в любовных объятиях... Менада, расчленяющая некую дикую кошку... И взгляните на это.

Он перевернул обратно на первую страницу. Текст начинался с одной фразы, отделенной от остальных:

Я ЕСТЬ МЕНАДА И ДАЕМОΝ,
НАЧАЛО И КОНЕЦ

— Можете ли вы догадаться, что это?

— Это звучит как цитата.

— Цитата Всех цитат. Я полагаю, вы не читали Библию?

Нет. Мои родители выросли при коммунизме, и мы не были очень религиозными.

— *Я есть Альфа и Омега, начало и конец.* Христос сказал это в последней книге Нового Завета, книге Откровения. Это первые и последние буквы греческого алфавита. Они стали христианским символом, код убеждения, что только через Бога можно достичь бессмертия»

— Так же, как в греческих ритуалах?

— Больше, чем вы думаете. Аналогичное утверждение было связано с Дионисом, так что я не удивлен, увидев его в статье по греческому искусству. Есть вопрос получше, почему ваша сестра заменила Альфа и Омега на менаду и даемона? Это имеет отношение к ритуалу, очевидно, но я не могу определить точный источник. Это, должно быть, какая-то игра слов. Загадка.

И теперь он, в свою очередь, передавал эту загадку мне.

— Что происходит в остальной части эссе?

— Оно красиво протекает. До самого трагического конца.

— Смерть Орфея?

— Не просто смерть. Самоубийство. Демон нарушает свою клятву, чтобы менада убила его. Ведь что есть бессмертие без счастья? — Он позволил вопросу зависнуть в воздухе, будто ожидая, что он будет преследовать меня даже после всех других его вопросов. — Когда мы, люди, теряем любовь, мы ждем, пока время притупит боль. И время делает это — иначе его не называли бы «целителем всех ран». Но демон не может исцелиться. В вечности времени просто не существует.

Прошло некоторое время, прежде чем в комнате послышался другой звук — он встал со

стула, с визгом проталкивая его по полу. Я восприняла это как знак того, что мы закончили и поспешила тоже встать.

— Наслаждайтесь путешествием назад. Назад домой, назад сквозь время. — Он улыбнулся и протянул мне эссе. — Эта поистине мистическая часть мира ваша.

Я спросила, можно ли было сделать копии страниц, но он уже сделал это.

— Вы можете сохранить оригинал. Я понял, что вы, возможно, захотите его в... если... как память.

Прежде чем я успела поблагодарить его, зазвонил телефон на его столе, и я увидела, как все признаки эмоций сошли с его лица, когда он протянул руку, чтобы ответить на звонок.

Я ПОКИНУЛА АКАДЕМИЮ ИСКУССТВ в оцепенении с эссе, спрятанном в моей сумке подобно тайной реликвии. Но как только я добралась до Форбса и начала читать, я поняла, что это не тот сувенир на память, который я хотела.

ДВЕ СМЕРТИ ОРФЕЯ

Эльза Славин

Я знала ее имя вот уже несколько месяцев. Она напечатала его сама, наверное, как мы все печатаем наши имена: по привычке, не задумываясь. Тем не менее, его вид меня встревожил, как если бы я написала свое имя на своей работе, а затем кто-то стер меня со страницы, заменив ей:

Эльза.

Джайлс был прав, ее текст был мощным и каким-то мечтательным. Он погружал в мир мифов и видений и прежде, чем ты успеваешь заметить, он переносил тебя обратно в причудливую тьму своей вселенной.

Вселенной, пропитанной смертью, опьяненной ей. Я видела безумие ночных ритуалов, где люди пили, танцевали и спаривались под необычайно одинокой луной. Среди них был молодой музыкант. Потерянный в печали. В тревоге своих дум. Готовый к смерти — желающий умереть — как и все остальные вокруг него. В том мире, казалось, смерть была ответом на все. Смерть как лекарство. Как бесконечный экстаз. Долгожданный конец, затем перерождение. И, прежде всего, смерть в качестве жертвы, которая позволила бы любви продлиться вечно.

От начала до конца, эссе было точно таким, как сказал Джайлс. Кроме одного: оно совершенно не было похоже на теорию. Каким бы мечтательным не был стиль ее письма, я знала, — и эта интуитивная уверенность напугала меня — что то, что Эльза изложила на этих страницах, не было теорией, по крайней мере не для нее. Она писала с пугающей уверенностью, словно хирург погружающий скальпель в тело, разрезая кожу. И самоубийство Орфея, каждая кровавая деталь, были описаны так, словно она присутствовала при все этом, была свидетелем.

Всем этим, конечно, был очарован наш профессор искусств. Для него это было просто блестящей эрудицией, но в то же время всего лишь академическим заданием по созданию мифа из древней керамики. Для меня это была возможность заглянуть в безумие моей сестры. Вписывалось ли то безумие в строгие медицинские определения или нет, Эльза умерла в Принстоне. Может быть, к тому времени как она написала это эссе, она уже *хотела* умереть. Теперь я больше не уверена, что на этих страницах (фантазии одержимой девушки,

как описал их Джайлс) не было чего-то, что стало тому причиной.

А что, если это было так? Эссе само по себе ничего не доказывало. Оно не содержало никаких зацепок, которым я могла бы последовать, ни взгляда на ее жизнь, ни того, кто, возможно, закончил её. Ничего, кроме смутной тревожной надежды, что, может быть, прошлое не было захоронено так глубоко, как все об этом говорили.

Я открыла окно. Настежь — нужно было впустить воздух в комнату. Затем я сунула эссе между партитур Шопена на дно моего чемодана и выключила свет.

В темноте все становится похожим. Я вспомнила другую темную комнату, где не так давно парень, прежде чем я даже узнала, кто он, прошептал мне, что я должна написать об Орфее. И что-то еще, первое, что он когда-либо сказал мне: *это должна быть менада, там.*

В единственном числе.

Как он узнал?

Я скользнула под одеяло, свернувшись в клубок, и попыталась призвать сон под мои горящие веки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дьявол собственной персоной

ВЕЧЕР, ПРОВЕДЕННЫЙ с Беном на концертном исполнении произведений Шубер был бы волшебным (маленькая церковь за пределами кампуса; звуки скрипки и сумеречный свет), если бы у меня получилось сконцентрироваться на том, где я была, а не на мыслях о Ризе.

С момента инцидента на Мерсер Стрит прошла почти неделя, и больше я от него ничего не слышала. Это было даже к лучшему — мне было нечего сказать тому, кто кинул меня без единого слова просто из — за того, что я отказалась заниматься сексом на улице. Вероятно, ему тоже нечего мне сказать. Девушка, которая могла бы быть с ним, явно не из стеснительных первокурсниц из Болгарии, и он, должно быть, понял это прямо там, под деревьями.

И все же, я не могла забыть об этом. Винить его просто, но что, если я тоже была виновата? Я чувствовала себя неуверенно, не только с ним, но и в Америке. С каждым шагом ожидала катастрофу. Предвещая угрозу от всего неизвестного, незнакомого, чуждого. Риз был совершенно иным: ничто, казалось, не страшило его. Он не выглядел намного взрослее студентов Принстона, но вел себя так, словно он старше. Словно ему уже, вероятно, за

двадцать пять. Мужчина, а не мальчик. Мужчина, который знал, чего хотел, и шел к этому, уверенный, что добьется своего.

— Эй, ты в порядке? — Бен махал передо мной рукой, выглядя обеспокоенным.

Я пришла в себя от шума раздающихся со всех сторон аплодисментов. Концерт закончился, даже последнее исполнение на бис, а я ничего из этого не заметила.

Мы отправились к главной улице. Когда мы пришли, было почти одиннадцать, и безумие уже началось. Сотни студентов, большинство из которых уже были пьяны, шатались группами назад и вперед от одного клуба к следующему. Рита написала мне из Колониального, и мы нашли ее в толпе — все развлекались, кричали, хлестали пиво из одноразовых стаканов. Мы с Беном были слишком разодеты для этого места, но, кажется, никому не было дела до того, как кто выглядел или что делал, так что мы все танцевали до тех пор, пока Рита не схватила меня за руку.

— О мой бог, Тэш, он великолепен!

— Кто? — Я думала, она пытается преподнести мне преимущества свидания с Беном.

— Тот парень, что не сводит с тебя глаз последние пять минут. Ставлю на то, что он твой преследователь! Не оборачивайся, иначе он заметит.

Мне не нужно было оборачиваться — преследователь не покидал мои мысли всю ночь.

— Он пришел сюда с пловцами, но сомневаюсь, что он в команде. Я пару раз видела их соревнования и его определенно бы запомнила его. — Она продолжала смотреть в другой конец помещения через мое плечо. — Вообще-то, я удивлена, что такой парень пошел на концерт, посвященный Шопену. Он скорее похож на лидера европейской рок группы. И, Тэш, как бы я не надеялась, что в этот раз ты с ним познакомишься, мне кажется, тебе слишком рано связываться с тусовкой Плюща.

— Почему Плюща?

— Пловцы практически заправляют этим клубом. Никто не допускается в их компанию и, когда речь заходит об ухаживаниях, не стоит рассчитывать на что-то серьезное, неважно, насколько ты сексуальна или крута. Они преданны только команде.

— Если все дело в этом, тогда почему ты беспокоишься, что я могу связаться с ними?

— Потому что знаю, что тебе нравится этот парень. И, судя по тому, что я слышала, вся их банда не заслуживает доверия.

— Ты никого не считаешь достойным доверия.

— Именно. И в большинстве случаев, к несчастью, я оказываюсь права.

— Почему бы тебе не предпочесть доверять людям и оказываться неправой?

Это было напоминанием тому, насколько мы с Ритой разные. Рожденная в Венгрии, она выросла в Америке, где, как я успела понять, защита самого себя от эмоционально воздействия других людей было лучшим решением. В моей же культуре существует презумпция невиновности, пока не будет доказано обратное.

— Тэш, я серьезно. В перестраховке нет ничего плохого.

— Вообще-то есть. Я была вынуждена перестраховываться всю свою жизнь. Разве не следует давать каждому праву на ошибку или в каком-то случае на две?

Она покачала головой.

— Твоя ошибка только что ушла, кстати. Очень жаль.

Я повернулась лишь для того, чтобы увидеть, как он уходит через дверь. *И это все? Он даже не подойдет сказать "привет"?*

Следующие полчаса пронесли мимо, не оставив и следа — я улыбалась, общалась,

танцевала, как будто внешняя сила побуждала мое тело продолжать двигаться. Когда я решила уйти гораздо раньше кого-либо еще, Рита и Бен обеспокоились, он даже предложил довезти меня до Форбса. Я сказала, что поймаю университетский шаттл, хотя у меня и не было намерения делать это. Мне нужна была долгая, уединенная прогулка.

Также я хотела позвонить родителям и рассказать им о Карнеги. Я откладывала звонок всю неделю в ожидании лучшего настроения, чтобы ничто не смогло бы омрачить момент, когда я буду преподносить им новости. Теперь же я просто села на одну из множества университетских скамеек и набрала номер.

В Болгарии в тот момент было семь утра. Папа уже некоторое время бодрствовал, а вот мамин голос звучал сонно.

— Аа? Нью-Йорк... что там?

— Я буду играть там в ноябре, мам. Карнеги Холл! Ты можешь представить?

Ответа не последовало — возможно, она подумала, что все еще спит. Как бы я хотела видеть ее лицо, как оно меняется, когда до нее доходит смысл новости. Но в этом и состояло проклятие телефона: я никогда не узнаю.

Наконец из второй трубки раздался голос отца:

— Теа, крошка, это великолепно! Рассказывай нам все! Когда? Как?

Я доложила им детали: Альбенис, Уайли, сумасшедший накал от всего этого. А на другом конце снова настала тишина.

— Мам? Пап? Вы в порядке?

Конечно же с ними все было хорошо. Они были взбудоражены. Горды. И счастливы. Затем прозвучало предложение, которое разбило мне сердце:

— Ты должна пообещать сделать много фотографий.

Не было необходимости объяснять друг другу, что мы чувствовали в тот момент. Как они будут тихонько сидеть дома в ночь моего большого фортепианного триумфа, или как в те несколько секунд аплодисментов я посмотрю со сцены Карнеги Холла, чтобы увидеть пустой зал, мир, в котором я никого не знала и не любила.

За все годы тяжелого труда и бесконечной практики, когда оба родителя брали дополнительные смены, чтобы оплатить уроки на фортепиано, музыкальные лагеря, звукозаписывающие студии и взносы для участия в соревнованиях, ни один из нас не мог помыслить, к чему это приведет. Что однажды я буду жить в Америке. Что перелет от дома и недельное проживание в отеле Нью-Йорка будет стоит больше, чем их годовой оклад. Больше, чем я смогу заработать в столовой за весь первый курс.

Я положила трубку, чувствуя такую грусть, что почти отправилась обратно в Колониальный клуб. Но это ни к чему не привело бы (разве что, может, вызвало еще более обеспокоенные взгляды моих друзей), так что вместо этого я пошла в Форбс — вперед по пустынным аллеям, через внутренние дворы, которые периодически оживали благодаря врезающимся в стенки фонаря насекомым, либо из — за мерцания выключаемого в окнах света. Кампус утопал в тишине ночи начала октября, на границе сезонов, когда плотная летняя жара все еще теплится в камнях и древесной коре, но с каждым днем все слабеет, содрогаясь от приближающейся осени.

Наконец, на горизонте появился Форбс. В ночь четверга, когда все отправлялись на вечеринки, общежитие напоминало тонущий корабль: покинутый, все еще ярко освещенный, разрушаемый своей же собственной безмолвностью. Я прошла по пустому коридору к своей комнате, вытасила ключ и вставила его в замок...

— Я беспокоился, что ты можешь вернуться не одна. — Вытянувшаяся рука толкнула и открыла для меня дверь.

— Риз? Я не люблю, когда меня пугают... — Я могла бы поклясться, что лишь секунду назад коридор пустовал. — Кто сказал тебе, где я живу?

— У серийных убийц есть секреты. Шантаж. Подкуп. — Он увидел, что его «бородатые» шуточки напугали меня снова. — Или, как в данном случае, выпытывание информации у персонала Форбса. Что было сложной задачей, учитывая, что я все еще почти ничего о тебе не знаю.

— И что из этого? Ты сказал, тебе не нужно меня знать, так ведь?

— Я имел в виду не это.

— А что же ты имел в виду?

— Просто... хотеть кого-то. Без каких-то углублений в прошлое, на что ты посягала раньше — кто я такой, что из себя представляю, где живу.

— Ну, да, но я не могу пойти куда-то с парнем, только если он не...

— Только если он не признает, что облажался? Тогда я вел себя как придурок. Но, обещаю, больше подобное не повторится.

— Что не повторится? Тебе больше не нужно будет "обладать мной"?

— Нет. Я больше не оставлю тебя одну.

Что-то в его обещании напугало меня. Я осознала, как быстро начала верить его очередному обещанию, которое он даже не подразумевал: что он не исчезнет из моей жизни.

— Кстати, говоря об углублении в прошлое — что за девушка рассказывала тебе обо мне?

— Какая девушка?

— Твоя подруга сегодня в клубе. Она оглядывала меня и совершенно очевидно давала тебе какой-то грамотный совет. Предполагаю, держаться от меня подальше?

— Почему? Мне следует так поступать?

— Тебе следует делать только то, чего хочешь ты, а не что говорят другие. Включая меня. — Неким образом его улыбка наводила на иную мысль. — Вопрос в следующем: хочешь ли ты держаться от меня подальше или нет?

— Не хочу. Но также я не понимаю, почему ты ушел из Колониального так, словно мы не знаем друг друга.

— Я ненавижу быть на всеобщем обозрении. Да и к тому же, казалось, будто у тебя свидание.

— Ты о моем друге Бене?

— Он выглядел немного слишком очарованным для друга. Надеюсь, ты не планируешь идти с ним куда-то снова.

— Я не "ходила с ним куда-то". Он живет в Форбсе и мы...

— Нет никакого "мы", Теа. Я не собираюсь делить тебя.

— Делить меня? Риз, что ты такое несешь?

— Что я хочу, чтобы ты была моей девушкой. И я серьезно. — Он поцеловал меня, блокируя любые попытки сопротивляться. — А теперь, если у тебя все еще есть силы, я бы очень хотел отвести тебя кое — куда.

Его девушкой. Я пыталась мыслить ясно: о предупреждениях Риты, или еще лучше о том, чего бы мне уходить с ним посреди ночи, чтобы отправиться на очередную вечеринку или что еще у него там на уме — но он приблизился к моему уху и прошептал:

— В этот раз я буду вести себя хорошо. Идем со мной.

ПОЛЕ ДЛЯ ГОЛЬФА ВЫГЛЯДЕЛО темным, бескрайним и внушительным, как всегда. Я уже проходила по нему вечером, когда отправлялась играть в Проктер Холле. Но только когда мы скрылись глубоко в его холмах, я почувствовала разницу: в этот раз не было луны. Трава возвышалась и сваливалась под нашими ногами невидимыми витиеватостями. Со всех сторон доносились звуки, издаваемыми разнообразными созданиями. И каждое дерево сначала возникало вдали, а затем внезапно оказывалось рядом с нами в виде обезображенного гиганта, объединенного с бесконечным черным небом.

Я понятия не имела, куда он ведет меня, но знала, что случится, как только мы достигнем места назначения. В голове проносились неловкие сценарии о том, стоит ли — или как и где — рассказывать ему, что у меня еще не было секса. Отказываться от него в старшей школе было легко, особенно после наблюдений за подружками с разбитыми сердцами из — за того, что те не стали ждать правильного парня. Теперь же я жалела, что не сделала это с одним из тех нервничающих мальчишек, что тогда клялись мне в вечной любви. Это значительно облегчило бы ситуацию с Ризом. Никаких напряженных моментов. Никакой необходимости в объяснениях.

Мерсер Стрит была окутана тьмой. Фонарей не было, только дома, чей тусклый свет исчезал задолго до того, как добирался до тротуара. Риз вел меня в тишине, поглощенный своими собственными мыслями.

Я была в смятении. Как другие девушки делают это? Я побывала на достаточном количестве вечеринок Принстона, чтобы понять, что в колледже секс не был таким уж важным делом — после пары пива вообще оставалось мало такого, чего бы люди не делали на глазах у всех. Все происходило обыденно, с отрепетированной беспечностью, словно единственный вскользь брошенный взгляд и спешное «Выпьем» было всем необходимым, чтобы согласиться на остальное. И «остальное» было еще большей загадкой. Каким-то образом тебе полагалось быть беззаботной. Отделить свое тело от любых источников возможных осложнений (разума и сердца), и после всего уходить так, словно ничего и не было.

Мы дошли до скопления деревьев — тех самых, под которыми он бросил меня в прошлый раз — и вышли на газон. В особняке не было света. Не было видно ни луны, ни звезд, весь небосвод был зашторен облаками. Я едва могла видеть его лицо, но чувствовала его дыхание и сокрытый в нем вопрос.

— Пойдешь туда, куда я хочу тебя отвести?

Окружавшая нас ночь затихла, ни намека на ветер.

— Да.

Он направился прямо к особняку. Несколько ступенек отделяли газон от возвышавшейся над ним застекленной створчатой двери. Еще до того, как он дошел до верхней ступеньки и прежде, чем его рука нашарила отпертую ручку — с безошибочной уверенностью определив ее местонахождение в темноте — и открыла стеклянную створку, чтобы впустить меня, я уже знала. Знала, куда он вел меня, куда хотел отвести раньше, и почему тогда мой упрямый отказ идти по газону так позабавил его.

Это был его дом.

— ТЫ СКАЗАЛА, ЧТО ХОЧЕШЬ знать, где я живу. И вот ты здесь, в логове твоей рыси.

Я говорила такое, да. Но сейчас это «логово» заставляло меня чувствовать себя не в своей тарелке — Золушкой на балу, приехавшей намного позже полуночи.

Он включил свет. Вдоль стены замерцало несколько огней, создававших иллюзию горящих вокруг нас зажженных свечей. Я услышала шум и инстинктивно сжала его руку: на входе в арочном проеме появилась фигура. Темная, в пиджаке по фигуре. Рубашка поразительно белая, как если бы где-то была включена ультрафиолетовая лампа.

— Ферри! Почему ты на ногах так поздно, друг мой? — Риз сделал пару шагов в направлении мужчины, не отпуская моей руки.

— У меня сложилось впечатление, что господин вернулся в Нью-Йорк, и пока не ожидал его возвращения в Галечник.

— Ну, я решил не уезжать — сейчас или в ближайшее время. — Он посмотрел на меня и улыбнулся. — Теа, познакомься с Фергюсоном, мужчиной из — за кулис, управляющим здесь хозяйством. Ферри практически член семьи, но настоятельно называет себя нашим «дворецким». Полагаю, это напоминает ему Европу. Так что мы потакаем его фетишу в честь старых традиций.

— Рада познакомиться с вами, сэр. — Понятия не имела, как обращаться к дворецкому, особенно к выглядящему на семьдесят и благодаря его внешнему виду и речи, которая больше соответствовала викторианскому роману.

— Взаимно, мисс. — Его взгляд задержался на моем лице, выказывая едва уловимое любопытство или попытку оценить, как долго такой парень как Риз сможет оставаться сосредоточенным на ком-то вроде меня. — Господин будет нуждаться в чем-нибудь?

— Нет, не сегодня. Теа?

Я взглянула на Риза, не уверенная, о чем он спрашивает.

— Мне ничего не нужно, спасибо.

— Значит, нас все устраивает, Ферри. Иди отдохни.

Когда мужчина ушел, я наконец осмотрелась вокруг. Не было и намека на массивное темное дерево, которым в фильмах и журналах были заполнены подобные особняки. Иза белого мраморного пола все казалось невесомым, парящим в воздухе, вплоть до самого камина, высеченного из того же камня (или, может быть, пол поднимался волной и впечатывался в стену). В углах развернутыми к нему стояли пышные пальмы, лишённые пропорциональности листья которых нависали над китайскими керамическими горшками, а лежавший в центре восточный ковер взрывался геометрическими комбинациями красного, зеленого, черного и синего цветов. Диван и два кресла дополняли обстановку, будучи полностью кожаными, соперничая с окраской стен своим белым цветом. Но самыми удивительными предметами в комнате были два фортепиано, расположенные у окон и поставленные друг напротив друга.

— Кто играет на втором?

— Дьявол собственной персоной. Мы часто устраиваем соревнования. — Он улыбнулся, не осознавая, как правдоподобно это звучало. — Сыграй что-нибудь для меня.

— Нет, в этот раз ты играй для меня. — Он уже слышал меня однажды, теперь моя очередь слушать. — Мы рассмотрим это как отплату.

— Ты имеешь в виду *аванс*?

Я имела в виду совершенно не это, но, может, для него Александр Холл значил меньше, чем для меня.

— Хорошо, назови любимое произведение. — Он подошел к фортепиано слева и сел в

ожидании моего выбора, как будто был способен сыграть без подготовки и нот что угодно.

— Думаю, ты знаешь мои предпочтения.

— Твои предпочтения... угрюмый поляк? Да ладно, это обязательно должен быть он?

— Почему нет?

— Он слишком приторный. — С клавиш, струясь, сорвались несколько тактов из полонеза. — Слишком сосредоточен на том, чтобы смягчить тебя. Это может стать невыносимым.

Я вспомнила, что он произнес такой же комментарий той ночью в «У Луизы», чем расстроил меня. Я в нем ошиблась? Мое спешное допущение, что он понял музыку Шопена (и, если уж на то пошло, то и все остальное) так же, как и я, теперь выглядит издевкой моего воображения из — за тоски по дому.

— Вот это лучше... — Он начал мазурку только для того, чтобы резко ее оборвать. — За исключением того, что она становится слишком приторной, поэтому мне нужно остановиться прямо здесь. — Хотя одного взгляда на мое лицо хватило, чтобы он понял, что зашел слишком далеко. — Ладно, пусть будет угрюмый поляк!

На этот раз он действительно начал играть. Помещение заполнили совершенные и беспощадные в своем великолепии звуки: Фантазия Экспромт в до — диез миноре, одна из самых виртуозных работ Шопена. Временами невероятно быстрая. И в то же время душераздирающе лиричная. Риз назвал эту музыку приторной, и все же, казалось, и его она увлекла на какое-то мгновение. В том, как он играл, не слышалось ничего сладкого или концентрированного. Фрагменты изливались из него так, словно он импровизировал на месте, насыщая каждую ноту ярчайшей глубиной на грани возможного.

Я играю. А твой Шопен роскошен. Когда он произнес эти слова, они казались такими обычными, как если бы в сравнении со мной он едва мог взять ноту. Сейчас же он обернулся куда более совершенным пианистом. И это при условии, что между нами всего несколько лет разницы. Но, вероятно, с возрастом это никак не связано. Он показал, что обладает редким врожденным талантом. Абсолютная непринужденность в обращении с инструментом, какой я не слышала никогда, даже на записи.

И снова в мой разум вторглись вопросы. Кем он был? Принстонский наследник из тех, кого американцы считали аристократами? Одаренный музыкант? И то и другое? Или просто молодой, богатый и эксцентричный гений, решивший удалиться от мира на окраину его превосходно изолированного кампуса?

Запуганная и потрясенная всем этим, я впитывала каждый звук, пока он играл. И все же, в каждом звучании я также чувствовала острую боль от того, как всего мгновение тому назад он принижал эту искреннюю музыку — ту, что привела меня к нему.

Наконец его пальцы закончили потворствующую прогулку по клавишам. Последние ноты отлетели от рояля и рассеялись, потерявшись в пространстве между мной и парнем, чье присутствие впервые показалось безвозвратно чуждым. Я все еще не знала, являлся ли он студентом Принстона, был ли им в прошлом, или нашел иной доступ к единственной местной тусовке — пищевому клубу. Как бы то ни было, я провела первую пробу компании Плюща, и на вкус она оказалась нахальной, в то же время высокомерной, но слишком крутой для ее собственного привилегированного окружения. Это был мир, в который я и не ожидала быть допущенной, не говоря уж о такой скорости. И некоторое его проявление увлекло меня. Простота, с которой Риз делал что угодно. Его уверенность. Даже то, как он высмеивал Шопена, так отличалось от того, как другие люди насмеялись над тем, чего не понимали.

Он знал музыку Шопена очень хорошо и играл ее лучше, чем кто-либо, включая меня. Чего еще я могла желать?

Я пыталась улыбнуться. Вежливо его поблагодарить. Но мой голос доходил до меня сквозь толщу тишины — отстраненно, словно принадлежал кому-то иному — и им я говорила, что его Шопен был потрясающим, а затем попросила отвести меня домой.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ я получила обе вещи, что обещал мне предоставить декан Первое: копию расписания Эльзы. Греческое искусство. Семинар о Помпеях. Продвинутый курс литературы. Методика современной музыки. Не так уж удивительно, ведь двумя ее страстями были музыка и археология.

Второй вещью был звонок из консультационного центра, предлагающего мне встретиться в тот же день.

— Я действительно рада, что ты решила прийти, Теа. — Рукопожатие теплое, недолгое и профессиональное. — Джейн Прагт. Прости, в МакКош сегодня какой-то бедлам. Найти нас не составило труда?

Я решила, что она ссылалась на временно отключенные для проведения ремонтных работ лифты.

— Девушка на ресепшене была очень отзывчива, даже дала мне карту.

— Хорошо, хорошо... Прошу, садись. — Она указала на кресло посередине кабинета, а сама выбрала диван, что стоял напротив. — Это твой первый раз, я правильно понимаю?

— К счастью, мне еще не приходилось болеть в Принстоне, так что и причин посещать центр здоровья не было.

— Я имею в виду не МакКош. Я имею в виду, посещала ли ты прежде... — ее глаза сощурились, открыв внезапную паутину линий, прибавивших с десятков лет ее лицу, изысканная и густо покрытая веснушками кожа которого не позволяла дать ей более тридцати лет, делая ее более похожей на едва выпустившуюся из медицинского колледжа девушку, — ... терапии?

— Я? Нет, не была.

Мы наблюдали друг за другом в тишине. Я не пыталась показаться враждебной, но обдуманная деликатность, с которой она сказала «*терапии*», да и само это слово, рассердили меня.

— Доктор Прагт, в деканате меня попросили увидеться с вами для неформального рукопожатия, что бы это ни значило. Так что, честно говоря, я не подозревала, что это будет сеанс терапии. Или что он мне нужен.

— Никто не говорит, что тебе нужен сеанс. Нуждаться в нем и быть способной получить от него пользу — разные вещи. Если он проведен верно, то все мы можем извлечь из него выгоду.

Еще бы, да какая разница. Наверняка это была обычная болтовня, чтобы расслабить мой разум, пока она «диагностировала» длинный список того, что со мной не так, о чем я даже не знала.

— Я не отниму больше часа. Просто попробуй.

— Попробовать что конкретно? Психиатрические тестирования?

— Нет, нет. — Она покачала головой, даже слишком усердно. — Мы поговорим о том, что произошло в прошлом, и как это может — и должно ли вообще — воздействовать на твою жизнь здесь.

— Предполагаю, под «этим» вы имеете в виду смерть моей сестры?

Естественно, так и было. Как и моему профессору по греческому искусству (и, вероятно, множеству других людей, что я встречу в университете), ей с трудом давался процесс восприятия меня отдельным человеком, без отсылки к личности Эльзы. Почему-то ожидалось, что в моем поведении обнаружатся признаки перенесенной в детстве трагедии. И впервые я поймала себя на мысли, что, может быть, мои родители были правы. Может приезд в Принстон был ошибкой.

— Теа, кажется, мы с тобой неправильно начали знакомство. К чему сопротивление?

— Потому что там, откуда я родом, никто не обращается к психиатру. Людям претит идея нанимать незнакомца, который бы выслушивал их проблемы. Для этого есть семья и друзья.

— Вот только это наука о наших чувствах, совокупности причинно — следственных связей, о которых твои друзья и семья могут не догадываться.

— Они знают самое важное: как действуют мои сердце и разум.

— Я бы тоже не возражала узнать это. — Она улыбнулась, учуяв первую трещину во льду. — Итак, могу я попытаться? Только пять минут. И потом, если ты все еще захочешь уйти, я не буду настаивать, обещаю.

Ладонями она хлопнула по коленям — руки костлявые, веснушчатые, без колец. А также никакого макияжа и других украшений. Серый брючный костюм, размером слишком велик. И прилизанные пепельно — белые волосы, с аккуратно подстриженной длиной до плеч. Словно она хотела быть невидимой. Слиться с комнатой, нейтральное, заурядное и практически обособленное оформление которой, вероятно, было терапевтическим приемом само по себе.

— Ладно. Начнем с твоего дома.

— А что с ним?

— Сколько в нем окон?

Я сделала мысленную прогулку по нашему дому в Софии.

— Семь.

— Уверена?

Я притворилась, что считаю еще раз. На стене позади нее в рамке, разрисованной невротическими разноцветными пятнами, висел натюрморт Сезанна, состоящий из пяти фруктов: трех яблок, лимона и айвы.

— Да, уверена. Семь окон.

— И когда ты их пересчитывала, то была внутри дома или снаружи?

— Внутри... а что?

— Хорошо, это все, что мне нужно было узнать. А теперь посмотрим, ошибусь ли я в истории прошлого. — Она разжала руки и придвинулась ближе, как если бы хотела утешить не столько меня, сколько себя. — Ты росла единственным ребенком, так? Твои родители никогда не говорили тебе об Эльзе. Держали ее имущество запертым в доме, скорее всего в комнате, доступ к которой ты получила совершенно случайно — тебе было сколько, пять или шесть лет? — и именно там ты нашла ее фортепиано. Семейный секрет наконец всплыл не так давно, возможно, накануне твоего решения приехать в Америку. И она начала охотиться за тобой. Станные случаи. Даже жуткие. Временами ты могла практически ощущать ее физическое присутствие в воплощении привидения. Что и сделало для тебя Принстон естественным выбором. На самом деле, *единственным* выбором, чтобы узнать,

сможешь ли ты когда-нибудь быть от нее свободной. Кстати, как я справляюсь до сих пор?

Я была ошеломлена. На какое-то мгновение даже яблоки Сезанна, казалось, вздрогнули от шока, собираясь вывалиться из рамы и покатиться по полу.

— Приму твое молчание в знак того, что я права хотя бы отчасти.

— О да. Вообще-то во всем, но... как вы узнали обо всех этих вещах?

— Это моя работа, Теа. Технический термин звучит как «синдром замещения ребенка».

Он дает очень точные предсказания тому, как будет изменяться модель поведения ребенка после смерти брата или сестры. Даже сам Зигмунд Фрейд — хотя в строгом смысле он не «замещенный» ребенок, потому что являлся первенцем — страдал от похожих симптомов после смерти его младшего брата Юлиуса.

— Страдал от чего конкретно?

— От груза, когда тебя рассматривают, как «замещенного» ребенка: который должен заполнить пустоту, заполнить которую невозможно, стереть потерю и подействовать в качестве панацеи. Совершенно очевидно, это невыполнимая миссия, потому что дети не взаимозаменяемы, а агонию от утраты ребенка нельзя так просто излечить появлением другого. Вместо этого родители должны признать потерю, разрешить умершему ребенку занять свою нишу в семье, и дать процессу скорби идти своим чередом. Неспособность сделать это проецирует их травму на выжившего ребенка, запуская синдром.

— Что заставляет вас думать, что мои родители оказались неспособны?

— Большинство людей считают, что лучший способ излечиться — подавление боли или полное ее блокирование, даже если это означает бессрочное стирание умершего ребенка из истории семьи, запираение физических напоминаний о нем в недоступном месте, и так далее. Особенно это относится к родителям, у которых не было возможности погоревать как следует. Например... — Она посмотрела в сторону, словно уже не была уверена, что рассказывать пример такая уж хорошая идея. — Исторически сложилось так, что женщине, чей ребенок умер при рождении, не разрешалось держать его или даже смотреть на него — это считалось губительным для матери. Теперь же клинические исследования показали, что отрицание только то и делает, что оставляет горе неразрешенным. И рана, так сказать, всегда открыта.

Я наконец поняла, к чему она ведет. Исчезновение тела Эльзы не дало горю моих родителей найти выход, как было бы должно.

— В подобных случаях родители либо отталкивают и пренебрегают своим другим ребенком, либо опекают его сверх меры, любя до сумасшествия. Ты считала окна изнутри дома, что означает, что, должно быть, ты была счастливым ребенком, выросшим в любящем и понимающем доме. Я знаю многих, кому не так повезло.

— Они считали окна снаружи?

— Почти всегда. Отторгнутые дети — аутсайдеры, изгои. Некоторые рассказывали, что в семье чувствуют себя буквально невидимыми.

— Но счет изнутри не обязательно значит любящий дом. Может быть совсем наоборот: дом, кажущийся тюрьмой.

— Ты абсолютно права. — Она снова улыбнулась, но так уверенно, что, наверно, означало, что я была не совсем права. — Вот только узник смог бы назвать количество окон сразу же, разве нет? У него не было бы необходимости пересчитывать их для меня. И уж точно не во второй раз, как это сделала ты.

Это обеспокоило меня гораздо больше, чем все то, что она говорила до этого, потому

что я не пересчитывала их во второй раз. Тогда... могло ли это быть правдой? За все эти годы уроки игры на фортепиано частенько заставляли меня чувствовать себя заточенной. И мои родители опекали меня сверх меры, это точно. Но я никогда не думала о своем доме, как о тюрьме. Или думала? Кроме того, я все же здесь. В чужом мире. Сама.

— Ты думаешь о тюрьмах и оковах?

Выбор слов сильно испугал меня — шутка, совершенно ясно, но в этот раз я была осторожнее. Если бы человеческий мозг был музыкальным инструментом, эта женщина была бы не худшим виртуозом, чем Риз прошлой ночью.

— Просто... Я все еще не понимаю, как вы догадались обо всех этих деталях моей жизни.

— Честно говоря, есть в этом немного от головоломки. Вот ты здесь, в Принстоне. И выдающаяся пианистка, не меньше. В общем, поступаешь точно так же, как и твоя сестра. Но почему твои родители позволили тебе это?

— Может, так я могла окончательно стать «замещающим» ребенком?

— Нет, так это не происходит. Родители перестраховщики держат «замещающего» ребенка — надеюсь, ты не против этого термина, я использую его только в описательном смысле — так близко, как это возможно. Не отсылают ее на другой континент. И определенно не в тот же университет, где умер первый ребенок. Другими словами, все эти решения принадлежат тебе. К примеру, фортепиано. Чтобы достичь такого уровня успешности, тебе нужно было бы начать в очень раннем возрасте. Но шестилетние дети не просыпаются в один прекрасный день со страстным желанием исполнять классическую музыку, верно? К этому должны подталкивать родители. Твои, само собой разумеется, никогда бы не сделали чего-то подобного по отношению к игре на фортепиано, которая добыла Эльзе хвалебный отзыв, вручившей ей входной билет в Принстон. То есть должен был быть другой спусковой механизм. Какое-то событие, которое должно было казаться ребенку загадочным, пленительным, и соблазнило бы тебя играть, невзирая на возражения матери и отца. Что-то вроде, скажем, изучения мира, что был закрыт от тебя. И вот там — ожидающее фортепиано. Вот только твои родители тут же сделали большую ошибку.

— Позволив мне играть?

— Нет, умолчав о твоей сестре. Подумай: большая часть твоего детства оставалась в их распоряжении. Много времени, чтобы осторожно посвятить тебя в истину, сформировать твою реакцию на нее, и устроить то, чего они хотели больше всего: держать тебя подальше от американского вирусного заболевания, которое, просто дыша посткоммунистическим воздухом, подхватило столько восточноевропейских молодых людей. Но вместо этого они ждали. Но когда у тебя появилась своя голова на плечах, было слишком поздно.

— Не совсем так. Когда я узнала, через что они прошли, я предложила остаться в Болгарии.

— Их счастье взамен твоего. Какие родители пошли бы на такую сделку?

— Я не торговалась. Я говорила серьезно.

— Само собой, так и было. Эмпатия. Самопожертвование. Раннее осознание горя и утраты. Все это довольно типично, потому что «замещающий ребенок» не ждет, что будет центром вселенной. И в этом огромная разница между тобой и Эльзой.

Разница не была такой уж огромной, учитывая, как я выбрала Принстон, зная, что это огорчит моих родителей. И все — таки, было что-то еще в ее последнем высказывании. Прозвучало оно очень лично. Дело не в дедукции — просто точное наблюдение.

— Доктор Пратт, давно вы в Принстоне?

Она поднялась с дивана, подошла к столу в дальнем углу комнаты и взяла бутылку воды со стеллажа, стоящего рядом с ним.

— Будешь?

— Нет, спасибо. — В дипломе на латыни над ее столом было указано ее имя, название университета Джона Хопкинса и год его получения — 1990. — Вы же были здесь в девяносто втором году?

Она открыла крышку и посмотрела внутрь бутылки так, словно прозрачная жидкость содержала в себе молекулы прошлого.

— Моя сестра тоже приходила на терапию?

— Не добровольно.

— Вы имеете в виду, она нуждалась... в помощи психиатра? — Я почти подавилась словами, жалея, что отказалась от воды.

— Тогда я так не думала. Но университет был не согласен. Ты слышала о Голых Олимпийских играх?

Похоже на дионисийскую версию Олимпийских игр.

— Имеют ли они какое-то отношение к древней Греции?

— К сожалению, нет. — Мое предположение позабавило ее. — Это традиция Принстонского университета. Точнее, была ею до 1999 года, когда попечительский совет запретил ее. Каждую зиму, в ночь первого снегопада, второкурсники обнаженными бежали вокруг Рокфеллер Колледжа, во внутренний двор Холдера, а оттуда в город, врываясь в магазины и рестораны. В зависимости от опьянения мог последовать секс, вандализм, ведущий к арестам, преступления и даже госпитализации.

— Но моя сестра не была второкурсницей.

— Верно, не была. Что было лишь частью проблемы. В том году первый снегопад выпал на тринадцатое декабря...

— В те же выходные, когда ее тело исчезло из похоронного зала?

— Да, хотя я и не думаю, что между этими событиями есть какая-то связь. Смысл в том, что зимой 1992 года — и, насколько я знаю, в первый и единственный раз в истории университета — Голые Олимпийские игры, похоже, прошли дважды. Тринадцатого декабря, когда выпал первый снег. И месяцем ранее, десятого ноября — тогда группа студентов начала забег в Холдере, а закончила в лесу на юге кампуса. Участие в нем принимал только один человек, не числившийся на втором курсе: твоя сестра. И, по случайности, она была единственной женщиной.

Я почувствовала, как покраснели щеки. Очевидно, Эльза была куда более дикой, чем я подозревала.

— Кто-нибудь был арестован?

— К несчастью, да. Офицеры городской полиции были высланы после первого же заявления о дебоше. Студентов вроде было шестеро, и все они столкнулись с дисциплинарными предписаниями. Свелось все к обязательным консультациям, но сначала велись разговоры об отстранении на весь весенний семестр.

— Отстранении? За бег голышом?

— Ну... там было намного больше, чем просто бег. Уверена, ты можешь себе представить.

Вообще-то я не могла. Моя сестра. Голая. С пятью мужчинами в лесу. Посреди ночи.

— Хотя, я все еще не понимаю. Зачем им было бежать на месяц раньше вместо того, чтобы дожидаться первого снегопада с другими?

«Потому что мы не уподобляемся другим». Это были ее точные слова, когда я задала ей этот же вопрос. «И к тому же, сказала она, были первые заморозки, разве это не больше похоже на свободу?»

Для меня это не было похоже на свободу. Но как бы я хотела знать эту девушку. Хотела бы быть похожей на нее: дерзкую и смелую бунтарку.

— Доктор Прагг, вы думаете, что так она... что этот случай связан с тем, как она умерла?

— Неважно, что я думаю, Теа. Мы никогда этого не выясним. А даже если и выясним, ты не сможешь изменить то, что уже случилось. Единственное, что в твоих силах — это прожить жизнь, свободную от призраков.

От ее выбора слов я вздрогнула, пока не осознала, что она говорит не буквально.

— Не уверена, что могу. Эльза — часть меня, которую я только начала познавать.

Она покачала головой.

— Та часть тебя, что годы напролет подсознательно перенимала тревогу и печаль у твоих родителей. Когда секрет гноится так долго, открытие правды может привести к ночным кошмарам. Некоторых людей травма поглощает настолько, что они начинают видеть привидения их почивших братьев или сестер. Вроде видения в окне в ночи.

— И это просто... галлюцинации? — Впервые после поездки в Царево, где я видела фигуру в белом, я ощутила облегчение.

— Можешь назвать это так. Говоря научным языком, это когнитивное искажение: твой мозг пытается сделать так, чтобы она выглядела реальной с целью минимизировать потерю. Но не попадайся в ловушку отождествления себя с ней.

— Почему нет? Я часто задаюсь вопросом, похожи ли мы.

— Не похожи. Поверь мне, я знала эту девушку. В ней таилось какое-то раздражение на весь мир, скрытая злоба ко всем и ни к чему в частности. Не похоже, чтобы что-то из этого относилось к тебе. — Пауза, чтобы придать вес следующим словам. — Что очень даже хорошо.

АЛЛЕЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ; я бы поняла это и с закрытыми глазами. Мои шаги, лишь мгновение назад заглушаемые мириадами звуков, исходящими от переполненного кампуса, теперь, когда я шла по тротуару, отдавались отчетливым стуком, рябью поднимавшимся под арочный каменный свод, подобно голосу входящего в церковь прихожанина.

Арочные проходы Принстона всегда захватывали дух. Суетный мир оставался позади. Впереди же далекие решетчатые окна, деревья, возможно клочки неба. Но в промежутке ты чувствовал стык чудес. Низкий потолок возвышался над головой, готовый хранить твои секреты. Слабый свет мог бы вытянуть твою тень вдоль стен. Растянутые эхом, твои шаги могли бы превратиться в музыку. И на несколько секунд, пока ты держал свой путь через мрачный короткий коридор, ты и камень оставались один на один. И ничего больше.

На другой стороне именно этой арки находился четырехугольный двор Холдер Рокфеллер Колледжа (который известен всем под ласковым сокращением «Рокки»). Я должна была понять это давным — давно, задолго до того, как услышала упоминание о «Рокки» в кабинете психиатра: это было общежитие Эльзы. Должно было им быть. Годы тому назад я была свидетельницей одного инцидента. Случайное упущение, висевшее в

воздухе, являющееся таковым, как и все на первый взгляд неважные воспоминания, до момента, пока ты не пытаешься сложить мозаику прошлого, давая новую оценку произошедшим событиям.

— Черт, не знаю. Думаешь, эти американцы сидят на чем-то? Потому что в старые времена мы называли подобное эксплуатацией детей.

Говоривший мужчина был боссом моего отца: главой экспертно — криминалистической лаборатории и одним из приглашенных моими родителями на ужин гостей. И, несомненно, он был непреклонен в мнении, что никто младше восемнадцати лет не должен работать — подстрекаемый обсуждением данной темы по телевизору, пока остальные за столом ждали возможности узнать, прошла ли футбольная команда Болгарии квалификацию для участия в Мировом Кубке.

— Павко, угомонись. — Его жена нахмурилась, она сидела в отдалении от него. — Как ты можешь говорить такое, когда коммунисты заставляли нас проводить большую часть летних каникул за принудительными работами? Я все еще помню эти студенческие бригады: потеющие от убийственной жары, пахущие в поле, либо на консервной фабрике. И все это под лозунгом "Во благо общества"? В Америке этим детям, по крайней мере, платят!

— Я не поддерживаю коммунистов. Я вижу это так: эти бригады были частью взросления, тем, через что нам нужно было пройти. Одно дело, когда государство говорит, что каждый должен внести вклад. Но чтобы родители посылали своих детей зарабатывать деньги? Не знаю, как по мне, то это бардак какой-то.

— Согласен, — кивнул сидящий с другой стороны стола самый молодой гость, ассистент в лаборатории. — Если вы не способны содержать детей, то может, для начала, не стоит их заводить?

— Дело не в способности. — Жена Павко повысила голос, переорав ведущего по телевизору, который только что отметил, насколько для подростков ядовита праздность. — Мы говорим об Америке. Уверена, там люди способны позволить себе многое в сравнении с нами и остальным миром. Они всего лишь пытаются привить их детям ценности с раннего возраста.

— Серьезно? Как например? — Моя мама больше не могла сдерживаться. — Что лучше, на что они могут тратить свое время, это обслуживание столиков шесть дней в неделю?

— Согласен с вами! Кто мы такие, чтобы спорить о воспитании детей с тем, кто вырастил *это*? — Павко смеялся, указывая на мои висящие в рамках победные грамоты за игру на фортепиано. — Зарабатывать деньги — работа родителей, а работа детей — становиться гениями, верно? Славин, что думаешь?

— Я думаю... — Мой отец сделал паузу, бросая взгляд на маму, выискивая согласие с тем, что он собирался сказать. — Думаю, если потерпеть с прививанием детям ценностей до момента, когда они станут достаточно взрослыми, чтобы работать, то уже будет слишком поздно.

За столом повисла тишина. На экране телевизора в огненно — красном костюме женщина, претендующая на звание "семейного консультанта по достатку", начала рассказывать о Рокфеллерах, и как их внук получал жалование в двадцать пять центов за уборку листьев по восемь часов в неделю.

— Вот почему дети Рокфеллера и не стали знаменитыми на весь мир пианистами! — Павко подмигнул мне, но больше никто не смеялся.

Родители смотрели друг на друга. Затем моя обычно сдержанная мать встала, переключила канал и вышла из комнаты, не обронив ни единого слова.

Теперь, годы спустя, я оглядываю «Рокки» – роскошное студенческое общежитие, сделанное в готическом стиле, по счастливому случаю дарованное колледжу собирателем листьев. Одна из его уединенных комнат принадлежала моей сестре. В эти самые окна она наблюдала разворачивающуюся перед ее глазами жизнь двора Холдер. Утренний балаган. Опадение осенних листьев. Снования студентов туда — сюда через арочные ходы. Вечерние сумерки. Дожди. И эти бесславные первые заморозки, которые, как только что сказала мне Пратт, обернулись первым знаком беды.

«Потому что мы не уподобляемся другим».

И тогда меня осенило: что если родители знали о Голых Олимпийских играх? Что если реакция матери была связана не с проживанием Эльзы в общежитии, а с тем, что ей рассказали об одной ноябрьской ночи, когда ее дочь участвовала в забеге за пределами Рокфеллера без одежды и с группой мужчин?

И тогда... я вернулась к самому началу. Эльза могла как жить, так и не жить здесь. Могла как прогуливаться по этим аллеям, под этими деревьями, сквозь эти арки, так и не делать этого... Но, с другой стороны, меняло ли это что-нибудь?

Меня накрыло осознание тщетности проделанного мною пути. Поиска улик, которые, казалось, вели в определенном направлении, пока, неминуемо, не начали указывать совсем в другую сторону. И когда я вернулась к Форбсу, то решила попытаться сделать то, что все считали лучшим для меня выбором: оставить призраков в прошлом и жить собственной жизнью.

ВЕГЕТАРИАНСКАЯ СМЕСЬ или мясное жаркое?

Смесь — запеканка... Смесь — запеканка... Я не знала, что значили эти слово, и взгляд на блюда ничем не помог. Обычно закрытый по субботам Проктер Холл устраивал специальный вечер с блюдами из местного ресторана, и моя работа заключалась в предоставлении каждому магистру выбора: из двух сомнительного вида приготовлений предпочесть то, которое на слух воспринималось как алкогольная вечеринка, состоящая из овощей, либо другое, по звучанию казавшееся чем-то типа причудливой запряженной кареты. Хуже всего было то, что нам следовало носить поварские кители и высокие бумажные колпаки.

— Будет ли страшно, если мы сбросим колпаки?

Управляющий в обеденном зале одарил меня презрительным взглядом.

— Сбросить колпаки?

— Я тут подумала, что если они упадут?

— Ну так постарайся сделать так, чтобы этого не произошло.

Совершенно ясно, что просьба к управляющим пересмотреть протокол сравнима с просьбой к полицейскому ограбить со мной банк. Так что я просто переживу эту смену с надеждой закончить до того, как Риз мог войти и увидеть меня вооруженной лопаточкой и коронованной бумажным цилиндром.

— Когда и откуда мне забрать тебя завтра? — спросил он меня прошлой ночью.

— В девять, с работы.

— Работы?

— Обеденный зал Магистерского Колледжа. Это условие финансовой помощи. — Я

ждала реакции, но ее не последовало. — Ты ничего не говоришь. Какая-то проблема?

— Пока нет.

Пока. Деликатный способ сказать, что встречаться с посудомойкой нормально, но до тех пор, пока кто-нибудь не увидит его с ней (кроме его дворецкого).

— Риз, я не богата. Если тебя это волнует, мне лучше знать.

— С чего бы это меня волновало?

Потому что я слышала о друзьях, с которыми ты тусуешься. Видела машину, которую ты водишь. И дом, в котором живешь.

Когда я не ответила, он поторопился объяснить:

— Просто не хочу, чтобы твоя работа отрывала тебя от меня слишком надолго. Особенно в выходные.

К счастью, к окончанию смены, его следа не было. Так как остальные стремились попасть на главную улицу, я добровольно вызвалась закрыть помещение и начала проходить по привычному списку:

Выключить посудомоечную машину;

Запереть морозильные камеры;

Выключить свет (на кухне, в кладовой, в зале);

И конечная остановка: Проктер Холл.

С другой стороны подсвеченного стекла в свои права вступила ночь. Окна потеряли свой цвет, так что единственным освещением служили не уверенные в своих силах лампочки в люстрах. Я развернулась, чтобы проверить, открыты ли еще двери в вестибюль...

И столкнулась лицом к лицу с кем-то ожидающим в темноте, облокотившимся на ближайший столик.

— Привет, Теа.

Я узнала его интуитивно: этот голос, как он произносил мое имя. Затем увидела силуэт. Белый цветок в его руке. Но и нечто еще: без сомнения совершенно другое тело, незнакомое лицо. До последнего мгновения мой разум отказывался принять видимое. Затем я была сражена очевидной истиной.

Вероятно, это парень с моего концерта. То был не Риз.

Прежде чем я успела отреагировать, он улыбнулся и подошел ко мне. Двигаясь медленно, осторожно, и остановившись лишь тогда, когда его тело практически касалось моего.

— Кто... кто ты?

— Думаю, ты знаешь. — Он дотянулся до моей руки. Вложил в нее цветок. — На какое-то время я уезжал. Но думал о твоём Шопене каждую минуту.

От его тихого голоса воздух начал движение.

— Как ты... — В горле пересохло, слова застряли на выходе.

— Как я что?

— Узнал, что я здесь?

— Я обещал найти тебя. И нашел.

Я сделала шаг назад. Как я могла перепутать Риза с ним? Они выглядели похоже, но только на расстоянии. Вблизи же все оказывалось разным: тело (такое же сильное, но более худое, мускулатура выражена не так ярко), лицо (такое же великолепное, но более угловатое) и глаза (темно — голубые, но более теплые, невыразимо теплые)...

В зале эхом раздалась шаги.

— Вижу, вы уже познакомились? — Риз поспешил к нам, не оставляя времени на ответ. — Ферри отмечал, что ты можешь вернуться домой сегодня вечером, но я не думал, что он скажет тебе искать меня здесь.

Парень механически пожал плечами, ложь ему давалась довольно легко.

Риз обернул свою руку вокруг меня.

— Мой брат зол на тебя, потому что ты разрушила его план.

Братья? Я уставилась на него в ужасе.

— Какой же это план я разрушила?

— Годы напролет меня тошнило от этого кампуса, и я пытался убедить Джейка переехать со мной в Манхеттен. Но он любит это место — покой и тишину. Откровенно говоря, я этого не понимаю. Так что мы достигли компромисса: остаться здесь еще на год и покончить с этим местом. А две недели назад, неожиданно — нежданно, он согласился переехать. Даже нашел нам жилье в Сохо, сказал мне собираться и уезжать отсюда. Вот только... остальное ты знаешь. Я вернулся на одну ночь и, что ему неизвестно, встретил тебя, что к огорчению моего дражайшего брата отложило мой переезд в Нью-Йорк на неопределенный срок. Неудачное время, так Джейк?

Никакой реакции, даже кивка.

— Забавно, как Принстону удастся держать меня на коротком поводке. Сначала брат, теперь ты. — Риз взял меня за руку, наконец заметив цветок. — И это от?..

Этот момент я буду помнить всегда. Какая-то доля секунды, когда вселенная, вопреки всему, останавливается перевести дыхание, а судьба смотрит в другую сторону: тебе позволено, но только в этот раз, заполучить то, чего так хочется, лишь нужно проговорить это вслух, но ты должен заговорить или сделать что-то еще, пока не станет слишком поздно; и как только станет слишком поздно, так пробудет до окончания веков.

Цветок от?..

Я чувствовала их взгляды на себе, они ждали ответа. Что я должна сказать? Что я встречалась с Ризом, потому что по ошибке приняла его за его брата? Правду Ризу задолжал именно Джейк. Это он учинил беспорядок, не я. Прочее же они должны выяснять между собой.

Я подошла к одной из композиций, все еще мостившихся по центру столов, где были самые различные белые растения, в том числе и розы, и вставила стебель к другим цветам, как будто так до этого все время и было.

— Должно быть, мне не о чем беспокоиться. Риз улыбнулся со свойственной ему беззаботностью. — На какое-то мгновение мне показалось, что придется вызывать на дуэль собственного брата!

Джейк отвел взгляд в сторону.

«Трусиха», — подумала я. — *«Ты такая трусиха»*.

— Увидимся дома. — Он прошел мимо Риза, не замечая моего присутствия, и, прежде чем воздух нашел обратный путь к моим легким, ушел.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Семь букв

Дождь не прекращался весь день. Я все слушала, как он выстукивал по окну: *теперь что? Что?.. что?*

Затем, около шести часов, я устала переживать и сдалась.

Хотелось бы мне продолжать в том же духе. Ну или хотя бы не видеть никого. Но в семь мне нужно было быть на Мерсер Стрит для ужина с Ризом и его братом.

Мои попытки найти выход из данной ситуации не увенчались успехом. Риз посчитал, что событие (мое знакомство с Джейком) должно быть отпраздновано особым образом. И, как всегда, он решил поступить по — своему. Я была уверена, что ужину не бывать, что он позвонит и отменит его, как только Джейк расскажет ему, что мы уже встречались — дважды — и почти поцеловались в подвале музея. Но субботний полдень плавно перетек в вечер, а телефонного звонка так и не было.

Я не могла перестать думать об эпизоде в Проктер Холле. Что, если мне следовало поступить иначе? Может, в итоге, настоящая связь у меня с Джейком? Или предназначенный мне парень — Риз? И кем был этот загадочный брат — мягкий, уклончивый, непроницаемый Джейк, который зацепил меня настолько сильно, что в его присутствии мне едва удавалось заканчивать предложения?

Риз не особенно распространялся о нем прошлой ночью, да и я не стала расспрашивать, боясь, что мое любопытство могло бы показаться подозрительным. Нет, они не были близнецами. Джейк младший брат — «младший» значит, что ему двадцать семь, а про себя Риз сказал лишь, что они примерно одинакового возраста. К тому же они близки, точка. Также он боялся, что это может измениться, учитывая, что Джейк теперь живет в Нью-Йорке.

На мысли, что же надеть, у меня ушло полчаса: черные кожаные штаны и черный запахающийся свитер, в чем я надеялась выглядеть сексуально, но недостаточно, чтобы спровоцировать кого-нибудь. Теперь должен был начаться настоящий кошмар. Я с ними обоими. Застрявшая на часы — занимаясь чем? разговаривая о чем? — в одном помещении.

Когда я дошла до знакомых деревьев, ветер пробудил их ветви своим меланхоличным гулом, сотрясая с них капли прошедшего дождя. От здания мчалась фигура. *Риз или Джейк?* И это только начало. Мне придется привыкать к этому: к интуитивным вопросам, к попыткам отличить один силуэт от другого. И необходимости подготовить сердце к любому исходу.

Конечно же, это Риз. Он предложил забрать меня у Форбса, но я настояла на прогулке.

Она была мне нужна. Теперь же он подбежал и подхватил меня на руки.

— Риз, что ты делаешь?

— Вся земля промокла. Ты испортишь обувь. — Он пронес меня через всю лужайку, и даже не запыхался. — Напомни потом показать тебе главный вход. Именно из — за подъездной дороги мы называем дом «Галечником» — она будто из гальки, но на самом деле сделана из частиц мрамора, которые должны создать впечатление подобия руслу реки. Парень, создавший ее, привез мрамор из Италии.

Итак... Джейк ничего не рассказал. Я слишком сильно обнадежила себя, считая, что он может так поступить. Что попытается вернуть меня, борясь с Ризом, если придется. Вместе этого он собирался отсиживаться в сторонке и наблюдать за тем, как его брат выстраивает со мной отношения.

Мы пришли в гостиную. Джейк сидел, отвернувшись от окон, в одном из кресел, и на какой-то момент была видна лишь его рука, с подлокотника свисали его длинные, скульптурные пальцы. На полу под ними стоял пустой стакан.

Должно быть, он слышал наши шаги, но остался спокойным, да настолько, что рисковал показаться спящим. Но наши голоса его не удивили, и нарочитое спокойствие, с которым он развернулся в кресле, ясно дало понять, что он сидел в тишине, ждал.

— Привет, Теа.

Мое имя снова сорвалось с его губ. Помню, как находилась с ним в другой комнате, где были только мы, когда он произнес его в первый раз.

— Теперь ты знаешь, кто играет на втором рояле. — Риз указал в спину брату. — Неоспоримый талант в нашей семье. Я же его завистливый поделщик.

Джейк выглядел более спокойным, чем сам музыкальный инструмент.

«Мы часто устраиваем соревнования». Я представила, как они играют. Если бы моя сестра была жива, мы наверно тоже так делали бы.

— Таков мой брат: ни одного словечка. — Риз подернул плечами, ощущая странные вибрации, и не имея понятия об их природе. — Слава Богу, ужин готов, иначе на то, чтобы сломать лед, у нас ушли бы часы.

Стол разместили прямо здесь, в гостиной, вероятно, для добавления более интимной атмосферы, так как дом определенно был достаточно большим, чтобы иметь отдельный обеденный зал. Три свечи мостились посередине, отбрасывая тени растений в горшках на стены и потолок, превращая гостиную в очень реалистичные монохромные джунгли. На столе, уже наполненные, стояли три бокала для вина. Стол сервирован был на три персоны. Я узнала фарфор, который Риз принес в ивовую рощу, и вспомнила, что с ним у нас тоже есть секреты, в которые Джейк не посвящен.

Мы расселись. Риз произнес тост — за мой первый ужин в «Галечнике», — но первым же глотком красного вина я подавилась. Я пыталась представить встречи с ним с нынешнего момента. Визиты в этот дом. Встречи с Джейком. Ведение с ним обычных разговоров, притворяясь безразличной. Другие ужины. Музыкальные вечера. Может даже двойные свидания...

Мне пришлось заставить себя поесть. Разум не обрабатывал информацию о проскальзывающей пище, не отмечая ни единого вкуса, пока до меня не дошло, что блюда подозрительно знакомы: холодный огуречный суп, пирог с сыром «Фета», фаршированный перец.

— Где ты нашел болгарскую еду?

Риз рассмеялся.

— Я уж начал думать, ты не заметишь.

— Прости, просто все слегка ошеломляющее.

— Могу представить! — Он указал на мою тарелку. — Вкусно хоть? Я попросил Ферри использовать его магию шеф — повара.

— Да, идеально. Но ты не должен был.

— Конечно, должен. Ты так далеко от дома, это меньше, что я мог сделать.

Джейк поднял взгляд от своей тарелки.

— Я слышал, Болгария красивая. Мне не приходилось там бывать, а вот моему брату довелось.

Я уставилась на Риза в недоумении.

— Почему ты не рассказал мне?

— Ты не рассказал? — Джейк предпочел не замечать нахмуренного выражения лица брата.

Риз опустил вилку, осторожно, словно ее идеальное выравнивание параллельно тарелке может изменить итог всего вечера.

— Не думаю, что говорил об этом Теа, нет. А что? Это проблема?

Они встретились взглядами, сконцентрировав их друг на друге. Я сидела безмолвно. Между ними было напряжение, и, судя по произнесенным словам, эта враждебность ко мне не имела никакого отношения.

— Так-то, я так не думаю. — Риз смягчился и улыбнулся, повернувшись ко мне. — Я путешествовал по Болгарии в прошлом году. Прекрасная страна.

— Когда ты там был?

— Когда встретить тебя было еще слишком рано. — Он поднял мою руку и поцеловал ее, как и тогда в роще. — Еще вина?

Вероятно, тема Болгарии на данный момент была закрыта. Он наполнил мой бокал.

— Кажется, мы должны принять очень важное решение.

Тело натянулось, словно струна.

— Какое решение?

— Будешь ли ты играть до или после десерта.

Я предупредила его, что этому не бывать.

— Боюсь, такого варианта сегодня в меню нет. Умираю, как хочу послушать твою игру. Как и Джейк.

Как мне ему сказать? Знала, что должна. Но это не относится к одной из тех вещей, которые вы можете бросить в лицо кому-нибудь посреди разговора: *«Вообще-то, твой брат уже слышал мою игру. Просто не набрался смелости, чтобы сказать об этом, так что все это время мы оба лгали тебе».*

— Сегодня я не играю, Риз.

— Почему? Только фрагмент, даже если это будет Шопен! Кроме того, ты задолжала мне за ту ночь, помнишь?

Он попытался поцеловать меня, но я вовремя отодвинулась. Лицо Джейка сделалось белее фарфора.

— Мне нужно уезжать. — Ничто в его голосе не выдавало его эмоций, но он избегал смотреть на любого из нас.

— Уезжать? Ферри сказал мне, что ты пробудешь здесь неделю!

— Вообще-то, нет. — Он остановился, чтобы сказать следующее. — Я обещал вернуться в Нью-Йорк сегодня.

— Обещал... кому? Кому-то, о ком я до сих пор не знаю?

Вопрос был проигнорирован.

— Джейк, да ладно тебе. Остайся хотя бы на ночь!

— Как-нибудь в другой раз.

Теперь Риз выглядел сбитым с толку.

— Он убивает меня, Теа! Клянусь, это так не похоже на моего брата...

Джейк обошел вокруг стола, чтобы обнять Риза, после чего повернулся ко мне. Я застыла, напуганная тем, что он обнимет и меня тоже. Что через невероятно краткий миг я, наконец, окажусь в его объятиях. Но он протянул ко мне только руку. Ожидая мою. Аккуратно взял ее, словно касался предмета из стекла, и просто сжал, быстро, пока смотрел мне в глаза.

— Было приятно познакомиться, Теа Славин.

Следующее произошло довольно стремительно. Вероятно, Риз что-то услышал в голосе Джейка, прочел что-то на его лице или увидел в осанке Джейка, пронизанной нервозностью, когда тот выходил, но обыкновенно сказанное «было приятно познакомиться» не провело его. Выглядев взбешенным, он выбежал за братом. Когда же вернулся, то ни словом не обмолвился о том, что произошло снаружи. Но несложно догадаться: вероятно, он поссорился с Джейком и выяснил правду.

В качестве последнего проявления его хороших манер, он отвез меня обратно в Форбс — в тишине. Высадил в молчании. Даже не пожелал спокойной ночи.

— Риз, мне так жаль...

— Чего жаль? Тебе не за что извиняться.

Последнее, что я слышала, это визг шин, когда он повернул за угол и исчез.

— Я НЕ ПОНИМАЮ, ТЕА. — Лицо Доннелли приобрело грозное выражение, нахмурившись так знакомо, разве что в этот раз катализатором был не мой выбор специализации. Более чем за неделю я выучила только половину композиции Альбénиса. Для нее же это было личным оскорблением. — Ты знаешь, что значит Карнеги для музыкальной карьеры, так ведь?

Конечно, я знала: максимальный джек — пот. Но также голову занимали совсем другие мысли. Всю прошедшую неделю меня не отпускало ощущение сюрреализма. Парень, которого я видела, разделился на двух совершенно разных людей, и затем я потеряла обоих.

— Мы идем по краю пропасти, и я не могу позволить тебе тратить время впустую. Что тебя отвлекает? Колледж?

— Отчасти.

— Что еще?

В качестве оправдания я использовала работу в кампусе, не убрав хмурость с ее лица.

— Как я и говорила, настойчивость Офиса финансовой помощи на этой работе просто нонсенс. Я смогу тебя выволить не ранее января.

Целью было не вытаскивание меня из Проктер Холла. Мне нужно было, что бы Доннелли пустила меня *внутрь*.

— У них есть фортепиано, на котором, кажется, никто не играет. Если бы я могла практиковаться после работы...

— Почему же не можешь?

— Зал закрыт ночью.

Она потянулась за телефоном.

— Когда ты работаешь в следующий раз?

— Этим вечером.

— Прекрасно. Дай мне минутку.

Больше времени и не понадобилось. Она набрала номер, обменялась несколькими словами, затем завершила разговор с выражением триумфа на лице.

— Кто-нибудь передаст тебе ключ до конца смены.

И наконец я получила его — собственное фортепиано, да еще в таком великолепном месте, которое и так настраивало разум на музыкальный лад!

Рассыпаясь в благодарностях, я задумалась, мог ли этим «кем-нибудь» оказаться смотритель (или как он сам себя зовет — *хранитель ключей*), уже однажды отпиривший для меня Проктер Холл. Мне он показался чужаковатым и обаятельным, и внутри теплилась надежда увидеться с ним снова. Разговорить его. Узнать, почему он так поэтично высказывается о музыке. И, кроме прочего, уговорить раскрыть детали суицида в Принстоне, о котором он упомянул в прошлый раз. Не то чтобы я могла представить сестру прыгающей с Кливлендской башни. Но может он слышал и о других инцидентах? К примеру, о мертвой девушке, найденной на туристическом маршруте. Или о скандале в похоронном бюро, в котором говорилось о самых нездоровых кражах.

К сожалению, ключ мне не принес никто. Он ждал меня в конверте, когда я пришла на работу, и как только все ушли после окончания смен, я продолжила свою борьбу с Альбенисом.

Начало было обманчиво простым: набивая указательным пальцем правой руки ритм по единственной клавише, левой рукой нужно было кружить вокруг нее в отрывистом мотиве. Смешно же, даже ребенок сыграл бы это. Но лишь пока не полилась музыка. Октавы гремели с противоположных концов фортепиано, как если бы вы внезапно обзавелись третьей рукой, затем и четвертой, чтобы накрыть все клавиши без единого нарушения стройной мелодии.

Только для того, чтобы понять ноты правильно, мне понадобились недели. Уайли назвал это «базовым прочтением», тогда как мой преподаватель годы тому назад говорил об этом же, как об «обучении пальцев инстинктам». В любом случае, я ненавидела хвататься за новую композицию. Чувствовать хромоту. Ударять не по тем клавишам. Разбирать произведение, деля его на части, добираясь до самой сути, и механически зазубривать на стольких репетициях, что, да, пальцы будут бегать по клавишам на автопилоте. То же самое и с мозгом. Пока уши, уставая от прослушивания одного и того же звучания снова и снова, не перестают его воспринимать.

Один раз я заставила себя исполнить мелодию до конца, после чего выключила свет и увлеклась совершенной иной музыкой — которую знала сердцем. В последний раз, когда играла ее на этом самом рояле, я представляла, будто меня кто-то слушает. Спрятанный, невидимый в темноте.

Я думал о тебе и твоём Шопене каждую минуту...

Скрип петель заставил меня вскочить со скамейки. Я могла поклясться, что закрывала двери. Закрывает плотно и на замок, чтобы никто не мог услышать. *Звуки не покидают этих стен.* Может Сайлен соврал?

На полу начал растягиваться яркий треугольник: на этот раз рука тянула дверную ручку

до конца.

— Привет. Прости, если прервал твою игру.

Я узнала голос прежде, чем глаза привыкли к темноте и рассмотрели его.

— Джейк... что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя.

— Это я вижу. Но как ты...

— Узнал, где ты будешь? — Он улыбнулся; мне все еще не было ясно, что если он хотел найти меня, то знал, где и как. — Найти тебя не проблема. Проблема в том, что получается у меня это сделать, видимо, слишком поздно.

Его взгляд метнулся к закрытой партитуре, но мы оба знали, что он имел в виду нечто иное.

— Ты вчера не возвращался в Нью-Йорк. — Это был не вопрос. На самом деле вопрос заключался в причине.

— Мне нужно было увидеться, чтобы извиниться.

— За что?

— За то, как сложились обстоятельства.

— Обстоятельства просты. Ты обещал найти меня, но вместо этого меня нашел твой брат.

— Почему ты выбрала его, Теа?

Меня только осенило: он не знал. Он думал, что я предпочла Риза ему намеренно.

— Я видела тебя лишь в темноте. Когда я встретила с Ризом, то решила, что это ты.

— Да? Мы даже не особо похожи.

— Вероятно, все же похожи. Либо... может, я просто хотела, чтобы это был ты, пока, наконец, не поверила в это.

— Это должен быть я. — Он сказал это так тихо, что у меня едва вышло разобрать слова.

— Тогда почему ты исчез?

Он заколебался.

— Почему, Джейк?

— Были на то причины.

— И это все? Были *причины*?

Мы были всего в шаге друг от друга. Я смотрела на него. Ждала.

— Я не исчез. Мне нужно было, чтобы Риз уехал в Нью-Йорк первым.

— Зачем?

— Потому что иметь с тобой отношения было невозможно. Не пока он был бы рядом.

— Какое ко всему этому имеет отношение Риз?

Пока он мучился над тем, как ответить, я попыталась проследить за новым витком событий: внезапное решение Джейка переехать в Манхеттен возникло всего спустя несколько дней после моего концерта, чтобы они оба осели там.

— Ты говоришь, что не можешь встречаться с девушкой, которая живет в том же городе, что и твой брат? — От облечения в слова мысль казалась правдоподобной, но я отказывалась поверить в это. Джейк, терпящий угрозы Риза. Слабый и неуверенный. — Прости, но это смешно.

— Ты не знаешь моего брата.

— Знаю.

— Не знаешь. Не знаешь, насколько сильное влияние он оказывает на женщин. — Как только он сказал это, то, должно быть, понял, что именно это я и познала.

— Ты хоть когда-нибудь думал о том, насколько сильное влияние на женщин оказываешь *ты*?

— Мне плевать на других женщин.

— Я говорю не о других женщинах, Джейк. Почему ты... — Теперь я была той, кто боялся закончить предложение. — Почему ты всегда уходишь?

— Ты не понимаешь. Мне приходится делать над собой усилие, чтобы держаться от тебя подальше. — Он протянул пальцы к моему лицу, но отвел их на безопасное расстояние, коснувшись моих волос тыльной стороной ладони, коротко, случайно. — Приходится прилагать усилия, чтобы не прикасаться к тебе.

— Почему?

— Потому что я люблю брата.

Что я могла сказать на это? Я отвернулась, чтобы уйти, но он поймал меня за локоть.

— Подожди...

— В чем дело, Джейк? — Я пыталась не поднимать на него взгляд, на любую часть парня, способного заставить меня забыть свой гнев. — Чего еще ты хочешь?

— Я не могу быть с тобой в ссоре.

Я услышала лишь «*Я не могу быть с тобой*».

— Почему же нет?

На какое-то мгновение он смутился.

— Я серьезно. Какая разница?

— Мы будем пересекаться в кампусе, это уж точно.

— Пересекаться?

— Я хожу в этот колледж, Теа.

Эта мысль не посещала мою голову. После слов Риза о том, что его брату двадцать семь, я решила, что они оба закончили с обучением и живут в Принстоне, потому что здесь их дом.

— Ты кажешься удивленной.

— Просто... не думала, что ты студент. Ты в магистратуре?

— Нет, я старшекурсник. Брал временный перерыв и теперь нужно довести дело до конца.

— Но как ты можешь жить в Нью-Йорке?

— У меня занятия всего три раза в неделю. Дорога туда и обратно занимает меньше часа.

В этом был смысл, я слышала, что в Америке каждодневные поездки скорее норма, чем исключение. Что не имело смысла, так это его следующие слова:

— Тебе не придется беспокоиться о встречах со мной дома. Я занял комнату в общежитии, так что мне будет где переночевать, когда я буду приезжать.

— Дома... у *тебя* дома? — Логика от меня отреклась. Учитывая, как плохо все закончилось прошлым вечером, с чего бы Джейку быть уверенным, что я появлюсь в их доме еще хоть раз? Затем до меня дошло. — Ты не рассказал Ризу, так?

Он покачал головой.

— Почему?

— Потому что хотел, чтобы выбор был за тобой.

— Джейк, он *твой* брат, не мой. Ты должен быть тем, кто ему скажет.

— Сказать что? Что мы дурили его весь прошлый вечер, лгали на протяжении всего ужина?

Он был прав: рассказать Ризу правду сейчас было бы проявлением невообразимого эгоизма. Вот только мне хотелось, чтобы именно этой чертой он и обладал, ведь только в этом случае, по всей видимости, он мог бы быть со мной.

— Тогда... это все? Ты, правда, пришел только, чтобы извиниться?

— Ты очень дорога Ризу. Я не могу встать между вами.

— А мои чувства ничего не значат?

— Конечно, значат. Но ты можешь мне со всей честностью сказать, что отношения с ним ошибка? Что ты к нему ничего не чувствуешь? Совершенно ничего?

Я знала, что он хотел услышать, но это было бы ложью. Потому, пока он придерживал для меня дверь открытой, я пожелала ему безопасной дороги в город и спокойной ночи и ушла.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ МНЕ УДАЛОСЬ понять, правда ли я дорога Ризу, в Форбсе объявили о осеннем бале.

— Спорю на что угодно, Бен прискачет первым, — прощепетала Рита с полным ртом овсянки. — Прояви к парню милосердие, Тэш. Не его вина, что он так жалко завалил основы по преследованию.

«Милосердие», видимо, значит согласиться стать его парой, но, когда он спросил, я смогла лишь смягчить удар словами о том, что почти пообещала пойти с другим (что было ложью), и что скорее всего даже не пойду (что ложью не было).

— Вообще, пропуск бала не сделает меня несчастным. — Он одарил меня очаровательной, ребяческой улыбкой. — Но меня может сделать несчастным твой отказ от моего второго предложения.

— Какого предложения?

— Соревнование по «Скраббл». Начинается в пять, чуть раньше в тот же день. Ты же играла в эту игру?

— Нет. А что это?

— Настольная игра. Излюбленная игра американцев. Мне казалось, что и в Европе она тоже знаменита, но, вероятно, не так сильно?

— Может и знаменита. Я же музыкальная заучка, помнишь?

— Тогда тебе понравится «Скраббл», это рай для заучек! Смысл в том, что ты получаешь очки за формирование слов как в кроссворде, только на доске. Группа людей делится на команды и борется раз в месяц.

Я улыбнулась про себя. Если бы Доннелли прознала, что клавиши я променяла на настольную игру, она бы вышла из себя. *«Не понимаю этой пустой траты времени, Теа. Для кого-то с твоими амбициями это равноценно самоубийству»*. Но мне не хотелось разочаровывать друга (да и откуда Доннелли узнает?), потому я сказала, что тур по раю для заучек в субботу на следующей неделе был бы очень кстати.

В тот день на танцы меня пригласили еще дважды. Люди торопились найти себе спутников, но мне и в голову не приходило пойти с кем-то, кроме Риза или Джейка. Не то чтобы мне хотелось пойти даже с кем-нибудь из них. Джейк наверно вернулся в Нью-Йорк, оставаясь на почтительном расстоянии от брата (и от меня). Что касается Риза, то я понятия не имела, услышу ли от него когда-нибудь хоть что-нибудь.

К моему удивлению, он позвонил в выходные.

— Тебе еще не надоел этот кампус? Давай уедем из этого проклятого места на несколько часов!

— Риз, не веди себя так, будто ничего не произошло.

— Ты о чем?

— Твое странное поведение в тот день, после ужина в твоём доме.

— Прости, я просто был... Джейк рассказал кое — какие плохие новости, и они выбили меня из колеи. Моему поведению нет оправдания, я знаю. Так что дай мне загладить вину.

— Как?

Как оказалось, отвезя меня к океану. В город Кейп — Мэй, который являлся исторической достопримечательностью одноименного полуострова на его южной границе, и находился на некотором отдалении от побережья Нью — Джерси и в двух часах езды от Принстона. Согласно тому, что говорил Риз, это был старейший курорт страны, названный именем голландского капитана семнадцатого века, который нанес эти земли на карту. Сейчас же, популярный и привлекательный для туристов, город представлял собой скопление викторианских домов, на которых демонстративно выпячивались яркие башни и балконы из белого дерева.

Была почти середина октября, потому слишком холодно для пляжа, так что мы просто прогуливались по песчаному берегу с закатанными до колен джинсами.

— Что делаешь в следующую субботу? — Так как о встречах всегда меня спрашивал он, я решила хотя бы раз разорвать шаблон.

Он улыбнулся.

— Звучит так, словно я вот — вот узнаю.

— У нас будут танцы в Форбсе. Будешь моей парой?

Секунды тишины все нарастали.

— Слушай... если не хочешь, то просто скажи. Никто не умрет.

— Я хочу провести следующие выходные с тобой. Но не думаю, что вечеринка в Форбсе хорошая идея.

— Почему?

Он продолжал идти, сосредоточив взгляд на пене, которая разбивалась о наши ноги и ласкала щиколотки.

— Лучше держать меня подальше от твоей жизни в колледже. По крайней мере, пока.

— Не знала, что отношения с тобой подразумевали встречи строго вне кампуса.

— Не беспокойся. Ничто со мной никогда не будет строго вне кампуса.

Я понятия не имела, о чем он говорил. Когда он, наконец, поднял взгляд, я почувствовала в нем новую решимость.

— Я не могу быть таким, каким тебе бы хотелось, Теа.

— Откуда ты знаешь, чего я хочу?

— Поверь, я знаю. И у тебя есть право хотеть этого. Но я не могу быть таким.

— Тогда зачем мы здесь? — Рита была права: жди удачи с кем-то из Плюща.

— Потому что должен быть компромисс. Ты же хочешь, чтобы у тебя был парень, правильно?

Парень. Ярлык ограничительного проклятия. Для меня все было четко определено: в Болгарии вы либо вместе, либо нет, полутонн не существовало (во всяком случае, среди моих друзей). Здесь же чье-то сердце завоевывается постепенно: сначала вы вместе

проводите время, потом сближаетесь, видите, встречаетесь, выходите куда-то, заявляете эксклюзивные права... Придерживаться всех этих нюансов развития отношений было целой наукой. Теперь мне было интересно, на какой отрезок этого пути решил поместить меня Риз.

— Я пойду на танцы, если это так много для тебя значит, но это ничего не изменит.

— Что тебе кажется, я пытаюсь изменить?

— Не знаю. Полагаю, меня? Я не тот, кого... — он сделал глубокий вдох, отвел взгляд в сторону и выдохнул, — называют однолюбом.

Не нужно было спрашивать, что он имел в виду.

— Не то чтобы я хотел бы быть с кем-то еще, это не так. Я невероятно сильно, отчаянно увлечен тобой. Ты же знаешь это, верно?

— Но?

— Но... Я не могу давать обещаний, которые не сдержу.

«Не сдержу», а не «которые могу и не сдержать».

— Решение за тобой, Теа.

Я пыталась убедить себя, что остаться с ним безопасно. Что я могла бы воспринимать это как фантастическое приключение и не влюбляться, особенно в того, кто четко дал понять, что он ни за что не влюбится в меня.

— Итак? — Губами он коснулся моей щеки. — Мы продолжаем или нет?

— Что, если я скажу «нет»?

— Тогда я буду спрашивать до тех пор, пока не добьюсь нужного мне ответа.

Я знала, что он не шутит. Также я знала, что есть много причин, чтобы уйти. Но была одна вещь, что мне так нравилась в нем — он не был трусом. В отличие от Джейка, он не относился к тем, кто сдается и исчезает, когда нуждается в ком-то.

НЕДЕЛЯ ПРОШЛА БЫСТРО. Из — за приближающихся промежуточных экзаменов не могла сосредоточиться ни на чем, кроме игры на фортепиано и колледже. Риз же, с другой стороны, имел в его распоряжении нескончаемое количество времени. Видимо, у него не было работы (или необходимости в ней). Не было и упоминаний о родителях. И теперь, когда его брат сбежал на Манхэттен, он один жил в гигантском доме.

Ни один из нас больше не заикался ни о танцах, ни о любой другой теме, затронутой на том берегу, проще было представить, что того разговора никогда и не было. Но, конечно же, он был. И если Риз настаивал на том, чтобы оставаться на расстоянии от моей социальной жизни в колледже, то я собиралась вернуть в нее других.

Так что когда Бен приехал, чтобы захватить меня на обещанный турнир по «Скраббл», я не стала думать дважды.

— Ты нашел себе пару для сегодняшних танцев?

Он покачал головой.

— Я бойкотирую вечеринку.

— Больше нет.

— Нет? — Когда до него начало доходить, что я говорила, он улыбнулся, и у него появились ямочки. — Я думал, что бойкотирую.

— Так и было. Но это колледж, верно? Мы должны оставаться частью группы.

Он пообещал, что «рай для заучек» больше будет похож на чистилище: перегретая игровая комната, пустые доски для игры на любой поверхности, включая пол, и пицца «Пепперони», чтобы занять тебя пока не наступит твоя очередь.

Бен объяснил правила до того, как мы присоединились к игре, выступив против его двоих друзей, пока остальные наблюдали. Сначала все шло великолепно. Затем кому-то в голову пришла идея, что следующую игру мне следует сыграть без партнера по команде. Выдвинутые условия соревнования по «Скраббл»: участник, для которого английский не родной против участника, являвшегося самопровозглашенным ходячим словарем.

Став центральной фигурой представления, я достала семь деревянных фишек и начала их переставлять. Слова из четырех букв складывались легко: «ДАМА», «МОДА», «АНОД». Затем я придумала из пяти букв: «ДАМАН».

— Ты способна на большее. — Бен смотрел на фишки, больше не имея возможности помочь мне.

М И Н А Д А Должно было быть слово из шести букв. И когда я обнаружила его, то пожалела, что вошла в эту комнату. Или вообще согласилась играть. Да и вообще услышала об игре «Скрабл».

Я поместила фишки на доску, надеясь, что никто не заметит, как тряслись мои пальцы. Осталась только буква «О».⁹

— Игра! — Мой противник, старшекурсник, специальностью которого была классика, не терял ни секунды. — Должно быть «МЕ», а не «МИ».

Хоть однажды мне пригодились знания по латыни из старших классов школьной программы, я вспомнила кое-что интересное: оба звука «эи» и «ээ» эквивалентны греческому звуку «αί». При транскрибировании¹⁰ данного слова с греческого на английский допустимыми являются оба варианта.

Но не по правилам игры «Скрабл» — официальный словарь отрицал правильность моего написания. Пока Бен рылся в телефоне и доказывал всем, что слово *минада* существует, до меня дошло, что я составила, и не могла оторвать от доски глаз. Каким образом я выбрала именно эти буквы? На этот раз передо мной оказалась не ваза и не тема курсовой работы. Я просто погрузила руку в мешочек с деревянными фишками и без задней мысли достала именно эти семь букв.

— ...что, технически, против правил, но ты все равно можешь попытаться.

Видимо, Бен разговаривал со мной, так что я заставила себя обратить на него внимание.

— Прости, могу попытаться что?

— Предпринять еще одну попытку. С теми же буквами.

Я перемешала фишки. С устремленными на меня пристальными взглядами мне меньше всего хотелось спорить по поводу выхода из этой ситуации.

— Как жаль, что тебе не хватает пары букв, чтобы получились лучшие друзья девушек, — пошутил кто-то за спиной, подглядев мои буквы.

Д А Е М О Н И благодаря этой шутке я сразу же заметила другое слово, не имевшее ничего общего с диамантами. Зато имевшее отношение к паре созданий из одной старой легенды, которая предположительно должна была быть только мифом:

В этот раз в стороне осталась буква «А».

Возникло ощущение, будто комната сжимается вокруг меня. *Менада... Демон.* Это те же самые слова. Почти те же самые, кроме этих сменяющих друг друга букв «А» и «О».

Альфа и Омега. Начало и конец.

Вот оно, каламбур, который не смог расшифровать Джайлс! Но как со всем этим связана моя сестра? Может, так и раскрывались древние загадки сами собой – в заполненной игровой комнате, в идеальную нормальную ночь в колледже, перед толпой поедающих пиццу студентов?

Как только сложилось слово, оно нашло одобрение словарем (все мы озабочены нашими демонами, так что второму произношению, на латыни, удалось прокрасться внутрь).

— «ДОМИНА» было бы не таким рискованным, — подмечает Бен, когда я поднимаюсь, чтобы уйти. — Уверена, что не хочешь закончить игру?

Я была совершенно уверена.

По пути в комнату я увидела праздничные огоньки. Целые гирлянды, развешенные в коридорах. Но кому какое дело до танцев в такой момент? Я наконец обнаружила улику, оставленную сестрой. Годы тому назад Джайлс прекращал все ее разговоры о даэмонах и менадах как безумные, но могла ли она быть вовлеченной во что-то подобное? Что, если окажется, будто ключ к дионисийской тайне — величайшей загадке древнего мира — лежит похороненный в старых студенческих архивах Принстона?

Я нуждалась в плане. Даже в нереалистичном. В любом, что сможет приблизить меня к ответам, на которые я надеялась найти ответы в этом кампусе. Может, подружиться с Джайлсом? Сомнительно, конечно, что кто-то, зовущий меня «мисс Славин», позволит с ним подружиться. Он был идеальным соучастником: обеспокоенный прошлым, жаждущий расшифровать ритуалы. А что лучше всего, он был осмотрительным. Скандал может запятнать его академическую репутацию, так что он наверняка подумает дважды, прежде чем хвататься за телефон: позвонить в полицию, родителям, отослать меня к мозгоправу или заявлять кому-нибудь о преследовании, если вдруг что-то выйдет из — под контроля. Разве что только, если это уже не случилось?

Я вложила два свободных билета в «Карнеги — холл» в записку («Надеюсь, вы насладитесь моим концертом так же, как и первым») и подписалась своим именем на греческом языке: Θεία. Как только я запечатала конверт, взрывная волна музыки сотрясла здание: кто-то проверял колонки в главном крыле Форбса. В его коридорах уже были слышны первые признаки волнения. В спешке хлопали двери. Начинили звонить телефоны.

Меньше чем через два часа должен был начаться осенний бал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Гипотеза Тейи

ЛИШЬ НА ОДНУ НОЧЬ обеденный зал Форбс решили превратить в карнавальную сцену: столы были выстроены вдоль стен, цветные проекторы хаотично мерцали, наполненные гелием воздушные шары отталкивались от потолка, рискуя оживить настроение, а в центре зала зеркальный шар кружил своими блестящими боками.

Моя неожиданная прихоть пойти на танцы с другим парнем, в наиболее открытом платье, которое у меня было — была всего — навсего импульсивной попыткой вернуться к Ризу. Но план провалился с самого начала, когда Бен появился у моей двери, держа в руке орхидею.

— Вау, Теа ... выглядишь потрясающе!

Вероятно, так и было, поскольку красное платье без бретелек было слишком коротким и вполне могло сойти за тунику. Ошибка номер один: наряжаться для кого-то, кого там не должно было быть. Бен, конечно же, предположил, что я сделала это для него.

— Спасибо. Не стоило приносить мне цветок.

— По обычаю ты должна носить его на запястье.

Тонкая резинка была прикреплена к стеблю.

— А если мы нарушим обычай и позволим цветку пожить немного дольше?

Он наблюдал, как я ставила орхидею в вазу с водой. Я ужасно чувствовала себя от того, что так поступала с ним. Но «обычай» имел место, когда у людей было свидание, а это был определенно не наш случай.

Когда мы уходили, где-то в комнате зазвонил мой телефон — скорее всего Рита, уже дважды звонившая мне, чтобы убедить меня не пропускать танцы. Достаточно скоро мы столкнулись с ней и облегчение от того, что она увидела меня, наполнило воздух.

— Слава Богу, Теш! Я уж было начала думать, что ты впала в вечный траур.

Я не представляла себе, каким образом, появление с другом доказывало обратное.

— Пошли, хочу познакомить вас с Дэвом.

Дэв был второкурсником Форбса, выигравшим самое жаркое свидание этого вечера и знал об этом. Родом из Индии, он представлял собой идеальный экземпляр мужчины: высокий, мускулистый, с волосами до плеч и с чертами лица, достойными древнегреческого бога. Но больше всего в этом парне мне нравилось то, что выглядел он абсолютно потерявшим голову от любви.

Наблюдение за ними двумя напомнило мне о том, что я хотела быть там с Ризом. Что я пригласила его, и он отказал. Независимо от того, что мы делали с Беном, мне было интересно, как это могло бы быть с Ризом. Прийти сюда на свидание с ним. Танцевать с ним. Весь вечер преобразился до неузнаваемости, захватывающий, волшебный. Моя жизнь будто бы разделилась на две: реальность происходящего на самом деле, и параллельность, которая существовала только в моей голове, но была столь же яркой — реальность, которую я хотела, которая могла бы быть.

Даже восхитительное обаяние Бена не очень долго помогало. Когда мое настроение заметно ухудшилось, он предложил передохнуть от толпы, и мы проскользнули через забор, отделяющий Форбс от поля для гольфа. Как только наши ноги коснулись более густой травы снаружи, воздух стал прохладнее. Зябким. Пронизанный беспорядочным ветром, мечущимся среди открытых холмов.

— Теа, что случилось?

— Ничего. — Пруд перед нами был спокоен, глядел в небо серебряным глазом, представляющим собой луну, отраженную от поверхности воды. — Почему что-то должно

быть не так?

— Это заметно. Иногда ... — он остановился и посмотрел на меня. — Иногда помогает, если обсудить это с кем-то.

Конечно это помогало. Разговор успокаивал рассказчика за счет слушателя.

— Я просто ...

... устала.

... подавлена.

... тоскую по дому.

Всё это крутилось на кончике моего языка, но я больше не хотела лжи.

— Я кое — чем опечалена, только и всего.

— Парень?

Я отвела взгляд, пытаюсь не отвечать.

— Это поэтому ты решила пропустить танцы? «Почти — обещание» о котором ты мне рассказывала?

— Наверное, да.

Он ничего не сказал, просто обнял — теплые, бережные дружеские объятия, а затем быстро отскочил. Кто-то подходил к нам. Девушка. Поспешно.

— Тэщ, могу я поговорить с тобой?

— Прямо сейчас?

— Да. Извини, но это срочно.

Со свойственной ему тактичностью, Бен сказал, что подождет внутри и оставил нас.

— В чём дело? У вас с Дэвом всё в порядке?

— Дэв в порядке. Что же касается твоего преследователя, он — явно нет.

— О чем ты говоришь?

— Да ладно, не прикидывайся дурочкой. Парень, пялившийся на тебя тем вечером в Колониальном клубе. Ты не сказала мне, что вы двое вместе!

— Мы не вместе.

— Тогда почему он искал тебя на танцах? И не только это — когда я упомянула, что у тебя свидание, он, казалось, был готов кого-то убить. Не сказав и слова, он в гневе выбежал из помещения.

— Похоже на него. Он склонен так поступать, но это его проблемы.

— Судя по огромной улыбке на твоём лице, у тебя тоже проблема. Раньше я шутила о твоём преследователе, но сейчас, Тэщ, у меня появилось странное предчувствие относительно этого парня. Он ведет себя так, будто имеет на тебя права и, честно говоря, не могу поверить, что тебя это устраивает.

Как мой наставник, она любила волноваться обо мне. Всё — таки были вещи и похуже, чем быть «преследуемой» или «востребованной» парнем, подобным Ризу. И что это за американская мания преследования? У нас, в болгарском языке, не было подобного слова — люди выражали свои эмоции всеми возможными способами и подразумевалось, что мужчины проявляли интерес к женщинам, но это не означало пересечение криминальной черты по умолчанию. Впрочем, сейчас было не время для житейских споров с Ритой, так что я поблагодарила её и направилась в свою комнату, чтобы позвонить ему.

Не успела я войти, как кто-то втащил меня внутрь, закрыл дверь и толкнул к стене.

— Почему ты играешь со мной в игры, Теа?

Я попыталась отойти, но не смогла:

— Я не та, кто играет в игры.

— Нет? За исключением моих звонков, которые ты игнорировала, чтобы иметь возможность снова пойти на свидание с тем парнем.

Я вспомнила телефонный звонок, на который я не ответила раньше.

— Насколько мне помнится, ты не должен был быть частью моей общественной жизни.

— Я сказал, что приду сегодня вечером, если это так важно для тебя.

— Тогда, где же ты был?

— У твоей двери! Но, видимо, слишком поздно. Я хотел, чтобы это было сюрпризом. И это определенно был сюрприз — для меня! — Он поднял мои руки по шероховатой поверхности стены из шлакоблока. — Я решил быть честным с тобой. А ты приняла это за разрешение скрытничать?

— Я говорила тебе, Бен — просто друг.

— Не по мнению твоей подруги. Которая, кстати, по всей видимости, знает больше о твоей личной жизни, чем я.

— Нечего знать. Ты выдумываешь.

— Я? Как насчет тебя в его объятиях несколько минут назад — я тоже это выдумал?

Было нечто возбуждающее в его ревности, даже в его ярости. Она делала его уязвимым, а мне придавала странное ощущение силы.

— Риз, ты раздавишь меня. Я даже дышать не могу ...

Он отстранился ровно настолько, чтобы позволить мне перевести дух, но его хватка на моём запястье усилилась.

— Я сказал, что не собираюсь делиться тобой. Что тебе было непонятно в этой фразе?

— Я думала, мы договорились о свободных отношениях, когда ты сказал мне, что ты не однолюб.

Должно быть, это подтвердило его опасения на счет меня и Бена и абсолютно свело его с ума. Он ударил кулаком о стену, тем самым посылая дрожь по моему позвоночнику.

— Я дал ясно понять, что нет другой женщины, с которой я хочу быть. Так что ты могла бы поступить, как порядочный человек и держаться подальше от того парня, не так ли? Но нет, ты должна была выставить ваши отношения напоказ! И я должен был догадаться — нет лучшего места, чем чертово поле для гольфа Принстона!

— Лучшее место для чего? Перестань так себя вести ...

— Я не единственный, кто так себя ведет. Всё это время умирать от желания заняться с тобой любовью и быть одураченным твоей искусной застенчивостью... — Он протолкнул свою ногу между моими. Стена мешала ему сделать это, но он повторил движение, скользя рукой вверх по моим бедрам, пока его колено держало их раздвинутыми.

— Это то, чего ты хотела? Потому что, если это так, то я могу сделать это лучше, чем кто-либо другой. Лучше, чем ты когда-либо представляла ...

Он точно знал, где ко мне прикасаться и как — настойчиво, стирая мой гнев, делая меня готовой для него. Постыдно готовой. Теплой, влажной, возбужденной. Но я всё еще приходила в ужас от мысли о сексе с ним. Обо всем, что могло (и вероятно всегда так и было) пойти не так, как надо в первый раз.

— Риз, мы должны остановиться.

Он не слушал. Мы оба были возбуждены и остальное для него, по всей видимости, не имело значения.

— Я не могу сделать это сейчас ... Риз, мне нужно больше времени.

Моё тело одеревенело из — за приступа паники.

— У меня не было секса прежде. Пожалуйста, остановись!

Он перестал дышать. Его руки упали, остальная часть его всё еще пребывала в шоке от услышанного.

— Ты действительно имеешь в виду ... никогда? — Как будто мои слова могли значить что-то другое. — Почему ты мне не сказала?

— Я только что это сделала.

— Нет, раньше. На поле, когда пытался ... О Боже, если бы я только знал! — Он снедаемый чувством вины, потер лоб. — Прости меня, Теа. Я понятия не имел.

— Теперь имеешь. Но, в любом случае, думаю, ты должен уйти.

— Я пытался. Но я не могу находиться вдали от тебя.

— Я говорю о комнате, сейчас же. И это не стеснение или попытка схитрить. Я действительно прошу тебя уйти.

— Я не могу быть вдали от тебя. Ты это понимаешь? Я никогда не был чьим-то ... — Затем он поправил себя, чтобы избежать запрещенного слова. — У меня никогда, ни с кем не было серьезных отношений. Но я стараюсь. Я хочу попробовать.

— Что именно попробовать?

— Быть с тобой и не видеть твоих страданий. Ты просто должна быть терпеливой со мной.

— Я ничего не должна.

— Конечно, не должна. Я не это имел в виду.

Его глаза всегда гипнотизировали, но до настоящего момента, я никогда не видела их умоляющими.

— Поехали домой со мной — автомобиль снаружи.

— Мне нужно отдохнуть. В моей собственной кровати.

— Тогда позволь мне остаться здесь. Мы просто будем спать, я обещаю.

Мой телефон зазвонил, и звук был таким резким, что я поняла, что Риз говорил шепотом. Это был Бен. Я извинилась перед ним, спросила, не против ли он закончить вечеринку без меня и пообещала заглядить перед ним свою вино в ближайшее время. Он был милым, как обычно.

Риз наблюдал, ожидая, когда я повешу трубку.

— Мне нравится то, какая ты милая со всеми.

— Милая? Из — за тебя я только что была грубой со своим другом. Это не может повториться.

— Прости меня, Теа. Мне действительно жаль. — Его пальцы скользнули по моей щеке, быстро, но едва касаясь её, словно боясь повредить поверхность крыла бабочки. — Позволь мне остаться здесь на ночь. Пожалуйста.

— Каким образом? В моей кровати с трудом помещается один человек.

Он быстро поцеловал меня. Повернулся. Схватил край покрывала и скинул его одним движением, сбрасывая все на пол: одеяло, простыни, подушку. Не успела я и слова сказать, как моя обувь была снята, платье стянуто, а ноги оказались на невероятно мягкой хлопчатой ткани, более мягкой, чем я могла себе представить своё белье на грубом ковре. Затем он сложил все вдвое и заботливо укрыл нас, долгое время целуя моё лицо ...

И тем самым две реальности слились воедино. Во всяком случае, с другой стороны, мой вечер завершился именно так, как я и хотела — в его объятиях.

МНЕ ПРИСНИЛОСЬ, ЧТО я была с Ризом. В поле. В поле, расстелившем св удивительные травы под нами — красные, убийственно красные, как если бы земля изливала кровью всю свою скорбь в черное, как смоль, небо. Умоляя его. Изнывая от ожидания.

В сравнении с белоснежными зимними птицами все вокруг было тусклым, хилые скелеты деревьев сплели свои секреты в плотной паутине молчания. Внутри воздух был порывистым, свободным.

Он шел первым — уводя нас вглубь леса, в его безжизненные лабиринты. Я с плавностью тени шла по его стопам. Двигаясь с ним. Дыша ним. Существовая только в нём, будто я всегда принадлежала ему.

Пока мы шли, он рассказывал мне о тьме. О его вечном мраке и о том, как он хотел взять меня — так, как мрачная ночь охватывает землю: атакуя её, прорываясь сквозь каждую расщелину и грунт, с силой с которой нас влекло друг к другу навстречу, безумно, необратимо, даже не подозревая об этом —

затем он повернулся.

Я чувствовала его глаза. Их вину. Его затухающий голос, когда я ускользала:

вовсе не потеряно

если ты не откроешь глаза

я буду

одна

голодная

не способным вернуть тебя

из бездны

В отличие от меня он не видел этого: белая фигура, приближающаяся через лес. Вприпрыжку. Улыбаясь. Кружась, как ребенок, пока платье переливалось серебром, вокруг её крошечного тела. Она достигла его. Поцеловала его лицо. Утопила в своих золотистых волосах: потерянное солнце в поисках своей луны —

— Солнце? Нет, солнце далеко не потеряно. Оно уже встало и, если ты не откроешь глаза ... — Знакомый смех пролился у моего уха. — Если ты не откроешь глаза, я буду вынужден завтракать без тебя. Не говори мне, что ты хочешь проснуться одна и голодная.

Я огляделась и обнаружила себя свернутой калачиком на полу своей комнаты. Риз, улыбаясь, склонился надо мной.

— Доброе утро. Тебя невозможно вернуть!

— Куда вернуть?

— Сюда, из бездны сна.

Он уже сходил в столовую и принес поднос с едой: теплый тост, два омлета, кофе и тарелку с фруктами. Впрочем, и в этот раз его больше интересовало наблюдать то, как я ем, нежели сама еда.

— Ты не голоден?

Он пожал плечами, откусывая кусок тоста:

— Толкотня отбила мне аппетит. Я и забыл, что Форбс по утрам превращается в зоопарк.

Моя вилка остановилась в воздухе. *Забыл?* Я видела, как хлеб опускался вниз по его

горлу, когда он осознал, что его ляп не ускользнул от моего внимания.

— Когда это ты прежде был жаворонком в Форбсе?

Всего одно тщательно подобранное слово:

— Давно.

Затем еще три:

— На втором курсе.

Мне наконец-то удалось выудить это из него: когда-то он учился в Принстоне.

— Почему ты не рассказал мне, что жил в Форбсе?

— Потому что не жил. Я имею в виду в Форбсе.

Он звучал униженно от моих вопросов, и я тут же прекратила допрос. Чего ради? В те времена лишь одна вещь могла удерживать его подальше от общежития всю ночь: то же, что удерживает его вдали от дома и сейчас. Как бы то ни было, в это мгновение этой «вещью» довелось быть мне.

Я размешала сахар в своём кофе.

— Кстати, мы, наверное, не увидимся до пятницы.

— Почему?

— Завтра начинаются экзамены. Я должна дать книжный обет.

— Есть что-то еще, Теа. — Казалось, всегда было что-то еще. — В пятницу не получится. Я уеду на некоторое время.

— На сколько?

— Всего несколько дней, я вернусь к субботе. Но до этого мне нужно побыть одному.

Нужно побыть. По крайней мере, в отличие от Джейка, он поставил меня в известность заблаговременно.

— Тогда увидимся на выходных. Ничего страшного.

Но это *было* важно. Было ясно, что для него это было важнее, чем для меня. Необъяснимое чувство вины проникло в его глаза и осталось там.

Безумные сценарии начали роиться в моей голове. Что, если он был тайно женат? У него был ребенок? Или откуда он взял все свои деньги? Корпоративные махинации? Происки мафиози? Затем я заставила свои мысли вернуться к реальности: у Риза были планы, которые не включали меня. У меня не было права расстраиваться по этому поводу, и он не должен был давать меня объяснения.

Прежде чем уйти, он снова помог мне убрать постель. И в дневном свете полный грез хлопковый покров стал тем, чем всегда и был:

Обыкновенной постелью.

— НУ, КТО ОН? — Рита поймала меня во время ужина. Ее поднос приземлился напротив моего, и чашка кофе едва не опрокинулась — театральный удар, чтобы показать мне, что она все еще была зла из — за того, что я хранила в секрете сагу о преследователе. — Тэш?

— Мы действительно должны говорить о нем? — Это была ночь перед экзаменами и все чего я хотела — быстро поесть.

— Я просто пытаюсь защитить тебя. Так что да, полагаю, мы должны.

— Защитить от чего? — Я сделала глоток апельсинового сока. — Он не мой парень, если ты это имеешь в виду.

Так, по крайней мере, он это уяснил.

— тогда, кто он?

Мои пальцы играли со стаканом, вращая его на месте.

— Тэш, я не слепая. Кто он?

— Я видела его пару раз. Все сложно.

Она потянулась через стол, опуская свою руку на мою.

— Именно поэтому я беспокоюсь. Парень, кажется, словно создан для сцены обеденного клуба — что уже само по себе кажется нехорошо — но он ведь старше, да?

— Ненамного старше.

— Ладно, Мисс Тайнственность, назови точное число.

— Не знаю, 27–29 лет. Кого это волнует?

— Что ты имеешь в виду под фразой *«кого это волнует»!* Не лучше ли быть с кем-то твоего возраста? Или влюбляться в мужчину постарше — болгарская особенность?

— Не все должно быть болгарской особенностью. На сколько, по твоему, люди за границей отличаются?

Она вела себя так, будто я приземлилась с Марса. И не одна она. Каждый раз, когда я делала что-то отличающееся от нормы: надевала каблуки на занятия, уходила с вечеринки трезвой, или (ох!) предпочитала угрюмых и маниакальных мужчин тошнотворным принстонским мальчикам, чье представление о «крутости» — сосать пиво из шланга и соревноваться за то, кто переспит с большим количеством девушек — люди полагали, что это было столкновением культур.

— Слушай, здесь не о чем беспокоиться. Я сама могу о себе позаботиться.

— Конечно же, ты можешь. Но дело не в тебе. Дело в Ризе.

Риз? Не припоминаю, чтобы я упоминала его имя при ней.

— Так ... ты знаешь его?

— Я? Ах, да. — Она закатила глаза. — Можно подумать они бы приняли меня в Плющ. Но его знает Дэв. То есть ... «знает» — сказано с большой натяжкой, но он безусловно видел его несколько раз.

— Какое отношение имеет Дэв к обеденным клубам? Разве он не просто второкурсник?

— Да, но он также в команде по гребле. И они тусуются в Плюще. Много. Так же, как и пловцы — и именно так твой парень вписывается в картину.

— Риз не «мой парень». И он не студент, так что он не может быть членом какой-либо команды. Думаю, ситуация безопасна.

— Я не сказала, что он в команде. По крайней мере, уже нет. Но, судя по всему, пловцы никуда не ходят без него. Дэв называет его их вдохновителем. Я понятия не имею, что это вообще значит!

Я тоже.

— Я знаю только то, что прошлой ночью он казался немного неуправляемым, Тэш. И такие вещи вызывают у меня мурашки по коже. — Она оглянулась и понизила голос. — Насколько я понимаю, происходит куча странных вещей.

— Например? — Я думала, что самые странные «вещи» происходят в Принстоне во время недели «пик».

— Говорят, что раз в месяц пловцы проводят буйные вечеринки. Не в клубе. Они начинают в Плюще, а затем отправляются куда-то для настоящей вечеринки. Это супер секретно, всё без исключения. Но время от времени приглашаются гребцы, полагаю, чтобы повисить планку. Дэв ходил пару раз и говорит, что не может описать то, что там

происходит.

— Пьянство? Секс? — я пыталась звучать обыденно.

— И то и другое. Правда, я думаю это лишь ... разминка, понимаешь? Дэв не стал бы говорить об этом, но проговорился, как однажды ему пришлось уйти, потому что он не смог вынести происходящего. И Дэв — не парень с комплексами, это точно.

Я гадала стоит ли ей верить ей или нет. История, безусловно, вяжется с виноватой скрытностью Риза. Его внезапная потребность побыть одному.

Затем мысль возникла в моей голове.

— Могу я попросить тебя об одолжении? Предположим, пловцы задумали что-то на эту пятницу. И, допустим, Дэв знал об этом. Думаешь, его можно было бы уговорить рассказать об этом тебе?

ПОСЛЕ УХОДА РИТЫ Я вернулась в свою комнату. Но вместо учебы я включил компьютер и нашла страничку Принстонской команды пловцов.

Десять лет фотоархивов — и ни одно лицо отдаленно не знакомо. Бедный Дэв должно быть отчаялся, чтобы произвести впечатление на свою девушку. Выдумывал истории о злых вдохновителях, ночных авантюрах, тайном сексе ... и утверждал, что он был частью этого! Риз никогда не был в той команде. Что ж, даже если ежемесячная «тусовка» проходила засекречено, зачем пловцам приводит постороннего?

Я закрыла браузер и полезла за книгой. Но что-то было не так. Пока я была на ужине, что-то в этих четырех стенах изменилось. И мне потребовалось мгновение, чтобы понять, что именно:

Исчезла орхидея Бена. На её месте яркий мак освещал красным цветом остальную часть комнаты.

ДЖАЙЛС РАВНОДУШНО СМОТРЕЛ на часы, пока мы быстро писали предложен на обложках наших экзаменационных книг: *Клянусь своей честью, что я не нарушил Кодекс Чести во время этого экзамена.* Затем он пожелал всем удачи и ушел.

Моя первая сессия в Принстоне. Я поспешно начала отвечать на вопросы, время от времени поднимая глаза, чтобы взглянуть на аудиторию, на ряды склоненных голов. Было удивительно наблюдать знаменитый Кодекс Чести в действии. Замысел был прост: ты не жульничаешь и сдаешь тех, кто это сделал. В свою очередь, факультет проводил экзамены без присмотра. Люди оставляют свои ответы и уходят, даже в том случае, когда большая часть ответов отсутствует. Если вы не достаточно хорошо подготовились — бал будет низким и всё. Никто не жульничал.

Экзаменационная неделя сама по себе была жестокой. Физическое мучение. Психологическое истощение. Ощущение, будто по мне проехался бульдозер. После последнего экзамена в пятницу, всё, чего я хотела — вздремнуть, но голосовое сообщение от Бена напомнило мне, что у нас были планы — ужин с друзьями в Еврейском центре. Моя первая попытка постигнуть тонкости кошерной пищи.

Между тем, меня всю неделю мучил вопрос: Что случилось с Ризом? Он ни разу не позвонил, чтобы узнать, как я сдала экзамены. Даже не прислал сообщение. И я понятия не имела, где он был. Где и с кем.

— Ну что, передумала на счет Бостона?

Голос Бена вернул меня к беседе за столом, и казалось, единственная тема, в которой

все были заинтересованы, это осенние каникулы. Он пригласил меня и еще нескольких друзей из Форбса в свой дом в Бостоне. Его родители на неделю уехали в Европу и дом будет в нашем распоряжении.

Я повторила ответ, который дала ему ранее: Карнеги был менее чем через месяц; я должна была остаться в университете и практиковаться.

— Ты понимаешь, что кампус будет городом — призраком, верно?

— Думаю, в этом-то и суть.

— За исключением того, что это колледж, а не армия! Тебе позволено развлекаться, по крайней мере, изредка. К тому же у меня дома есть фортепиано.

— Это ни за что не сработает, Бен. Слишком много отвлекающих факторов.

Я исчерпала запас оправданий. Практика была практикой, но реальной причиной, из — за которой я хотела остаться, естественно, был Риз. Он и мои поиски следов Эльзы. Я не могла перестать думать о её эссе. Было ли это больше, чем девичьи фантазии? Я должна была выяснить это, с помощью Джайлса или без. Добавьте немного удачи и я, вероятно, даже наткнусь на что-то случайно. Если первые два месяца были каким-либо показателем — подсказки проявляли себя, когда я меньше всего их ждала. Кто знал, что еще могло выявиться, как только я действительно начала бы искать?

— Хорошо, я понял. Истинное искусство требует жертв, — Бен развел руки в стороны, приняв вид распятия. — Но может, мы хотя бы прогуляемся сегодня вечером?

— Конечно. Какие планы?

— Пока что туманные. Я знаю о вечеринке в одном из общежитий. И всегда есть вариант Проспекта.

— Я думала по пятницам Проспект вымирает.

— Не сегодня вечером. Это осенние каникулы; все буйствуют там.

Буйство. Деталь, которую я не хотела знать.

Когда мы уходили, я услышала музыку из обеденного клуба всего лишь в квартале от нас. Начались послеэкзаменационные гуляния.

Неважно, не думай об этом. Просто следуй за Беном. Переходи улицу.

Но даже указатель насмеялся надо мной: Аллея Плюща. Той ночью всё вступило в тайный сговор, чтобы напоминать мне о Ризе.

— Взгляни сюда, это невероятно. Новейшее творение Фрэнка Гери. — Бен указал на огромную строительную площадку на углу Аллеи Плюща и Вашингтон Роуд. — Библиотека Льюиса. Биология, химия, математика и астрофизика.

Даже забор не мог скрыть безумного гения того, что было спрятано внутри. Гигантская серебряная ящерица пыталась проглотить кирпичную башню, но кусок распорол существу горло, и оно рухнуло вокруг башни, застыв грудой в вечном сражении. Покореженные металлические ребра приняли форму крыши; стальные плиты разрежали воздух с одной стороны — изнуренные крылья навсегда проклятые мечтать о полете; и ниже, раскрытые, словно складки необычайно тонкой кожи, стеклянные окна содержали в себе доказательство, что где-то внизу животное все еще дышало.

— Ты была внутри здания Гери? — Бен продолжал строить из себя гида, ободренный моим восхищением.

— Нет, только на фотографиях видела.

— Ощущения будто не из мира сего. Слово все три измерения сталкиваются, а ты находишься в самом центре.

Находиться в эпицентре разрушающегося мира. Я несколько раз приближалась к этому, хотя это и не имело ничего общего с архитектурой: Игра на сцене, когда в зал вошел Джейк. Мы вдвоем, в темном музее. Моя рука в его, в конце ужина, в то время как его брат наблюдал ...

— Когда-то там было открыто, но они, должно быть, закрыли его. — Бен осматривал забор, пока мы шли по Аллее Плюща. — Изумительно, не правда ли? Научная лаборатория похожая на произведение искусства. Полагаю, глазам нужен отдых от науки, по крайней мере, моим. Загружаешь мозг слишком большим количеством цифр, и он начинает отчаянно жаждать искусства...

Его голос все еще долетал до меня, но я больше не слушала. Кто-то вышел из соседнего здания — миниатюрного по сравнению с вольготностью строения Гери, с крохотными окошками, почти незаметными за счет своих похожих друг на друга арок кирпичных стен — и я мгновенно узнала фигуру.

Измерения снова столкнулись. Пойманная в эпицентре, я задалась вопросом, как мне сказать Бену, что я не вернусь с ним в Форбс.

— ПРИВЕТ, ТЕА — ПРАКТИЧЕСКИ ПРОШЕПТАЛ он моё имя, словно держал его секрете. Так, как он всегда его произносил. И так, как его брат никогда не делал. На самом деле, Риз едва произносил мое имя, за исключением предупреждений или извинений. — Что привело тебя на Аллею Плюща?

— Моя первая кошерная еда. А тебя?

— Это мой факультет, — его глаза скользнули вдоль арок. — Астрономия.

Я представила себе его глядящего в небо, в холодный мрак Вселенной.

— И что же тебе сегодня сказали звезды?

— Звезды молчали в течение долгого времени. — Он должно быть сразу пожалел о своей уязвимости, потому что его голос снова стал официальным — чего я не могла выдержать. — Чем ты еще занималась?

— Продолжала развлекать твоего брата. Разве не это было поручением для меня?

— Ты гораздо больше, чем развлечение для Риза.

— Будем на это надеяться. Но мы оба знаем, что я могу ошибаться в своем значении для кого-либо.

Он молчал. Было приятно провоцировать его. Обвинять его в том, что исправлять уже было слишком поздно.

— Ты всегда присматриваешь за своим братом подобным образом? Отступаешь в сторону, так, чтобы все досталось ему. Очень бескорыстно с твоей стороны.

— Он заслуживает быть счастливым, Теа. Больше, чем кто-либо, кого я знаю. Бесспорно больше, чем я.

— Да, кажется, он тоже так думает.

Я ожидала, что он, вероятно, будет спорить, пытаясь оправдать себя или защитить Риза. Но он лишь покачал головой.

— Пойдем. Я хочу показать тебе кое-что.

Я последовала за ним внутрь здания, вверх по лестнице в комнату, которая выглядела обычной, серой — пока он не толкнул рычаг затвора, и небо, выпущенное нами, влилось в комнату через стекло великолепного куполообразного потолка. Под ним, незначительный в сравнении с бескрайностью, которую вскоре донесет до наших глаз, ожидал чирково —

голубой телескоп.

Он набрал что-то на панели управления и на экране выскочили слова [Звездный объект: ___]. Рядом с клавиатурой находилась инструкция с перечисленными на ней несколькими кодами.

— Что ты хочешь увидеть первой: планету или звезду?

— Ни то, ни другое.

Я протянула руку и набрала три цифры, 9–0–3: Луна.

Словно разбуженный заклинанием, телескоп начал выравниваться, пока объектив не выбрал угол и не застыл в нем. Я опустила лицо к окуляру –

Глубокая тьма. Беспорядочная мозаика далеких звезд. А в ней — серебряный шар. Удивительно бледный, пустынный. Затерянный в своде бездонного неба.

— Сегодня полнолуние, не так ли?

Он не ответил, но идеальный круг ни с чем не спутаешь.

— Тебе нравится луна?

— Всегда.

— Конечно. Ты создала её. — Улыбка затронула уголки его губ. — Ты слышала когда-нибудь о Тейе?

Не совсем моё имя, но почти. Некто другой произнес его таким образом, в ночь полнолуния, как эта. Ночь, которая нуждалась в своей музыке.

— Это — планета. Загадочная. Погоня за тем, что осталось от неё, всё еще не дает спать NASA по ночам.

Он нарисовал солнце на листе бумаги. Маленькую Землю рядом с ним. И круг вокруг солнца — орбиту Земли. Затем он отметил пять точек: три вдоль круга, одну внутри него, а другую снаружи, рядом с Землей.

— Это пять точек Лагранжа в системе солнце — Земля. Они представляют собой зоны в космическом пространстве, где притяжение между нами и солнцем создает статическую гравитацию, которая собирает обломки, плавающие в космосе; очень похоже на то, как вода собирается на дне колодца. Что-либо, пойманное внутри того колодца, будет бесконечно вращаться вместе с Землей и солнцем, если конечно другая сила тяжести не вмешается извне. Здесь в L4 или L5, — маленький x появился над двумя точками вдоль круга, — спустя пять миллиардов лет, по слухам, всё еще плавают Тейя в виде обломков астероидов.

Я пыталась представить свою таинственную тезку и не потеряться в Джейке — в его голосе, чьи истории я могла бы слушать бесконечно; в его пальцах, держащих рисунок гравитационных колодцев и космических тайн.

— И эта планета сотворила луну?

— Так говорят. Выведенная из равновесия Тейя столкнулась с Землей, затем обломки обоих планет срослись в луну. Так называемая гипотеза Тейи, а часть о происхождении Тейи началась именно здесь.

— В Принстоне?

— Да. Бельбруно и Готт. Готт — мой научный руководитель.

— Ты пишешь работу об этом всём?

— Хотелось бы мне! — Смех прояснил его глаза до более мягкого, почти прозрачно — голубого цвета. — Была бы фантастическая работа: *Астрономия и мифы Древней Греции*.

Я думала, что он выдумывает, чтобы спровоцировать меня, ссылаясь к нашей беседе у греческой вазы.

— Джейк, это не смешно.

— Я не шучу. Отчасти жутковато от того, как все взаимосвязано, да? Тейя — греческая титанида, родившая богиню луны Селену — поэтому твоё имя, безусловно, лучший выбор для столкновения планет. Тем не менее, время от времени, возникало альтернативное имя: Орфей. — Он дал мне секунду, чтобы переварить последнюю деталь. — И это не имеет смысла, потому что Орфей не имеет никакого отношения к луне. Совершенно никакого.

Возможно не к луне, но имеет отношение ко мне. Таким образом, звук этого имени больше не приводил меня в шок. Орфей — и через него Эльза — пропитали всю мою университетскую жизнь. С чего бы им пропустить несколько моментов с Джейком под куполом из звезд?

— Это напоминает мне о том, что я хотел тебе показать. — Он ввел новые цифры на панели, стирая оттуда луну. Телескоп вернулся к движению. Прозондировал небо. Остановился. — Созвездие Лиры. Лира Орфея. Не совсем та, что на твоей вазе, но всё равно...

— Джейк, ты не возражаешь, если мы ... можем мы посмотреть на что-то другое?

Моя просьба удивила его, но он ничего не спросил, просто снова изменил цифры.

— Хорошо, как насчет моей любимой части неба? Вот ... взгляни.

Это выглядело так, как если бы его глаза оставили позади потрясающий осадок своего цвета: скопление звезд окрасило ночь бледно — сапфировым сиянием.

— Это самое яркое созвездие в нашем полушарии. И одно из ближайших к Земле.

— Как близко это «близко»?

— Четыреста световых лет.

Он дождался, когда я снова посмотрю на него.

— Удивительно, не правда ли?

— Никогда не думала, что звезды могут быть такого цвета.

Равно как и глаза. Твои глаза, голубая Вселенная их безмолвия.

— Это Плеяды. Своим цветом они обязаны очень мелкой межзвездной пыли, через которую им приходится проходить. Она отражает голубой свет ото всех молодых звезд.

— Сколько лет Плеядам?

— Сто миллионов лет. Осталось примерно в два раза больше.

— И что потом?

— Потом сила притяжения Вселенной сделает своё дело, заставляя сестер пойти по разным путям.

— Сестер? — что-то в том, как он это произнес, вызвало во мне озноб.

— Плеяды — семь сестер. Орион пытался охмурить их, но они убегали от него до тех пор, пока Зевс не превратил их в звезды. — Он смотрел в телескоп и регулировал объектив. — Теперь их должно быть легче обнаружить. Ты видишь их, все семь?

В этот раз фигуры отчетливо возникли в небе. Ромб и небольшой треугольник рядом с ним, зашифрованные в точки так, что даже ребенок мог бы соединить их в течение нескольких секунд.

Я спросила его, почему одна из звезд, в самом низу, была не такая яркая, как другие.

— Это Меропа — младшая из Плеяд. Она едва сияет, потому что навечно пристыжена.

— Из — за чего?

— Из — за того, что влюбилась в смертного.

Его голос стал настолько тихим, что я подняла голову от окуляра.

— Как любовь может быть постыдной?

— По — видимому, для греков это возможно. — Он надел крышку обратно на объектив. — Пойдем, я отведу тебя в Форбс.

Я бы очень хотела побыть с ним подольше. Гулять в тени деревьев и зданий, освещенных луной, весь путь через кампус, обратно в мою комнату. Но это был Джейк. Не могло быть никакого «обратно в мою комнату» с ним.

Пока он выключал телескоп, я проверила телефон и обнаружила смс от Риты: *Таки уговорила Дэва. Ответ на твой вопрос — да.*

— Готова? — Джейк был у двери, ожидая, чтобы выключить свет.

— Спасибо, что показал мне всё это. Но не волнуйся о возвращении в Форбс. Я и так отняла у тебя достаточно времени и учитывая, что это вечер пятницы...

— Я в твоём распоряжении, когда бы тебе ни понадобился.

В моём распоряжении? С каких это пор? Этот парень хотел переехать в общежитие, лишь бы не сталкиваться со мной в его собственном доме. Теперь, внезапно, он проводил мне астрономические экскурсии и предлагал вернуться в общежитие вместе со мной? Если конечно он не делал это из жалости. Некая косвенная вина за то, что его брат — тот самый брат, который заслуживал счастье — делал прямо сейчас на Проспекте, за моей спиной.

— Спокойной ночи, Джейк.

Я пролетела по лестнице, дверь здания распахнулась и тихая Принстонская ночь поглотила меня. Я ускорила шаг, размышляя о сообщении Риты, о Джейке и его роли во всем этом и о том, что те насмешливые звезды всё это время должны были знать о событиях будущего.

— ДОБРЫЙ ВЕЧЕР МИСС Теа. Господин Риз ожидает вас?

Это была плохая идея, я поняла это в тот момент, когда увидела угрюмое лицо дворецкого. Он не пригласил меня внутрь и не сдвинулся ни на миллиметр от двери. Лишь взглянул на велосипед, который я позаимствовала у Риты — он стоял у стены, готовый вернуть меня обратно.

— Не уверена, что Риз ждет меня, нет. Это... спонтанный визит. Вас не затруднит сообщить ему, что я здесь?

Ему было сложно. Это сочилось из каждой поры его естества. Но по коридору разнесся голос:

— Скажи им, что я буду через минуту, Ферри. Мне лишь нужно найти эту чертову ... — Затем он увидел меня и застыл. — Ты?

Старик отступил в сторону, чтобы Риз мог выйти и закрыть дверь.

— Что ты здесь делаешь?

Хороший вопрос. Было ясно, меня уже даже не впускали в его дом.

— Я хотела поговорить с тобой.

— О чём?

— Обо всём, что ты не рассказал мне.

Он напрягся — инстинкт животного, готовящегося к внезапному нападению.

— И о чём это?

— Ты очень хорошо знаешь.

— Нет. И к тому же у меня мало времени. Так что о чём бы ты ни пришла говорить — скажи это.

Его голос был спокоен, но он не оставил никаких сомнений о ледяной холодности. Я чувствовала себя униженной. Ниже, чем та отборная галька под его ногами.

— Теа, прошу тебя, скажи мне, зачем ты здесь?

— Я могу спросить тебя о том же.

— Меня? Это мой дом!

— Я думала, ты сказал, что уедешь.

— Планы изменились.

— Планы на вечеринку?

Он возможно и ответил бы, но грохочущий гул ворвался на подъездную дорожку, и мы были залиты светом двух гигантских фар. Открытый джип, забитый парнями, шумящими громче, чем двигатель и взрывная музыка вместе взятые.

Один из них прыгнул и оказался лишь в паре дюймов от меня:

— Мило! Кто она?

Риз уже стоял между нами:

— Вернись в машину, Эван.

— Остынь, мужик. Я просто оценивал её. Она придет, да?

Риз оттолкнул его:

— Сядь в машину и заткнись!

Остальные смеялись, выкрикивая всякие гнусности, которые я старалась не слушать.

— В чём твоя проблема?

В этот раз Эван толкнул Риза.

— Я думал, что существует правило не приносить свои собственные закуски на пикник.

— *Я сказал заткнись!* — Голос Риза утонул в звуке музыки, двигателя и других звуков и шумов еще исходящих из джипа. — С каких это пор *ты* говоришь *мне* о правилах?

Он схватил Эвана и с такой яростью метнул его, что парень ударился о переднее колесо и рухнул на гравий. Остальные наблюдали. Риз снова схватил его, поднял и запихнул на переднее сидение.

— Не ты устанавливаешь правила, чертов ублюдок!

Кто-то выключил музыку. Гул двигателя был единственным оставшимся звуком.

— Убирайтесь из моего дома! *Вон!*

Они не стали ждать повтора этих слов. И я тоже. В тот момент, когда отъехал джип, я потянулась к велосипеду.

— Эй ... — он развернул меня. Велосипед упал на землю, колеса закрутились. — Прости за всё это. Давай притворимся, что этого никогда не было.

— Притвориться? Иными словами всё забыть? — Я вырвалась из его рук. — Так не бывает, Риз.

Он поднял велосипед и прислонил его обратно к стене.

— Я уже извинился. Чего еще ты от меня ждешь?

— На данный момент — ничего.

— Ну же, я не хочу спорить. — Его голос понизился до обезоруживающего бархата. — Давай закончим разговор внутри. Затем я отвезу тебя в Форбс.

Высадить меня и освободиться? Всё по плану.

— Думаю, закуска уходит, Риз. Повеселись на пикнике.

Затем я села на велосипед и уехала. Он крикнул что-то мне вслед — это прозвучало как вопрос, но у меня больше не было ответов для него.

БЕН ОТКРЫЛ ДВЕРЬ, и его лицо зарделось от облегчения.

— Наконец-то! Я весь вечер звонил тебе. Аллея Плюща проглотила тебя целиком?

Я пропустила объяснения.

— Приглашение в Бостон всё еще в силе?

— Конечно.

— Когда ты едешь туда?

— Завтра, с другими. А что, в чем дело?

— Ты не возражаешь, если мы с тобой уедем сегодня вечером?

— Сегодня вечером?

Он осторожно вглядывался в мои глаза.

— Я думал, мы собирались пойти на вечеринку позже.

— Собирались. Я просто ... Мне действительно нужно убраться отсюда, Бен.

Было очевидно, что изменение моих намерений не имело никакого отношения к нему, но он не колебался.

— Пойдем, я помогу тебе собраться.

Затем, не спрашивая больше ничего, он направился по коридору.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ночь всех святых

ДОМОМ БЕНА ОКАЗАЛСЯ исторический особняк из красного кирпича в самом сердце Бостонского Бикон Хилла. Он принадлежал нескольким поколениям его семьи — и все еще был их собственностью, вот только теперь они приняли форму потускневших картин для прихожей.

Приехали мы поздно. Я боялась проводить ночь в чужом доме, одной, будучи расстроенной из — за Риза и его игр. Но я заснула, как только коснулась подушки щекой, а когда проснулась, Бен уже был внизу, читал.

— А вот и она! — Он закрыл книгу, выглядя посвежевшим и жизнерадостным. — Ты, наверно, умираешь с голоду. Готова исследовать местную кулинарию?

Схватив наши пальто, он спросил, какую часть Бостона я хотела бы увидеть первой. Я не много знала о городе. В основном Гарвард и то, что нашла в интернете.

— Гарвард — неплохая идея, на самом деле. Мы должны съездить туда, чтобы ты поняла, что пропустила. — Его рука проследила за воображаемой строкой субтитров в воздухе. — *День из жизни Теи, если бы она отправилась в какую-то другой колледж.*

Пойти в "другой колледж" было бы безопаснее, вдали от одержимых ритуалами профессоров искусства, загадочно исчезнувших родственников и неуловимых парней в двойном количестве, которые жили в поместьях с дворецкими. Но я оставила все это при себе, говоря Бену, что была готова к любой части Гарварда, которая, по его мнению, могла вызвать максимальную зависть.

Этим местом оказалась Площадь Гарварда. Безумно оживленная, заразительная, просто котел энергии — ничего общего с банальным Принстонским аналогом, Палмером. Три улицы пересекающиеся посередине, по которым несутся машины: гигантская звезда, готовая взорваться внутри себя самой. И куда бы ты не посмотрел, выбравшись за ворота кампуса, головокружительный калейдоскоп людей все время меняет свою форму.

Мы купили сэндвичей в местном гастрономе и моя экскурсия началась. Бен был ходячей энциклопедией. История школы. Названия зданий. Информация, которая бы даже профессиональному гиду прибавила бы плюсики. Но несмотря на его живые истории, я осталась холодна к кампусу. Там не было никакой таинственности белого камня; никаких уединенных местечек, арок или тайных уголков. Только строения из красного кирпича, увенчанные известной Гарвардской белой колокольней.

Когда я не могла больше выносить поездок по достопримечательностям, мы поехали в любимое кафе Бена, Чайный Люкс, чье меню предлагало более ста разновидностей чая. Он нашел свободное место у окна рядом с печатной машинкой и выставкой чайных наборов.

— Это напоминает мне о Льюисе Кэрролле. — Я приподняла один из чайников: пузо ментолового цвета, изогнутое, словно вздутый луг на шахматной основе.

— Из тебя бы получилась потрясающая Алиса — если бы ты только умела хныкать. Та девчонка все время это делала, а мне кажется, я никогда не слышал, чтобы ты жаловалась о чем-либо.

— Было бы странно, если бы я это делала.

— Почему? Никто здесь не идеален.

— Может и так. Но я не могу жаловаться только из — за того, что я в новой стране, которая до жути пугает меня. Лучше сначала попытаться разобраться со всем, так ведь? То есть... должна же быть причина, почему все происходит именно так, как происходит.

— Не знаю, со многим ли нужно разбираться. Всегда можно найти скрытый подтекст, но с нами, американцами, обычно то, что ты видишь и есть истина.

— Ага, если бы! — засмеялась я и достала чайный пакетик из чашки. Запах роз, сосны и ягод наполнил воздух. — Значит, если я Алиса, то ты — Безумный Шляпник?

— Я больше похож на Чеширского Кота. — Он сверкнул на меня преувеличенной ухмылкой. — Вот только исчезновение у меня выходит плохо.

И слава Богу. Слишком многие в моей жизни проявляли выдающийся талант к этому последнее время.

— Теа, пребывание в Америке действительно ощущается, как Страна Чудес?

— Так точно. Одно неверное движение, и мне снесут голову.

— Нет, серьезно. То что ты сказала, о замешательстве — я понимаю почему. Новое место, новые люди. Кроме того, Принстон определенно не обычное место. Даже мне пришлось привыкать, а я жил в штатах всю свою жизнь.

— Мне не показалось, что Принстон вводит тебя в замешательство.

— Разве?

— Совершенно. Что тоже похоже на Страну Чудес. Все здесь кажется такими...

уверенными во всем, словно они никогда не делали ошибок и никогда не сделают. Тебе не кажется это безумием?

— Уверенность — это не плохо, это всего лишь тактика выживания.

— И все же... мне нравятся люди, которые могут ошибаться время от времени. Мы ведь все люди, не так ли? Стоит смириться с этим.

Пока он думал, что ответить на это, его телефон зазвонил. Он выключил звук, но увидев от кого вызов, решил ответить. Почти ничего не говорил какое-то время. Затем отключился и посмотрел на меня длинным, сдержанным взглядом.

— Это была Рита. У меня несколько пропущенных вызовов от нее.

— Все в порядке? У меня не было возможности попрощаться с ней.

Он медленно положил телефон, будто пытаюсь свести звук от соприкосновения со столом до минимума.

— Кто такой Риз?

Я почти подавилась последним глотком чая.

— А что?

— Какой-то парень по имени Риз искал тебя.

— Искал меня... где?

— Очевидно, он не нашел тебя у тебя в комнате, а твой телефон пересылает все время на голосовую почту. Так что он выследил Риту, и она сказала ему, что ты в Бостоне.

— Откуда она знает, что я здесь?

— Я написал ей письмо этим утром. Может, не стоило. — Он встал со стула. — Кем бы ни был этот парень, он хочет, чтобы ты позвонила ему. Я подожду снаружи.

— Бен, подожди. У меня даже телефона нет — я оставила его у тебя дома. Но даже если бы и был—

— Вот. Возьми мой. — Он пододвинул его ближе ко мне и написал что-то на салфетке. — Это наш адрес. Скорее всего он спросит его.

— О чем ты говоришь? Зачем Ризу твой адрес?

— Рита сказала, что он отправился в Бостон, что должен тебе какое-то извинение. Сейчас он должен быть уже в городе. Приходи ко мне, когда закончишь, я буду у киоска через дорогу.

Я смотрела, как он уходит. И в этот момент моя последняя надежда на мирные осенние каникулы растворилась в свете уличных фонарей.

БЕН БЫЛ ПРАВ: РИЗ попросил адрес. И к тому времени, как мы добрались до дома, о уже ждал нас там.

Они обменялись короткими приветствиями. Ризу удалось скрыть недовольство моим другом, но не достаточно, чтобы принять приглашение войти.

— Спасибо. Честно. Но давай не затягивать. Я подожду, пока Теа соберет свои вещи.

— Почему это я должна собирать свои вещи?

— Потому что я не уеду без тебя.

Чтобы избежать аргументов со стороны Бена, я промолчала, пока он не зашел в дом.

Риз проверил час.

— У нас есть пятнадцать минут. Успеешь?

— Пятнадцать минут до чего?

— До того, как нам нужно будет ехать.

— Риз, я никуда не уеду.

Он улыбнулся и попытался обнять меня.

— Хорошо, я приму еще одно наказание, если хочешь. Однако, по всем стандартам, того, как ты исчезла сегодня, будет достаточно.

— Я никого не пыталась наказать.

— Нет? Тогда странно, что мне пришлось проснуться сегодня и увидеть, что моя пленница сбежала. Почему ты ушла от меня?

— От тебя? Тебе не приходило на ум, что не все, что я делаю, касается тебя?

— Приходило, и довольно таки часто. Но приходило ли тебе на ум, что все, что делаю я, касается тебя?

— Включая прошлую ночь?

— Прости меня за эту ночь. — Улыбка исчезла. — Есть вещи, которые я не в силах изменить, Теа. Даже для тебя.

— Какие вещи? Парней в джипе?

— Парни в джипе — это всего лишь привычка. Я не подпущу их близко к тебе снова.

— У тебя есть другие привычки? Возможно, пикники?

Вздых. Я не слышала от него вздохов, думала, он не способен на них.

— Это больше, чем привычка. Это часть меня.

— Так ты хочешь, чтобы я притворилась, что это не волнует меня? Чтобы я просто отходила в сторону, не задавая вопросов, когда тебе нужны будут перерывы от меня?

Его взгляд охватил улицу в поисках возможного ответа. Затем вернулся ко мне с наиболее подходящим для него:

— Просто будь со мной. Это так сложно? Мне не нужны перерывы от тебя, наоборот. Я изо всех сил буду стараться делать все, как ты того хочешь. Но не могу объяснить ничего сейчас.

— Почему?

— Потому что нам нужно уезжать.

— Возможно, тебе и нужно. Мне — нет.

— Ладно, вот наш план. — Он озвучил "план" прямо мне в ухо: — Во-первых, нас ждет паром. Это единственный способ добраться туда, куда я хочу отвезти тебя. И не спрашивай меня, где это — ты знаешь, я не люблю, когда портят мои сюрпризы. Во — вторых, для меня все это дело со свиданиями в новинку, так что очевидно, что я лажаю все время. Но так будет не всегда, обещаю

— Я думала, ты не даешь обещаний, которые не можешь сдержать.

— Не даю. А в — третьих, нам нужно перестать ругаться. Я в твоих руках, только скажи, и я уйду.

Мне нечего было говорить. Я все еще была расстроена из — за вечера пятницы. И да, мне пришлось сбежать от него. Но теперь, когда он поехал за мной в Бостон, чтобы извиниться, моя злость испарилась, и он знал это.

— Иди за своими вещами. И поскорее.

Когда я вошла, Бен сидел на кушетке, держа в руках журнал. Он ничего не спросил, просто поднял взгляд и ждал, пока я заговорю первой.

— Бен, он... он хочет, чтобы я поехала с ним.

— Конечно, хочет. Я понимаю.

— Но я чувствую себя ужасно, особенно после того, как заставила тебя ехать допоздна

вчера.

— Не волнуйся обо мне. Остальные приедут сегодня, и это место превратится в дурдом. Рад только, что нам удалось провести день наедине.

— Да, я тоже, но... — я замолчала. Какое право у меня было говорит с ним таким образом, словно он — отвергнутая жертва?

— Теа, не мучайся виной. Тебе нравится этот парень, да?

Я кивнула, надеясь, что подтверждала только то, что он уже знал.

— А парню определенно нравишься ты, иначе бы он не ехал пол пути до Восточного Берега в поисках тебя. Так что, здесь мало что можно обсудить.

— Ну, хорошо, я не буду. — *Не ищи подтекста.* То, что ты видишь и есть истина. — И все же, ты мой друг, и я не хочу расстраивать тебя.

— Друзья не должны расстраиваться, когда ты слушаешь свое сердце. — И тут появилась та его смущенная улыбка, которую я так любила. — А если и расстраиваются, ты все равно должна слушать свое сердце. Я бы так и поступил.

КАК ТОЛЬКО МЫ ВЫЕХАЛИ, Риз позвонил кому-то и спросил, готов ли коттедж.

— Он должен быть готов к моему прибытию. — Он положил трубку, выглядя раздраженным. — Джейк уехал сегодня днем. Не понимаю, чего они так долго.

Это и был сюрприз, который он и не подозревал, что сделал для меня: скрытый отпуск, который напомнит мне о его брате. Я могла только представлять, что ожидало меня в этом загадочном коттедже. Вещи принадлежащие Джейку? Его фотографии повсюду?

Я мало что говорила все оставшееся время поездки; Риз наверно подумал, что я устала. После парома мы какое-то время ехали по извилистым дорогам, пока машина, наконец, не остановилась. Фары выключились. В их доме автоматический фонарь светился сквозь непотревоженную темноту.

— Не бойся ты так, в коттедже нет призраков. — Он открыл для меня пассажирскую дверь. — Хотя, одно — два привидения не помешает. Ночью здесь становится совсем тихо.

"Коттеджем" оказалась ошеломляющая современная вилла, растянувшаяся высоко над океаном. Спереди был забор, (высокий, для большей приватности), но задняя сторона еще лучше обеспечивала уединенность. Сперва открывался вид на широкие просторные окна от от пола до потолка. Затем на кирпичную веранду. Бесконечный бассейн. А за всем этим — верхушки деревьев и вода, невидимая до рассвета.

Анонимные руки, которые приготовили дом к приезду Риза оставили включенным фонарь, и мягкий желтый свет освещал несколько первых ступеней и сервированный стол со свечами и бутылкой вина.

— Мартас — Винъярд. — Он обхватил меня руками и указал на темноту перед нами. — Это остров на юге от мыса Кейп Код. Мы приезжали сюда многие годы.

Это "мы" прозвучало так, словно кто-то другой, пропавший, мог войти на веранду в любое мгновение.

— Ты не представляешь, что сделала со мной, когда уехала так внезапно. Или представляешь? — Он наклонился и поцеловал меня в шею, но почувствовал мою дрожь. — Мой Бог, ты так замерзла! Пойдем, найдем что-то теплое. И еду.

Пока он исследовал холодильник в поисках того, что можно было съесть на ужин, я взяла пиджак в прихожей. Когда я вернулась в гостиную, он уже шел с двумя полными тарелками и багетом.

— Помочь?

— Нет, просто дай мне минутку. Кстати, смотри, что у меня для тебя есть.

Он указал в конец комнаты, и я только сейчас заметила огромное фортепиано в углу возле камина. Партитуры были выставлены на крышке, и одна из них была открыта на подставке. Я подошла ближе, достаточно близко.

Краем уха я слышала шаги Риза, поток воздуха из — за открытой двери, его шаги наружу, стук посуды о стол. Но комната и все в ней превратилось в туман. Я могла видеть только ноты на этих страницах, ноты, которые я любила: Новый этюд Шопена в фа — минор.

Это был единственный след пребывания Джейка, упущенный теми, кто убирал за ним дом. Они стерли его с клавиш, дверных ручек, тарелок и стаканов и каждого предмета мебели. Но музыка сумела смешаться со всем достаточно, чтобы не быть стертой. Возможно он оставил страницы там нарочно, закодированное "добро пожаловать", которое только я могла понять. Или, в спешке, он просто забыл их закрыть. В любом случае, он играл мой этюд в этой комнате.

— Фортепиано или я. Выбирай быстро. — Риз стоял у двери, распахнув ее.

Мне хотелось сказать ему правду. Затем я вспомнила последние двадцать четыре часа: сцена в Галечнике, его все еще не объясненное отсутствие. Теперь мы были квиты. Тайна за тайну.

Во время ужина я не могла перестать представлять Джейка в этом доме. Что если, как и его брат, он привозил девушек в свой роскошный коттедж на берегу Кейп Кода? Показывал остров. Наливал вино в уличной темноте. Рассказывал им, восхищенным, о созвездиях. Играл для них на фортепиано.

— Почему он тут был? Я имею в виду... Джейк. — Его имя застыло в воздухе на секунду. — Проводил осенние каникулы на острове?

— Как всегда. И я планировал устроить путешествие — сюрприз на юг. Но когда узнал, что ты в Бостоне, план изменился.

Он изменился, но не так, как думал Риз. Как и те призраки, о которых он мечтал, я вошла в этот дом много раньше, чем он привез меня. Я вошла сюда, смеялась здесь и существовала на протяжении всей ночи и следующий день — потому что кто-то другой представлял меня здесь с помощью самой красивой музыки, которую я когда-либо слышала.

— О чем ты думаешь?

— Я? — Впервые я поняла, что правда также может быть ложью. — О том, что твоего брата выкинули отсюда сегодня из — за меня.

— Это как посмотреть.

Смотреть на это, по правде, можно было только с одной стороны: Джейк не забыл обо мне. Не мог, если играл этот этюд.

— Не нужно говорить, что я в долгу перед моим уступчивым братом. — Риз взял меня за руку и я последовала за ним через гостиную, коридор и в спальню. — Но хватит о Джейке. Или о ком-либо еще.

Моя одежда соскользнула на пол, и тело позволило Ризу затащить меня под себя на кровать — не противилось, а покорилось ему, ожидая.

— Не бойся меня. — Его пальцы сжимали мою тазовую кость, готовясь двинуться дальше. — Я остановлюсь, как только ты скажешь мне, обещаю.

Мне казалось, что Джейк был там. С нами в той комнате. *Так ли ты представлял это?*

Меня, принадлежащую твоему брату? Этого ли ты хотел?

Одной рукой он пригвоздил обе мои в подушке, другой разделяя мои колени.

— Риз, отпусти мои руки. Я не буду останавливать тебя в этот раз.

— Тшш... — Его дыхание наполнило мое ухо. — Не это я собираюсь сделать.

— Сделать что?

— То, из — за чего ты паниковала с момента, как я положил тебя на эту кровать. Ты никогда не дрожала так в моих руках! — Его рука продолжала путь вверх по моим ногам. — Я понятия не имел, что это будет твой первый раз. Поэтому не буду заходить пока на эту территорию. Только через мой труп.

— Почему?

— Потому что... — Он провел ногтями по моему бедру до живота, пока я не возжелала его. — Потому что... ты чертовски прекрасная вещь... Мне хочется сделать с тобой все первым...

Его рот нашел мою шею, и я почувствовала, как взрывается все мое тело. Сначала он сильно надавил, обрушивая язык на участок кожи, все еще влажный от его губ, затем смягчился, пока его дыхание не стало единственным, что я ощущала. Он подождал, затем повторил действие, только на этот раз намного жестче, опускаясь на мою шею, словно долгое время он жаждал ее, но все это только для того, чтобы снова отстраниться, оставляя меня желать больше этого поцелуя, огня его прикосновения. Когда же я взмолилась, я почувствовала его пальцы, раздвигающие мои бедра и медленно скользящие в меня, настолько далеко, насколько это было возможно, чтобы не причинить мне боль. Затем, внезапно, они вошли дальше в тот момент, когда его рот накрыл мой, лишая меня дара речи в его руках.

— ПРОСТИ, ЧТО?! — РИЗ ПОДАВИЛСЯ, выплевывая кофе обратно в чашку. — Карнеги... тот, что в Нью-Йорке?

— Да, тот.

Он уставился на меня, словно я сказала ему, что бросаю колледж ради стриптиза.

— И что они тебя попросили сыграть?

Я сказала ему. Он разразился смехом. Подошел к одному из окон и, остановившись там, посмотрел в чистое небо. Когда он повернулся, на его лице не осталось и следа смеха.

— Понятия не имел, что ты настолько хороша. Но Альбенис чертовски сложен, и четыре недели — это ничто. Надеюсь, что приезд сюда не был ошибкой.

— Риз, я справлюсь. — Мой голос прозвучал намного увереннее, чем я себя чувствовала. — Мне просто нужно много практиковаться, вот и все.

— Много? Тебе нужно впитать каждую ноту в свою кровь, словно героин!

— Значит, я буду под кайфом от вас обоих? — Я улыбнулась, но не он. — Ладно, хватит запугивать меня. Четыре недели это много. А пока, я думала, ты захочешь показать мне остров.

— Остров может подождать. Посмотрим чуть — чуть то там, то здесь, когда тебе нужен будет отдых от тюрьмы.

Последующие несколько дней "тюрьма" принадлежала только мне. Он понял, что практика игры на фортепиано требовала одиночества, и границы сами выставлялись, когда бы я ни собиралась играть.

Сначала, я думала, что Джейк все еще беспокоит меня. Находиться в одних комнатах,

касаться тех же вещей. Было невозможно сказать, что принадлежало ему, а что — Ризу. Средства личной гигиены в душе. Одежда за раздвижными дверьми (аккуратно развешенные рубашки, сложенные свитера и джинсы), ничего из того, что Риз привез с собой. Может, братья носили одну одежду, когда оказывались на острове? Но были вещи, которые явно принадлежали Джейку. Открытые ноты Шопена. Карта звездного неба, оставленная на кофейном столике.

Но, неминуемо, эти напоминания стали меркнуть, чем больше времени мы находились в доме. А что касается экскурсий по острову "то тут, то там", ему много что было мне показать: исторические города, бухты, пляжи, даже качели с 1876 года, которые являются самыми старыми в Америке. Но местом, которое украло мое сердце, стал маяк, стоящий в изоляции между пестрых скал.

Мы забрались по винтовой лестнице на, как назвал ее Риз, галерею — обрамленную перилами террасу, которая окружала башню. Внизу изгибался западный берег, обросший растянувшейся сухой травой, из — за которой скалы выглядели мохнатыми, словно золотая спина гончей.

— Индейцы называли это место Аквинна. — Он обнял меня, позволяя ветру бушевать вокруг нас. — Это значит "конец острова". Но он концом он является лишь при приливе. Видишь те скалы? — Он указал на холмистые клочки красного, коричневого и цвета охры, о которые разбивались волны, в десятках метров снизу. — Когда вода омывает их, конец острова снова приближается. Маяк уже однажды переносили, чтобы спасти от обрушивающейся глины.

— Глины?

— Скалы полностью состоят из глины, образованные ледниками сотни миллионов лет назад.

— Сотни... миллионов? — Внезапно, древнегреческая глина показалась любой, но никак не древней. — Жаль, что воды наконец побеждают.

— Эрозия всегда выигрывает, — сказал он тихо. — Ничто не возможно уберечь от нее на протяжении вечности.

Мне казалось, будто это предупреждение. Но о чем? Целый остров разрушался под нашими ногами, невидимо, даже пока мы говорили. И я, была ли я в безопасности на этом острове? Или приехала сюда с кем-то, кто, как и те волны, всегда побеждал?

Мы не вернулись в дом после наступления темноты. Риз хотел хотел поужинать на полу перед камином, среди подушек и свечей, чье отражение танцевало в завораживающей панике на потолке, когда случайный сквозняк пробирался по комнате.

— Готова? — Мы закончили есть, так что он поднял меня с пола.

— Готова... для чего?

Он подошел к фортепиано, открыл страницы Альбениса и поставил их на подставку.

— Я не думаю, Риз.

— А почему нет? Ты и так уже мне задолжала. К тому же, нельзя быть такой скромной и играть подобную музыку. Так что давай послушаем.

Он обошел меня сзади и погрузился в диванные подушки, создавая иллюзию, что я одна в комнате. Но ничего не помогало, я все еще чувствовала его. Его, наблюдающего за мной и готового слушать. И поглощать. И судить.

Поспешили звуки: стеклянные бусы, рассыпающиеся по испанской улице, когда ожерелье было сорвано с плеч девушки. Но бус было недостаточно. Эту улицу должна была

заполнить летняя гроза, разбиваясь, рассыпаясь по брусчатке, превращаясь в пыль.

Ко времени, как я дошла до более медленной средней части, пьеса стала пустой. Безжизненной. Исчезла ее красота.

— Я же говорила... — Мои руки упали. Я даже смотреть на него не могла. Затем...

Губы. На моей лопатке. И он, опускающийся на скамью рядом со мной.

— Видишь? — Он опустил мою руку на ширинку своих джинс. Все внутри взрывалось, твердое от пульсации, словно музыка все еще пронзала его волнами. — Вот что ты делаешь со мной, когда играешь. — Затем он позволил моей руке соскользнуть. — Теперь тебе нужно безумие Албениса. Ты овладела техникой. Но тебе не хватает пока Испании.

— Я никогда ее не обрету. Я никогда даже не была в Испании.

— Туда я и собирался тебя отвезти.

Страницы вернулись к началу, и его голос стал мягким, далеким, словно раздавался в другом времени:

— Албенис называл ее *Астурией*, но музыка совершенно не связана с северной Испанией. Ее сердце на юге, во фламенко Андалузии. Представь огонь. По — испански "*flama*" значит "огонь".

— Я не слышу огня в этом этюде.

— Потому что все пускаются галопом в этой пьесе, пытаюсь выставить себя в выгодном свете. И в итоге Альбенис превращается в фугу Баха! Фламенко иное. Это не скорость или громкие потоки музыки. Это контраст. Быстрота против медлительности. Громкость против тишины. Так начни же с шепота. И продолжай благородно, вот так...

Смущенные ноты раздались под его пальцами. Неуверенные, показывающие свои головы лишь на секунду.

— И тогда начинается легенда, правильно? — Он погладил титульную страницу, где жирным курсивом было выведено *Астурия (Лейенда)*. — Помни, ничто и никто не безопасно в легендах.

— В каких легендах?

В данном случае, легендах о Андалузийских цыганках, чью горячую кровь подпитывали ритмы фламенко. Они погибали за любовь, как того не делали другие, так что можешь представить, сколько страсти слышалось в их музыке? Такой мужчина мог влюбиться в тебя, почитать и положить свою жизнь и будущее у твоих ног. Но как только ты заставишь его ревновать, ставки сделаны.

Он проиграл следующую фразу, задерживая последнюю октаву на долю секунды, затем проиграл ее с обеих сторон фортепиано.

— Превращай каждый звук в угрозу, пока играешь. Делай паузы. Стремись отомстить. Затем бей. Не думай, просто бей. Взрывай.

Он продолжил играть, отбивая октавы. И при каждой из них тишина казалась завораживающей. Она поражала звуками, которые ты никогда не слышал. Потому что в этих вспышках тишины, когда время замирало, ты с нетерпением ждал музыки, которая должна последовать.

— Каков вердикт? — Он посмотрел на меня, улыбаясь. — Ты не произнесла ни слова.

Что я могла сказать? Это больше не был парень, который смеялся над музыкой. Теперь он говорил об Андалузийских ночах, цыганах, фламенко и том безумии, которое они могли привнести в меня. Когда он перестал играть, я уже чувствовала это безумие.

— Сыграй остальное для меня. Пожалуйста.

Он поднялся со скамьи.

— Для остальной части нам нужно что-то другое.

CD скользнул в проигрыватель. Гитара. Нежная, почти такая же хрупкая, как звук бокалов в Луизе. Это была та же пьеса Альбенниса, только переделанная, несущая смиренность, которую никогда нельзя было бы извлечь из фортепиано. Музыка лилась, почти незаметно, подавляемая силой воздуха, циркулирующего по комнате.

Он поднял меня на ноги и мы раздели друг друга, тихо, но быстро, под ритм гитары. Его лицо опустилось на мою кожу. Если бы он остановился, мне бы пришлось молить его не прекращать, но его губы опустились к моим бедрам, раздвигая их и входя в меня языком, сводя с ума, заставляя желать его рта, всего его, раствориться в нем, повиноваться его любому капризу. Он взял меня, не давая возможности сказать да или нет, дыша в меня, оставляя штурм поцелуев в местах, о существовании которых внутри меня я и не знала, открывая меня, увлажняя, атакуя меня этими фантастическими губами, которые могли быть невероятно мягкими и в то же время совершенно грубыми, пока он не заставил меня кончить, и я почувствовала, как он поглощает все ртом и языком, каждую каплю меня. Когда он поднялся на ноги и коснулся моей щеки, она все еще была влажной. Затем он зарылся лицом мне в волосы и прошептал:

— Я тысячу раз делал это в мыслях, но ты на вкус намного лучше, чем я мог представить.

Слова наполнили мое тело. Не осталось и сантиметра моего тела, который бы не жаждал его, не принадлежал бы ему полностью и не ощущал бы мир в его прикосновении. Я хотела продолжить целовать его, сделать для него все, сделать с ним то, что завело бы его и заставило кончить, но он уже отстранился.

Я притянула его назад.

— Возьми меня. Возьми любым способом, которым хочешь.

Секунду он боролся со своим решением, затем встал налить себе выпить. Пустой стакан опустился на стол, и я принялась целовать его — его шею, плечи, грудь, но когда я добралась до живота, он остановил меня. Я опустила его руки, пока они не сжались вокруг края стола и остались там. Затем я поцеловала его еще раз:

— Теперь моя очередь. Позволь мне.

ПОЗЖЕ ТОЙ НОЧЬЮ, засыпая в его объятиях, я впервые мечтала, чтобы он никогда не узнал обо мне и Джейке.

Шепот над моим ухом разбудил меня, но я не могла разобрать слов. Что-то на счет розыгрыша.

— Так что же ты выберешь? — Риз лежал рядом со мной, уже одетый. — Что-то одно.

— Розыгрыш или что?

— Мило. Это твой первый Хэллоуин, не так ли?

Я кивнула, глаза были полуприкрыты из — за еще не отступившего сна.

— Или угощение. Это значит, что тебе придется угостить меня конфетой. Вот только я не вижу ни одной поблизости.

— А розыгрыш?

— На твоём месте я бы держался подальше от этого выбора. Там, откуда мы родом, розыгрыши — это серьёзное дело.

— Мы?

— Моя семья. Я ирландец.

Мы встретились больше месяца назад, а я столько всего еще не знала о нем. Отчасти это была моя вина. Я видела, как другие девочки шпионили за своими парнями — рыскали в интернете, проверяли телефоны парней, читали их письма, все, что Риз называл "фондовые проверки" и даже больше — так что я поклялась никогда не быть одержимо любопытной. Но с ним, любое здоровое любопытство не было вариантом. Или же было?

Я перекатилась по кровати ближе к нему.

— Когда ты уехал из Ирландии?

— Я не уезжал. Никогда там и не жил. Всегда хотел, но не вышло.

— Почему?

— Потому что не все зависит от меня, Теа.

— Сложно было представить его желающего что-либо, но не способного это получить.

— Звучит так, словно ты прикован к Нью — Джерси.

— Может и... прикован. Но давай оставим мою мечту в покое. Суть в том, что именно там началась традиция "розыгрыш или угощение".

— В Ирландии?

— Среди всех мест. Конечно, они это называли не так. Ирландское название для этого — душевный вызов.

— Как "обнажение души"?

— Ха, никогда не думал в таком свете. Но нет, это моление за души усопших. Кельты верили, что в ночь 31 октября граница между мирами живых и мертвых исчезала. И если бедняки стучали в дверь той ночью, нужно было дать им еды, а они в обмен молились за тебя за души мертвых.

Я попыталась представить слушающих мертвых в октябрьскую ночь в Ирландии. Истощенных. С широко раскрытыми глазами. Толпящихся на дождливых улицах Дублина.

— А если ты не давал им еду?

— Тогда тебя очень, очень плохо разыгрывали. — Он нырнул под одеяло и принялся всюду меня целовать.

— Риз, подожди. Теперь моя очередь.

— Какая очередь?

— Бросать вызов твоей *душе*.

— Моей? — Его голова вынырнула наружу: бардак на голове, щеки красные. — Не думаю.

— Потому что ты не любишь обнажать свою душу?

— И поэтому тоже. Ты не можешь меня разыгрывать, если должна угостить. Я приготовлю нам завтрак.

Завтрак был не совсем тем, о чем он мог позаботиться, учитывая, что уже был почти час дня. Пока запах жареных яиц и какого-то мяса распространялся по дому, я ждала в гостиной. Комната была уставлена безукоризненно. Металл. Стекло. Кожа. Перетекающие одно в другое простыми, минималистическими формами. Один только камин представлял собой линию речных камней собранных под нишей в стене — одно прикосновение к пульта управления, и пламя извергалось прямо из камней. Никаких других декораций, стены были пусты. Кроме одной, которая удостоилась легкого снисхождения. Знак, что, как бы то ни было, у дома было сердце.

Книги.

Около двадцати книг стояли на единственной полке. Она выглядела как увеличенная кардиограмма, чьи изгибы были сделаны из стали и прикованы к стене, вбирая в каждый внутренний зубчик максимум книг. Блестящие маленькие томы идеально гнездились в этих слотах. И лишь на самом краю, где сердцебиение в последний раз опускалось вниз, стояла одинокая книга с растрепанным корешком и изношенными углами, склонившись под углом.

Я взяла ее. Райнер Мария Рильке. Два слова на обложке, *‘Новые поэмы’*, были настолько непримечательны, что я даже засомневалась, было ли это название. Но следующее название из трех имен ожидало через несколько страниц. *Орфей. Эвридика. Гермес.*

Поэма была длинной и мне не удалось ее прочесть, потому что внизу, под печатным текстом, было красное пятно. Две линии, добавленные от руки, были написаны крошечными, но различимыми буквами, красиво закругленными и с длинными петлями.

*Я узнаю тебя
даже в смерти*

Что за обещание, или угроза, это была? И кто мог сделать это в здравом уме? Может, один из пропавших без вести предков написал это любовное послание своей половинке многие годы тому назад. А что, если это было написано от руки Джейка? Это был и его дом тоже. Его книги. Наверно он подумал, что я могла бы пролистать их, когда Риз привезет меня сюда. И, как и раскрытая пьеса Шопена на фортепиано, том Рильке стратегически располагался на конце полки, где я определенно должна была его заметить.

— Еда подана. — Риз забрал книгу у меня из рук и поставил ее к остальным. — Ты, должно быть, умираешь с голоду.

— Кажется, тема сегодняшнего дня — смерть. Я только что прочла о...

— Я знаю, что ты читала.

— О рукописной записке?

Он пожал плечами.

— Книги проходят через многие руки. Люди имеют привычку делать заметки.

— Это больше, чем просто заметка.

— Мы коллекционируем старинные издания, Теа. А они поступают к нам со своим багажом. — Все в нем, казалось, имело свой багаж. Он продолжал уклоняться от моих вопросов даже сейчас. — Кстати, я не знал, что ты любишь поэзию.

— Не всю.

— Кто твои любимые поэты?

— Неруда, Руми, Э.Э. Каммингс.

— Ты читала моего однофамильца? Каммингс был бы рад узнать, что он популярен в Болгарии.

— Это твоя фамилия?

— Риз Каммингс? Нет, Боже упаси! Эстлин.

Я припомнила, что второе Э в Э.Э. Каммингс значило *Эстлин*. Коротко и поразительно, словно звук сосуллек разбивающихся на ветру.

— А кто твои любимые?

— Оставим это на десерт. Теперь давай есть.

Но еда не была нам суждена в тот день. Едва мы прикоснулись в тарелкам, раздался дверной звонок.

— Кармела здесь! Пошли, она умирает, так хочет познакомиться с тобой.

Все в этой женщине исходило жизнерадостность: развивающаяся ткань обрамляющая

различными цветами ее выдающуюся фигуру; морщинки, источающие смех из живых черных глаз; и больше, чем что-либо — избыливающий энергией акцент, доносящий его голос в каждый уголок дома.

— ¡Hola! Как Вы, сеньор Риз?

— Очень хорошо, спасибо, Кармелита. — Он бросился ей в руки для самого долгого объятия, которого он достаивал кого-либо у меня на глазах, затем повернулся ко мне: — Кармела очень близкий друг нашей семьи. Она родилась на Коста — Дель — Соль, но сейчас живет здесь, на острове. Следит за домом для нас, что мы очень ценим.

— Значит хватит преследовать милых студенток и приезжай сюда чаще! — Ее улыбка превратилась в широкий полумесяц, пока она осматривала меня сверху — донизу. — Ай, сеньор Риз, она так красива, ваша девушка!

Девушка?

Он ее не исправил, лишь обвил меня рукой.

— Да, это так, не правда ли? Но теперь дело за тобой, Кармелита, пусть она сегодня выглядит потрясающей испанкой для меня.

— *Claro*, из нее получится идеальная *bruja* ¹¹

— А это, — вздрогнул Риз, словно он совершил грех, ведомый только им двоим, — именно то, чего я не хочу.

— Из меня получится идеальный кто?

— Идеальная ты. — Он поцеловал меня в щеку. — Иди, готовься. Я вернусь в шесть.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ИЗ «ТАКОЙ КРАСИВОЙ» в "потрясающую испанку" стало испытанием. Оно включало в себя не только соответствующие и необходимые внешние изменения, но и удовлетворение любопытства Кармелы.

— Как тебя зовут, *niña* ¹²?

— Теа.

— ¡Muy bonito! ¹³ Теа... как бриз над Средиземным морем.

Она наполнила ванную и поднесла мило к носу для быстрого вдоха, прежде чем протянула его мне.

— Настоящее *кастильское* мыло из оливкового масла — зеленого золота Андалузии. Когда закончишь, твоя кожа будет источать запах оливы.

— Откуда у Риза здесь настоящее испанское мыло?

— Потому что хотя бы иногда он слушает, что я ему говорю! — Видимо, совет Ризу по поводу мыла вызывал у нее искреннюю гордость. — Я была их управляющей многие годы; он знает, что может полностью доверять мне... А теперь поспеши, лезь в ванну! Я пойду налью бокальчик вина и потом сможем приступить к твоему макияжу.

Должно быть, "бокальчик" подразумевало несколько доливаний, так как она вернулась с полупустой бутылкой.

— Так расскажи, как вы встретились с сеньором Ризом?

— На учебе.

— Встретились на учебе и влюбились? — Она наблюдала, как я скручивала волосы, чтобы выжать из них воду. — Не стесняйся, можешь рассказать Кармеле все. Это была любовь с первого взгляда, правда?

— По крайней мере для меня. — Технически, для меня это не было правдой. Если только "первый взгляд" не включал Джейка.

— Только для тебя? Ах, *pero, niña* ¹⁴, у него ведь на лице все написано! Мальчик наконец влюбился. Много времени прошло с... — Она усадила меня перед баннным зеркалом и встала позади меня с расческой в руках, сомневаясь.

— Много времени с чего, Кармела?

— С того, как я давала своему рту отдых! — Расческа наконец отважилась пройти по моим волосам. — Старики, мы живем прошлым; оно заглушает звуки приближающейся смерти. Но давно забытые вещи не должны волновать такую молодую девушку, как тебя.

Я слышала эти слова ранее — от родителей, от Джилс, от каждого, кто жил прошлым, но не хотел, чтобы я им интересовалась. И все же, если эти "давно забытые вещи" были настолько безвредны, почему меня все время от них оберегали?

— Давно вы его знаете?

— Кого, сеньора Риза? — Она свела руки, практически соприкасаясь ладонями. — С тех пор как он был вот такой вот маленький! Я была его *niñera*. Как вы это называете... *нянькой*.

— Так вы знаете и его родителей?

— Конечно.

— Какие они?

На мгновение она выглядела удивленной, словно мой вопрос был уловкой.

— В смысле, он похож на них?

— Мы всегда те, *niña*, от кого мы приходим. И этот мальчик был рожден от любви, которую я никогда не видела в этом мире. — Она налила себе еще один бокал вина, притянула стул и села рядом со мной. — Его отец, Арчер, был дьяволом. Старая благородная кровь, богат, словно король. И красив. Ай, *Dios mío* ¹⁵, каким же красавцем он был! Женщины падали перед ним на колени, а он над ними смеялся. Лишь она вещь для него существовала: машины.

— Он коллекционировал их?

— Нет, он был гонщиком. Эти гонки были его единственной любовью, и он выиграл все из них.

Это объясняло, почему Риз был так уверен за рулем, даже на высокой скорости.

— Потом он встретил мою Изабель. Сошел с ума. *¡Abso — luta — mente loco!* ¹⁶. Преследовал ее по всему миру. В каждой столице, на каждом концерте.

— На каких концертах? — Я уже начала догадываться. — Фортепиано?

— Фортепиано подчинялось ей, как машины — ему. После свадьбы она продолжала играть, но он не участвовал больше ни в одной гонке.

— Почему нет?

— Лишился этой страсти. “На треке нужно быть готовым отправиться в ад”, говорил он, “но как я могу держать туда дорогу, когда побывал в раю?” Ее это смешило. Она молила его посадить ее в одну из тех машин, хотя бы раз, чтобы она могла почувствовать, будто они летели. Но он не желал даже слышать этого, так боялся потерять ее. Словно, в этой жизни, можно было обмануть судьбу...

— Почему, что случилось?

Ее глаза исчезли в отражении зеркала: внезапный ветерок сорвал две последние оливки с дерева, оставляя его бесплодным.

— Что судьба сделала с ними, Кармела?

— Однажды Изабель перестала спать.

— Просто перестала? — Звучало так просто, словно перестать носить одежду

определенного цвета. — Как человек может перестать спать?

— Так же, как и перестать смеяться, надеяться, мечтать. Такое просто происходит. И меняет все.

Но это не просто произошло, это происходило поколениями. Я слушала в смятении, пока ее рассказ возвращался на века назад к мужчине, который в Венеции восемнадцатого века перестал спать и, спустя несколько месяцев, умер. После него летописцы стали вести список смертей в той семье от эпилепсий, менингитов, шизофрении, слабоумия. Когда, по сути, это было нечто намного худшее.

— Сначала она была просто вымотана. Потом началась агония. Боли, каждая часть ее тела болела. И видения. Словно она видела ночные кошмары наяву.

— А снотворное?

— Бесполезно. Ее дядя умер точно так же, незадолго после рождения малыша Джейка. Доктора сказали, что при вскрытии, часть его мозга выглядела так... — Она указала на спонжик для румян в косметичке. — Часть, которая заставляет тебя спать. Тогда они и начали говорить о проклятом гене, болезни, передающейся в семье.

Ее руки начали дрожать, и она зажала их между колен, удерживая.

— Все врачи говорили ей одно и то же: как только это начинается, вы вскоре умираете. Тело закрывается, вы не можете говорить, но мозг знает — до самого конца. Она была смелой, моя Изабель. Все просила маленького Джейка играть на фортепиано, ей вечно было мало. *«Я так сильно люблю наших мальчиков, Мели — Мели»*, так она меня звала. *«Если музыка может достичь той стороны облаков, я смогу слышать их оттуда, не так ли? Не так ли, Мели?»*

— Последний врач, к которому они ездили, был в Сан — Франциско. Там, дорога извивается как змея вниз к берегу, высоко над океанскими скалами. Арчер положил свою жену в одну из своих гоночных машин. И они полетели, как она всегда хотела — напрямую к облакам...

Хотела бы я сказать что-то. Хоть что-то, чтобы утешить. Но ничто не казалось правильным после того, что я услышала. В тот момент, я лишь хотела увидеть Риза. Иметь возможность коснуться его, знать, что с ним все в порядке, что он дышит.

— Давай заканчивать твои приготовления. Я почти забыла, почему я здесь! — Она вскочила со стула, грусть исчезла, ее закрыли глубоко в закромах ее сердца. — Нам понадобится больше черного вокруг глаз. И волосы... что нам сделать с волосами?

Она скрутила их и собрала в низкий пучок. Капнула несколько капель лавандового масла мне на плечи. Взяла мой подбородок и повернула — влево, затем вправо — довольствуясь своим творением.

— *¡Qué linda!*¹⁷ Тебе нравится?

Я сказала "да", хотя сама была не уверена. Косметики было слишком много (слава Богу это был Хэллоуин), и гламурная, сексуальная цыганка, которую я ожидала увидеть в зеркале, выглядела больше как уставшая балерина под сиянием примерных ламп.

Пока я пыталась привыкнуть к своему испанскому лицу, она попросила меня подождать в гостиной и вскоре присоединилась ко мне, неся в руках красную коробку.

— Подарок от сеньора Риза. Давай, открой!

Внутри было платье — изысканное белое шелковое платье в несколько слоев. Вдобавок к нему шла черная шаль с бахромой и изображениями цветов — красных маков.

— Это твой костюм. Платье для фламенко волшебное. Несет в себе огонь цыганской

крови, Андалузийских *bruja*s.

— Что значит *bruja*?

— Ведьма. Один взмах юбкой, — она взмахнула ногой, притворяясь будто ловит полы ткани в воздухе, — и ты можешь сделать с мужчиной все, что захочешь.

Я надела платье и шелк заструился до пола: одно плечо оставалось обнаженным, и ткань обрамляла тело до колена, а дальше разливалась каскадом диких кружев.

— В моей стране есть свои *bruja*s, чья сила заключена в платье. В белом длинном платье, похожем на это.

Это была моя любимая часть в легенде о *самодивах*. Безумно влюбленный пастух пробирается к озеру, чтобы ближе взглянуть на Вилью. Она слышит шаги. Оборачивается. И предательская луна открывает ее взору молодого парня. Но также она открывает то, что он нашел на берегу и забрал: платье, сделанное из чистого серебра, сшитое из лунных нитей. Платье, в котором собрана вся сила Вильи.

— *Claro, si* ¹⁸, — Кармела слушала и кивала, словно все в этой истории оборачивалось именно так, как она ожидала. — Мужчина ворует платье и завоевывает свою *bruja* навсегда, да?

— Ну, *siempre* — это не совсем так, у наших сказок не всегда счастливый конец. Но да, он крадет платье, и они женятся на какое-то время.

— Что-то подсказывает мне, что твой мужчина украдет *твое* платье сегодня! — Она подмигнула мне, затем бросила взгляд на часы. — У нас как раз достаточно времени для еще одного напитка, потом я смогу оставить тебя для твоей Хэллоуинской ночи. *Noche de Brujas*, как мы зовем ее в Испании.

Мы вышли на патио. Она налила нам обеим вина, зажгла на столе две свечи и передала мне несколько водных свечей.

— Вот, отнеси их в бассейн.

Я опустила их одну за одной.

— Ай, *niña*, нет ничего лучше настоящего огня, когда нужно согреть сердце...

— Вы упоминали там Риза, что-то о том, что прошло много времени с тех пор, как его сердце согревалось.

Она молчала. Ветер коснулся бассейна, и вода покрылась рябью в паутине света.

— Кармела, мне нужно знать. Он действительно был влюблен?

— Почти.

— Как можно быть почти влюбленным?

— Вот так, как любая из... — Она опустилась на колени и достала ближайшую свечу. — Такой маленький огонек, но еще не пламя. Надави на нее хотя бы чуточку, — ее большой палец нажал достаточно, чтобы позволить воде протечь, — и она потонет. Оставляя за собой лишь дым. Короткий, но ядовитый. И все же я сказала ему...

Пошлое снова поглотило ее и унесло далеко в темноту океан перед нами.

— Что вы сказали ему?

Я побоялась, что мой вопрос снова откроет коробки с грустью. Но она повернулась, улыбаясь.

— Я сказал моему мальчику, что любовь придет к нему однажды. Красивая, совершенная — как солнце. И чистая, как солнце. Что она ничего не потребует взамен. Ничего не будет ожидать. Просто будет *существовать* для него. Думаю, теперь он мне верит.

Я тоже хотела поверить ей, поверить тому, что Риз был влюблен, а не просто охотился за новой студенткой. Но слышать эти слова от нее, не значило, что он их произнес. Ни на грамм.

Когда она ушла, уже было без четверти шесть. Я вернулась, чтобы задуть свечи, но не добралась ни до одной из них. Один взгляд на свечи и мне показалось, что у меня галлюцинации. Слишком много вина. Слишком много историй о ведьмах. Разве что, может, пытаюсь меня разыграть, вода и небеса поменялись местами?

Не было больше темно синего цвета. Лишь желтый — огненно — желтый цвет горящего пламени. Я зажигала их без счета, но оказалось их ровно семь. И теперь, вне зоны доступа в середине бассейна, они сложили фигуру, которую в последний раз я видела через телескоп: алмазная пирамида с седьмой сдержанной и немой свечой (которую затушила Кармела), которая, как и самая молодая Плеяда, едва сияла, смущенная за влюбленность в смертного мужчину.

Я вбежала обратно внутрь. Я теряла разум? В конечном итоге, все было возможно в Ночь Ведьм. Может в доме действительно были привидения, и Кармела была одной из них?

Потом я вспомнила книгу, которую не осмеливалась открыть всю неделю — *Звездный Атлас* — ее содержимое в секунды привело меня к Плеяде.

Самые яркие звезды в созвездии были названы в честь семи сестер, которые выхаживали малыша Диониса. Также знакомые кельтам, эти звезды были связаны с похоронами и трауром и памятью об умерших. Потому что, когда грань между двух миров утончалась на Самайн (Ирландское название Хэллоуина или Дня всех святых), Семь Сестер возвышались в северном небе, выстраиваясь над головами ровно в полночь.

На улице остановилась машина. Атлас вернулся обратно под кофейный столик. Маковая шаль прикрыла своей бахромой мои плечи и спину.

Затем я заметила маленький конверт на дне коробки из — под платья. Не письмо, что-то другое. Написанное выразительным, изысканным почерком:

*Как рябь
на воде,
твои слова
у меня на сердце.*

*Как птица,
столкнувшаяся с ветром,
твой поцелуй
на моих губах.*

*Как свободные источники
в ночи,
мои глаза
на твоей коже.*

— Федерико Гарсия Лорка, голос сердца Андалузии. — Риз вошел, одетый во все черной с красной повязкой вокруг шеи. — Ты хотела знать моих любимых.

— Да, но это было буквально перед твоих уходом. Как ты...

— Тшшш... — Он приложил палец к моим губам. — Я могу сказать как. Но какая в этом будет магия?

Другой рукой он вставил мне в волосы мак.

ДОБРАТЬСЯ ДО НЬЮБЕРИ СТРИТ в Хэллоуин значило ехать через пол Бостона, затем идти в самый эпицентр безумия — в обиталище вернувшихся к жизни. Флюоресцентные скелеты. Перекошенные зомби. Разношерстные трупы невест и галантные вампиры. Даже мумии, летящие на скейтборде мимо прохожих. Ко времени, как мы добрались до ресторана, у меня самой уже ехала крыша.

— Добро пожаловать в Тапео! Простите, на сегодня мест уже нет.

Восхитительная хостесс, переодетая в пирата, проговорила приветствие даже не оторвав взгляда от компьютера, но как только в воздухе раздалась фамилия Эстлин, она подняла взгляд, краснея. Фальцетом она извинилась, что не узнала его сразу и отдала инструкции рядом стоящему пирату провести нас к столику.

Первый этаж был смесью костюмов, шума и запахов еды. Люди пришли сюда в равной степени и за карнавальным настроением, и за едой и напитками. Многие оставили столики, теснясь в забитом пространстве — пели, кричали, потели, но все равно умудрялись не рассыпать и не разлить содержимое тарелок и бокалов.

Мы протискивались мимо, поднимаясь наверх.

— Добро пожаловать, сеньор Эстлин. Сеньорита. — Пират снял свою шляпу и поклонился. — Надеюсь, вас все устраивает?

Подозреваю, что обращался он к Ризу, ведь явно все это приключение было запланировано заранее: ресторан был совершенно забит, и тем не менее, весь верхний этаж принадлежал нам. Столы выстроились вдоль линии, сервированные для ужина, но за ними никого не было. Посреди зала ожидал стол на двоих.

— Зачем было бронировать весь зал?

Поцелуй в неприкрытое плечо.

— Увидишь.

Мы сели. Официантка в таком же костюме пирата принесла поднос и большой кувшин. Риз описывал мне каждое блюдо, наполняя бокалы.

— Их сангрия не от мира сего. Чувствуешь гранат? Они добавляют его свежим и давят, чтобы получить вино.

Шум достиг моих ушей, когда на лестнице раздались голоса. Сначала я подумала, что люди с первого этажа предположили, что второй этаж открыт. Но Риз приветствовал новоприбывших — объятиями, рукопожатиями. Это была обаятельная группа. Гитарист — наиболее молодой в черном бархатном костюме. И две женщины. Одна еще девочка, в красном рифленом платье. Другая настолько старая, что могла любому сойти за бабушку.

— Они цыганки из Гранада. — Он снова сел рядом со мной. — Хотел, чтобы ты ознакомилась с лучшим фламенко: истинным и частным.

Пожилая женщина подошла к нашему столику. Только теперь я заметила слои украшений, толстую черную подводку, расшитые камнями заколки, пытающиеся укротить ее густые седые волосы. Она опустилась на пол, раскинув юбку по плитке передо мной, и подняла руку ладонью вверх, словно ожидая денег.

— Давай, — кивнул бокалом Риз. — Она — самая верная гадалка по руке, которую только можно найти сейчас в Испании.

Все смотрели на меня, и я поняла, что он не шутил.

— Не думаю, что это хорошая идея, Риз.

Женщина засветилась улыбкой, обнажающей золотые зубы.

— Я могу сказать тебе кое-что. Вещи, которые ты умираешь, как хочешь знать.

Я не хотела, чтобы незнакомка лезла в мою жизнь, притворяясь, что знает что-либо о моем будущем. Но вежливого способа оказаться не было, так что я сдалась.

— Какую руку мне вам дать?

— Доминирующая рука показывает больше. — Она взяла мои руки, перевернула и уставилась на них. — Странно... Они у Вас равномерно доминирующие.

Конечно, иначе, как бы я играла на фортепиано? Мне стало интересно, что еще сказал ей Риз.

— Ваша линия сердца глубокая... — Она провела пальцем по горизонтальной линии, изгибающейся по направлению к указательному пальцу. — Но ты ступила не совсем на свою тропу. Старую тропу. Более десяти лет назад.

Я притянула руку к себе. Откуда она могла это знать? Даже Риз не знал о моей семье или "старой тропе", которая привела меня в Принстон.

— Ты сама строишь свою судьбу, дитя, так что не бойся. — Она снова потянулась к моей руке. Большие металлические кольца обрамляли каждый из ее пальцев. — Я вижу тебя с ним, перед зеркалом — большим, темным зеркалом, словно море в ночи. Но отражение в нем лишь одно: его. У мужчины есть двойник, девушка лишь одна. И оба смотрят на тебя. Одно лицо, одно сердце.

Она подняла глаза, ожидая от меня слов. *«Гадание по руке — обман»*, напомнила я себе. *«Она не могла "видеть" что-либо, тем более о Джейке или Эльзе»*. И все же, я волновалась. Этому должно было быть логическое объяснение. Женщина явно знала Риза, и что у него был брат. Остальное — блеф, работа, за которую ей платят: высказывать "ясновидящие" предсказания и следить за моей реакцией.

— Это было очень... интересно. Спасибо. — Я снова попыталась забрать руку, но она не позволила.

— Ты хотела спросить меня что-то. О выборе, ожидающем тебя в конце пути.

— Вообще-то, кажется, я уже сделала свой выбор. — Я посмотрела на Риза и улыбнулась. — Два идентичных мужчины — еще один способ сказать, что я имею дела с очень сложным парнем. Парнем с двойственной природой.

— Не так быстро, дитя; не пренебрегай так быстро моими словами. — Ее палец коснулся центра моей руки, вырисовывая две линии в обратном направлении. — Я вижу белый путь, ведущий в одну сторону, в то время как красный направляет в иную. Любовь уйдет от тебя, если ты не сделаешь выбор. Сложнейший выбор. Он может потребовать...

— Думаю, Теа права, достаточно на сегодня будущего. — Риз вскочил, видимо, заметив мою неловкость, и помог женщине подняться с пола. — Если есть что-то еще, мы узнаем об этом, когда доживем.

Он кивнул гитаристу, и полилась музыка. Несколько быстрых аккордов. Между ними тяжелая тишина, каждый звук был прерван хлопками рук. Женщина, гадавшая мне, открыла рот для пения. Внезапно, глухая агония вырвалась из ее горла и заполонила комнату. Она зажгла все вокруг. Никогда не слышала настолько глубокого голоса у женщины, глубже вытья мужчины, спустя годы алкоголя и печали. Ее разгневанное сердце гроыхало и выло слова, способные открыть раны лишь своим завыванием, усиленным надрывными звуками гитары.

Мужчина в бархатном костюме вышел вперед. Его каблуки ударили о пол. Он скользнул в полукруг, встав к нам лицом — медленно, словно готовился к корриде. Его руки взвились в воздух. Его тело застыло, выгнувшись, словно чаша. Затем гитара вернула его к жизни:

сначала пальцы, затем запястья, руки, грудь, бедра, пока музыка не обуяла его, и он понесся по полу, яростно отплясывая ритм.

Когда девушка в красном сделала свои первые шаги, все затихли. Гитара лишь тихонько гудела. Гортань пожилой дамы пела едва громче дыхания.

Риз наклонился и прошептал мне слова:

*Если однажды я позову тебя,
но ты не придешь,
я не почувствую и жестокую смерть,
пришедшую за мной.*

Девушка ударила каблуком, лишь раз, затем отклонилась назад, опуская плечи, но находясь все еще высоко над полом, освобождая шею для прикосновения гитары. Ее правая нога мелькнула в сторону (единственное предупреждение), возвращая полы платья на место. Ее руки изгибались в изысканных спиральных — волшебные змеи — привлекая мужчину. Затем они оба шагнули навстречу друг другу — наполненные тоской, словно мир вокруг них давно разрушился — и слились любовью в музыке, сквозь нее, хотя их тела так ни разу и не коснулись друг друга во время танца.

Хаос на улицах все продолжался, когда мы покинули Тапео. Риз посмотрел на часы.

— Готова для остальной части Хэллоуина?

— Сколько еще?

— Впереди лучшая часть. Еще даже не полночь.

Полночь. Мои глаза поднялись к небу, я не могла сдержаться. Где-то там, за четыре сотни световых лет, уже загоралось созвездие...

"ЛУЧШЕЙ ЧАСТЬЮ" ОКАЗАЛАСЬ роскошная вечеринка — маскарад в лофте с видом на Бостонский залив. Каждый входящий должен был в дверях надеть маску, и лишь тогда его впускали за тяжелые черные занавески.

— Пароль? — кивнула зловеще нам Смерть мужского рода из — за вельветового каната.

Я посмотрела на Риза, частично ожидала, что волшебным словом снова станет Эстлин. Но он улыбнулся, снял канат и уступил мне дорогу.

— Не волнуйся, парень шутит. Они хотели сделать вечеринку в стиле Кубрика, но передумали.

"Ими" были безмянные хозяева, владеющие место проведения. Оно было огромным. Массивные квадраты окон с бесконечным подвесным мостом, создающим иллюзию, что по полу в любую минуту могла проплыть гондола и унести тебя на экскурсию по стеклянно — металлической версии Венеции.

Мы взяли в баре напитки и направились к ближайшему окну. Риз хотел показать мне бухту, но что-то позади меня отвлекло его.

— Что такое?

— Ничего, ложная тревога. На мгновение показалось, что я увидел Джейка.

Мои рука начала дрожать, и я раскачала бокал, чтобы скрыть истинную причину стука льда о стекло.

— Что Джейку здесь делать?

— Он принимает участие в благотворительной акции, устраивающей все это. Приходит каждый год, но в этом отказался в последнюю минуту.

— Почему?

— Понятия не имею. Что-то произошло с ним в Нью-Йорке. Но когда бы я ни спросил,

он закрывается, словно мертвец.

Я подозревала причину отсутствия Джейка: наверно он узнал, что мы с Ризом придем.

— Это должно быть связано с женщиной, Теа. Должно быть. Вот только я не представляю, кто мог разбить его сердце. У кого, черт возьми, это может получиться лучше, чем у моего брата?

Я сделала плоток водки с тоником. Сердце Джейка разбито. Мне не нужно было больше гадать по намекам, брошенным словам или по оставленным нотам для фортепиано. И все же, от этого знания становилось лишь хуже. Что, если я сделала худшую ошибку в своей жизни? Потеряла парня, который мог быть моей второй половинкой, позволяя его брату водить меня перед ним, словно куклу — трофей. Ужины в их доме. Каникулы на винодельне. Даже здесь, в Бостоне. На собственной вечеринке Джейка.

Когда несколько человек спросили мнение Риза о каком-то скандале, затрагивающем благотворительность, я отошла взять напиток. Бар был забит. Шум. Жара от теснящихся тел. Бутылки и бокалы, вылетающие из рук бармена, который бегал так, словно кто-то зажал кнопку перемотки вперед.

Внезапно, чья-то рука поставила передо мной пустой бокал.

Я мгновенно узнала длинные пальцы — из форму. медленное движение воздуха, когда они, оторвавшись от бокала, двинулись к краю барной стойки, ложась на мрамор. Я боялась двинуться. Джейк. Он стоял сзади меня. так близко, что я могла коснуться его груди. если бы отклонилась назад на несколько сантиметров...

Затем он исчез. Я обернулась, но там уже никого не было, лишь толпа раздетых незнакомцев.

Позже тем вечером я увидела его еще раз. Как и на всех остальных, на нем была маска. И все же я знала, что это был он по тому, как он облакачивался на стену — потерянный в тени, руки скрещены на груди, голова откинута назад, наблюдая за происходящим. Я чувствовала его глаза на другом конце комнаты. В этот раз он следил за своим братом, танцующим со мной, оставляя на мне клеймо музыки, как делал это всем остальным: руками, губами, каждой частью своего неустанного тела. Они наблюдали со своего отдаленного места в темноте, как Риз наклонил меня и поцеловал — долго и грубо, словно на мне ничего не должно было остаться после этого поцелуя — и они поглотили все, тихо, словно яд, который намеренно искали.

Мне хотелось побежать к нему, сказать, что я знала, как он себя чувствовал. Что я чувствовала себя так же, и в данной ситуации единственным выходом будет обсудить, втроем, и решить, кто останется, а кто уйдет. Но опять, он решил все сам. Снял маску, повернулся и ушел.

Риз, конечно, ничего не увидел. Казалось, всегда так получалось. Джейк мог сидеть с нами за одним столом. Или наблюдать со стороны. Или вообще отсутствовать — какой-то слегка уязвимый признак его присутствия мог просто появиться в комнате, и все было бы разрушено.

Если только....

— Отвези меня куда-то и займись со мной любовью.

Риз застыл.

— Что?!

— Куда — угодно, это не имеет значения.

— Я думал, мы решили подождать?

— Нет. — Только одна вещь могла освободить меня от Джейка, и это должно было случиться сейчас же. — Займись со мной любовью.

— Не проси меня больше, Теа. Я не смогу отказать.

— И не нужно.

Он схватил мою руку и поспешил наружу, сбегая по лестницам, вылетая за дверь, пересекая улицу так быстро, что я едва могла поспевать за ним. Еще одна дверь распахнулась и я поняла, что мы вошли в отель. Он направился прямо к ресепшону, бросая ID и кредитку на гранитный стол.

— Нужен ваш лучший номер. Быстро.

Он протянул руку и ключ — карта легла на нее, после чего он поспешил в лифу, забыв про ID и кредитку. Дверь еще даже не успела закрыться, как он начал целовать меня, стягивая платье с плеч.

— Риз, что ты делаешь?

— Даю тебе желаемое. Быстро и анонимно, правильно? Не думал, что ты захочешь этого.

— Чего? — Произнеся это, я поняла, что на нас все еще были маски, и стянула свою. — Если ты имеешь в виду анонимный секс, это не то, чего я хочу.

— Нет? Тогда почему такая спешка? — Он прижал меня к зеркалу, и его холодная поверхность обжигала мою спину. — Думаю, есть много вещей, которые тебе кажутся, ты не хочешь. Но нам придется это изменить.

Я понятия не имела, о чем он говорил, стоило мне радоваться или бояться. Лифт остановился. Он направился к ближайшей двери на другой холла, пока я убеждала себя, что мне стоит расслабиться. Что было уже слишком поздно менять решение. И, если даже и изменила бы, Джейк никогда бы не изменил своего.

Он вошел в темную комнату. Кто-то оставил включенное отопление, и внутри было жарко. Невероятно жарко. Его маска опустилась на пол; раздевание нас обоих заняло у него секунды. Неудержимое, словно лавина, его тело опустилось на мое, толкая меня назад, а затем роняя на кровать, взрываясь нетерпением от того, что мы так долго хотели. Я напряглась, погребенная под его тяжелым дыханием. Его весом. Его потом. Я могла лишь закрыть глаза и представить все иначе. Совершенно иначе. Так, как это могло быть с Джейком.

— Что случилось? Эй... ты плачешь? — Он включил свет. — Почему ты так расстроена?

Я не просто была расстроена. Я была смущена. Растеряна. Опечалена. Он вытер мои щеки и поднял подбородок, пока я не подняла взгляд на его глаза.

— Пожалуйста, пойми: я хочу тебя. Как обезумевший дурак. Как, казалось, никого нельзя хотеть. Но твой первый раз не должен быть таким.

— Каким?

— В слезах и страхе от всего, что я делаю.

— Тогда сделай это так, как должно быть.

— Это не только от меня зависит, Теа. Ты должна быть готова.

— Может быть, я...

— Не такое "готова" я хочу. — Он перекатился на подушки и притянул меня к себе. — Есть во мне еще что-то, чего ты не хочешь пока. Поэтому я не встречаюсь, не влюбляюсь, и не сближаюсь с кем-либо. По крайней мере, пытаюсь.

— Какие вещи?

Он замахал головой.

— Сейчас неподходящее время.

— Никогда не будет подходящего времени. Пожалуйста, скажи, что это за вещи.

Список уже формировался у меня в голове: Его любовь к свободе. Его презрение к знанию "бойфренд". Вечеринки команды пловцов, или чем еще он занимался без меня. И самое худшее — генетическое неизлечимое заболевание. *Смертельная семейная бессонница*. Согласно Кармеле, шансы приобрести это заболевание были один к тридцати миллионам. Если ген передавался в семье, шансы были один к двум.

— Риз, мне нужно знать.

— Конечно, нужно. Но поверь мне, сейчас не время. У нас был потрясающий вечер. Жаль будет его рушить.

Я проснулась посреди ночи. В темноте. Половина кровати рядом со мной пуста.

Где он?

В груди начало болеть, словно кто-то вонзил меня в нож в ночи. Риз ускользнул, оставив меня в комнате отеля. Даже не попрощался.

Затем я заметила сигаретное тление. Красная лазерная точка, вырисовывающая свою траекторию на балконе, по ту сторону закрытых занавесок.

Я вскочила с кровати и поспешила наружу, обхватывая его за талию в прохладном воздухе прежде, чем он смог развернуться, прижимаясь к его спине так близко, словно мы были единственными живыми существами, посланными на крошечный бетонный островок на полпути где-то между небом и землей.

— Давно ты здесь стоишь? Почему...

Я не смогла договорить. До этого момента это был бы самый естественный вопрос в мире.

Он наклонился назад, ко мне.

— Почему что?

— Почему ты не спишь?

— Ты — весь сон, который мне необходим.

Красная точка загорелась ярким светом, и нырнула вниз: двадцать этажей навстречу земле.

Часть I I

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Лунный отсчет

МОЯ НЕОЖИДАННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Альбениса довела Доннелли до нервного срыва. Она полагала, что я вернусь после осенних каникул с ослепительной техникой, но сейчас слышала лишь меланхоличную смесь экзальтированных звуков.

— Я очень надеюсь, что это какая-то шутка, Теа. Противном случае, я даже не знаю с чего начать.

Я постаралась рассказать ей о фламенко, андалузских цыганах и магии *brujas* — о том, как они жили в музыке, готовые вырваться наружу, но могли забыться в погоне за ритмом.

— И это все прекрасно, конечно... — она закатила глаза, давая понять, что ничего не прекрасно, — если ты развлекаешь гостей на званом вечере дома. Но ты будешь играть для нескольких самых проницательных ушей страны. Ты понимаешь, что это значит? Никого не интересует трюки или спецэффекты. Они требуют абсолютного совершенства без единого изъяна.

Я хотела сказать, что совершенство относительно. Но у этой женщины за плечами было четыре десятка лет опыта в музыке, в отличие от меня. Кто я такая, чтобы спорить?

Моей последней надеждой был Уайли, и я предложила позволить ему послушать мою версию произведения, прежде чем отвергнуть его окончательно.

Она вздохнула и погладила меня по плечу, почти по — матерински.

— Мне кажется, тебе необходимо встретиться с психологом, дорогая. Давление от Карнеги всегда берет свое, но в твоём случае, боюсь все зашло слишком далеко. Ты находишься в полном отречении.

В отречении или нет, но мне не нужен был очередной сеанс в МакКоше. Взамен я решила отдохнуть в пятницу и поужинать со своей группой наставников. Но когда я зашла в столовую, Рита была подозрительно рада меня видеть. И, что тоже подозрительно, она была одна.

— Где все?

— Двое не смогли прийти, поэтому нам пришлось назначить другой день. Но все обернулось замечательно, потому что я умираю от желания поговорить с тобой.

— О чем?

— Обо всех пикантных подробностях осенних каникул. Думаю, я их заслуживаю.

На этот раз в ее голосе не слышалось беспокойства, только любопытство. Что означало то, что при их второй встрече Риз был милым.

— Мы ездили на Мартас — Виньярд. У него там дом. — Не уверена, расценивалось ли это как пикантное, но судя по ее ухмылке — да.

— И?

— Мы хорошо провели время; я увидела почти весь остров. Остальное время мы занимались на фортепиано.

— Тэщ, мне нужно вытаскивать из тебя каждое слово? Какой он?

— Ты же видела его. Загадочный. Очаровательный. Немного помешанный на контроле.

— Немного? — Ее смех эхом раздался по всей столовой, и несколько голов повернулось в нашу сторону. Она понизила голос: — У тебя ведь не было никаких проблем с его темпераментом, не так ли?

— Нет, скорее наоборот. Он может быть на удивление... душевным, когда его хорошенько узнаешь.

— Душевность не означает, что он не будет выходить за рамки. Поэтому я бы чувствовала себя гораздо лучше, если бы знала его жизненные статьи.

— Жизненные что?

— Статистику. Не буквально — а просто кто он, чем занимается.

— Не думаю, что у него есть работа. Семейные деньги.

— Ага, я так и поняла. — Эта последняя деталь казалось не была тем видом жизненной статистики, которая ей нужна была. — Это конечно многое объясняет. Хотя я и не вижу тебя в качестве робкой маленькой девушки.

Я тоже не видела себя в качестве робкой маленькой девушки. И все же в Ризе было все, что пугало меня в Принстоне: элитарные традиции, чувство, что тебе все что-то должны, достаток. Чтобы заполучить свое место в его мире, я ощущала нужду соглашаться с ним (или по крайней мере делать вид, что я это делала). Но Рита была права — зачем мне желать войти в тот мир, если ценой принятия была моя молчаливая покорность?

Позже той ночью он пришел ко мне в комнату и просто стоял возле двери, ожидая.

— Риз, что случилось? Почему ты не заходишь?

— Потому что мы не остаемся здесь. Хочу забрать тебя к себе домой на эти выходные.

Он все продумал: я могла сделать домашнее задание в его доме, позаниматься на одном из двух фортепиано или еще лучше — ничего не делать, если бы мне так захотелось. Все, что мне нужно было это сменная одежда.

Собирая вещи, я показала ему книгу, которую взяла в библиотеке. Найти ее было целое дело, стеллажи поэзии находились двумя уровнями под землей в мрачном углу здания. Среди нескольких посвященных Лорке полок, одно название — *«Цыганские баллады»* — обещало именно то, что я хотела: быстрый взгляд на человека, которого Риз назвал «голосом и сердцем Андалузии».

Он бегло осмотрел ее.

— Ты выбрала одну из его лучших, там очень много фламенко. Кстати, он парень как раз твоего вкуса.

— У меня есть вкус?

— До того как он начал писать стихи, Лорка был пианистом. Совершенно помешанный на Шопене. Написал очерки о ноктюрнах и вальсах.

Парень моего вкуса. Мысль о Джейке начала всплывать из глубин сознания, где я успела его похоронить.

— Если он моего вкуса, тогда мне не повезло. Прошлый раз, когда я проверяла, ты считал Шопен приторным.

— Тогда докажи обратное! Возьми свои ноты и сыграй для меня сегодня вечером.

— У тебя в доме нет Шопена?

— Были, но Джейк забрал их все с собой в Нью — Йорк.

Кровь прильнула к моему лицу. Чем я думала? Как будто я могла сыграть Шопена для Риза, не представляя себе его брата... Но поскольку у меня сразу не оказалось оправдания, я вытащила кипу музыкальных нот из чемодана и бросила их в сумку.

Когда мы подъехали к дому, тяжелая дверь открылась, и на этот раз загадочная улыбка Ферри охотно пригласила меня войти.

— Ты вдруг кажешься уставшей. — Риз прикоснулся губами к моему лбу, будто проверял температуру. — Ты бы хотела пойти в кровать?

В кровать. С ним. В еще одном доме, из которого Джейка был вынужден уйти из — за меня.

Я уронила тетрадь с нотами на одно из фортепиано.

— Сыграй для меня сначала.

Он выключил свет, схватил подушку и уложим меня на диван.

— Какие-то пожелания?

— На твой вкус. Что бы ты сыграл, будь тут один.

Я полагала, он начнет красоваться чем-то сложным. Но поняла, насколько мало его знала — в этом и во всем остальном. Звуки были потрясающе простыми: третье *Утешение* Листа. Это была изумительная музыка, чья текстура рассеивалась почти незамедлительно, словно застенчивая луна проливали свою случайную паутину секретов с потолка.

— Теперь, на самом деле пора спать.

Я не слышала, как он встал. Мой разум до сих пор был погружен в последние нотки, и во что-то, что я хотела попросить у него уже долгое время:

— Риз, я хочу, чтобы ты пошел со мной в Карнеги.

Он поднялся меня с дивана.

— Рад, что ты наконец-то попросила, я начал уже было задумываться. И когда же феерическая дата?

— Через две недели с сегодняшнего дня.

Я почувствовала, как его дыхание остановилось. Его голова откинулась, отяжелевшая от невидимого веса за его плечами. Затем он заставил себя снова посмотреть на меня.

— Пойдем в кровать.

Прежде чем я смогла переварить, что сейчас случилось, он взял мою руку и направился вверх.

ЭТО, ДОЛЖНО БЫТЬ, БЫЛА ЕГО КОМНАТА, но он не включил свет. Пока мы раздевались, я чувствовала холодный пол. Низкую кровать. Простыни самые мягкие из всех, которых я касалась. Он нажал выключатель, и слабые проблески охры поглядывали на нас через щели резного изголовья кровати — роскошные деревянные узоры из замысловатой кружевной листвы — но он уже целовал меня, и я позабыла о кровати, и комнате, и обо всем остальном...

Когда он, наконец, накинул на нас покрывало, оно казалось успокаивающим снегом, охлаждающим кожу и не тающим от жары.

— Мне приятно находиться здесь, Риз.

Он удостоверился, что я полностью накрыта и прижата к нему.

— Привыкай находиться здесь.

Еще одно нажатие по выключателю и проблески охры исчезли.

Я ПРОСНУЛАСЬ, НЕ ЗНАЯ который час. Луч солнца проникал через щель между задвинутыми занавесками, и в этом рассеянном свете я впервые увидела его комнату.

Белый мраморный пол, совершенно голый. Кровать из темно — красного дерева. Никаких тумбочек. С каждой стороны с потолка свисало каскадом по три железных фонаря на металлической цепочке, последний шар опускался почти до уровня колен. Напольное зеркало из такого же резного красного дерева, как и изголовье, было прислонено к противоположной стене. Но это было что-то другое, картина, что придавало комнате очарование.

Дикие хищные цветы прорывались на фоне отчетливого бордового позднего заката. Пышное цветение, пойманное в насыщенных пятнах краски, чьи края врезались друг в друга, как осколки стекла, разбитого неосторожной рукой и оставленного в беспорядке. По центру в одиночестве на фоне буйства красок был потрясающе красивый мужчина. Он сидел в опускающейся тьме — колени прижаты к груди, руки обвиты вокруг ярко синих штанов, точеный, каждый мускул вспыхивал под проскальзывающим солнцем. Его шея была вытянута, будто он все никак не мог отпустить что-то — или кого-то — исчезающего, и черная грива локонов рассыпалась от прикосновения невидимого ветра. Под этими локонами, потерянных в непостижимом одиночестве, было его лицо: глаза Риза, щеки Риза, губы Риза... и их молчание.

Я спустилась вниз. Дом казался пустым. Ни звука, только тревожное эхо моих шагов. Рядом с гостиной была библиотека, откуда я вышла на террасу, выходящую на безупречный зеленый сад.

Риз сидел на ступеньках спиной ко мне, и я не могла определить, слышал ли он меня или нет.

— Ты нравишься мне с длинными волосами.

Он резко повернулся.

— О чем ты говоришь?

— О картине в твоей комнате.

— А, вот ты о чем... — Тревога начала исчезать с его глаз, возвращая их к обычному глубокому аквамаринному цвету. — Считаешь, мы похожи?

— Очень.

— Приму это за комплимент. Но это не портрет, уж точно не мой. Ты слышала о Врубеле?

Не слышала.

— Русский художник. Сибирец, точнее. Его картина хранится в Третьяковке. — Он сказал это с сожалением, будто картина принадлежала другому месту.

— Не знала, что это была копия.

— Если быть точным, но нет. Она намного лучше оригинала.

— Как копия может быть лучше оригинала?

— Поверь мне, может. — Он поднялся со ступенек, впервые улыбаясь с тех пор, как я спустилась вниз. — Кстати, ты хорошо спала? Завтрак уже остывает.

Что остывало в тот момент, так это кровь в моих венах. Стол был накрыт на троих в дальнем углу террасы.

— Ты кого-то ждешь?

— Брата. Он уже должен быть здесь, но, может, в пробке застрял.

Я старалась оставаться спокойной. Без пробок на дороге, я бы наткнулась на них обоих, ожидающих меня к завтраку.

— Не расстраивайся. Тебе понравится Джейк, как только ты узнаешь его лучше.

Именно этого я и боюсь.

— Я думала, мы с тобой будем одни.

— Таков был план.

— Что изменилось?

Он не собирался рассказывать. Что бы там ни было, это случилось за ночь.

— Что изменило план, Риз? Твой брат просто... решил присоединиться к нам?

— Это была не его идея. Я попросил его приехать, чтобы он смог провести выходные с нами.

Ответ удивил меня, хотя не должен был. Естественно, Риз хотел, чтобы мы все ладили.

— Ну же, что в этом такого? Мы проведем день или два с Джейком. Не вижу в этом проблемы.

— Проблема в том, что ты просто сообщил мне об этом, и тебе не пришло в голову, что я имею право голоса...

— Не думал, что ты можешь быть против.

— А если я против? В отличие от тебя, я не могу проводить свои выходные развлекаясь и болтая. Так что если ты лишаешь нас времени наедине, я в свою очередь могу поступить так же.

— Дело ведь не в общении, Теа. Просто... — Его рука скользнула по моей талии и дрогнула. — Я не могу быть на концерте, Джейк пойдет вместо меня.

— То есть... ты не придешь?

— Поверь, мне бы очень хотелось. Но я ничего не могу поделать. Не на этих выходных.

— Нет, конечно нет. — Какой же я была душой. Пригласила его, представляла его там. — И по какому случаю на этот раз?

— Случаю?

— Это должно быть что-то — или кто-то — очень особенный, если ты готов оставить меня в один из самых важных вечеров в моей жизни.

Вена на его щеке вздулась. До сих пор никакого ответа.

— Риз, я не могу быть с тобой, пока ты не скажешь мне правду.

Тишина. Мое сердце разрывалось от того, как он смотрел на меня и молчал.

— А знаешь что? Хорошо тебе провести время со своим братом. И, пожалуйста, скажи ему, что ему будут рады в Карнеги. Присутствие хотя бы одного Эстлина в зале будет безусловно прекрасно.

Пока он стоял на террасе, пораженный поворотом событий, который нарушил его прекрасно спланированные выходные, я выбежала обратно через библиотеку, схватила сумку, брошенную в коридоре прошлой ночью, и ушла.

ЭТО БЫЛО ИДЕАЛЬНОЕ НОЯБРЬСКОЕ УТРО. Золотые листья повсюду — насыщенный красно — желтые, будто солнце вознамерилось показать мне, что был еще целый мир, красивый мир, независимо от того, появится ли Риз в Карнеги или нет.

— Кто огорчает нимфу, срывает цветок, сажая его в пустыне.

Я взглянула в направлении, откуда исходил голос, и увидела зрителя, который однажды открыл мне зал Проктер. Земля под его ногами была покрыта ветками. Он обрезал одну из сосен возле Кливлендской башни, ножницы все еще были в его руках.

— Сайлен... как поживаете?

— В гармонии с миром, спасибо. — Он казался доволен тем, что я запомнила его имя. — А ты? Университетская жизнь такая, как ты ожидала?

— В основном. Хотя иногда кажется тут действительно пустынно.

— Тогда, могу ли предложить стать твоей водой? — Он вытащил тот самый ключ от обеденного зала из кармана.

— Спасибо, но сегодня в этом нет нужды.

— Нет? — Его брови нахмурились. — Будь осторожна. Пустыня может стать еще хуже, если повернешься спиной к музыке.

Я не поворачивалась ни к чему спиной — теперь у меня был собственный ключ к залу Проктер. Странно, что зритель об этом не знал.

— Я сыграю снова, обещаю. Когда ночь потребует свою музыку.

Он улыбнулся, узнавая свои собственные слова.

— Кстати, почему вы постоянно называете меня нимфой?

— Потому что у нимф неземная красота. Твоя напоминает мне об...

— Одуванчике? — Просто слетело у меня с языка. Мужчина в Царево описал мою сестру именно так.

— Одуванчик — возможно, да. Цветок мечтаний, которые могут исполниться или же нет. Но скажи мне, кто огорчил тебя?

— Кто-то, кого я должна забыть.

— Настолько плохо? — Он покачал головой. — Тот, кто так сильно огорчает тебя, редко достоин твоей печали.

Я повторяла себе то же самое. Осталось только начать верить в это.

— Так что этот кто-то сделал?

— Он хранит от меня секреты.

— А, секреты. Все всегда окружены секретами. И вы считаете, что забыть его легче, чем жить в тени секрета?

Я представила себе семянки одуванчика — один за другим разлетевшихся на своих крошечных парашютах: *Может быть. Может, нет.*

— Как мне определить, стоит ли мне забыть его, Сайлен?

Я надеялась на какой-то простой совет, которому я могла спокойно последовать. Но он дал мне самый неопределенный ответ из всех:

— Все зависит.

— От чего?

— Хранит ли он секреты не из — за себя, а из — за тебя.

— Меня? Почему из — за меня?

Теперь его хмурые брови слились в одну большую складку.

— Хочешь правды? Конечно же, хочешь. И правда всегда красива, всегда. Но прежде чем ты потребуешь ее, должна быть к ней готова.

Ножницы снова начали работать над сосной. Металл сверкал между ветками, высохшие кончики ломались и падали на землю. Было ясно, что ему больше нечего мне сказать. А может было, но, как и все, он предпочитал более простое решение — потому что я была,

знаете ли, не *готова*.

Неожиданно он остановился и повернулся.

— Не позволяй моей несвоевременной проповеди расстроить тебя; есть куда более важные вещи, о которых следует беспокоиться. Карнеги, верно?

— Да. Концерт через две недели, и я в ужасе. Сколько бы я ни практиковалась, этого никогда не достаточно.

— Музыка — это не Олимпийская дисциплина, Тейя. Внутреннее умиротворение важнее практики.

— Хотелось бы, чтобы вы сказали это моим двум наставникам. — *А еще парню, который только что разрушил толику оставшегося моего внутреннего умиротворения.* Но затем я поняла, что не упоминала причину ссоры с Ризом. — Откуда вы узнали о Карнеги?

— Через общеизвестные слухи, полагаю. Такого рода новости быстро разлетаются. А теперь, если хочешь моего совета — возьми выходной. Постарайся отдохнуть и хорошо провести время в часовне этим вечером.

— Часовне?

— Да, в той, что в кампусе. Нет ничего лучше истории о призраке в безлунную ночь. Да и орган завораживающий. — Затем у него появилось сомнение: — Ты ведь пойдешь?

— Если это органый концерт, то сомневаюсь, что пойду. Мои друзья не очень любят органную музыку.

— Друзья, знакомые — человеку всегда нужно окружение. Но скажи мне, если однажды твое сердце потонет в своих лабиринтах, где тогда будут твои друзья? Спустятся ли они с тобой, или ты отважишься пойти в одиночку?

Он сказал это с таким пафосом, что я чуть ли не рассмеялась.

— Не думаю, что в моем сердце так много лабиринтов, Сайлен.

— Пока нет. Но подожди, когда ему придется делать выбор. Надежное обещание человека или темное обещание призрака.

Впервые что-то в стиле его общения напугало меня.

— Не уверена, что понимаю, о чем вы.

— Только о том, что тебе нужно пойти сегодня туда, вот и все. — Он улыбнулся, и брови поднялись обратно в разные углы. — Я бы не пропустил это ни за что на этом и потустороннем свете.

Когда я уже собиралась уходить, он начал обшаривать все свои бесчисленные карманы.

— Сперва, я должен дать тебе это... — Он наконец нашел этот предмет: маленькую деревянную трубку, слишком толстую и короткую чтобы быть флейтой. — Ключ к окнам часовни. Они не заговорят с тобой без него.

— Вы еще и хранитель часовни?

— Все может быть. — Он загадочно подмигнул мне. — Хранитель всего, что было заперто слишком долго.

По пути к Форбсу, я внимательней рассмотрела трубку. И конечно, это вовсе был не ключ. То, что я держала в руках, было обычной крошечной подзорной трубой.

НОЧЬ ОКУТАЛА ЧАСОВНИЮ кромешной тьмой, превращая ее в сказку камня и цвет. Глубокий изголодавшийся черный цвет крался вдоль стен. Он жадно поглощал их, полностью проглатывая их очертания. И таким образом оставались так только окна. Кружевные пятна красного и синего. Висящие в одиночестве. Плавающие в молчаливом,

беспощадном небе.

— Добрый вечер, мисс. Вы пришли на показ? Мы скоро начнем.

Я прошла мимо привратника. Поднялась по нескольким ступенькам. Но только когда я шагнула вовнутрь, мои глаза охватило чувственное волшебство этого места. Совершенное и невозмутимое великолепие.

Земля и небо, человек и бог, жизнь и смерть — все слилось в огромное пространство линии, света и воздуха. Бесчисленные арки возвышались вокруг, исчезая высоко в далеком сводчатом потолке, словно гигантские сосуды из камня. А окна, теперь их цвета были увечены монохромностью ночи, балансировали своими хрупкими каркасами на огромных стенах, удерживаемые на месте неуловимой геометрической тайной. В сравнении с Проктер Холлом, последний оказался кукольным домиком. Сокровенный, сокровище само по себе, но пойманное в границы деликатных размеров. Этой часовне размеры были ничем. Она тянулась к небу, понимая, что даже свод звезд не сможет вместить ее.

Я прошлась вдоль нефи. Села. Все вокруг меня дышало и было живым: потертые полы, ожидающие скамьи, мерцание люстр неистово билось внутри железных клеток. Люди сновали, выбирая свои места. Далеко впереди темно — красный канат разделял деревянный резной алтарь, где орган — захватывающий, как назвал его Сайлен — расположил свои трубы вдоль стен, торжественные, словно стражи по обеим сторонам.

— Взгляните на дерево, окружающее нас. Оно из Шервудского леса. *Того самого* Шервудского леса. И часть его может датироваться временем Робина Гуда.

Голос девушки раздался за группой туристов, которые закрывали обзор (возможно, последняя экскурсия на сегодня), и я слушала в пол — уха пока она объясняла, что для выполнения резьбы понадобился год и сотня мастеров. Затем я услышала упоминание о музыке. «...существует ритм этой резьбы, как у всего остального в этой часовне. Вы можете увидеть тут фигуры: Птолемей, Пифагор, Орфей...».

Потребовалось какое-то время, чтобы имя дошло до меня. Снова Орфей. На этот раз в часовне американского университета, чей интерьер не должен быть связан с болгарскими легендами и греческими мифами.

Туристическая группа уже перешла к следующему объекту интереса.

«...где вы можете увидеть цитату от Иоанна: *И познаете истину, и истина сделает вас свободными*. Истина — это тема всего трансепта. Теперь, пожалуйста, следуйте за мной к выходу...»

Я догнала их как раз вовремя.

— Извините, я услышала, что вы упоминали Орфея.

— Да, он прямо здесь. — Она указала на несколько деревянных фигур, вырезанных на алтарных скамейках. Орфей был первым, обращенный ко всей часовне. — Красивый, не правда ли?

Даже с расстояния, крошечная статуэтка излучала мрачную тишину его отчаяния: дерево придало форму его лире, но не могло дать голоса.

— Откуда здесь взялся Орфей?

— Из — за музыки. На этих скамьях обычно сидит хор. — Свет потух, и большой белый экран осветился рядом с нами. — Вы должны занять свое место. Они начнут в любую минуту.

Безлунная ночная история, посмотреть которую Сайлен заставил меня пообещать, оказалась *Призраком оперы* 1952 года, показанная под аккомпанемент органа этой часовни

из восьми тысяч труб. Нечеткие титры появились на экране. Давно умершее высшее общество Парижа поднималось по огромной лестнице оперного дома, охваченные гламуром, мировыми сплетнями, жаждущие шанса быть увиденными, но глухие к предупреждениям об опасности, посланных созданием из катакомб. Призраком. Музыкальным гением, который влюбился в молодую оперную певицу и стал ее наставником — ее «вдохновителем музыки» — нацеленный сделать ее звездой, показывая ей, что музыка должна исходить от сердца, а не от разума.

Сцены мелькали. Я начала чувствовать себя удушающе, под наблюдением, будто скрытый взгляд из этого экрана был сосредоточен на мне. *Ты должна знать истину, она освободит тебя.* Слова возможно были где-то начертаны, в лабиринте окна трансепта. Какую именно истину я узнаю? Риз был моим фантомом? Моим «вдохновителем музыки»? Что через две недели, когда я буду играть на сцене Карнеги Холла, это будут и его звуки: *его* разум, *его* сердце, *его* музыка?

Я схватила пальто, соскользнула со скамьи, и побежала вдоль трансепта истины, прямо к выходу и к воздуху по другую сторону, в котором я так сильно нуждалась.

КАК И ВСЕ, КТО ИГРАЛ это произведение, я мчалась через *Астурию*, устраивая моим двум наставникам, как Риз назвал бы это, позерство. Громкий поток звука. Фламенко проигранное, как fuga Баха.

— Неплохо, совсем неплохо, — заулыбался Уайли со своего места. — Едва ли катастрофа, которую мне сказали ожидать.

Доннелли залилась румянцем, застигнутая врасплох.

— Ну я не заходила *так* далеко, Нейт. Но я рада видеть, что Теа вернулась в колею. Это было прелестно, дорогая!

— Спасибо. — Я вежливо улыбнулась. — Вот только не так я буду играть на концерте.

Волна шока прокатилась по комнате. Уайли среагировал первым:

— Тогда что это было? Разогревом?

— Нет. Просто демо, чтобы никто не переживал за мою технику. Но в пятницу я хочу, чтобы эта музыка звучала как я...

— Да?

Я вспомнила руки Риза на клавишах, каждая нотка была заряжена страстью.

— Я хочу играть *Астурию*, как она чувствуется.

— Ну вот, опять истерики. — Уайли выглядел еще более скептически, чем насчет Шопена.

— Хорошо, тогда. Покажи нам!

После того, как он подключил все свои связи ради меня, он ожидал шоу. И не просто обычного шоу. Проявление мастерства.

Я начала играть, но на этот раз лишь для Риза. Только мы вдвоем, в его коттедже, целующиеся под звуки гитары. *Ничто не бывает безопасным в легендах.* Или в музыке. Или в любое время, когда ты вот — вот влюбишься... Снова только мы вдвоем: снова в университете, одни на террасе. Свежее небо. Золотое ноябрьское утро. Я должна задать ему вопрос. *Пригрозить ему. Разорвать.* Я так и делаю. Он сомневается — совершенное, поразительное отсутствие звука. Пока печаль не врезается в меня, как октавный клапан бьет по обеим сторонам фортепиано...

Прозвучали аплодисменты. Браслеты зазвенели на запястье женщины.

Мужчина усмехнулся.

Все были довольны.

ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ ОКАЗАЛСЯ важным событием: даже люди, которых я едва знала, приглашали меня на ужин.

— Мы очень рады видеть тебя у нас, дорогая! — Доннелли улыбнулась, призывая меня попробовать индейку, которую они с мужем пекли целый день. У них был теплый, простенький дом с остриженными деревьями на переднем фасаде и ее любимым травяным садом сзади. — Теа из Болгарии, — объявила она другим гостям. — Это ее первый День Благодарения.

Четырнадцать пар глаз повернулось ко мне за столом, полные любопытства, желая узнать, что я думала о Дне Индейки, и какой он в сравнении с празднованиями в моей стране. Я рассказывала истории о еде, празднествах и народных традициях. Но настоящее сравнение я оставила при себе. Первый праздник в Америке оказался также первым, что я проводила вдали от семьи. Каждый запах свежеприготовленной еды, каждый взрыв смеха или звон бокалов вызвали во мне желание оказаться дома. Невозможно было описать каково это чувствовать себя желанной, окруженной столькими замечательными людьми, и все равно такой одинокой. И когда гость сказал тост (*«всем тем, за чью любовь мы всегда будем благодарны»*), я была тронута чуть ли не до слез из — за тоски по родителям.

Когда пиршество закончилось, я совершила долгую прогулку обратно, но пустой кампус только все усугубил. Концерт был менее чем через двадцать четыре часа. Я содрогалась от страха. Самой ужасной была моя неразумная нужда практиковаться — весь вечер, на всякий случай — будто еще несколько часов имели значение.

Не утруждайся садиться за фортепиано, если ты не готова страдать, — предупреждал меня Риз. *Музыка, песня, танец — все кровоточит, если оно родом из Андалузии.*

Я провела последние две недели, стараясь не думать о нем. Но теперь из мазохистских побуждений «кровоточить» до онемения, я вернулась обратно в комнату и отыскала под грудой книг *Цыганские Баллады*. Я снова хотела почувствовать ритмы фламенко. Натиск его поцелуя. Его голос. Его прикосновение. И ощущение его рядом с собой в том коттедже — в мои самые счастливые дни с тех пор, как я приехала в Принстон. Или возможно во всей моей жизни.

Баллады занимали только половину книги. Остальное было ранней коллекцией: *Песни*, написанные вскоре после того, как Лорка забросил фортепиано. Они начинались с богатства цвета, смеси школьного двора и цирка. Там были карусель, наездники, арлекины, единороги и группа детей, наблюдающих, как желтое дерево превращается в птиц, пока закат трепетал над крышами и краснел, словно яблоко. После них, в серии андалузских песен, девушка из Севильи выбрала ветер вместо поклонника, который блуждал по пахнущим тмином улицам без ключа от ее сердца.

Затем я увидела смятую страницу, единственный испорченный лист в книге, волнистый, словно был смочен водой. Не от слез, а большого плеска. И по всей ней — знакомый почерк. Маленькие розарии красных чернил, повисшие на длинных под наклоном витках:

*Кто еще бы полюбил тебя так, как я
если ты изменила мое сердце?*

Строки повторялись бесконечно, сверху, снизу и по диагонали вокруг напечатанного

текста, стирая все границы. *Книги проходят через многие руки, люди всякое пишут*, сказал Риз на Мартас — Виньярд, когда я увидела тот же самый почерк в другой книге. И все же это была не обычная писанина. Неистовая рука, которая оставляла их, должно быть принадлежала Эстлину. Не Ризу — его почерк я уже видела — но кого-то еще из этой семьи. Кого-то, кто был отчаянно, навязчиво влюблен.

Еще больше тревожащей была сама поэма. Названная в честь Бахуса (Романский вариант Диониса), в ней было всего шесть двустиший — неожиданно оголенные, соединенные вместе, как пьяные фрагменты держащиеся на месте причудой капризного бога собственной персоной:

Зеленый нетронутый шепот.

Фиговое дерево раскрывает свои объятия для меня.

Как пантера, его темнота

Преследует мою хрупкую тень.

Луна считает свои следы,

Затем отступает и начинает заново.

Увенчанный листьями,

Я становлюсь черным, зеленым.

Кто еще бы полюбил тебя так, как я

Если ты изменила мое сердце?

Фиговое дерево взывает ко мне, наступает.

Пугающее, размножающееся.

Я закрываю книгу. Что это было? Луна. Преследования. Фиговые деревья. И эти стихи — сначала Орфей, теперь Дионис...

— Счастливого Дня Благодарения, детка.

Голос заставил меня подпрыгнуть в кровати. Мое окно было уже приоткрыто, впуская прохладный воздух, а вместе с ним сигаретный дым. Фигура вышла из тени.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Риз?

— Тебя не было целый день. Я уж начинал подумывать, что мне понадобится больше этих... — Пустая пачка Мальборо приземлилась в мусорную корзину. — Странно, не правда ли? Я так взведен, что можно подумать, будто это я должен сорвать завтрашним вечером аплодисменты.

— Давай не будем говорить о завтрашней ночи.

Он зашел, оставив окно открытым.

— Ты все еще сердишься на меня?

— Прошло две недели, а от тебя не было ни словечка. Ты думал, что я каким-то чудесным образом смогу уговорить себя не сердиться?

— Расстояние — это не всегда плохо. Отношения между нами начали накаляться, а это не то, что тебе нужно было перед концертом.

— Нет, мне нужна была твоя поддержка. Но в последнее время мне с ней не везет, поэтому... что ты хочешь сейчас?

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

— Ну конечно, вот так ты избегаешь всего, отводя меня в какое-то милое местечко.

Побалуй ее немного, и она все забудет, верно?

— Все совсем не так, Теа. Поверь мне хотя бы в этом, если не желаешь верить всему остальному.

Я решила не спорить, а просто посмотреть, что он придумал на этот раз. Поездка была быстрой. Он ехал словно за нами была погоня прямо до Палмер Сквер и того, что выглядело как высококлассный пансион. Американский флаг висел над входом, в то время как все кругом было в праздничном духе сезона, каждый кустик или дерево были покрыты электрическими лампами.

— Что это? Ты снова ведешь меня в отель?

Нет ответа. Его никогда не было. Мне давно говорили, что этот парень не любит, когда портят его сюрпризы.

Мы зашли внутрь, и мое уже упавшее настроение опустилось еще ниже. *Нассо Инн*. Зализанный гелем, стремящийся угодить портье приветствовал Риза («Добро пожаловать, г — н Эстлин!»), осведомился о нашем вечере и, с великолепно отрепетированной осторожностью, передал ему ключ.

— Риз, что, по — твоему, ты делаешь? — Возможно, устраивать сцену на публике было не самой лучшей идеей, но к этому моменту меня уже ничто не волновало. — Ты забронировал нам комнату на ночь, и это должно компенсировать эти две недели? Или то, что ты не появишься завтра?

Он улыбнулся, взял мою руку и вложил в нее ключ.

— Я не бронировал комнату на ночь. И я не тот, кто понадобится тебе больше всего на концерте.

— О чем ты говоришь?

— Мисс, мне кажется, вас ожидают. — Портье теперь тоже улыбался. Они оба смотрели на меня. — Вам стоит пойти в апартаменты Роквелл, этажом выше прямо по коридору. Леди и джентльмен приехали ранее днем.

Я стояла там в шоке, подозрение начало приобретать контуры в голове.

— Риз, не может быть... Кто приехал?

— Я же сказал: поверь мне хотя бы в этом. — Он весь сиял. — Ты ведь не думала, что я позволю выступить тебе в Карнеги Холл, когда твоей семьи нет рядом?

Ничто из мной пережитого — ни поступление в Принстон или новости о моей сестре — не могло сравниться с тем, что я испытывала в этот момент. Я хотела побежать по лестнице, обнять родителей, допрыгнуть до неба, смеяться и кричать, но я также желала, чтобы это лобби могло стать изолированным пузырем, где только бы Риз был со мной, чтобы я смогла извиниться перед ним, сказать миллионы других вещей (ни к одной из которых, казалось, я не могла подобрать слов) или, хотя бы, поцеловать его — что я и сделала — и пробормотать что-то бессвязное, надеясь, что он поймет, как всегда, все что я подразумевала, чувствовала, в чем нуждалась.

Остальные подробности я узнаю позже. Как он сделал то, что было у него на уме годами: создать стипендию — Музыкальная Награда имени Изабель Риос, названной в честь его матери — с ежегодной наградой в 5000 долларов студенту с самыми высокими достижениями в музыке. В обмен деканат согласился дать ему позволение решать, на что потратить мою стипендию, и отправить все моим родителям на бланке университета (приглашение, визовые бумаги, полностью подготовленная поездка от Принстона). Затем Рита помогла организовать сюрприз, удостовераясь, что Риз останется невидимым. Зачем

было так утруждаться? *Потому что они здесь из — за твоего таланта, а не из — за моих денег. Они не должны чувствовать, что кому-то должны кроме тебя.*

— Пойдем со мной наверх, не могу дождаться, когда ты познакомишься с ними!

Он покачал головой.

— Это твое время с ними; давай не будем его усложнять. Я скоро встречу с ними, обещаю.

— Значит ли это, что ты все равно не придешь завтрашним вечером?

— Я хочу прийти, очень хочу. Но я должен быть в другом месте в субботу, и если я поеду в Нью — Йорк с тобой, то могу не успеть.

— Ты продолжаешь говорить со мной загадками.

— Знаю. Просто потому что это связано с... скажем там, это связано с вопросами по здоровью.

— Чьим здоровьем? Твоим? — Я вспомнила рассказ Кармелы. Неужели он болен и не говорит мне?

— Мы можем поговорить об этом в воскресенье, когда твои родители уедут. После, решать тебе.

— Что мне решать?

— Останемся ли мы вместе или нет.

— Риз, если то, что ты хочешь мне сказать, настолько плохо, то я бы предпочла узнать это сейчас.

— Плохо или нет — это будет полностью зависеть от тебя. — Он поцеловал меня в последний раз. — Если мое желание исполнится, то это будет совсем не плохо.

КОРИДОР НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ был ярко освещен, вызывая почти жуткое чувство пока я шла к апартаментам Роквелл, все еще не веря, боясь, что все окажется плохой шуткой или галлюцинацией. Наконец я дошла до двери. Постучала. Подождала несколько секунд, затем воспользовалась ключом и зашла...

И они были там, оба. Насколько же невероятно было увидеть своих родителей в номере отеля в Принстоне, и Риз осуществил это.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вдали

НЕПРОЩАЮЩИЙ, БЕЗУМНЫЙ красный цвет главного зала Карнеги извергался с полов, сидений и сочился вдоль полумесяцев белых балконов, словно будто гигантское

существо только что вскрыло свои вены, готовое поглощать музыку.

Секундами ранее было названо мое имя. Кто-то придержал боковую дверь, позволяя мне пройти. Тогда зрители заметили девушку и разразились аплодисментами — в сотый раз той ночью, приветствуя еще одного одаренного подростка на легендарной сцене.

Теперь с этой самой сцены, пока я играла, уже приобретала формы другая легенда. Мягкий покров кленовых листьев сменился мощной городской площадью. Стали появляться вокруг красные крыши. Бледные фасады домов пресмыкались один к другому. Балконы заставлены геранью. Соседи выглядывали из — за белых кружевных занавесок. Это был полдень. Солнце взгромоздилось посреди неба. А под ним, разгорячившись от жаркого воздуха, ряды стульев клубились вокруг столиков кофейни. Вокруг болтали люди. Звенели бокалы. Воздух гудел от предвкушения зрелища. Смерти? Авантюры? Ссоры? Любой горстки сплетен перед сиестой. Наконец, девушка начинает пересекать площадь. Вся в черном, подметая пол подолом своего платья. Ее походка наполнена ритмом танца, в то время как в тени у самой темной стены, вспыхивало пламя мужских глаз, следящих за каждым ее движением, наблюдающих...

Зал взорвался аплодисментами еще до того, как утихли последние ноты. Море хлопающих ладоней, поднимающихся с мест людей, образующих волну. Где-то среди этих зрителей были мои родители, вероятно, вне себя от увиденного. Доннелли и Уайли также, смакуя результаты своей превосходной работы. Но темной фигуры, наблюдающей за мной с конца зала, уже не было.

Затем я увидела его. Прямо передо мной, в первом ряду, где он должен был быть все время. Он бросил белый цветок к моим ногам. Или это привиделось мне также, как я вообразила себе Испанию?

— Тэш, это было потрясающе! — Рита и Дэв бросились ко мне, как только они увидели, что я вышла из — за кулис. Толпа уже ушла, лишь те, у кого были особые приглашительные остались на коктейльный прием в известном мраморном холле Карнеги. — Неудивительно, что они оставили тебя напоследок. Хотя почему ты мне не сказала, что здесь будет Риз?

— Потому что его здесь нет.

— Балкон находится высоко, но не *настолько*. Я видела, как он оставил для тебя цветок. Как и в первом ряду — хорошая работа.

Та же самая ошибка. Интересно, хоть один человек (за исключением разве что собственной матери) когда-то мог узнать их, не приняв одного за другого.

— Цветок не от него, Рита.

— Нет? Но если Риз не тот, кто осыпал сцену розами, тогда... Ох, я поняла! — Она что-то увидела за моей спиной, замерев на мгновение. — Должна сказать, его двойник столь же идеален.

— Могу я вступить в фан — клуб Тэи? — Джейк, наконец, нашел нас и либо не услышал последний комментарий, либо был слишком вежлив, чтобы показать это. — С таким выступлением можно подумать, что у нее в жилах течет испанская кровь.

Рита не смогла сдержаться.

— И учитывая то, как она сыграла в сентябре, можно также подумать, что у нее по венам течет и польская кровь, правильно?

Он спокойно встретился с ней взглядом.

— Шопен удивителен. Ее — особенно. Но то, что она играла сегодня вечером, часто считают невозможным осуществить.

— Поэтому ей пришлось так много практиковаться. Насколько я слышала, все осенние каникулы были потрачены на шлифовку техники. Днем и ночью.

Я была подавлена. Он улыбнулся — улыбкой, которой он отлично владел, которая почти что обманула даже меня.

— Как бы ни были потрачены каникулы, это того стоило. А теперь, прежде чем Теа потеряет сознание прямо перед нами, нам лучше найти ей что-то поесть. Не хотите присоединиться к нам?

Они хотели присоединиться, но Дэву нужно было вернуться в Принстон к одиннадцати. Затем мы поговорили с Уайли и Доннелли, потом еще с двумя другими преподавателями с музыкального факультета, затем с несколькими студентами — все приходили и уходили, останавливаясь, чтобы поздравить меня. Все, кроме двух людей, которых я хотела больше всего видеть.

— Джейк, мне нужно найти родителей. Я без понятия, где они.

— Конечно, пойдём поищем их, а затем я отвезу вас троих на ужин.

— Разве вы с Ризом не должны держать дистанцию? От моей семьи, я имею в виду. Он не хотел все усложнять.

— Риз может решать сам за себя. У меня нет причин держать дистанцию от кого-то.

Мое сердце замерло на мгновение, как и каждый раз, когда мне напоминали о том, что Джейк, возможно, и был правильным для меня парнем. Сегодня больше чем когда-то. Мы даже не были вместе и все же, по поведению он больше напоминал моего парня, нежели Риз.

К счастью, мужчина, одетый в знакомый твидовый пиджак, прервал поток моих мыслей:

— Я не знаю кто такой Риз, но он многое пропустил. Твое выступление было поистине великолепным.

— Спасибо, профессор Джайлс! Я рада, что вы пришли.

— Как я мог не прийти, после такого продуманного приглашения? Да еще подписанным на греческом языке! Но только из любопытства, та пьеса, которую вы играли — вы выбирали ее сами? — Он казался удивленным, когда я ответила отрицательно. — Это весьма поразительно, тогда. Полагаю, что совпадения все же случаются.

— Что за совпадения?

— Я предлагаю вам изучить вот это... — Он протянул мне свою программку. — Как появится время, конечно. — Заметка об *Астурии* может показаться вам более... заманчивой.

На тот момент, меня не волновали на исторические примечания, насколько бы они не были заманчивы. Мои родители шли через лобби, и, хотя они оба выглядели счастливыми, я видела, что моя мама плакала.

— Вот ты где! Мы не думали, что ты так быстро освободишься. — Отец сжал меня в свои фирменные крепкие объятия, что означало, что он гордился мной.

— Куда вы пропали? Я уж забеспокоилась.

Он бормотал что-то о том, как сложно было отыскать уборные, пока мама обнимала меня с самой огромной улыбкой на устах, которую я когда-то видела. Я представила всех. Мои родители казались более нервными, чем обычно, вероятно потому что их английский не был столь хорош и заставил их чувствовать себя не в своей тарелке. Джейк был безукоризненно вежлив, очаровывая их обоих. Но когда я упомянула имя Джайлса, и что он был моим преподавателем, улыбка папы застыла посреди рукопожатия.

— Значит... Греческое искусство? Предмет, о котором Теа не очень много говорит.

На самом деле, я *никогда* не говорила об этом предмете. Беспокоясь о том, чтобы не вызвать в их сознании какие-то параллели с Эльзой, я назвала его как "занятия по истории искусства." Но если мой отец точно знал, что преподавал Джайлс, это означало, что он все еще помнил не только предметы Эльзы, но даже ее преподавателей по именам.

— Ваша дочь одна из лучших моих студентов, — Джайлс охотно ввязался в разговор, не зная, что тяжелый акцент моего отца только что скрыл тонкую враждебность. — Тем не менее, я уверен, что, когда она звонит домой, у нее есть более насущные вещи, чем говорить о мифах мира, который многие считают давно исчезнувшим.

К моему облегчению, Эльзу так и не упомянули. Джайлс в итоге ушел, и времени оставалось достаточно, чтобы познакомить родителей со всеми, прежде чем прием был закончен. Когда позже Джейк предложил отвезти нас на ужин, отец покачал головой.

— Вы, дети, идите праздновать. А мы вернемся и постараемся привыкнуть к смене часовых поясов, чтобы Теа могла показать нам завтра кампус.

Я пыталась убедить их остаться, но они выглядели ошеломленными и уставшими. На выходе папа отвел меня в сторону, и его глаза наполнились слезами.

— Ты была сегодня великолепна. Мы никогда не слышали, чтобы ты играла так.

— Как?

— Ну знаешь, как будто ты вдруг... повзрослела?

— Это колледж, пап. Тут взрослеют, просто вдохнув его воздуха.

— Может быть, очень может быть. Но постарайся слишком быстро не взрослеть, хорошо? Однако, должен сказать, этот Джейк, похоже, хороший парень.

Я задумалась, что бы он сказал, если бы этим "парнем" был Риз в этот вечер, сопровождая нас.

ШУМНЫЙ ГОРОД ЗАХВАТИЛ НАС в свое безумие. Лимузины и желтые таксы препятствовали друг другу на выезде из Карнеги, в то время как рядом с ними, на тротуаре, люди локтями прокладывали себе дорогу — словно обезумевшие иголки в коробочке, которую все время трясут.

— Куда бы ты хотела пойти? — Он выглядел спокойным; казалось его не беспокоили эти снующие повсюду люди.

— Не буду против спокойного места.

— Как на счет азиатской кухни?

— Вези меня куда хочешь. Это твой город.

Ресторан, который он выбрал, оказался, совсем спокойным: очередь тянулась с улицы, начиная от тяжелой деревянной двери, над которой висела красная вывеска — ТАО. Подобно тому, как это было в Тапео, фамилия Эстлин сработал мгновенно, и мужчина, похожий на сотрудника Секретной Службы (черный костюм, бритая голова и наушник), показал нам наш столик.

Джейк взял меня за руку.

— Не дай мне потерять тебя.

Мы проходили мимо бара — через зону настолько тесную, что мы едва могли пройти — и, на несколько секунд у меня возникла иллюзия, что я его. Его девушка. Следую за ним, держась за руки, в один из пятничных вечеров, начиная наше свидание.

(— *Куда бы ты хотела отправится?*

— *Просто хочу погулять с тобой. По самой длинной и многолюдной улице города...*)

Нас сопроводили на второй этаж к столику, отделенному от других длинным стеклянным мостиком. Рядом с ним возвышался огромный каменный Будда, который наблюдал за ритуалом еды, источая безразличие к чему-то кроме его собственного душевного спокойствия.

Я взглянула на меню, но сразу же закрыла его, не понимая значения многих из слов в нем.

— Это не то, чего ты хотела? — Джейк пододвинулся к краю своего стула, готовый уйти по моему желанию. — Мы можем пойти куда-то еще. Вот только, в Нью — Йорке нет более спокойного места, чем это.

— Нет, он идеальный. Самый лучший ресторан, в котором я когда-то была.

— Этот? — Он выглядел смущенным — либо из — за отсутствия у меня опыта в подобных заведениях, или потому, что он нечаянно превзошел Риза. — Давай закажем еду.

— Не против заказать для меня?

— Конечно. Как на счет суши?

— Никогда не пробовала.

Его глаза расширились от удивления.

— Никогда?

— Они не очень популярны в Болгарии. И я не видела их в кафетерии, во всяком случае, не в Форбсе.

— Так даже лучше. Ты получишь огромное удовольствие.

Я наблюдала, как он произносил странные названия каждого блюда официантке — без спешки, спокойно и обезоруживающе тепло, как он делал все остальное. Еду принесли быстро. Миниатюрные рулеты из риса и водорослей, расположенные на узких прямоугольных тарелках.

Я искала приборы, но их не было.

— Пользовалась уже палочками? Это просто. Просто придерживай нижнюю с большим пальцем, вот так... — Он помог расположить мои пальцы. — И верхнюю держи, как ручку, так ты можешь использовать ее, чтобы захватить еду.

Палочки упали на тарелку, как только он отпустил мою руку. Мы оба рассмеялись.

— Попробуй еще раз. Это не так сложно, как кажется.

Это было гораздо сложнее, чем казалось. Мой пульс участился от его прикосновений, и я уронила бы все, даже вилку.

Когда официантка вернулась, чтобы проверить все ли у нас есть, он указал на розу, которую я оставила на столе.

— Можно нам так же вазу для розы?

Она сразу же принесла ее.

— Джейк, я все хотела у тебя спросить... Почему именно роза из всех цветов?

— Потому что... — Он замолчал. Может быть, мне не следовало спрашивать, теперь, когда мы были просто друзьями. Но это была и его вина — вручил мне тот же цветок еще раз, повторяя вечер в Александр Холле. — Я предположил, что это может быть твой любимый цветок.

— С чего взял? Ты ничего не знал обо мне, когда ты и я... когда мы впервые встретились.

Он наклонил голову в знак несогласия.

— Я видел флайера твоего концерта.

Флайера. В них упоминалась Болгария. И нужно было лишь несколько минут поиска в Google, чтобы узнать, что Болгария славится своими розами — поля усеяны ими, снабжая мир парфюмерии экстрактом масла розы. По сути, роза была подарком, основанном на географическом расположении.

— Так... это так?

— Извини, что «так»? — Я снова попыталась сосредоточиться на разговоре.

— Это твой любимый цветок?

— Вообще то нет. Но тем не менее она красива.

— Ну, была еще одна причина... — Его глаза были по — прежнему устремлены на вазу с розой. — Твоя игра в тот вечер кое — что напомнила мне.

— Что?

— Стихотворение, которое я полюбил, как только прочел его.

Так он тоже увлекался поэзией? Наверное, он записывал свои собственные строки в книги. Красными чернилами, прямо поверх печатного текста.

— Что за стихотворение?

Он не сказал мне.

— Ну же, Джейк. Я хочу узнать.

— Может быть, когда-то.

— Когда-то? То есть никогда?

— Нет. То есть... когда станет безопасно говорить об этом.

— Как приношение этого цветка в подарок более безопасное, чем разговоры о нем?

— Никак, ты права. Я переступил черту. Мне не следовало делать этого.

Обязательное напоминание. Как будто я могла забыть, что это было не свидание. Что он проводил со мной вечер только из — за одолжения его брату.

Поездка назад в Форбс была не менее неловкой — мы сидели бок о бок с ним в темной машине, погрязшей в тишину. Это был черный Рендж Ровер (весь черный, даже кожаные сидения), выглядящий совершенно новым, как будто перед этой ночью его никогда не вывозили на улицы самого оживленного города на земле.

— Разве это не хлопотно, иметь такой большой внедорожник в Манхэттене?

— Он не мой. Это семейная машина, и она обычно остается в Принстоне.

Насколько я видела, в понятие «семья» входило всего два человека — он и его брат.

— Здесь вообще нужна машина?

— Нет. У меня есть байк¹⁹. — Немного трудно представить тебя на велосипеде на Пятой Авеню.

Он засмеялся.

— Не велосипед. А мотоцикл.

— Я правда не понимаю. Риз — плохой парень, и все же ты — тот, кто живет дикой нью — йоркской жизнью и ездит на мотоцикле. Что ты делаешь с ним, встречаешься с другими членами банды?

— Моя банда состоит из одного, на данный момент. — Его глаза быстро взглянули на меня и затем вернулись к дороге. — Риз попал в аварию на своем много лет назад.

— Что произошло?

— Неприятный случай. Кое — кто пострадал, и мой брат винил себя. Теперь он не подходит и близко к тому, что имеет только два колеса.

— И он не против того, что ты едешь на нем?

— Против, он раньше сходил с ума от беспокойства. Затем начались жестокие споры, и он сдался.

Я не могла поверить, что Риз проиграл, даже брату.

— Хотя, ты знаешь, он прав. Мотоциклы слишком небезопасный вид транспорта.

— Не очень. — Он улыбнулся — не мне, и даже не самому себе, но чему-то в темноте впереди нас. — Одна молния не бьет дважды в ту же семью.

Его голос начинал казаться опрометчивым, и я пыталась придумать другую тему для разговора, более безопасную. Но, похоже, не существовало безопасных тем для разговора между мной и Джейком, так что я ничего не сказала больше.

Когда мы подъехали к Форбсу, он припарковался возле основного входа и пошел со мной вниз по дорожке, которая вела к моему окну.

— Я прекрасно провела время сегодня, Джейк.

— Я тоже.

Огромная луна разогнала темноту достаточно, чтобы я могла заметить, что он не улыбался. Мы кратко обнялись на прощание, и я поспешила открыть окно, в надежде, что его звук отрезвит меня от желания побежать за ним и снова оказаться в его руках.

— Ты кое — что забыла.

Я повернулась. Он вернулся. На мгновение у меня в голове промелькнула безумная мысль: что он поцелует меня.

— Что я забыла?

Но он больше не смотрел на меня. Его глаза были устремлены на что-то позади меня, в комнате. Что-то, что я еще не успела заметить, чье неожиданное присутствие напомнило ему не переступать через свои границы снова.

— Что я забыла Джейк?

— Неважно.

Я хотела сказать ему, что это было важно. Что некоторые вещи были важнее, и что я не хотела, чтобы он уходил.

Вот только он уже ушел.

Я поняла, что я забыла в машине, его розу. В моей комнате, в то время как я отсутствовала, меня ожидала ваза красных маков. В свете луны они выглядели почти черными.

Ощущала ли ты мои поцелуи, переданные тебе Альбенисом через весь зал?

Записка была сложена пополам и спрятана прямо посередине раскрытых лепестков. Всего несколько слов подтвердили то, во что мой разум отказывался верить: тот силуэт в глубине испанской площади был реальным. Несмотря на то что, он позволил мне провести весь вечер с его братом, Риз все же приехал на концерт.

Я ПРОСНУЛАСЬ, ЖЕЛАЯ, ЧТОБЫ ЭТО было воскресенье. Но в то же время боя этого. Риз обещал дать мне ответы, но вопросы все накапливались. Отправил Джейка со мной в Нью — Йорк, только чтобы затем прокрасться в Карнеги и наблюдать издали — кто так поступает? Может, это было испытание верности его брата? Или меня? Не говоря уже о тех цветах. Как можно достать маки в Ноябре?

Я старалась не заострять на этом свое внимание и сосредоточиться на том, о чем мечтала месяцами: экскурсии по Принстону для моих родителей. Они хотели видеть все — мое общежитие, классы, библиотеку, и конечно Александр Холл. Мы даже пошли в

художественный музей, но я избежала греческих галерей и вместо этого провела их по первому этажу, где моя мать влюбилась в тающие "Луга в Живерни" Моне, а мой отец все возвращался к портрету Жана Кокто в исполнении Модильяни.

После позднего ланча в Форбсе, головная боль мамы заставила ее вздремнуть в моей комнате, пока мы с папой сидели за чашкой кофе на веранде. Он разглядывал пейзаж и, в первый раз за тот день, затих.

— Пап, что-то случилось?

— Ничего не случилось, все хорошо. Приятно видеть, что ты так хорошо здесь устроилась. Более счастливой, я тебя видел.

— Счастье — это сложная вещь.

— Даже в восемнадцать лет? — Он покачал головой, улыбаясь. — Подожди, пока тебе не стукнет столько, сколько мне. Вот когда вещи действительно становятся сложными.

Я взглянула на него более внимательно, чем раньше. Мой мудрый, скромный, добрый папа. Даже сейчас, когда он был доволен и спокоен, его лицо, казалось, отказывалось сменять выражение постоянной тоски. Я задавалась вопросом, должна ли я показать ему работу Эльзы. Она была его ребенком, он имел право увидеть ее. Но что хорошего это бы принесло? Это была не та печаль, которая могла бы утихнуть от старого напоминания. Он хотел получить ответы. Запоздалую правду. А в лучшем случае — некую справедливость.

— Теа, помнишь, когда ты уезжала из дому, ты обещала мне не копаться в прошлом?

— Конечно. — И я сдержала свое обещание. Почти. — Почему ты спрашиваешь?

— Для начала, твой класс по греческому искусству. Это так ты не лезешь в прошлое, выбирая такие же предметы, что и твоя сестра?

— Клянусь, я понятия не имела.

Последовала пауза, и его хмурый взгляд усилился.

— И что там с этим твоим профессором?

— Ты о Джайлсе?

— Да, Джайлс. Станный ученый Греции, который вышел чистым из воды, в конце концов, потому что у него не было никакого мотива. У них никогда нет мотива, не так ли?

Мне не приходило в голову, что Джайлс, возможно, был подозреваемым. Все же, учитывая исчезновение тела Эльзы, список подозреваемых, вероятно, включал всех, кто знал ее.

— Папа, то, что он преподает этот предмет не значит, что он... — Я снова почувствовала его враждебность к моему профессору. — Или есть что-то, что ты не говоришь мне?

— К сожалению, нет. Только то, что ты уже знаешь.

Он вытащил свой бумажник, и из него — две газетных вырезки, свернутые в размер долларовой банкноты. Когда он передал их мне, я узнала статьи, я видела их много раз в течение лета, опубликованные в *Вестнике Принстона* с перерывом в три дня, в декабре 1992 года.

Пятничный заголовок — НАЙДЕНА МЕРТВАЯ СТУДЕНТКА, ПРИЧИНА СМЕРТИ НЕИЗВЕСТНА — есть краткое вступление, не более, чем некролог. Тело девушки было найдено накануне бегуном на пешеходной тропе, к югу от кампуса. Не было никаких признаков насилия, никаких оснований для тревоги студентам. Вскоре будет объявлено панихиду. Тем временем тело будет оставаться в похоронном бюро Гарриет, пока семья не проведет необходимые приготовления.

Вторая статья имела совершенно иной тон, и несмотря на то, что в выходные была задержка новостей, заголовок поражал своей безотлагательностью: ТЕЛО МЕРТВОЙ СТУДЕНТКИ ИСЧЕЗЛО, ОХРАНА КАМПУСА НАХОДИТСЯ В СОСТОЯНИИ ПОВЫШЕННОЙ ГОТОВНОСТИ. Сотрудник нашел пустой гроб в пятницу утром, после открытия похоронного бюро Гарриет. На этот раз там был скандал. Подразумеваемая возможность преступления. Под воздействием свежих сплетен, репортер преподнес детали на несколько газетных колонок, раскрыв отчеты прошлых смертельных инцидентов, списки мер безопасности, и даже критический анализ способа, которым Гарриет управлял своим бизнесом.

Там и было упомянуто мимоходом имя — безобидное. Имя, которое ничего не значило для меня тогда в Болгарии, когда я еще не приехала в Принстон:

Многочисленные студенты и преподаватели выразили дань уважения умершей в четверг днем. Согласно записям, в похоронное бюро, последний, кто видел тело, был Винсент Э. Джайлс, профессор умершей, который зарегистрировался у администратора похоронного бюро в шесть часов и вышел из главного лобби в шесть двадцать пять, завершая длинный список посещений. На данный момент подозреваемых нет. Университетские должностные лица убеждают всех в кампусе соблюдать ранний комендантский час пока власти не закроют дело.

Я облокотилась на спинку стула и уставилась на страницу. *Джайлс*. Все эти научные игры в кошки — мышки над работами моей сестры, и не слова мне о своем визите в похоронное бюро. Было ли еще что-то, что он решил оставить в тайне?

Отец погладил мою руку.

— Не нужно сильно задумываться об этом. Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности, вот и все.

— В безопасности от чего, пап? Конечно Джайлс пошел в похоронное бюро; Эльза была его студенткой. Это не делает его преступником.

— Я не говорю, что он преступник.

— Тогда что именно ты имеешь в виду?

— Многие вещи остались без объяснений Теа. В том числе то похоронное бюро. В день, когда твою сестру привезли туда, кто-то прислал десятки цветов одним заказом.

— Что ты имеешь в виду, говоря *кто-то*? Полиция не узнала, кто это был?

— Они пытались узнать. Заказ был сделан в тот же день в местном цветочном магазине, мужчина средних лет попросил, чтобы доставка осталась анонимной. Он заплатил наличными, так что не было никакого способа его отследить.

— И ты думаешь, что это был Джайлс? Извини, но я не вижу его одержимым студенткой таким образом. Или посылающим огромное количество цветов.

— Ну, к счастью для твоего дорогого профессора, человек из цветочного магазина был описан как «невысокого роста и более формально одет».

— Тогда зачем ты мне это рассказываешь? И почему вдруг именно сейчас?

— Мама и я... мы долго обсуждали, как много тебе рассказать. Сначала мы думали, что чем меньше ты знаешь, тем лучше. Возможно, мы приняли желаемое за действительное, предполагая, что ты могла приехать в колледжи не столкнувшись с прошлым. Но Джайлс на твоём концерте стал проверкой в реальных условиях. Я не говорю, что сейчас Принстон не стал безопасным местом, просто... Я не думаю, что пятнадцать лет — это долго, Теа. Многие из тех же людей, вероятно, все еще рядом. Так что все, что я говорю это... не верь

никому, ладно?

КОГДА МОИ РОДИТЕЛИ ОТПРАВИЛИСЬ спать, мне следовало сделать тоже. Но э был вечер вечеринок с отголосками прошедшего Дня благодарения, и я не хотела быть единственным человеком, который все пропустит.

«Тигры» были обеденным клубом, располагавшимся у Колониального зала, полностью смешиваясь с ним: белый фасад пересекали темно — коричневые балки, создавая праздничный эффект немецких домов. Рита ранее прислала мне смс, что мое имя будет в списке гостей у двери. К счастью, так оно и было

— Тэш наконец-то! Ты в порядке? Я ни слышала о тебе ничего весь день.

Я сказала что-то о том, что проводила экскурсию моим родителям, и то, что по всей вероятности, провалю половину предметов.

— Хочешь сказать, что Джайлс не дает тебе поблажек после Карнеги? Держу пари ты лучшая в его классе. Мужчина не переставал говорить о тебе на приеме.

— У него были студенты и лучше.

— Правда? Какие-то безумные археологи, который потирали древнюю лампу в поисках джина?

Как всегда, она попала в самую точку. От этого меня кинуло в дрожь.

— Джинн был в «Тысяча и одна ночь», а не в Греческих мифах.

— Все равно, вот почему у меня специализация в науке. Но хватит об учебе. Когда вы с Ризом расстались?

— С чего ты взяла, что мы расстались? — Она, вероятно, так решила после того, как увидела меня в Карнеги с кем-то другим. — Парень со вчерашнего вечера — это его брат.

— Я так и думала. Но если вы еще двое вместе, почему он не был на концерте?

Или еще лучше: Почему он там был и никто об этом не знал?

— Его нет в городе в эти выходные.

— Это он сам тебе сказал?

— Да, а что?

Ответ занял секунду, но этого было достаточно для появления первых признаков жалости на лице моей подруги.

— Он в городе, Тэш.

— Да?

— Дэв видел его вчера вечером. Вот почему он должен был вернуться к одиннадцати, помнишь? У пловцов было их тусовка, о которой я тебе рассказывала, их ежемесячная... ну, не важно. Но сначала они собирались в Плюще.

— И?

— Риз был там с двумя девушками у всех на глазах. Очевидно, все было достаточно серьезно.

Пол покачнулся под моими ногами. Она попыталась взять меня за руку.

— Тэш, мне жаль. Дэв не хотел, чтобы я тебе говорила, но я подумала, что ты должна знать.

Я видела Дэва через комнату, он посмотрел на нас, после чего отвел взгляд.

— Он уверен, что это был Риз?

— Да, и так же... — Она решила не говорить. Я никогда не видела, чтобы Рита обрывала фразу на середине.

— Пожалуйста, просто скажи.

— Риз сейчас на Проспекте. В Плюще, с остальными.

Остальное превратилось в шум — шум и жару, — пока я пыталась понять, что делать, как не сломаться перед всеми. Часть меня отказывалась в это верить. Но зачем моей подруге мне лгать? — Рита сделай одолжение. Можешь попросить Дэва провести меня в Плющ?

Она сказала что-то о возвращении в Форбс, но я не слушала.

— Пожалуйста спроси его, если ты правда моя подруга. Я должна увидеть все собственными глазами, и будет гораздо легче попасть в Плющ, если Дэв будет со мной.

Никто из нас не сказал ни слова, когда мы уходили от Тигров. Плющ был прямо через дорогу, массивное прямоугольное здание, в котором гремела музыка. Дэв постучал. Тяжелая дверь приоткрылась на дюйм. Должно быть его узнали, потому что дверь приоткрылась немного больше, как раз достаточно, чтобы позволить нам проскользнуть мимо охранника, одетого в черное.

Все что понадобилась — это несколько шагов. В комнате было людно — в основном были парни, пьяные, и несколько поразительно красивых девушек — но было не настолько многолюдно, чтобы я не увидела его. Он был в центре, склонялся над девушкой, спрятав лицо, в изгибе ее шеи, остальная часть его тела склонялась над ней, в то время как ее длинные волосы почти подметали пол. Он приподнял ее спину, просунув руку под ее колено — ту же руку, в которой держал бутылку с пивом, — после чего приподнял ее обнаженную ногу, касаясь его тазом внутренней стороны ее бедра. Она распахнула его рубашку. Провела своими ногтями по его телу. Он не остановил ее, влил пиво себе в горло, вылив остальное вниз на его подбородок, грудь, живот, пока пустая бутылка не полетела на стену и не разбилась. Наконец освободившись, он схватил ее за волосы и оттянул ее голову назад, задержав на ее лице свой взгляд, прежде чем толкнул ее вперед, вжимая ее рот в свою влажную кожу —

ВСЕ В МОЕЙ КОМНАТЕ БЫЛО отчетливо видно, необычайно живо в свете полной луны, которая вторглась в мой мир через окно. Я не хотела оставаться в комнате. Мне нужно было походить. На траве. Среди деревьев. Гулять бесконечно и исчезнуть.

Вдалеке, изуродована, как плохо — освещенный сценический реквизит, Кливлендская башня загоралась все небо. Я пошла по дорожке из гравия в противоположном направлении — через сарай, через холмы, где я никогда не ходила раньше.

Поле для гольфа освещалось лунным светом. Хищный поток серебра поглотил траву, деревья, и любое существо, которое ползало по земле до этого момента. Теперь все замерло. Изранено. Готовое завопить. Вспыхнула ночь, взорвавшись, как черный гранат, и заполнила все тишиной. Та же удивительная, безумная тишина, как в ту ночь, два месяца назад...

Ночь, на рассвете которой я встретила Риза.

Именно тогда началась ложь. Его распахнутая рубашка в то туманное утро. Взлохмаченные волосы. Румянец на щеках. Руки, вероятно, еще сохранившие тепло другой девушки, когда он впервые прикоснулся ко мне.

Не совсем парень однолюб...

Я легла на траву. Дорожка из гравия закончилась, и я остался там, позволяя лунному свету извиваться вокруг моего тела и отразить его форму — последнее отражение, из которого можно воссоздать и вернуть меня в какую-то грядущую ночь, похожую на эту, если я решу нанести этим холмам еще один визит. Я буду тогда созданием. Дикой.

Неосязаемой. Подвергающейся лишь влиянию луны.

Сейчас я просто обычная девушка. Потерянная. Разбитая. Отравленная Ризом и всем что увидела в Плюще. Здесь, далеко от толпы, я могла чувствовать его дыхание на своей коже, принесенное ветром, его руку на своей щеке, как в то первое утро... а затем холмы снова охватила тишина. И с ней — его отсутствие.

К тому времени, когда я направились обратно в Форбс, должно быть, было уже за полночь. Большинство фонарей погасли, но некоторые из них все еще горел свет, пробивающийся сквозь деревья, и я не сводила с них глаз, возвращаясь. Очертания чего-то угловатого меня напугало. Затем я узнала, что это, и продолжила идти: это был просто сарай, сливающийся с круглыми формами холмов и деревьев. До тех пор, пока от звука я не замерла на месте. Голос. Раздавшийся от старой сосны рядом со мной...

Риз!

Голос разливался под ветками, слишком тихий, чтобы разобрать слова. На мгновение затих. И снова раздался. Затем другой голос и смех, причинивший мне боль. Совершенно ясно: голос женский.

Я развернулась. Сделала несколько шагов к тому дереву...

Обломанные ветки ничего не скрывали, но первой я увидела ее. Ее голая спина без единого изъяна двигалась медленно, изгибаясь дугой под каскадом золотистых волос; белоснежные плечи, мерцали при луне. Он сидел на земле. Голый. Отдавшийся ей. Спина была прижата к стволу дерева, трясь о грубую кору. Его руки тянулись назад, сжимая ствол дерева для равновесия, напрягая мышцы каждый раз, когда он толкался в нее...

Я не смела двигаться. Но его глаза открылись и встретились с моими.

Неверие.

Затем страх.

Ужас.

Тем не менее, он не остановился. Его тело продолжало двигаться в ритме его напарницы.

Ее фарфоровые пальцы взяли его за подбородок. Приподнял его лицо. Открыли свои губы для ее нетерпеливого рта. И его глаза — глаза, которые так долго поддерживали мой мир — просто закрылись, сказав свое прощай.

Я убежала.

Обратно к чему? Куда?

Трава заглушала каждый мой шаг, но я знала, что мои шаги на ней были единственными — он не потрудился побежать за мной.

Тогда я остановилась в ужасе. Что-то еще происходило на этом поле для гольфа. Это исходило из пруда, и я боялась взглянуть на то, что мои глаза увидели мельком:

Рябь. Сначала сильная, а затем утихающая. Расширяя свои темные круги на водянистой глади, пока фонтан не прекращал свой несмолкаемый ритм в ночи...

Но ни звука не доносилось от него. Или от чего-то еще.

Как и концентрические круги на воде...

Я знала эту тишину и дикое создание, которое собирается явиться в ней.

«Любой, кто родился с кровью *самодивы*, может вызвать их», однажды предупредил меня человек, которого со мной связывала одна кровь, «Просто подумай об этих ведьмах в ночи, и вот они тут как тут!»

Там, возле церкви в Болгарии, я думала о Эльзе. И она пришла — хрупкая девушка в

белом, готовая танцевать под луной. На этот раз я не собиралась убежать в страхе. Я хотела поговорить с ней, рассказать ей обо всем. Как Риз разбил мое сердце дважды за одну ночь. И как я теперь хотела стать такой, как она — ведьмой, самодивой — и чтобы никакой мужчина не мог больше причинить мне боль.

Но холмы оставались пустыми. Естественно. Эльза умерла, много лет назад, и все, что у меня когда-то будет, это несколько потрепанных страниц о старой легенде и ритуале.

Тогда я поняла, что у меня и этого больше не было. Чтобы удовлетворить одну из многих прихотей Риза, я захватила ее работу по ошибке со своими нотами, и оставила их на его фортепьяно. Ноты было легко заменить. Но мне нужно вернуть обратно ее эссе. И если я не хотела встретиться с ним еще раз, я должна была сделать это быстро, точно зная, что его не было дома.

Не теряя больше времени, я повернула от Форбса и направилась в сторону Кливлендской башни и всему, что находилось за ней, ожидая меня в ночи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Подруга Эстлинов

СВЕТ ОТ ЛУНЫ ПРОСАЧИВАЛСЯ через французские двери и освещал все вокруг — каждое место в комнате, где он разговаривал со мной, сидел со мной, обнимал меня.

Я поняла, как только вошла, что ни на одном из фортепиано ничего не было. Но я подошла к тому, что располагался слева — к его — и провела пальцами по клавишам, не нажимая на них.

— Мисс Теа?

Голос чуть не довел меня до сердечного приступа, пока я не поняла, кто это был. Элегантно одетый, как и всегда, дворецкий стоял у входа в вестибюль. Серьезное лицо. Нечитаемое выражение. Как и в первый раз, когда я появилась неожиданно.

— Добрый вечер, Ферри. Я вошла через газон. Одна из французских дверей не заперта.

Он, вероятно и сам это понял, но был слишком благоразумен, чтобы спросить о причине моего несвоевременного появления без приглашения.

— Боюсь, господина Риза нет в данный момент.

— Да, я знаю.

Неумолимый взгляд пристально изучал мое лицо. Знала, что Риза нет дома и все же заявила в этот дом? Без предупреждения. Посреди ночи.

— Могу я вам чем-то помочь, мисс Теа?

— Я оставила партитуру на этом фортепиано, — произношения слова “это” принесло облегчение в воздухе, словно фортепиано никому не принадлежало. — Вы, случайно не

знаете, где она?

Он кивнул, но не показал никакого намерения вернуть ее. Верный, как хорошо обученный сторожевой пес, он не позволит мне взять что-то из дома, пока его хозяин не вернется домой.

— Сожалею, что потревожила вас так поздно, Ферри. Это мой последний визит сюда, и не сомневаюсь, что Риз был бы тоже рад узнать об этом. Мне просто нужны мои ноты обратно, прежде чем я уеду, вот и все.

— Отъезд в такой час, вероятно довольно... неразумный? Конечно, я могу вызвать такси, но советую вам остаться здесь до тех пор, пока господин Риз не вернется.

Я должна уехать, неважно разумно это или нет.

— Могу я взять свои ноты, пожалуйста?

Он открыл скамью фортепьяно и достал ноты (из груды, в которой я их оставила). Я проверила, находились ли среди них все еще записи Эльзы. Они были на месте.

— Господин Риз очень сильно о вас заботится, — его голос стал неожиданно теплым, и больше не похож на голос дворецкого. — Это может быть не слишком заметно в данное время. Но он заботится. Вы смогли бы заметить это, если бы только...

— Я увидела достаточно сегодня вечером, Ферри.

В очередной раз этим вечером в чьих-то глазах прослеживался страх. И на этот раз он не рассеялся за закрытыми веками.

— Мисс Теа, если позволите... — Звук того, как он вздыхал, заполнил комнату. — Я должен отдать вам кое — что, если вы сможете уделить мне минутку.

— Спасибо, но мне, правда, нужно уходить.

— То, что я хочу отдать вам, принадлежало вашей семье и должно быть возвращено.

Это было похоже на то, словно он одним этим предложением захлопнул все двери в доме.

— Откуда вы знаете мою семью?

— Так получилось, — И притворившись, что это может хотя бы удаленно сойти за ответ, он направился к выходу. — Пойдемте со мной, пожалуйста.

Я последовала за ревматическим темпом его шагов через прихожую в библиотеку, где он указал на бордовый кожаный диван.

— Если вы не возражаете. Я только на минутку.

Минута ощущалась подобно вечности. Моя сестра. Это должно было касаться ее. Никто больше в моей семье не мог контактировать с дворецким Принстона. Но почему нужно было ждать так долго, чтобы рассказать мне об этом? Я заметила, что осмотрительность являлась для него предметом гордости. И мертвые родственники точно не являлись темой, которую можно вскользь упомянуть, разговаривая с гостем. Возможно из — за того, что сегодня это мой последний визит в этот дом, он больше не видел вреда в том, чтобы упомянуть о ней или подарить мне старинный памятный сувенир — прощальный подарок, чтобы смягчить удар от того, что Риз только что сделал мне. Все же, если Ферри знал Эльзу то, как Риз и Джейн могли не знать? Или если они знали, то почему держали это в тайне от меня все это время?

Он вернулся с серебряным подносом в руках, на котором фужер лимонада сбалансировал свое содержимое на длинной тонкой ножке. Я даже не хотела пить. Но, очевидно, в определенных кругах правила этикета были на первом месте. Фужер поставили на приставной стол рядом со мной. Незаметно Ферри убрал куда-то поднос. Затем он направился к письменному столу через всю комнату. Открыл ящик. Взял таинственный

объект и протянул его мне.

Это была черно — белая фотография, на которой девушка моего возраста сидела за фортепиано, смотря в камеру и улыбаясь. Рядом с ней находился мальчик — лет одиннадцати или двенадцати максимум — его руки и глаза обращены на клавиши, борясь с мелодией, которая давно исчезла в тишину.

Я узнала девушку. Ее загадочную улыбку, удивительно мудрую глубину ее глаз.

— Откуда она у вас? Вы на самом деле знали мою сестру?

— Она была другом семьи. Очень близкой, даже если только ненадолго.

Эльза — подруга Эстлинов. Это было невозможно понять. С кем из всего клана она могла дружить? Изабель? Арчер? Или какой-то другой родственник, о котором я не знала?

Я решила высказать свое лучшее предположение.

— Кто-то однажды говорил мне, что Изабель... я имею в виду, миссис Эстлин... была знаменитой пианисткой. Зачем ей дружить со студенткой из Болгарии?

— Она не дружила с ней, не совсем так.

— Тогда, кто? И почему?

— Ваша сестра была поразительно талантливым музыкантом, мисс Теа. Эстлинам редко удавалось найти пианиста, соответствующего их достоинству. Даже в таком месте, как Принстон.

— Она была действительно настолько хороша?

— Ох, да. Она могла похитить ваше сердце с помощью всего лишь нескольких нажатий на клавиши. — Его взгляд переметнулся на партитуру на моих коленях. — Хотя должен сказать, что ее не очень интересовал Шопен. Ее вкус был явно более темным, как я помню.

— Темным, что это значит?

— Удивительно сложный набор из того, что часто называют «Славянской душой». Она боготворила русских композиторов: Рахманинова, Скрябина и особенно Стравинского. Но, как ни странно, ее любимое произведение не имело никакого отношения к ним. «Лунный свет». Она играла его каждый раз, когда была в этом доме. Я говорил ей, что, как только она опускала пальцы на клавиши, чтобы сыграть Дебюсси, даже само время останавливалось, чтобы послушать.

Я представила Эльзу, играющую в гостиной Эстлинов, которая заставляла луну в небе изводиться от зависти к другой, более прекрасной луне, исходящей от клавиш.

Затем подозрение ворвалось в мой ум.

— Раз моя сестра была такой близкой подругой, вы случайно не знаете, кто-то из этого семейства посылал цветы в похоронный зал?

— Конечно. Я отвечал за это.

Ниже, чем Джайлс и более официально одетый. Намного более официально, как оказалось.

— Почему доставка должна была быть анонимной?

Он обдумывал свои слова так же, как отмерял тот лимонад, чтобы он наполнял фужер чуть ниже обода, не расплескав ни капли.

— Смерть вашей сестры была очень деликатным делом, мисс Теа. Цветы предназначались для того, чтобы выразить все самые искренние соболезнования. Однако при сложившихся обстоятельствах было важно, чтобы имя семьи не было упомянуто.

— Так дело в этом?

— Прошу прощения?

— Существовало ли конкретно что-то, что семья пыталась сохранить в тайне?

Его взгляд стал холодными как лед.

— Учитывая выбор времени — да. Любое внимание от полиции или прессы были бы не очень желательны.

— Почему?

— Я думал, что вы в курсе. Мистер и миссис Эстлин погибли всего лишь за несколько дней до этого события.

Я поняла, что мои намеки, вероятно, прозвучали как оскорбление для него.

— Прошу прощения, Ферри, я понятия не имела. И не хочу любопытствовать. Просто мне приходится нелегко со... со всеми тайнами, касающимися Эльзы.

— Это вполне понятно. Семейные раны никогда не заживают.

— Я не назвала бы это именно «раной». Скорее чувство необходимости. Как будто моя собственная жизнь не может начаться, пока я не узнаю, как закончилась ее.

Он обдумал мои слова, затем покачал головой.

— Ваша сестра была удивительно бесстрашной юной леди. Простите за мое замечание, но с того дня как вы впервые появились в Галечнике, я был уверен, что отсутствие страха являлось тем, что вас объединяло. Однако проблема с этим редким качеством, видите ли, состоит в том, что оно может привести к весьма опрометчивым решениям. Я никогда не хотел бы, чтобы вы пошли по такому же пути.

— Вы имеете в виду, совершала те же самые ошибки?

— Ошибки — понятие весьма относительное, мисс Теа.

Некоторые да. Но другие нет — например, нахождение в этом доме, когда его владелец вернется.

Я засунула фотографию в карман, готовая уйти.

— Кто этот мальчик за фортепиано?

— Мистер Джейк. Он был учеником мисс Эльзы. Она души не чаяла в нем и называла его «Чудо Руки». И именно таким он и был. Даже тогда инструмент оживал под его пальцами.

— Джейк был единственным, кому она давала уроки?

Кивок был таким еле заметным, я даже задумалась, не показался ли он мне.

— Но его брат не намного старше. Он не был рядом?

— Да, мистер Риз был здесь.

— Тогда он, вероятно, был так хорош, что ему не требовались уроки?

Я никогда не видела человека настолько спокойного, словно даже кровь в его артериях затвердела.

— Простите меня за бред старика, мисс Теа. Временами мне тяжело отпустить прошлое. Наверное, вы предпочли бы...

Мы услышали громкий звук тормозов снаружи. Затем парадная дверь дома открылась, и кто-то ворвался внутрь, выкрикивая мое имя из коридора.

— СЛАВА БОГУ, ТЫ ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ! Ферри обещал попытаться задержать тебя, но думал, что опоздаю.

— Как и всегда, когда дело касается меня, верно?

Так бы сильно я не боялась встретиться лицом к лицу с Ризом — не он влетел сейчас в библиотеку. Теперь я понимала, почему дворецкий принес мне лимонад и почему ему

потребовалось так много времени для того, чтобы принести его: ему потребовались те дополнительные минуты, чтобы позвонить Джейку, учитывая, что другого Эстлина нельзя было тревожить.

— Я не могу поверить, что все было игрой, Ферри. Хотя и отлично спланированной. Это и впрямь удержало меня в доме.

— Боюсь, что у меня не было выбора, мисс Теа. Уже поздно, и вы, казалось, были непреклонны к тому, чтобы подождать. Отпустить вас без сопровождения было бы неблагоприятно.

— А обманывать меня было благоразумно?

— Приношу свои извинения, если вы так восприняли это. Уверяю вас, что каждое слово, которое вы услышали в этой комнате, было сказано с предельной искренностью. — Затем его лицо обратно превратилось в беспристрастную маску слуги дома. — Теперь, если моя помощь больше не нужна, то я пойду к себе на ночь.

И быстро кивнув каждому из нас, он ушел.

— Что это было? — Джейк потянулся обнять меня, как будто мы были старыми друзьями, собирающимися поговорить по душам. — Обман и театральное исполнение совсем не в духе Ферри.

— Но это, кажется, является естественным для всех остальных в этом доме. И убери свои руки от меня. Или я должна сказать *свои чудо руки*?

Эта фраза повергла в шок Джейка, и его лицо побледнело.

— Что именно Ферри рассказал тебе?

— А что? Ты переживаешь, что твоя собственная версия не совпадет с рассказанной?

— Нет никаких версий, Теа. Ты девушка моего брата. Все, что тебе необходимо знать, должно исходить от него.

— Так и было. По правде говоря, твой брат не мог быть более убедительным сегодня.

Я направилась к двери, но он остановил меня.

— Пожалуйста, подожди, пока Риз вернется. Он захочет поговорить с тобой.

— Это весьма маловероятно, учитывая, где он был всю ночь.

— Где ты думаешь, он был?

— Серьезно? — я не могла поверить, что он решил присоединиться к этой игре и притвориться, что ничего не произошло. — Не лги мне, Джейк, ладно? Твой брат ловит кайф ото лжи каждому. И он может делать все, что захочет; думаю, что ложь — это то, что делает его... Ризом. Но не думала, что и ты...

— Я не лгал тебе. И никогда не буду.

— Знаешь ли, молчание также может считаться ложью?

Ему нечего было сказать. Я попросила его вызвать мне такси и оставить в покое — в этот раз он не стал спорить.

Пока я ждала машину, то вновь посмотрела на фотографию Эльзы. На девушку, у которой было так много и все же так мало общего со мной. Она улыбалась в ответ тому, кто держал камеру, но мне нравилось думать, что ее улыбка предназначалась мне. Что, в каком-то скрытом уголке ее разума, она предвидела, как однажды я повторю весь ее путь к этому дому.

Затем я перевернула фотографию.

 Самой красивой девушке в мире
Джейк.

Нарисованное из двух музыкальных ключей крошечное сердце ни с чем нельзя было спутать. Просто каракули, нарисованные быстрым взмахом руки.

Она души не чаяла в мальчике, сказал Ферри. Но, как оказалось, влюбленным был Джейк. Неважно, как молод он был в то время. Еще даже не подростком, практически ребенком. Эльза, вероятно, стала его первой невинной (или, возможно, не такой уж невинной) фантазией. Его трагически обреченная пылкая любовь. Такой тип любви, который остается с вами навсегда.

Прошло много лет. Пока он не увидел ее фамилию на флаере концерта одним сентябрьским утром. Или, возможно, был день — конец дня, свет уже отступал в длинные тени, заставляя Джейка задуматься на секунду, не причудливый ли закат Принстона искажал буквы, чтобы подшутить над его сердцем:

... самая молодая студентка музыкального факультета, Теа Славин... признанная пианистка... только что приехала из Болгарии...

Тогда неудивительно, что он показался в Александр Холле. Что Джейк последовал за мной в подвал музея и говорил со мной о музыканте, который потерял свою любовь, потому что был слишком нерешителен. Не меня он искал. Все это время он гнался за давно потерянной мечтой — только для того, чтобы, в конце концов, понять, что я не она.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Побег от рациональности

ВИЗИТ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ почти подошел к концу. У нас не было даже целого воскресенья, чтобы провести вместе, только несколько часов до того, как они должны были уехать в аэропорт, середине дня, чтобы вернуться назад домой.

— Не унывай, ты приедешь домой меньше, чем через месяц. — Папа ущипнул меня за щеку, понятия не имея, что их отъезд был только одной из многих причины моего унылого настроения.

Я была благодарна, что не нужно ничего объяснять. Пусть думают, что, не принимая во внимание тоску по дому, я была "хорошо обосновалась" в Принстоне. Счастлива. Беззаботна. Встречаюсь с Джейком. Как его брат сказал бы: "Зачем все усложнять?"

После обеда мы зашли в часовню. Пока они восхищались роскошью неоготической архитектуры, я попросила их представить себе каково это находиться здесь в течение ночи,

слушая музыку органа, сидя на одной из церковных скамей, чувствуя себя неожиданно крошечной, в то время как тысячи деревянных деталей и металлических труб громко завывали напротив сводчатого потолка в попытке прорваться в открытое небо. Но мыслями они, казалось, витали в другом месте. Я отошла, чтобы дать им минуту покоя. И пока я стояла у входа, наблюдая за двумя фигурами, спокойно сидящими со сгорбленными спинами, соприкасаясь плечами, как будто они были прикованы друг к другу общей печалью, я поняла, что для них это не было просто университетской часовней. Это была церковь не похожая ни на одну другую. Место, где пятнадцать лет назад они должны были сидеть, как и сейчас, среди тех же самых церковных скамей, на похоронах их дочери.

Позже тем днем, после того как мы попрощались в гостинице, глотая слезы и напоминая себе, что до Рождества оставались считанные недели, я вернулась в часовню. Всего несколькими часами ранее здесь мои родители сидели. Теперь их здесь не было. Удивительно, насколько нереально происходили потери — слишком быстро, чтобы сознание или сердце могли свыкнуться с этой мыслью. В одну минуту у тебя были родители, парень, подруга... а спустя минуту — у тебя не было никого. Единственным постоянным спутником было это неизбежное чувство одиночества. В Принстоне я часто слышала разговоры об умении найти счастье внутри себя и не нуждаться в ком-то еще — умение, которое я надеялась никогда не обрести. Но в такие минуты я сомневалась, имелся ли у меня выбор.

Когда я собралась уходить, поток света заполнил неф: вышло солнце. После дня непроницаемых серых облаков, оно, наконец, выглянуло с неба, пробиваясь лучами через витражи, играя их красными и синими цветами, как драгоценными камнями, по интерьеру часовни.

«Тебе необходим ключ, окна не чего вам не скажут», зритель сказал мне это не так давно, давая мне крошечный предмет, который все еще лежал в одном из моих карманов. Без понятия, что эти несколько витражей вообще могли мне сказать, я достала подзорную трубу и направила ее вверх, по направлению к выходу.

Сначала все, что я могла рассмотреть через маленькую трубу, был серый круг. Может он был сломан. Или что-то закрывало линзу? Вообще-то, я держала ее неправильно, под слишком высоким углом. Когда я наклонила немного свое лицо — влево и немного ниже — в поле зрения стали попадать разные вещи.

Зерновая структура. Это, должно быть, была стена, становясь более четкой приближаясь к солнечному свету. Еще ниже была арка, обрамляющая первое окно. И начиная с этого места, яркое, взрывающееся рубиново — красными, алыми, лазурными и ультрамариновыми оттенками, разливалось окно удивительной красоты. Безумие цвета закованное в каменные тиски.

Множество лиц смотрели из стекла. Апостолы. Ангелы. Животные для жертвоприношений. Для всех было свое место. Под ними, в вертикальных нишах, находились те, кто поклонялись их вечной славе: философы, провидцы, писатели. Но все они отдавали дань одному человеку — человеку, сидящему в центре.

Его правая рука была поднята, готовая даровать благословение. А в левой он держал книгу — открытую на развороте, где не было текста, только по одной букве на каждой странице:

Я опустила бинокль в недоумении. Вот почему Сайлен послал меня в часовню той ночью? Я предположила, что это было для показа «*Призрака оперы*». Но что если нет? Что, если он понял что, эти две буквы могут «заговорить» со мной, как и с моей сестрой в 1992 году? Он, должно быть, знал ее. Или если нет, тогда он, вероятно, знал Джайлса. Сдержанный преподаватель по искусству и зритель, который отворял двери и делился страной мудростью — маловероятный дуэт. Кроме того, что за игру могли вести эти двое, тайно сотрудничая и посылая меня на охоту за информацией о смерти Эльзы?

Я направилась к Форбс, пытаясь решить, что делать дальше. Я могла просто спросить Сайлена об истории, которую он ожидал, что те окна расскажут мне. Но для этого, во-то, его нужно было найти, а наши встречи у Магистерского Колледжа были настолько случайными, что я совершенно не могла рассчитывать на это в ближайшее время.

Джайлс, с другой стороны, был на расстоянии телефонного звонка. И все же столкновение с ним вызывало другие проблемы. Если человек скрывал что-то в течение пятнадцати лет, маловероятно, что теперь он добровольно все расскажет. Для подхода к нему нужна была стратегия. Нужно было спровоцировать его. Говорить одно, а подразумевать другое. Он и сам это делал в Карнеги, разговаривая со мной и моими родителями без каких-то признаков угрызения совести, делая намеки о "мифах мира, который многие считают исчезнувшим". Был он одним из тех многих? Или он знал, что это мир вовсе никуда не исчезал?

Прокручивая в голове разговор, я вспомнила еще кое — что, что он сказал мне в тот вечер: *Мисс Славин, полагаю вам стоит изучить программку. Заметки об Астурии могут показаться вас весьма занимательными.*

Это было первое, что я сделала, когда зашла в свою комнату. И занимательной частью программки стала не заметка, а изображение рядом с ним: герб Княжества Астурии. Синее знамя под королевской короной, и золотой крест с расположенными по его бокам буквами. Слева Альфа, справа Омега

Текст моего письма ему составил сам по себе:

Уважаемый профессор Джайлс,

Было приятно увидеть вас на моем выступление! Ваша программка и вправду оказалась занимательной. Возможно, окно над входом нашей часовни для вас будет еще более интересным.

Если у вас есть свободное время в понедельник, могла бы я к вам заглянуть?

Теа

Через несколько минут пришел его ответ. Понедельник определенно подходил ему. Однако, хоть он и не имел привычки приходить в кампус по выходным, он совершенно не возражал против короткой встречи в тот же день после обеда.

— ПОЖАЛУЙСТА, ПРИСАЖИВАЙТЕСЬ.

Он услышал, как я вошла, но не поднял глаз от книги. Это была иллюстрация красного и синего цветов — витраж.

— Я заскочил сегодня в часовню, как вы и предложили. Альфа и Омега — весьма занимательно. Вы полагаете, ваша сестра знала?

— Она, кажется, знала много другого, так что я бы не удивилась.

— И я бы не стал. — Наконец, массивный том на его столе закрылся. — Но перейдем к

сути дела, мисс Славин, как вы узнавали об этом сами? Буквы так высоко расположены, даже я никогда не замечал их за все года проведенные мной в Принстоне.

Один из зрителей посчитал, что витраж натолкнет меня на какие-то мысли. Он даже дал мне подзорную трубу.

Я сократила свой ответ до более приемлемого варианта.

— Окно было трудно не заметить, выходя из часовни.

— Что вы делали в часовне? Если я правильно помню, вы не изучаете религию.

— Нет, не совсем. Если только фортепьяно нельзя принять за религию.

Он уставился на меня, не понимая — похоже юмор был не его конек. Я напомнила ему, что часовня была достопримечательностью Принстона. Люди посещали ее, даже если без намерений помолиться там.

— Ну, конечно. Но я надеялся что причина, по которой вы хотели меня видеть, имела отношение к... нет, неважно. Вы еще о чем-то хотели поговорить?

Я могла сказать, что он был разочарован. И вновь, неуловимая истина была вырвана из — под носа, словно большой кусок лакомой рыбки у кота.

— Профессор Джайлс, вы играете в скраббл?

Он наблюдал за мной с удивлением и скептицизмом, пока я вынимала маленький бархатный мешочек из своей сумки и высыпала его содержимое на стол: семь деревянных дощечек, ранее позаимствованные в игровой комнате Форбса. Я повернула их лицевой стороной к нему и образовала слово ДАЕМОН. Еще одна А осталась в стороне.

— Теперь, если мы уберем Омегу и позволим Альфе занять свое место... — Я вытащила О и толкнула остальные шесть букв к нему. — Можете вы угадать следующее слово?

Мне было жаль, что у меня не было камеры: рот Джайлса от удивления открылся, когда он прочел слово МЕНАДА. Его рот вытянулся в букву О, седые усы закрыли губы загнувшись идеально на кончиках кверху — его собственная идеальная Омега.

— Невероятно! Хотя это значит что...

— Что моя сестра ссылалась не на Библию, а на кое — что еще. Вы сказали, что аналогичное заявление было приписано Дионису?

Он кивнул, глядя на буквы, в то время как предложение, вероятно, все еще прокручивалось в его голове:

Я МЕНАДА И ДАЕМОН НАЧАЛО И КОНЕЦ

— Профессор Джайлс, а что если Эльза включила это в свою работу не просто в качестве цитаты, а в качестве самого ритуала?

Он медленно посмотрел вверх.

— Прошу прощения?

— Ну знаете, своего рода заклятие. Секретные слова, которые следует повторять, чтобы призвать Диониса. Скажем, женщине, чей возлюбленный только что умер. Она проходит через ритуал и превращается в менаду. А мужчина возвращается к жизни и превращается в даемона. Именно так, как вы описывали мне: двое влюбленных одержимые богом, связанные с ним навсегда. Без начала и без конца.

Он не двигался и не моргал — чудно испуганный человек, который внезапно, казалось, отчаянно желал, чтобы наша беседа закончилась. — Как вам удалось к этому всему прийти?

— В Форбсе была ночь скрабла; Я получила свои семь букв и должна была разыграть их. Как оказалось, это была альтернативное правописание, но слова все же являлись анаграммами — за исключением *A* и *O*.

— Я вижу. Вполне разумное объяснение.

— Вы думаете все должно быть объяснено разумно?

Он стал крутить ручку в руках, каждый раз задевая концом ручки стол.

— Здесь вопрос не в том, что я думаю.

— Вы так и не ответили на мой вопрос

— Мисс Славин, неважно, что я думаю. При всем уважение к вашей покойной сестре, если действительно есть объяснение, которое бросает вызов рациональности, то я не советую связываться вам с ним.

— Эльза моя семья. Была, по крайней мере. И это вовлекает меня во все это, нравится мне это или нет.

— Вовлечение и любопытство — это не одно и то же. Для вашего же блага, я искренне надеюсь, что вы пугаете эти две вещи.

Я не путала их, больше нет.

— Кстати, забавно, что вы сказали это.

— Почему?

— Еще в сентябре, когда вы попросили, чтобы я отошла от программы, я предположила, что вам было просто любопытно. Теперь оказывается, что вы на самом деле были в это вовлечены.

Ручка замерла. Я протянула ему копию второй статьи из *Вестника Принстона*, его глаза быстро пробежались по странице — он уже знал, что на ней. Его имя, напечатанное там все те годы назад, связало его с его мертвой студенткой навсегда.

— Мне было интересно, когда вы поднимете эту тему. На самом деле, я удивлен, что на это ушло столько времени.

— Я тоже. Я приехала в Принстон, полна решимости узнать, что случилось с Эльзой, но в итоге отвлеклась на... на все остальное в школе.

— Это, вероятно, был более мудрый выбор.

— Не столь выбор, как ошибка — верить, что прошлое — просто прошлое, и я не имею никакого отношения к нему. В то время, как на самом деле, в этом кампусе прошлое и настоящее кажутся опасно близки друг к другу. Не так ли?

Он уставился на меня, совершенно неподвижно.

— Не могли бы вы, пожалуйста, рассказать, что тогда произошло на похоронах?

— Если вы имеете в виду то, что случилось с вашей сестрой, я не думаю что могу чем-то помочь.

— Вы последний человек, который видел ее.

— Так писали газеты, да.

— Вы хотите сказать, что кто-то пришел к Гарриет после вас?

— Она была там, когда я уходил. Так что кто-то *должен* был прийти после меня.

Он вполне мог говорить правду. Но что если он врал? Это не был бы первый случай в истории преступления, когда преступник выглядит невинной овечкой. Почтенным членом общества. Даже профессором в колледже. Насколько мне было известно, Джайлс, будучи был одержим греческими ритуалами, мог возжелать разыграть то, что он считал величайшей тайной древнего мира. И уникальная возможность предстала сама собой, пятнадцать лет

назад, в лице ученицы из его класса. Она была идеальной мишенью: доверчивая иностранка, с пристрастием к мифам и с неуловимым волнением в крови. А сейчас, почти в точном повторении той ситуации, он столкнулся с ее в равной степени ничего не подозревающей сестрой.

— Профессор Джайлс, мне нужно знать что произошло.

— Ладно, тогда. Я расскажу, коль вы так настаиваете. Но прежде всего, у меня есть сильные сомнения, что вам станет лучше от услышанного. Я заверила его, что сама могла заботиться о своем благополучии.

— И во-то, вы должны пообещать мне, что услышанное никогда не покинет пределов этой комнаты. — Он поднялся с кресла: высокий и исхудалый Дон Кихот, воодушевившись перед предстоящей фехтовальной дуэли с невидимой мельницей. — Можешь пообещать это или нет?

— Могу.

— Хорошо. — Под усами виднелась осторожная улыбка. — Я думаю, соблюдение данного обещания, в конечном счете, принесет пользу нам обоим.

Он подошел к окну и стал там, глядя на кампус, где жизнь протекала как в своем обычном, непоколебленном ритме.

— Я был потрясен новостями, как и все остальные. Мы не теряли студентов много лет, и за всю историю школы никогда не было случая, включающего или хотя бы подразумевающего насилие. Так что полиция кинула все свои силы — осторожно, конечно — но так ничего и не выяснили. Или, по крайней мере, ничего, что казалось значительным, для них.

Он сделал паузу, будто я должна была сделать некоторый блестящий вывод из его последних слов.

— Естественно, школа провела свое собственное расследование. Запросили все ее документы, все ее работы — которых было не так много, она ведь провела только несколько месяцев в колледже. Единственное, что было в моем распоряжении — это ее доклад, и я предоставил его копию. Но единогласным решением было принято не разжигать скандал, поэтому мне велели не задавать и не отвечать на вопросы.

— Какие вопросы?

— Полиции, посольства, прессы. Как вы понимаете, университет не мог позволить себе слух, что классное задание, возможно, привело студентку к смерти.

— Но ваше задание не привело к гибели моей сестры. Или... привело?

— Технически нет. Тем не менее, многое написано на этих страницах, разве вы не думаете что кому-то это покажется странным, что внезапно, автор этих страниц загадочно умирает — и исчезает еще более загадочно — вскоре после написания работы?

— Вы думаете, она писала о тех вещах, которые делала в реальной жизни?

— Делала. Или собиралась сделать. Видите ли, мисс Славин, я был убежден, что восхищение вашей сестры тайной Диониса было ключом к ее смерти и этим... странным обстоятельствам. Я сожалею, что приходится говорить это, но ваше открытие во время настольной игры — еще одно доказательство того, что я, возможно, был прав.

— Другими словами, она покончила с собой, не так ли? К тому времени, как Эльза написала эту работу, ей был нужен психиатр, чрезвычайно нужен.

— Психическое заболевание и самоубийство — это то, о чем и я подумал. Пока я не съездил в похоронное бюро.

— Что там заставило вас передумать?

— Дало новый... угол обзора, скажем так.

— Это означает, что это было не самоубийство?

— Возможно, это было самоубийство. Хотя кто-то, кто уже убил себя, не станет красться назад в город, чтобы украсть свое собственное тело из гроба, не так ли?

— Нет. Но и ни один убийца не оставит тело жертвы на пешеходной тропе, только чтобы позже забраться в похоронное бюро.

— Ох, слабая теория. Я согласен с вами, сценарий «убить — и похитить» притянут за уши. Скорее всего, это был несвязанный акт вандализма. Не нацеленный на вашу сестру в частности, просто на тот момент именно ей посчастливилось оказаться в комнате. Но скажите мне, мисс Славин, зачем вору запирают двери, выходя?

— Не могу найти причины для этого.

— Вот именно. Тем не менее, в статье говорилось об устаревших мерах безопасности, которые в конечном итоге стоили Гарриет бизнеса. Ради Бога, это похоронное бюро, а не банковское хранилище! Но чего явно не хватало этому месту, так это осмотрительности.

— Вы о посетителях?

— Не только. Администратор — из — за которой я попал на первую страницу *Вестника* — была чрезвычайно болтливой леди. Что еще хуже, она приняла все близко к сердцу: "*девушки не должны подвергаться такой страшной судьбе*". — Он закатил глаза, все еще возмущенный, что женщина скомпрометировала его. — Единственное полезное качество болтливого человека — это то, что изредка, могло проскользнуть что-то полезное. Мне провели экскурсию по помещению, а также лекцию о благоразумии предпринятых заблаговременно похоронных мерах, была затронута даже статистика смертности в Нью — Джерси. К тому времени, когда она привела меня к вашей сестре, я уже не слушал ее треп. Боже мой, какая у нее была склонность к многословию! Но в итоге это того стоило. Видите ли, в том гробу было что-то такое, что я не принял бы за что-то обычное. — Что-то связано с ритуалами? — Я уже представляла древнюю жертвенную атрибутику. Амулеты. Талисманы. Ядовитые кольца и кинжалы.

— Ваша сестра лежала в белом платье, как ребенок после первого причастия.

— Разве это не типично для Америки?

— Не знаю типично или нет, но оно определенно вписывалось в ситуацию. Было что-то настолько трагическое в этой комнате, что-то... *театральное (за неимением лучшего слова)*, что ее наряд совершенно гармонировал с этим ощущением. И все же, очевидно, ее тело нашли в идентичном наряде. По словам хорошо проинформированного администратора, у вашей сестры были похожие вещи в шкафу. Летние белые платья были аккуратно сложены поверх других ее вещей. В середине декабря.

— Женщина просто выболтала это? Ей не показалось это странным?

— Чтобы заметить в этом что-то странное, ей бы потребовалось дать рту передохнуть и задействовать свой мозг. Полагаю, она подумала, что именно подобный наряд мог ежедневно носить тот, кому "предназначалась ужасающая судьба". И если это так, то почему не иметь таких нарядов несколько штук? Но, к моей жалости, полицейские также не увидели в этом ничего существенного.

— Они знали, что было в шкафу у Эльзы?

— Конечно. Откуда, вы думаете, администратор получила всю информацию? Но твоя сестра ничего не писала в своей работе об одежде для ритуала, поэтому о ритуале никто не

подумал. Когда не нашлось никаких убедительных объяснений, странный выбор одежды был приписан к культурному наследию — ведь Болгария полна молодых женщин, которые часто носят длинные белые платья, ну я думаю, вы знаете это.

Я проигнорировала сарказм.

— Есть смысл в том, чтобы похоронить ее в таком наряде.

— Эта часть истории действительно имеет смысл. Что не скажешь об анонимной доставке цветов. Вы знаете об этом, я полагаю?

Я кивнула, не считая нужным сообщить ему о том, что я также знала, кто был этим анонимом.

— Странно это, не так ли? У твоей сестры не было родственников в Штатах, никаких особенно близких друзей, о парне тоже известно не было — все же кто-то явно заботился о ней достаточно, чтобы заполнить комнату розами, их там были десятки. И я говорю: «заботился» только потому, что не хочу подразумевать о вещах, которые должны остаться несказанными.

— То есть? — Я задумалась, был ли дворецкий абсолютно честен со мной накануне ночью. Будучи репетитором Джейка по фортепиано она, конечно, могла рассчитывать некий знак соболезнования. Но утопить похоронное бюро в цветах? — Вы предполагаете, что этот анонимный отправитель мог бы... что он, возможно, был тем кто...

— Украл тело вашей сестры?

— Да.

— Мисс Славин, это-то, во что бы я предпочел поверить.

— Вместо чего? — Его провокационные паузы начали выводить меня. — Вы думаете, он убил ее?

— Я никогда не говорил, что она была убита.

— Но ничто не говорило о несчастном случае, согласно статье.

— Я никогда не говорил, что это был несчастный случай.

— Извините, я запуталась. Если ее смерть не была несчастным случаем, не самоубийством или убийством, тогда я действительно ничего не понимаю.

— Это потому что вы боитесь отступить от рациональности. — Он улыбнулся, давая мне мгновение обдумать смысл его слов. — Это понятно. Мне тоже понадобилось много времени, чтобы суметь сделать это. Даже сейчас, спустя пятнадцать лет, я не могу сказать, положив руку на сердце, что я окончательно в это верю.

— О каком отступлении вы говорите? И почему... — Я вспомнила еще одну девочку в белом платье, около церкви рядом с морем. — Почему кто-то из нас должен это делать?

— Потому что, отвечая на ранее заданный вопрос: да, я думаю, что всему этому должно быть рациональное объяснение. Но мое принятие желаемого за действительное не означает, что это всегда срабатывает. Видите ли, прежде чем я покинул ту комнату, как только мой экспансивный гид, наконец, оставил меня наедине, я приблизился к гробу, чтобы воздать мое последнее уважение студенту, чьим редким интеллектом и необычным видением мира я восхищался. В том гробу было так много белого. Подкладка гроба, подушка, наряд вашей сестры. Но там также было одно единственное красное пятно на ее платье, с размером в пенни, под ее левым указательным пальцем. Тот, кто складывал ее руки над букетом роз, должно быть проколол его о шипы роз.

— Это невозможно. У мертвецов не идет кровь.

— Я знаю, что не идет. Но уверяю вас, пятно крови было свежим. На самом деле,

крошечная капля собрались и упала прямо у меня перед глазами.

Мой мозг переваривал эту новость. Это не отступление. Лишь проба температуры воды пальцами детских ног, проверка, достаточно ли она теплая для купания: *Когда Джайлс в последний раз видел ее, моя сестра была все еще жива.*

Значит... никто не приходил к Гарриет после него. Никто не похищал тело Эльзы и не выносил его, закрывая двери. Она просто проснулась — одна, в похоронном бюро. Испуганная, она, должно быть, нашла выход из бюро и, вероятно, все еще жива в каком-то скрытом уголке этого мира.

Мое сердце забилося так быстро, что я почувствовала головокружение. Я слышала ранее такие рассказы. Ошибочное заключение. Людей принимали за умерших. Хоронили — в могилах, в гробах — только, чтобы позже найти их тела в другом положении, если по какой-то причине их нужно было эксгумировать. Сам Шопен боялся этого, и в последние дни своей жизни написал одно последнее желание в блокноте: "Если кашель задушит на меня, я прошу вас открыть мой гроб, чтобы я не мог быть похоронен заживо".

Но это все было в прошлых веках. Современная медицина не играла более в беспечные игры со смертью. Или нет? Было ли возможным, по сей день, признать девушку мертвой и подготовить ее к погребению, в то время как ее палец все еще кровоточил?

— Профессор Джайлс, я хочу вам верить. Но что сказали врачи?

— Прошу прощения?

— Врачи. Как они отреагировали на то, что вы увидели в гробу?

— Не было никаких врачей, Мисс Славин.

— Ну, тогда полиция или еще кто-то еще, кому вы об этом рассказали.

— Я никому не рассказывал.

— Вы просто... ушли?

Внезапно, все в этом человеке стало вызывать у меня страх. Его слова. Его голос. Непокколебимое спокойствие в его глазах. Все эти годы университет защищал его. Но если он сделал что-то с моей сестрой — в похоронном бюро или позже — кто бы начал подозревать его, учитывая, что все считали ее уже мертвой?

— С вами все в порядке? Вы кажетесь немного...

— Почему вы ушли, не сказав никому, если вы знали, что она была еще жива?

— Да, я действительно ушел. Я ушел так быстро как мог. Но, Мисс Славин, ваша сестра определенно не была *жива*. — На мгновение он, казалось, наслаждался испугом на моем лице. — В то самое утро было проведено вскрытие. Я видел отчет собственными глазами, когда я отнес ее работу к декану ранее тем днем.

Должно быть, я уставилась на него, не сводя глаз некоторое время. Он даже протянул мне стакан воды.

— Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я ничего не сказал полиции. Конечно, у меня были моменты сомнения. Весь вечер я думал, как предоставить миру историю о кровоточащих трупах. Я сомневался во всем даже, даже в своей вменяемости. Что, если мне привиделось все это мгновение с капанием крови? Мало того, что я потерял бы свою работу, но я также столкнулся бы с уголовными обвинениями или, в лучшем случае, психиатрическими тестами. Конечно, всегда существует возможность, хоть и небольшая, что офис коронера, возможно, сделал ошибку, сообщив о вскрытии, которого никогда не было. К утру мне удалось убедить себя, что это наиболее вероятный случай, и ваша сестра все еще была жива — пока я не услышал новости, что ее тело пропало. Тогда я пообещал себе, что ни

единой души не расскажу о случившемся, обещание, которое я держал до сих пор.

Ни один из нас не проронил ни слова. А может и сказали. Я была уже почти у двери, поворачивая вниз ручку, когда с моих губ автоматически сорвался вопрос:

— Какого цвета они были?

— Они?

— Розы.

— О, белого. Все в той комнате было белым.

— Все они?

— Все до последней. А что?

— Я просто... Я подумала, может быть это были ее любимые цветы. — Затем я повернулась, чтобы открыть двери.

— Мисс Славин... Теа... — Он никогда не называл меня по имени. — Если что-то произойдет — что угодно — что покажется вам необычным или заставит вас почувствовать себя небезопасно в какой-то мере, немедленно сообщите мне, прошу вас.

Небезопасно. Как с Джейком, упрямо дарующем мне тот же самый цветок, которым его дворецкий затопил похоронное бюро тогда.

— Сообщите?

Я кивнула, обещая ему телефонный звонок, для которого уже было слишком поздно.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ультиматум

Я ПРОГУЛЯЛА ЗАНЯТИЯ в понедельник, оставшись в постели, в тысячный раз перебирая в голове полученную информацию. О том, чтобы рассказать все родителям и речи не шло, по крайней мере пока. Для начала мне нужно разобраться не врет и не выдумывает ли все это Джеймс. И если на предположить, что он не врет, как я вообще смогу выследить и найти девушку, которая даже не человек и, строго говоря, не жива? Может мне посмотреть фильмы про вампиров? Или почитать про охоту на ведьм?

— У тебя все в порядке? Нам не хватало тебя за ужином — Бен вернулся со Дня Благодарения и остановился, чтобы узнать о Карнеги.

Была ли я в порядке? Конечно! За исключением того факта, что я только что узнала, что моя мертвая сестра не совсем мертва. Может суеверия *самодив* были верны, и в моей семье женщины просто не могут умереть? Нас можно убить, даже сделать вскрытие, перебрав все наши внутренности, но уже к вечеру мы встанем и будем снова бегать, а если нас поранить,

то будет как ни в чем не бывало идти кровь.

— Теа, я же вижу, что тебя что-то беспокоит. Это что опять тот парень, да?

— Нет, не совсем.

— Ты уверена?

— На самом деле дело в моей семье. Ты когда-то узнавал что кто-то родственник тебе не совсем... — Я пожалала плечами в поисках подходящего слова: *нормальный? человек? не до конца мертв?*... что он не совсем такой, как ты думал?

— Еще бы! Но в моем случае, в особенности, если учитывать мое отношение к клану, это не так уж и плохо. Прошлой весной к примеру, мой брат — которого я считал полным занудой — внезапно объявил, что он бросает свою работу на Уолл Стрит, чтобы отправиться покорять Гималаи. Безумие, правда?

Я вдруг только что поняла, что культурный разрыв между мной и моими друзьями только что вошел в совершенно новое измерение. Ведь они будут продолжать жить как ни в чем не бывало, будут шокированы, если кто-то бросит высокооплачиваемую работу ради хобби. В то время как моя собственная жизнь просто вышла за грани всего разумного. И теперь, во всем этом безумии, мне нужно было посмотреть Бену в глаза, улыбнуться и как ни в чем не бывало сказать:

— Как я тебя понимаю: несколько лет назад моя сестра заявила, что она бросать человеческую. Жизнь, чтобы разрывать мужчин на мелкие кусочки в Балканских горах.

На следующий день стало только хуже. Я пошла на занятия, но не могла сосредоточиться. Быть может, я упустила какую-то зацепку? Или не заметила подсказку? Ферри и Джайлс признались, что знали Эльзу, выдав мне (надеюсь полное) описание событий. А что насчет Сайлена? Он самый странный из них троих. И уклончивый. И загадочно отстраненный.

Я пыталась найти его вечером, когда шла на работу в Магистерский колледж, но двор Кливлендской башни был пуст — никто в поле зрения не обрезал деревья — поэтому я направилась напрямиком в дворницкую и попросила позвать смотрителя.

Женщина, сидящая за стойкой, посмотрела на меня поверх очков и сказала:

— Простите, кого?

— Смотрителя. Простите, я не совсем уверена, правильно ли я называю его должность. Возможно, ключник?

Мои слова выбили ее из колеи:

— Ключ... *ключника?*

— Ага, его зовут Сайлен, я видела, как он стрижет деревья, и думаю, у него есть ключи от Кливлендской башни и от Проктер Холла.

— Милочка, кто тебе все это рассказал? — спросила она медленно, как врачи разговаривают с психически больными. — Ключи от Кливлендской башни лежат здесь, в офисе. А ключи от Проктер Холл есть только у управляющих столовой, но я абсолютно уверена, что никто из них не работает смотрителями или садовниками.

— У вас есть работник по имени Сайлен? Ему около пятидесяти, всегда в черной одежде.

Она покачала головой, но все же стала что-то печатать:

— С — А-Й — Л-Е — Н, верно? Боюсь, что в нашей базе нет человека с таким именем. Нам нужно немедленно уведомить охрану.

— Нет, пожалуйста, не беспокойтесь, должно быть, я что-то перепутала. — Я должно

быть сошла с ума, встревожив эту женщину настолько, что она уже собралась вызывать охрану кампуса. — Вероятно это был кто-то из обслуживания поля для гольфа. Я часто их здесь вижу.

— Стригущих наши деревья?

— Возможно я и в этом ошиблась. Я думала, что он отвечает за озеленение территории потому что... — (ну, давай скажи, скажи ей еще и про ножницы!)... — потому что он был в форме.

Я так и могла представить заголовки в “Вестнике Принстона”: “СЕСТРУ ТАИНСТВЕННО ИСЧЕЗНУВШЕЙ СТУДЕНТКИ ПРЕСЛЕДУЕТ САМОЗВАННАЯ ЛИЧНОСТЬ КОТОРОГО НЕ УСТАНОВЛЕНА”. Меня будет допрашивать полиция, охрана кампуса, не говоря уже о моих родителях, которые вообще сойдут с ума от беспокойства.

Женщина за стойкой уже потянулась к телефону:

— Сомневаюсь, что человек, которого вы описали, имеет отношение к персоналу по обслуживанию поля для гольфа. Они не заходят на нашу территорию.

— Значит, он работает в Форбс.

— В любом случае, мы должны проверить в обоих местах.

Она повернулась в кресле, чтобы посмотреть список номеров, висевших на стене, это был мой последний шанс остановить ее.

— На самом деле, я как раз направляюсь в Форбс и, если вы конечно не против, я бы предпочла поговорить там с кем-то лично.

— В таком случае...да, конечно, решение за вами. — Кресло повернулось назад, и я почувствовала раздражение из — за этих очков. — Но я все же настоятельно рекомендую сообщить об этом, как только вы придете в Форбс. Нам повезло не быть вовлеченными в какие-то уголовные преступления, но все же осторожность не помешает.

Я ответила ей, что последую ее совету, хотя я вовсе не собиралась расспрашивать про смотрителя, который вовсе не был смотрителем. Все, что он сказал в моем присутствии, теперь возвратилось ко мне, я вспоминала всю поэтику его фраз, которую я приняла за мудрость много читающего человека. Но теперь все его фразы стали обретать другое значение: *музыка нимфы, рабочий ритуал, рань, чистилище*. А еще его вариант моего имени — Тейя. Это имя греческого титана, но случайности являющейся матерью луны...

Спрятанная в противоположном углу двора, словно как миниатюрная часовня, библиотека хранила, помимо всего прочего, ежегодные альбомы выпускников. Нужный мне альбом было очень просто отыскать, так как на всех корешках были отмечены года выпуска. Вытягивая с полки нужный альбом, я сказала сама себе, что мои подозрения не оправдаются, и что я не найду никаких доказательств на страницах этого альбома. Тем не менее, нужная фотография была на месте — было групповое фото Магистерского колледжа 1992 года.

Сайлен стоял сбоку с граблями в руках, он опирался на ручку с абсолютно беспристрастным взглядом. На фото он выглядел точно так же, как и при нашей встрече вживую: черная копна непослушных волос, глубокие морщины вокруг глаз, которые окаймляли его глаза, полные непостижимой мудрости. Было видно, что когда было снято фото, он уже достиг среднего возраста. Но с того момента прошло 15 лет. Мне было страшно даже предположить, что человек с фото — человек, который всего несколько дней назад называл меня *эфирной* — не постарел ни на день.

— Я НЕ БУДУ ПРОВОДИТЬ опрос о том, кто из вас испытывал истинную печаль. —

Джайлс окинул взглядом аудиторию, задержавшись на моем лице лишнюю секунду. — Так как я уверен, что ответ будет положительный у всех, ну или я, по крайней мере, надеюсь на это.

В моем случае его надежды оправдывались. Была уже среда, а от Риза ни слова. Даже вежливого “до свиданья”. Когда Джейк вместе с дворецким пытались удержать меня в доме в ту ночь, оба считали, что Риз захочет поговорить со мной. Очевидно, что они оба его не знали.

Словно желая синхронизировать лекцию с моим настроением, Джайлс повернулся к доске и написал сегодняшнюю тему лекции: «Древние Греки и искусство трагедии».

— Афинская трагедия чаще всего рассматривается как высшая форма искусства Древней Греции с ее превосходными вазами, скульптурами и великолепными храмами. Кто-то может ответить мне почему?

В классе была просто гробовая тишина.

— Странно, правда? Ведь по определению трагедия — это искусство, основанное на человеческих переживаниях, но также нацелена на удовлетворение публики.

Кто-то в зале поднял руку:

— Потому что мы не можем сопротивляться желанию смотреть на страдания других людей? Это вроде как порыв остановиться у места аварии, когда оказываешься поблизости.

— В какой-то степени — да. Греки однако, были больше заинтересованы в своих бедах. В личном, глубинном восприятии его каждым человеком. Итак, до сих пор нет идей?

Снова тишина.

— Позвольте мне дать вам небольшую подсказку. В “*Рождении Трагедии*” Ницше написал: «...Греки и произведения искусства пессимизма? Самые успешные, самые красивые, самые завидные люди... Действительно ли им нужна была трагедия?... Является ли пессимизм неотъемлемой частью коллапса...? Есть ли пессимизм у сильных?»

Он закрыл книгу, предоставляя нам последний шанс, чтобы впечатлить его ответом. Парень, сделавший предположение по поводу наблюдения за аварией, решил сделать вторую попытку:

— Может быть, они думали что если они вынесут человеческую трагедию на сцену, то в реальной жизни они избавятся от нее?

— Умно. Но никто не может изменить жизнь, и Греки хорошо знали об этом. Но с другой стороны, *понять* жизнь было возможно, если все сделать правильно. Распознать сущность вещей и жить в гармонии ними в гармонии. Что значит принять и самые страшные, злые, загадочные, разрушительные и смертельные стороны человеческого существования. Вы можете принять все это за здоровый импульс пессимизма. Или, если использовать определение Ницше, “стремление к уродству”. В этот момент и появляется трагедия.

Я пересмотрела последние несколько дней своей жизни через эту призму предопределенности, подчинения всеобъемлющего восхищения болью. Страдания, ожидаемые меня впереди. Словно ключ к пониманию жизни. Возможно не стоило ждать извинений Риза, а лучше самой написать ему записку с благодарностями? За то, что помог распознать сущность вещей. Со злыми, загадочными и разрушительными сторонами человеческого существования.

— Вопрос в том, как же древние греки делали это на самом деле? — Джайлс продолжил свою лекцию. — В ядре трагедии сталкивались две противоборствующие силы.

Первой был мир грез. Подумайте об искусстве: разве оно не является отражением снов художника? Живописец, скульптор, архитектор — они воображают красоту, а затем придают ей облик. Или голос, потому что поэт тоже мечтатель.

Он нарисовал два круга со стрелками, указывающими друг на друга, и в одном из них написал букву А.

— Аполлон, “сияющий”. Бог солнца, света и мира фантазии. О нем так много написано в Афинской трагедии, все его творчество собрано в единое целое. Даже сам по себе греческий амфитеатр...

По громкому щелчку, словно по команде, на экране перед нами появился слайд презентации: каменные склоны под ослепительно голубым небом. Мы сидели как будто миниатюрной его копии, ряды наших парт сходились к центру, где стоял одинокий седовласый актер в твидовом пиджаке, изо всех сил стараясь насытить нас мудростью древних.

— А теперь представьте, что вы пришли сюда на спектакль, две тысячи лет назад. Огромное открытое пространство, спускающееся к изножью холма. Наполненное человеческим гулом. Вибрирующее, словно новое полотно... А далеко внизу расположилась сцена, на фоне огромных декораций из мраморных колонн, словно возведенный в честь Богов храм. Внезапно скульптуры начинают дышать, рельефы пробуждаются к жизни — актеры вышли на сцену. Затем начинается поэзия...

В комнате никто не шевелился. Я практически чувствовала дуновение ветра на своем лице, принесенного с Эгейского моря или с близлежащих оливковых рощ.

— И вот скажите мне, какая сила противостоит всему этому?

В ответ снова тишина.

— Кто-то? Мисс Славин?

— Противостоит... чему? Мечтам?

— Мечтам, верно. Или позвольте мне перефразировать: Какого искусства все еще не хватает?

Я вдруг поняла, почему он попросил ответить именно меня из всей аудитории:

— Музыка?

— Именно! Уникальная среди всех искусств, музыка полагается на невербальное, невизуальное. Ницше определял музыку как *опьянение*. Для греков, однако, музыка была большим, чем мимолетным состоянием восхищения. Она предоставляла им прямой доступ к Богам, и к тайнам, которые мы с вами сейчас называем ритуалами. Можете ли вы назвать теперь инициал, который окажется во втором круге? кроме как ответить:

— Дионис?

Буква “Д” тут же заняла свое место на доске. Хотела бы я поменяться сейчас местами с Джайлсом, чтобы хоть раз самой задавать вопросы, прямо здесь, перед всеми:

— *Профессор Джайлс, как вы думаете, эти ритуалы до сих пор существуют?*

Он смотрит на меня. Прочищает горло:

— *Прошу прощения?*

— *Те самые ритуалы, которые опьяняли древних греков (и, по всей видимости, современных немецких философов). Думаете, их практикуют и по сей день?*

— *Любой мой ответ, мисс Славин, будет... — В его глазах виднеется предупреждение. — ...не более чем простым предположением.*

— *Смею возразить, особенно учитывая то, что произошло не так давно в нашем*

кампусе.

Он неловко кашляет.

— *Вы намекаете на практику студентов, о которой я... о которой не знает университет?*

— *Я не знаю, поэтому и спрашиваю вас. Или позвольте мне перефразировать: учитывая то, что вы видели годы назад в похоронном бюро, как вы думаете, Дионис может пребывать в Принстоне?*

Мне пришлось прервать нашу воображаемую беседу, потому что он оглашал наше следующее домашнее задание:

— ...и как я уже упоминал, так музыка стала неотделима от трагедии. В современном театре не найдется аналогов греческому хору: группе людей, чьей единственной целью было комментирование пьесы, прямо со сцены или часто в песнях, подсказывая зрителям, как реагировать на ту или иную сцену. Я хочу чтобы к пятнице вы написали воображаемый диалог с Ницше о...

Он остановился возле моей парты, посмотрев на листок бумаги, отвлекающий меня на протяжении всей лекции — ксерокопию фотографии Сайлена из ежегодного альбома выпускников. Я понятия не имела что делать — быстро закинуть ее в рюкзак? извиниться? уставиться на него в ответ и молчать? — но он продолжил, не изменив выражения лица:

— ...а если подумать, почему бы вам не написать диалог с самим греческим хором? Создатель хора по всеобщему признанию был странным существом. Фантастический и одновременно отталкивающий. Человекоподобен, но не человек. Прочитайте “Рождение Трагедии”, чтобы выяснить, что же это за существо, а затем задайте ему вопросы — диалог о том, что тревожит вас в настоящей жизни.

За исключением того, что вы и так знаете, что беспокоит меня, — подумала я, пока он продолжал расхаживать по аудитории. — Это тот же самый вопрос, который преследовал вас на протяжении пятнадцати лет. И если таинственное существо, создавшее хор, держало вас в неведении все это время, то почему вы думаете, он вдруг заговорит со мной?

МОЯ СОБСТВЕННАЯ РЕАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ греческого хора — Рита — решл попросту не комментировать произошедшие события. Ее единственное замечание было в отношении Бена:

— Может, вам двоим стоит начать встречаться, — сказала она, как ни в чем ни бывало. — Ты ему очень нравишься, а тебе нужно отвлечься, немедленно.

Я ответила ей, что Бен мне тоже нравится — но как друг.

— Жаль, он идеально тебе подходит. Надеюсь, ты очень скоро забудешь другой тандем.

— Тандем?

— Мистер Король Танцпола и его братишку, любителя роз. Как кстати его звали?

— Джейк.

— Точно. Он очень привлекательный. Просто, пожалуйста, пообещай, что не побежишь теперь к нему, Тэщ, хорошо? Насколько мне известно, он будет счастлив предоставить плечо для твоих слез..

— А если мне нужно поплакать на его плече, тогда что?

— Если тебе это нужно, то я посажу тебя под домашний арест, пока мы не найдем тебе кого-то другого на смену.

Но, кажется, пункт «найти мне парня» затерялся в списке ее дел, потому что, когда группа наставников и их первокурсников отправилась четверг вечером на Проспект, именно Рита подозрительно отсутствовала. — Она должна заботиться о нас, а не наоборот, — сказал мне один из мальчишек, когда я попыталась дозвониться до Риты, но попала на голосовую почту.

Возможно, он был прав. Было трудно представить, что у Риты есть свои личные проблемы, после того, как она решала проблемы всех вокруг. Но когда, позже тем вечером, пьяный Дев ворвался в клуб со своими друзьями и практически посмотрел сквозь меня, я поняла, что-то было не так. Не сказав никому ни слова, я улизнула с вечеринки и отправилась обратно в Форбс.

НА УЛИЦЕ, КАЗАЛОСЬ, шел дождь, но капли на самом деле были снегом. До декабря оставалось еще два дня, но он уже грозил всему зимой, поражением, и хоть ночь не была холодной, воздух пропитался уже темным одиночеством.

Я шла по пустынному кампусу. Все кто не был в обеденных клубах предпочли остаться в тепле и уюте библиотек и общежитий. Высоко над деревьями раздался свист локомотива — дорога к Форбсу проходила через местную железнодорожную станцию “Динки”, платформа которой была спрятана под тяжелой крышей из темных балок, ступая на платформу создавалось впечатление, будто ты попадаешь в какой-то таинственный туннель для путешествий во времени.

Поезд еще не приехал. Вокруг никого не было; приглушенный свет фонаря освещал две деревянные скамейки и несколько припаркованных велосипедов, скрывая все остальное в темноте. Я прибавила шагу, но тут от одной из колонн отделилась тень и направилась в мою сторону.

Джейк. Как всегда, он появился буквально из воздуха.

— Ты? На поезде? — Почему я так удивлялась? Ведь если он выпил, то мотоцикл и Рэйндж Ровер больше не варианты. Тем не менее, запаха алкоголя от него я не уловила. Он выглядел бледным, будто не спал несколько дней.

— Я хотел поговорить с тобой. Сначала думал позвонить тебе, а потом подумал, что... что ты навряд ли ответишь на мои звонки.

— О чем ты хотел поговорить?

— Ты должна увидеть его, Теа.

— Его? — Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять что он говорит не про нас с ним. — Ах вот какой теперь план? Ты решил прибрататься за своим братом?

На станцию заехал поезд, волоча свои вагоны по рельсам с оглушающим визгом и скрежетом. Несколько человек вышли из вагона и прошли мимо нас, уходя восвояси.

— Ты опоздаешь на поезд, — похоже он меня не слышал. — Джейк, твой поезд. Он уезжает.

— Я не поеду.

— Тогда что ты здесь делаешь?

— Я надеялся перехватить тебя здесь по пути в Форбс.

Преданный Джейк. Готов отслеживать меня, ждать меня, стоять на холоде по несколько часов, если понадобится — все, ради выгоды для Риза. — Понятно. Ну теперь, когда ты “поймал” меня, я облегчу тебе работу — когда в следующий раз ты захочешь оказать услугу своему брату с моим участием, не утруждай себя и оставайся в общежитии.

— Я сейчас живу дома.

— Ах, ну конечно, братские узы? — Словно меня волновал выбор его места жительства.

— Когда я рядом — ему легче.

— Легче от чего?

— Мой брат безутешен, Теа.

Я рассмеялась, не смогла сдержаться:

— Прости, но в это сложно поверить.

— Потому что ты не знаешь Риза.

А ты думаешь, знаешь? Но я не сказала это вслух. Не было никакого смысла переубеждать его в его слепой преданности к брату.

— Кстати, разве у твоего безутешного брата недостаточно свиты, чтобы отвлечься?

— Риз всю неделю ни с кем не виделся. Он сам не свой без тебя.

— Это тебя беспокоит?

Вопрос буквально застал его врасплох:

— Конечно, это меня беспокоит.

— Тогда почему же ты не научишь своего брата, как жить дальше без меня? По — моему, ты с этим прекрасно справляешься.

Раздался еще один громоподобный звук. Поезд двинулся с места и вскоре исчез вдалеке.

— Поговори с Ризом, очень тебя прошу. Есть вещи о моем брате, которые, я уверен, ты бы...

— Твой брат лжец, Джейк. И не только. Он жестокий и эгоистичный. Я видела, как он занимался сексом с другой девушкой, видела собственными глазами, и он даже не потрудился остановиться. Поэтому у меня нет ни малейшего желания с ним разговаривать когда-то снова.

— Даже если это было совершенно не то, о чем ты подумала?

— Совершенно не то? Тогда что же это было? Может у него внезапно появился двойник? Вас значит теперь трое — сексуальный маньяк, неуловимый призрак и реабилитированный герой?

Он покачал головой:

— Все наоборот.

— Нет уж, наоборот было бы, если Риз поймал *меня* во время занятия сексом с другим мужчиной, а потом моя сестра, лишь по доброте своего сердца, решила бы нас помирить. Вот только я не сплю со всеми подряд, а Эльза мертва, так что... загвоздка. Иначе, она была бы очень убедительной, ну с ее этой — кажется, ты назвал это непревзойденной — красотой.

— Я? О чем ты вообще говоришь?

— Я говорю про свою сестру Эльзу. Ведь из — за нее ты пришел тогда на мой концерт, ведь так? Более того, с белой розой. — В его глазах мелькнул страх, который был красноречивее любых его слов. — В этом нет ничего плохого, я приму твое бессмертное обожание моей сестры как комплимент. Жаль, что я не смогла оправдать твоих надежд, правда?

— Теа, что на тебя нашло?

— В прошлую субботу ваш дворецкий дал мне старую фотографию. На оборотной стороне было написано "*Самой красивой девушке на свете*" и сердечко из сплетенных скрипичных ключей. Очень умно.

— Во-то, мне тогда было всего двенадцать лет. Я понятия не имел, что делал. И да, я написал это, но...

— Но, что?

— В том мире не было тебя.

— Теперь я есть, Джейк.

Мы стояли и смотрели друг на друга, как будто между нами восстала невидимая стена.

— У меня связаны руки, ты же знаешь. Риз мой брат, а это значит, что я прихожусь братом и тебе. Ты должна помочь мне попытаться.

Уходя, я взглянула на него последний раз. Он сел на ближайшую скамейку и остался там. Откинувшись на спинку. Недвижимо. Глядя на тяжелую крышу платформы — на пересекающиеся балки, которые могли бы быть небом.

— ПРОСТИ, ТЫ СПИШЬ? — На самом деле я имела ввиду *Ты плачешь?* — лицо Риты раздуло, у нее были опухшие глаза и красный нос — но я не хотела, чтобы она чувствовала себя неловко — Нам не хватало тебя сегодня на Проспекте.

— Как все прошло? Были неловкие встречи?

— Ну... там был Дэв с несколькими парнями. Он был мертвецки пьян, и не самый счастливый

— Тэщ, я вообще-то спрашиваю про Риза.

Я стояла у двери, не зная, что ответить.

— Давай ляжем на полу, так будет намного уютнее. — Она бросила несколько подушек на пушистый шерстяной ковер (единственный ее странный предмет декора — она утверждала, что он сделан из шкуры Чубакки). — Я, конечно, не хочу, чтобы ты с ним столкнулась или еще что.

— Да, я тоже. Кстати, у тебя очень странные предметы здесь. — Я показала пальцем на стоящий посреди комнаты предмет, похожий на гигантскую кисточку для пудры на ножке.

— Тебе нравится? Это лампа. — Она нажала на кнопку и синее, люминесцентное облако окутало россыпь тонких трубочек. — Это волоконная оптика: свет проходит по стеклянным трубам. В следующем году я об этом буду писать диссертацию. Ты только представь себе волокно, способное передавать трехмесячное видео HD качества за одну секунду!

Мне нравилось слушать ее, когда она рассказывала мне о вещах, в которых я лишь смутно разбиралась. Джейк делал точно так же, когда мы были в обсерватории под куполом звезд.

Она нахмурилась и выключила лампу.

— Нужно выкинуть ее на помойку.

— Почему? Она прекрасна!

— Да, лишь за исключением того факта, что это подарок.

— От Дэва? — Скорее всего именно от него, учитывая то, как она неожиданно расстроилась — Что у вас случилось?

— Не важно.

— Еще как важно. Особенно если ты проводишь вечер на полу в общежитии, с выключенным телефоном, уставившись на волоконную оптику. Пожалуйста, расскажи мне что случилось.

— Дэв и я... мы поссорились из — за Нового года. Он собирается поехать домой и

предположительно хочет пригласить и меня, но его семья будет возмущена.

— Это еще почему?

— Потому что я не индианка. С технической точки зрения дело даже не в родителях, так как Дэв даже не удосужился сообщить им что вообще встречается с кем то. Поэтому я сказала ему проваливать. Теперь он сможет подыскать себе идеальную индийскую принцессу, как раз успеет сделать это до праздников.

— Может, он изменит мнение.

— Не изменит. Его слишком заботит мнение окружающих. А даже если он передумает, я не собираюсь сидеть и ждать, пока он будет копать у себя в душе.

— Прекрасно тебя понимаю.

— К счастью для тебя — не понимаешь. У тебя другой упрямец.

Мой “упрямец” был точно таким же — нерешительным, парализованным семейным долгом. Я внезапно поняла, как сильно мне нужно выговориться, поделиться с кем-то. К тому же мы с Ритой наконец становились подругами, а не просто наставником и подопечным — поэтому я рассказала ей обо всем. О моей влюбленности в Джейка. Как я по ошибке приняла Риза за него. И как с тех пор он отошел в сторону, предоставив меня своему брату.

Рита молча слушала, потом покачала головой:

— Это просто невероятно! Ты ведь знаешь, как я отношусь к ним обоим. И я не собираюсь защищать никого из них, особенно после того что произошло в Плюще на прошлой неделе. Но я должна у тебя спросить: ты о чем вообще думала?

— Я?

— Да — да, ты. Сначала ты выбираешь Риза, потом у вас двоих закручивается суперинтенсивный роман в каждом доме, которым они владеют на Восточном побережье. А теперь ты ждешь, что Джейк будет бегать за тобой, пытаясь отбить тебя у своего собственного брата? Тэщ, с какой ты вообще планеты?

Я слушала ее, пораженная тем фактом, что она вообще произнесла это. И еще больше я боялась, что она может быть права.

— Честно говоря, мне начинает нравиться этот Джейк. После всего, что произошло, он все еще мурлычет у твоих ног? Ох и, Тэщ, если он правда *так* тебе нравится, сделай что-то. Не будь слабохарактерной как... как все. В противном случае, какая-то другая девушка будет встречать Новый Год с твоим мужчиной. Вот так вот.

Я вышла от Риты и посмотрела на часы — было уже за полночь. Да уж сейчас все, что бы я не сделала, нарушит правила поведения в обществе.

Но все это не имело значения. Я хотела лишь увидеться с ним. Рита была права в одном — я ждала достаточно долго.

ОН ПОДНЯЛ ТРУБКУ ПОСЛЕ ПЕРВОГО гудка:

— Tea?

— Я хочу увидеться с тобой.

— Мы только что виделись. Что-то случилось?

— Нет, я просто хочу.

— Уже почти час ночи...

— Это что-то меняет?

Тишина.

— Я хочу тебя увидеть.

— Хорошо, я приеду.

Ему потребовалось всего несколько минут, чтобы добраться до Форбса. Он вошел в мою комнату, но остался стоять у двери — как можно дальше от меня.

— Спасибо за то, что так быстро приехал. — Я понятия не имела, что ему сказать, как исправить несколько месяцев ошибок, как начать разговор — Может снимешь свою куртку?

Он не шелохнулся.

— Теа, в чем дело?

Я хочу быть с тобой, я так давно этого хотела. Мне казалось я смогу сказать все это ему, когда он придет, но в его присутствии все оказалось сложнее.

— Прости, это было грубо. — Он снял куртку и положил ее на спинку стула, затем подошел ближе. — Что случилось?

— Джейк... я. — Наши тела едва не соприкасались. Его рубашка была так близка, что я буквально чувствовала его тепло. — Я не вернусь к Ризу.

— Мы можем обсудить это еще раз, если хочешь, но ты должна его увидеть.

— Мне нечего ему сказать.

— Все может измениться, если ты дашь ему возможность все объяснить.

— Мне не нужны его объяснения. Он не тот, с кем я должна быть.

Я наконец-то произнесла это вслух. Горячая волна прокатилась сквозь меня, мое лицо, наверное, покраснело, но мне было все равно. Мои пальцы скользнули к нему под рубашку, коснулись его живота....

Его руки, гораздо сильнее моих даже в сомнениях, сжали мои запястья и медленно отвели их в сторону.

— Я все сделаю ради тебя. Все. Все что угодно, но не проси меня предавать моего брата.

— Каким образом ты его предаешь? Мы с Ризом даже не вместе.

— Это решать вам обоим, — Он потянулся к куртке, а после и к двери.

— Джейк... — Я лихорадочно искала способ остановить его. — Хорошо. Если ты настаиваешь, я встречу с ним.

Его рука замерла на дверной ручке:

— Правда?

— Я это сделаю завтра утром первым делом, но только при одном условии.

Вопрос теплился в его настороженных, голубых глазах, но его спокойствие было маской. Должна было быть.

— Поцелуй меня. — *Не смей выходить за эту дверь, иначе я больше никогда не заговорю с тобой.* — Но не в щеку, как однажды уже случилось. Поцелуй меня по — настоящему.

Я увидела злость в его глазах, темную волну тревоги и боли. Все эти эмоции изменили его лицо. Состарили его. Он бросил куртку на пол. Подошел ко мне — всего несколько осторожных шагов. Он остановился передо мной и потянулся к моему лицу — в этот раз без колебаний, неизбежное должно произойти. Его прекрасные пальцы нежно взяли меня за подбородок и приподняли к себе, пока мы не почувствовали дыхание друг друга, затем еще ближе, его губы приоткрылись...

Я так много раз представляла себе этот поцелуй, но он стер все с моей памяти. Никто не целовал меня до него. Никто не прикасался ко мне, или смотрел на меня, или знал о моем

существовании. Я родилась и умерла там. Он нашел меня. Попробовал меня. Растворился во мне, как будто я была целой вселенной. Его губы полностью поддавались мне, растворяя меня в их тепле, их мягкости, в том, как его губы будто говорили мне, что он ждал меня вечно.

Я подняла его руки и стянула с него рубашку. Он отдал свое тело в мое владение — свою невероятно гладкую кожу; тонкие волоски на груди, спускающимися к линии живота; родинки, рассеянные по всему его телу, словно звезды.

Я встала на цыпочки, чтобы прошептать на ухо:

— Раздень меня.

У него участилось дыхание, когда он стал расстегивать пуговицы моей рубашки, изучая взглядом каждый сантиметр моей кожи, который обнажали его пальцы. Когда все пуговицы были расстегнуты, он стянул рубашку с моих плеч, затем с локтей и, наконец, последним рывком сбросил ее на пол.

— Снимай все.

Мне хотелось оказаться обнаженной — полностью — в его объятиях. Он расстегнул молнию моей юбки и нежно стянул ее вниз. После он принялся осыпать меня поцелуями, не отрывая от меня своего рта, пока мое дыхание не стало поверхностным.

Я взяла его руку и положила ее на мои бедра, к единственной оставшейся на мне вещи, которую он не решился снять:

— Все.

Я не хотела говорить, что он будет у меня первым. Я просто хотела, чтобы он почувствовал это, если это можно ощутить, оказавшись внутри меня. Мои пальцы нащупали его джинсы, расстегнули их...

— Мы не можем, только не так, — Его руки вдруг стали жестокими, отталкивая меня. — Не можем, пока не узнаем, что произойдет завтра.

— Завтра ничего не случится. С Ризом все кончено.

— Возможно, но я все равно не могу рисковать, мне нужно знать наверняка.—

Он накинул куртку, даже не задумываясь о рубашке, затем подумал о чем то и повернулся.

— Мое сердце всегда будет твоим. В любом случае.

КАК ТОЛЬКО Я ПРОСНУЛАСЬ, я услышала дождь — окно было наполовину открыт и стук капель дождя по голым веткам деревьев заполнил комнату загадочными звуками. Этот день настал, с необычайно теплым утром, день, когда я встречаюсь с Ризом и попрощаюсь с ним. В теории я была готова сделать это. Но представлять что-то и проходить через это в реальности — две разные вещи. Да и что именно я должна сказать ему? Что я теперь переключилась на его брата, которого я с самого начала хотела? И что этот самый брат послал меня сообщить неприятные новости, вместо того чтобы самому поговорить с Ризом?

Я надела свитер и пошла гулять на поле для гольфа. Дождь практически прекратился, была лишь слабая морось. Бледная трава уже спряталась в землю, в предвкушении темноты и холода. Тем не менее дождь, словно последний каприз уходящей осени, просочился между травинками, насыщая их, пока они не начали казаться — на несколько последних часов — свежей и источающей жизнь.

Я пыталась смириться с тем, что видела на этих холмах. Пыталась представить, как

прощаю Риза, если он предоставит достаточно оправданий. Он парень. Ему нужен секс. Спонтанный секс без чувства вины, который он не мог получить от меня и который, очевидно, многие девушки были согласны предоставить ему. Добавьте ко всему этого семейное состояние и генетическую предрасположенность умереть молодым — не удивительно, что он ходит по земле как ураган. Эгоистичный. Разрушительный. Имеющий на все право.

Сосна стояла возле дорожки — она почти сломалась, склонившись от дождя, ее потрескавшаяся кора открывалась взору при дневном свете, словно кожа человека, который слишком стар уже даже для смерти. Но под этими ветвями не было никакой угрозы. Это было просто дерево. Совершенно обычное.

Я вернулась к себе, позвонила Джейку и сказала, что буду у него дома через тридцать минут, чтобы раз и навсегда покончить с его братом. В ответ я услышала лишь «Я передам Ризу», после чего он повесил трубку.

— Тэщ, ты спятила? Куда ты собралась в такую погоду?

Рита как раз возвращалась с бранча, когда я шла по лобби Форбса. Я посмотрела сквозь стеклянные двери. Она была права, дождь превратился в ливень.

— Не переживай, со мной все будет в порядке.

— Правда? На улице потоп, а у тебя даже зонтика нет!

— Не сахарная, не растаю.

— Ты с ума сошла? Или ослепла? Хм... — Рита подняла руки ладонями вверх, как бы взвешивая вероятность каждого из ее предположений. — Прости, но я просто обязана тебя подвезти.

— С каких это пор у тебя появилась машина?

— С тех самых, когда я перестала тратить время на Дэва и решила начать жизнь с чистого листа. Теперь мы можем рвануть в Нью Йорк когда захотим!

“Чистым листом” оказался серый минивэн. Вероятнее всего она выбрала эту модель из — за размера, чтобы вместить в себя всю группу наставников.

— Так куда тебя отвезти? В библиотеку? Или в тренировочную комнату?

— На угол Спрингдейл и Мерсер Стрит, за магистерским... — Я знаю, где это. Разве ты не говорила, что у Джейка есть комната в общежитии? — Когда я промолчала, Рита покачала головой и завела двигатель — Я думала у вас с Ризом все кончено. Конечно же, это твоя жизнь, но я надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Очень надеюсь.

Когда мы доехали до места, ливень прекратился точно так же внезапно, как и начался. Я приехала на пятнадцать минут раньше, чем обещала, но это даже к лучшему — мы сможем, покончить со всем этим быстрее.

Дом стоял на другом конце лужайки, такой невозмутимый, увенчанный тишиной и покоем. Как только я увидела его, я поняла, что для меня этот дом навсегда останется его домом — домом Риза, а не домом Джейка, и что я наверняка больше никогда не захочу сюда вернуться.

Влажная трава хлюпала у меня под ногами. Я знала, что двери в гостиную были закрыты, что на гранитных ступенях никого нет, но я так и видела, как Риз бежит ко мне навстречу, чтобы подхватить меня на руки, лишь бы я не намочила ноги. Чтобы нести меня. Нести и целовать на протяжении всей лужайки. Не в этот раз.

Мои ноги дошли до ступеней, пальцы нашли дверную ручку. Затем услышала два голоса эхом разносящиеся по всему дому из библиотеки:

— ...потому что, если ты так думаешь, Джейк, ты просто выжил из своего гребанного ума! Я не потому позволяю тебе здесь жить!

— Это мой дом. Мне не нужно твое разрешение.

— Не лезь в мою жизнь, иначе ноги твоей не будет рядом с Принстоном! Тебе это прекрасно известно.

— Делай, что хочешь со своей жизнью, но ведь это и ее жизнь тоже.

— С каких это пор жизнь Теи вдруг стала тебя волновать?

Молчание.

— Во сколько она придет?

— Она должна быть через десять минут.

— Скажи ей, что я вышел, и что так будет лучше для нее — не видеть меня ни сейчас, ни вообще когда-то.

— Тебе нужно самому с ней поговорить.

— Снова начинаешь? — Что-то ударило о дерево и ударило сильно — окна задрожали. — Ты скажешь ей именно то, что я сказал!

— Риз, ты разбил ей сердце...

— А ты думаешь, от правды ей было бы легче? Прекрати читать мне нотации, потому что ты и понятия не имеешь каково это — быть вынужденным врать девушке, которую любишь.

— Тогда не ври ей. Не стоило и начинать.

— Судя по всему, наши с тобой взгляды здесь расходятся в том, что я должен и что я не должен делать. Особенно, если дело касается Теи. Это довольно самонадеянно, — его голос снова пропитал гнев. — что ты думаешь, что у тебя вообще есть право на собственное мнение. Так или иначе — ты сделаешь то, что я сказал и точка!

— Не тебе решать, что мне делать.

— Не заставляй меня отворачиваться от тебя, Джейк, или я клянусь...

— Меня не волнует, что ты сделаешь со мной. Она заслуживает знать правду, если ты ей не скажешь...

— Что тогда? Ты сам ей скажешь? Это ты хотел сказать? Вот оказывается, как мой младший брат поступит со мной?

Теперь его голос просто взорвался от ярости, которой я ни от кого прежде не слышала. Стены просто не могли сдерживать ее, она сотрясала весь дом.

— Если ты скажешь ей что-то — хоть что-то — то убирайся из этого дома! И больше никогда не возвращайся!

Дверь с грохотом хлопнула, когда я вошла, в комнате был лишь Джейк, опершийся на письменный стол:

— Теа?!

— Что именно ты не должен мне говорить?

— Мой брат должен сказать, не я...

— Да, должен. Но твой брат никогда не будет честен со мной; думаю, он дал понять это яснее ясного. Так что, пожалуйста, не будь как он.

Он выглядел подавленным. Пораженным.

— И не делай вид, будто правда убьет меня. Я уже и так почти все знаю.

— Ты знаешь? Но как?

— Не важно как. Я знаю о вашей семье... знаю про заболевание, которое передается в

вашей семье из поколения в поколение. Знаю о том, как умерла твоя мать. Мне было жаль, очень жаль, когда я услышала это, но я правда хотела бы, чтобы вы и Ризом просто...

— Это никак не связано с моей семьей. Это связано с твоей.

Он подошел к книжному шкафу, вытащил большую книгу и показал ее мне. Михаил Врубель. Сибирянин, который нарисовал полотно в комнате Риза.

Страницы зашелестели в его руках. Портреты. Стилизованные иконы. Замершая жизнь то здесь, то там. Затем внезапное изменение — одержимость русскими сказками. Девушки, превращающиеся в лебедей. Летающие серафимы. Морские цари, охотящиеся на рыжих русалок. Пока одна картина не все остальные — чувственная, поразительная, взрывающаяся красками на двух страницах.

“ *Сидящий демон* ”. Картина была написана в 1890 году, сразу после появления стихотворения Лермонтова о демоне, который влюбился в человеческую девушку накануне ее свадьбы.

— Он похож на моего брата, правда?

Даже мое бурное воображение не могло подготовить меня к его следующим словам. И некоторое время все его слова не имели для меня никакого смысла. Пока Джейк говорил, я надеялась что он просто шутит. Но я никогда не видела его более серьезным, его голос звучал машинально, безжалостно — только так он мог решиться стать тем, кто, наконец, расскажет мне все — и далеко, его голос был незнакомцем, обрушивающим на меня вердикт, рассказывал мне фрагменты истории, казалось бы несвязанных между собой, но они были слишком ужасны, чтобы быть ложью.

— Женщина, которую ты видела рядом с ним — твоя сестра. Она умерла много лет назад, во время ритуала, чтобы спасти его жизнь. Во многих отношениях, большинство из которых вероятно не имеют никакого значения, он сам не совсем живой... не в человеческом понимании этого слова. Когда она пожертвовала собой ради него, он оказался привязанным к ней навсегда. Каждый месяц, в полнолуние он должен встречаться с ней и делать то, что ты увидела — раньше это не было проблемой, пока он не встретил тебя. Я предупреждал его, но он сильно влюбился в тебя. Ты первая женщина, которую он по — настоящему полюбил. И, зная моего брата, ты, скорее всего, будешь последней. Но вот чего он никогда не сможет сделать, так это нарушить данную клятву. Это станет его концом. Возможно твоим тоже. Так как он просто не может заставить себя пойти к ней, после того как только что был с тобой, он избегает тебя, он пьет, бесится — выбивает мысли о тебе из своей головы. Когда она насыщается им, он свободен и может провести с тобой весь следующий месяц, пока она снова не придет за ним. Вот и все.

Сказав это, Джейк вышел из комнаты.

Хранитель тайн

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ТЫ ПРОСИШЬ ПРАВДУ, ты должен быть готов к ней.

Я ушла из дома сразу же после поспешного ухода Джейка. Я не чувствовала себя комфортно в доме парня, который встречался со мной уже несколько месяцев, и тут вдруг оказалось, что он... что именно? Зомби? Вампир? Или ужасный гибрид и того, и другого? Существом, которого Джайлс в своем упорном побеге от рационального, назвал бы — и не надо так бледнеть, мисс Славин, вспомните, что в древней Греции его воспринимали вовсе не в качестве бесплотного злого духа — *даемоном*?!

Все, что мне было нужно — один пазл, который не подходил для этой истории, деталь, которую Джейк не смог выявить, и поэтому я могла бы принять его рассказ за полный бред. Причудливая фантазия, придуманная мечтательной девчонкой, которая задолго до этих событий поиграла с его рассудком, и осталась с тех пор неуловимой.

Наверняка Эльза пичкала его подобной чушью в то время, заполняя его голову не только навыками игры на фортепиано и конструктивным решением проблем подросткового возраста. Наверняка она кормила его разными сказочками. Легендами, если хотите. Про красивых таинственных ведьм, крадущих твое влюбленное сердце и с помощью сексуальных ритуалов способных заполучить тебя и навсегда сделать своим рабом. Но вовсе не для того, чтобы жить долго и счастливо. *Навсегда*. Как будто ты уже не сможешь больше умереть.

Наверняка все это сильно поразило воображение юного 12-летнего мальчишки, и в конце концов эта игра с историями о смерти начала отображаться на его реальной жизни, заставляя его делать странные вещи. К примеру, украдкой пробраться в похоронное бюро. Капнуть пару капель крови в гроб, чтобы напугать немногочисленных посетителей. А потом украсть тело Эльзы и сделать с ним... Бог знает, что именно. А может, он не остановился на этом? Ведь над смертью Эльзы до сих пор витает туман загадочности. Нет улик. Нет подозреваемых. Да и кто, будучи в здравом уме, будет подозревать в чем-то ребенка?

Я пошла на занятия, надеясь, что лекция на тему заката драматургии Древних Афин отвлечет меня от запутанной драмы в моей собственной голове со всякими юными убийцами и злобными ведьмами. Спустя час Джайлс прошел по классу, собирая выполненные задания по Ницше. Мое, естественно, отсутствовало.

— Мисс Славин, должен сказать, я немного удивлен. Это было удивительно простое задание. — Пятьдесят голов сразу повернулись к нам. Его маленький личный хор (разве что они ничего не комментировали, а только наблюдали). — Какие же причины побудили вас не выполнить эту работу?

Потому что после завтрака я была занята попытками сбежать от рационального. Но вместе этого я промямлила в свое извинение: личные обстоятельства... все еще привыкаю...

— У вас есть время до полуночи. Я снижу оценку вдвое.

Его слова об “удивительно простом” на деле обернулись в мучительное и довольно неспешное изучение одной из самых непонятных книг, когда-то прочитанных мною. К счастью, интернет — поисковик на запросы “*рождение трагедии*” и “хор” привел меня прямо к главам 7 и 8 — к текстам об этом фантастическом и довольно отталкивающим существе, о котором мы и должны были написать в нашем задании.

Сатур. Получеловек — полукозел. Или же в греческой мифологии это потомок человека и бога. Он бессмертен. Живет в мире, полном мифов и различных таинственных

ритуалов. С помощью хора сатира— группы божественных существ, навечно оставшихся неизменными — в классическую трагедию автором вводится больше утешения и ободрения, неся послание о том, что как бы ни было трудно, но жизнь всегда остается несокрушимой и полной радости.

Навечно неизменные. Я продолжала читать. Столкнувшись с абсурдностью самой жизни, миром трагедии, где зачастую действие ничего не могло изменить, греки создали сатиров и мудрого Сайленуса, бога леса.

Еще пара секунд ушла на осознание имени, после чего я дочитала до конца страницы.

...вдохновенный кутила... прародитель мудрости... сочувствующий компаньон, к которому греки относились с уважением и изумлением...

Я не могла поверить в написанное. Бог леса? Это невозможно. Совершенно никак.

Но эти результаты были в интернете повсюду. Сатиры (или же *силены*, как их часто называли) были существами, созданными для веселья и забав, танцующие с нимфами под музыку флейты. Самый старый и самый мудрый из них, Силенус, был наставником Диониса, и владел даром пророчества. На древних вазах было много изображений сатиров, и все они совпадали по основным признакам: густые волосы, борода, заостренный нос, полные губы.

Я быстро расправилась с заданием и отправила его Джайлсу за два часа до полуночи. Затем я вышла из комнаты. Если за этим скрывалось хоть что-то большее, чем древний миф — и за всем прочим, во что меня просили поверить в этот день, — тогда человек, открывший для меня Проктер Холл, назвавший меня нимфой и затем бесследно исчезнувший, должен быть двух тысяч лет от роду.

Если предположить, что он вообще существует, то наверняка у него есть ответы на все мои вопросы. И во мне появилось подозрение, что где-то там, за полем для гольфы, он уже ждет меня.

ДВОР КЛИВЛЕНДСКОЙ БАШНИ был странно тихим. Беззвучная, неподвижная но скрывалась под карнизами и арками, словно тихо ожидала прихода своего времени; даже чье-то одинокое окно светилось тусклее, чем обычно. Может быть, завершив долгий пятничный ужин, люди поспешили перейти в менее заброшенные корпуса кампуса.

И где же мне начать поиски этого существа — мужчины, по сути своей являвшегося призраком? Та секретарь в дворницкой приняла меня за лунатика из — за невинного упоминания зрителя/ключника. Теперь я могу ярко представить ее реакцию, если добавлю в список «наставника Дионисия».

О, и кстати, он не стареет. Вероятно, он даже и не умрет. Вы могли заметить его прогуливавшимся на своих... копытах. Нет? Это вам ни о чем не напоминает?

Проктер Холл был, как обычно, закрыт. Потом я вспомнила, как он говорил что-то о схождении вниз. О каких-то лабиринтах. *Спустятся ли твои друзья с тобой, или ты отважишься пойти в одиночку?*

Вот она, та маленькая лестница, на которой я увидела его в первый раз. Сделанная из белого камня, она так круто уходила вниз, что мне, просто взглянувшей на нее, стало нехорошо. Я никогда не проверяла, куда она вела, и никого не спрашивала об этом.

Ты едешь учиться, а не гоняться за призраками прошлого. Оно очень быстро станет для тебя падением по спирали вниз.

Я начала спускаться вниз. Где-то наверху эхо моих шагов звучало все тише и тише под сводчатым потолком.

Подвал. Подобие гостиной с телевизором и хаотично стоящими стульями. Столы для бильярда. Мишень для игры в дартс. Старый пыльный диван цвета ржавчины. И табличка:

ПБар

Подвальный бар

Это твой оазис!

Я проследовала по коридору через многочисленные повороты мимо ряда закрытых дверей, пока одна из них не заинтересовала меня. В ней не было ни смотрового глазка, не был приколочен номер, зато там были два листочка плюща, искусно вырезанные прямо на дереве, и было видно даже тонкую паутину прожилок и крошечные витки на стебле. Увидеть рисунок плюща в кампусе было обычным явлением, это лишний раз напоминало о том, что Принстон находился в числе восьми учебных заведений (Лига Плюща), чьи названия были в верхней строчке по рейтингу ВУЗов в стране. Но под листочками карандашом кто-то нарисовал шесть кружочков, изображавших перевернутую пирамиду.

Виноград.

Мне никогда не приходила в голову мысль, что листья плюща и виноградные листья, оказывается, так похожи. И что единственным отличительным знаком были ягоды.

Я потянулась к ручки двери.

— Ты никогда не должна открывать дверь, в которую, возможно, ты не захочешь входить.

Мое тело словно окаменело от звуков этого голоса. Я не слышала никаких шагов. Я не заметила большой темной тени, крадущейся за мной по коридору. И он вообще не должен существовать вне границ этих старых легенд. Но когда я обернулась, он был там. Такой реальный, что в этом не было сомнений. Как будто он шел рядом, сжимая в руке конец невидимого поводка, привязанного ко мне.

ПРОСТО УДИВИТЕЛЬНО, КАКАЯ ЧУШЬ ПРИХОДИТ В ТВОЮ ГОЛОВУ, когда страшно напугана.

Так вот как я умру? В подвале? На мне нет даже белого платья, только обычные джинсы и флисовая толстовка с капюшоном. А эти острые штуки в его нагрудном кармане, это что... стрелы для дартса?

Он спокойно стоял и смотрел на меня. В тишине.

У этого типа точно козлиное выражение лица. Мы можем придумать классный триллер в духе старой доброй классики: Молчание Козлов. Подзаголовок: Забита Насмерть в Подвале Стрелами для Дартса.

Он поднимает руку.

Я делаю шаг назад.

Эльза тоже умерла в подвале? Может быть, через несколько лет в кампусе нас будут называть "Пропавшие Сестры Славин".

— Не бойся меня. Я не причиню тебе вреда.

Мило с его стороны сказать такое. Но разве обычно тебе не говорят что-то подобное, перед тем как убить и сбросить тебя в какую-то канаву?

— Кто вы такой, Сайлен? Я имею ввиду... кто вы на самом деле?

— Я мог бы тебе сказать. Но какой в этом смысл, если ты уже догадалась?

— Почему тогда ваши ноги не... — Я взглянула туда, где должны были быть его ноги, если бы его брюки не были бы такими длинными и практически не волочились по полу.

— Более козлиными? — Его низкий горловой смех эхом отскочил от стен. — Если бы я захотел, они бы такими были. Но ты не находишь, что они привлекли бы чужие любопытные взгляды?

При этих словах его невысокое тело начало менять свою форму и трансформироваться в подобие зверя с черной кожей и всем остальным — и вот он уже стоял на копытах с улыбкой, словно все эти метаморфозы не потребовали от него ни малейшего усилия.

— Значит, вы действительно... — Я не могла сказать это слово вслух, совершенно пораженная тем, что рядом со мной стояло существо из легенд и мифов — сатир во плоти — и совершенно уверенная в том, что теперь моя жизнь никогда не будет прежней, когда он подтвердит мои догадки, — сатир Силенус?

— Да, я Силенус. Хотя я лично предпочел бы для тебя остаться Сайленом. Меня уже достаточно долго называли Силенусом на протяжении сотен лет.

Сотни лет. Он, должно быть, видел очень многое за это время. И где-то в не самом дальнем уголке его памяти среди этих витков времени есть секрет, который теперь просочился в мою такую короткую человеческую жизнь.

— Вы знали мою сестру? — Сама возможность этого заставила меня позабыть обо всех вопросах, что я должна была ему задать (ну например, что же скрывается за этой дверью и почему он считал, что я не захочу входить в нее). — Я видела вас в ежегоднике от 1992 года. Вы должны были знать ее.

— Только глупец может заявлять, что знает сердце, подобное ее, — он вздохнул и покачал головой. — Я был этим глупцом.

Что означало одно — даже всеведущий сатир не смог устоять перед прекрасными чарами, как и все остальные.

— Вы расскажете мне о ней?

Его тело постепенно снова приняло человеческий облик, как будто волосатый черный снежный человек начал таять и принимать прежнюю форму, меняя темную кожу на штаны и копыта на ботинки. Затем он направился по направлению к винтовой лестнице. Медленная неуклюжая походка — было очевидно, что человеческие ноги не самый его любимый способ передвижения в пространстве. Сзади он казался уставшим, неуклюжим, слегка полным мужчиной... если бы его не сопровождало звучание флейты. Однажды я уже слышала эту мелодию, сыгранную им, и теперь узнала ее: она была из балета *“Послеполуденный отдых фавна”* и была написана Дебюсси. На греческом она звучала бы немного иначе — *“Послеполуденный отдых сатира”*. Прозрачные мечтательные ноты, словно волшебный дым от фимиама, поднимались к потолку, как будто он решил заколдовать весь дом, или по крайней мере, повергнуть его в сон.

Мы все еще поднимались по последним ступенькам, когда дверь скрипнула. Проктер Холл открылся, приветствуя нас у своего преддверия.

Он пропустил меня вперед. Вокруг было темно, но как только мы вошли, люстры словно вернулись к жизни и выглядели теперь так необычно, как я еще никогда не видела — статические электрические лампочки превратились в крошечные язычки пламени, дрожа внутри стеклянных плафонов. *Ни один звук не сможет покинуть эти стены.* Я понятия не имела, куда я шла.

— Ты поражена? — он протянул мне руку. Я ожидала, что его кожа будет невероятно

холодной, но она была теплой, как и у любого человека. — Я рад, что ты не больше не боишься меня.

В чём был смысл страха? У него были силы, которые я и представить не могла (или понять, или пытаться сбежать от них). И хотя часть меня все еще ожидала, что я в любую секунду проснусь в своей постели, я начала понимать, что это не было просто сном. То, что рука, держащая мою руку, была реальной.

— Реальной? Вещи становятся реальными, только если ты сама захочешь этого.

Он еще и читал мои мысли. И, как будто все происходящее недостаточно нервировало, он вдруг начал вести меня сквозь столы. Буквально *сквозь* них. Я могла видеть стулья, которые я так много раз расставляла, деревянные поверхности столешниц, которые я протирала в конце каждой смены, но теперь наши тела двигались в обширном пространстве так, как будто в столовой был только пустой воздух.

Когда мы достигли противоположного конца комнаты, он отпустил мою руку.

— События прошлого не должны быть частью настоящего. И все же ты хочешь позволить им войти в твою жизнь?

— Она была моей сестрой. И наверное, до сих пор ею является. Это делает ее частью моего настоящего, даже если она действительно стала... — *Менадой? Неким гибридом самодивы?* Мне необходимо было найти разумный способ произнести это: — Это правда, что она спасла Риса?

— Правда является очень гибким понятием, Тейя.

— Но это все же лучше, чем секреты. Я всю свою жизнь была окружена какими-то тайнами.

— Так значит, теперь тебе нужен кто-то, кто мог бы раскрыть их тебе. А что заставляет тебя думать, что я их законный хранитель?

— Если не вы, то кто же?

Он указал на огромный камин рядом с нами.

— Что ты видишь?

Высоко в камне был вырезан щит школы в сети лиственного орнамента. Это были плотные листья, чьи пышные края напомнили мне о дереве над горным озером, о котором я прочитала в легенде несколько месяцев назад.

— Это дуб?

— Да. Что еще?

Я узнала белочек. Ящериц. Еще были бабочки и птицы. Но он все ждал чего-то большего. Потом я заметила голову другого животного, выглядывающую между ветвями. Были изображены только морда и пара колючих глаз на ней: талисман школы. — Этот тигр?

— Это ровно такой же тигр, как эти листья на двери — листья плюща.

— Они не были от плюща, я была в этом уверена. Они были просто замаскированы под символ Принстона, если только не приглядеться хорошенько.

— Это рысь. — Он посмотрел на резное изображение и словно обращался к животному, скрытому внутри, а не ко мне. — Это самое неуловимое животное: хранитель тайн. Она приходит и уходит как призрак, она видит, сама оставшись незамеченной. Одна из священных гонцов бога.

— Бога?

— Диониса. Только рысь может раскрывать тайны прошлого. Через глаза животного ты можешь увидеть события, скрытые пеленой времени, так, как если бы они происходили

прямо сейчас на твоих глазах. Но тот, кто ищет рысь, получает или благо, или бич.

— Я не знаю, что это значит.

— Прошлое становится благословением или проклятием после того, как ты увидела его.

Хочешь ли ты испытать свою удачу?

Я ответила, что хочу. Если единственный способ узнать правду означал риск навлечь на себя проклятие, что ж, пусть будет так. Он отвел глаза и снова посмотрел в глубь зала. Ничего не шевелилось. На секунду даже мерцание ламп замерло под тяжелыми ребрами потолка. И затем, была ли это правда или я только хотела, чтобы это было правдой, но перед нами возникло животное — его лапы бесшумно касались пола и каждое движение плавно перетекало в следующее, поражая ловкостью молодого хищника. И вот наконец, его глаза устремили свой странный взгляд на нас: голубовато — зеленые, как глубокие воды озера, в котором плачущая ива соединила свое отражение с отражением чистого неба.

— Теперь подойди и задай ей свой вопрос на ухо.

Я подумала, что он шутит, но он кивнул в сторону рыси. *Вещи становятся реальными, только если ты сама захочешь этого.* Практически онемев от страха, я медленно встала на колени и потянулась навстречу зверю, сначала лишь одной рукой.

Пестрый мех был настолько мягким, что я едва могла чувствовать его, мои пальцы словно погружались в свежесвыпавший снег. На ушах животного поднялись торчком пучки черных волос. Царапая пол, оно обнажило свои когти.

Я наклонилась к нему, успокоенная тихим звуком мурлыканья, и прошептала свой вопрос: только одно слово. Имя девушки, у которой была самая необычная судьба из всех, кого я знала.

Словно ужаленная этим звуком, рысь отскочила. Она остановилась в нескольких футах от нас, глядя в коридор своими глазами, полными ясной мудрости. Потом что-то начало меняться в этих глазах, в ее гипнотическом взгляде, как будто вся необъятность времени сосредоточилась в нем, возвращая события давно прошедших дней и заставляя их снова принять осязаемую форму прямо здесь, в Проктер Холле.

Лужайка. Голые деревья. Ночь, опьяненная красотой луны. И быстро идущая девушка в белом пальто. Она стремительно идет по траве, словно ее время уже на исходе.

Она пробирается через застекленную дверь, стараясь не разбудить того, кто заснул среди пустых бутылок и разбросанных партитур. Она склоняется над человеком. Улыбается. Она берет его руку и надевает на палец кольцо.

Затем парень просыпается. Она пытается поцеловать его, но он видит это кольцо и превращается в безумца: его внезапная ярость, отблеск серебряного кольца, брошенного на пол, их сердитые голоса (не было слышно ни одного слова, как будто звуки приглушены глубокими водами). Девушка спокойно смотрит, как он нашаривает среди связки автомобильных ключей один нужный, и затем надевает на нее шлем. Но даже после того, как она натянула шлем, и после того, как двигатель взревел в ночи, холодок от ее растаявшей улыбки не желает покидать комнату...

Поездка на мотоцикле предстала перед нами наяву — необратимое, окончательное действие, каким может быть только прошлое. Но мне не нужно было видеть что-то еще, я уже знала все остальное. Джейк выразил все произошедшее лишь несколькими словами на нашем пути назад из Карнеги Холла:

— Одна молния не бьет дважды в ту же семью.

— Что произошло?

— Риз попал в аварию на своем много назад. Кое — кто пострадал, и мой брат винил себя. Теперь он не подходит и близко к тому, что имеет только два колеса.

Затем авария. Риз умирает на ее глазах. И моя сестра решает отдать свою жизнь за него. Приняв это решение за них обоих — чтобы навсегда завладеть его жизнью.

Визг шин наполнил пространство зала. Затем воздух снова стал пустым. И только четырехлапая тень растворилась в темноте, направившись в сторону вестибюля.

— ТЕПЕРЬ ТЫ БОЛЬШЕ ПРИМИРИЛАСЬ С ПРОШЛЫМ, когда ты увидела это своими глазами?

Да, я видела это. Но предъявление Эльзой своих прав на Риза было больше чем просто частью прошлого. И я никогда не смогла бы смириться ни с чем из этого всего.

— Что произошло после аварии?

— Я помог твоей сестре пройти через это.

— Через ... что?

Его рот открылся в поросли густой бороды. И закрылся.

— Это правда, что говорят об этих ритуалах? Что Дионис принимает жертву — человеческую жизнь — в обмен на бессмертие?

Он кивнул.

— Так Эльза и Риз... они больше не люди?

Еще один кивок.

Я старалась не паниковать. Риз — даемон. Эльза... стала тем, о чем я предпочитала даже не думать. Дикие существа, обязанные быть друг с другом навечно в обманчиво идиллической обстановке университетского городка Принстона.

Неудивительно, что Риз влюбился в меня безо всякой на то причины и так быстро. Эльза и я были похожи. Он мог быть с ней каждое полнолуние (очевидно). Но были еще и новолуния, и четверти луны, а также другие фазы луны между ними. Должно быть, в такие времена он чувствовал себя одиноко. До тех пор пока, наконец, ее поразительный двойник не появился в утреннем тумане прямо перед ним. Почему он должен был вдруг пройти мимо?

Благословение или проклятие.

Сайлен пристально смотрел на меня.

— Наши сомнения — наш самый главный враг, Тейя. Но в твоём сердце ты знаешь правду.

— Ты имеешь в виду гибкую правду?

На этот раз ему нечего было ответить мне. Я попросила его рассказать мне об остальном, что бы он там не имел в виду под словами "помог ей пройти через это".

— После аварии у нас было очень мало времени. Всего несколько минут, прежде чем лунный свет коснулся бы лунных часов.

— Коснулся чего?

— Лунных часов. Название "солнечные часы" более привычно для людей, но здесь нет никакого различия. Полдень становится полночью, вот и вся разница. — Он вытащил двойную флейту из кармана и положил ее на ладонь. — Одна трубка лежит горизонтально, другая направлена вверх под острым углом. — Лунный луч упал на лезвие, чтобы отбросить от него тень. Без этого, — его пальцы скользили вдоль верхней трубки флейты, — не было бы никаких лунных часов, а только обычное украшение для сада. Те часы, которые мы

использовали в ту ночь, могли бы сойти за фонтан, как один как раз за этими стенами.

Я видела эти фонтаны. Их было несколько вокруг университетского городка и даже один в Галечнике, в саду за пределами этой огромной библиотеки. Издали они всегда выглядели заброшенными; я никогда не видела бьющей из них воды. Но по — видимому, они могут быстро стать чем-то еще: часами, приманивающими луну.

— Все должно быть сделано во время полнолуния, только тогда часы точны. Позднее несовершенная орбита луны отбрасывает положение тени вперед на четыре десятка минут каждую ночь, и тень никогда не сможет выровняться вновь.

— Выровняться с чем?

— С полуночью. Когда свет от полнолуния попадает на лезвие ровно в двенадцать ночи, его тень с шипением возрождается к жизни. Она зажигается, как свечной фитиль, самим богом.

— Дионисом?

— Им самым. Всякий раз, когда ему предлагается чья-то жизнь, появляется змея, чтобы принять ее.

— Значит... это то, как моя сестра умерла?

— Умерла? — Его губы изогнулись в немного печальной улыбке. — Сама смерть теперь просто увядает у ее ног. Но конечно, это стало одним из условий обмена, если это то, что ты имеешь в виду.

Он подошел к нише в стене напротив камина. Один магистр однажды уже назвал ее "Альков".

— Я уверен, что ты знакома с легендой о Святом Граале. Некоторые полагают, что это чаша, из которой Христос пил на тайной вечере, и в которой была собрана его кровь после того, как Он был снят с креста. Другие видят в нем некий мистический котелок. В одной из валлийских легенд король Артур с риском вошел в подземный мир, чтобы украсть кельтский котелок, который мог бы оживить его мертвых воинов. Эти ланцеты, — он указал на три витража, сформировавшие полуокружность алькова, — рассказывают нам историю рыцарей, которые пытались найти Грааль. Одной из наиболее спорных сцен является изображение сестры сэра Персиваля, как она пожертвовала своей жизнью, чтобы излечить смертельно больную женщину. В нем был применен ритуал кровопускания. Отсюда и название на стеклянной панели: "Замок странного обычая".

Я посмотрела на окна. В них не было уже цвета, просто паутина из кусочков стекла, потемневшая до момента рассвета. Но где-то там наверху, скрытая среди других, была сцена, о чьем отношении к смерти моей сестры я уже начинала догадываться.

— Представь себе, сколько крови должно быть взято от одного человека, чтобы очистить больную кровь другого! Кровь девственницы считалась более чистой и чаша, полная такой крови, была достаточной мерой, но даже это могло привести к анемии и смерти человека. Любая более меньшая доза — скажем, потир, — означала, что должно было быть примешано что-то еще. И это что-то было даже более мощным средством, чем кровь: змеиный яд.

— Но разве яд не убивает?

— Не при правильном использовании. Ты знаешь, что обычно говорили римляне? — Он ждал, как будто это было вполне естественно, что я буду просто тусоваться с древними римлянами в современной школе. — *В чаше нет смерти.* Они вводили яд в качестве лекарственного средства, зная, что он может излечить при проглатывании так же, как он мог

бы убить, если бы попал в рану.

— И моя сестра получила яд в рану?

— На самом деле здесь оба случая. Сначала змея принесла смерть в ее вены, и затем напиток сделал ее бессмертной. Эта идея — что можно выпить эликсир жизни и обрести бессмертие, — так же стара, как само человечество. Если оглянуться на прошлое, то "Грааль" будет лишь обычным черепом, в котором были смешаны кровь и яд с образованием вещества непревзойденной лекарственной силы. В Греции мы используем блюдо для смешивания, называемое *кратер*. Но даже простая глиняная чаша может сделать то же самое. — Он поднял руку и я увидела в ней маленькую чашку, наполненную водой. "Человек может давать ему имена, окутать его тайной, погрузить его в запутанный миф. Но в конце концов Грааль — это просто чаша. Его единственная сила исходит от того, что мы наливаем внутри него.

— Я вижу только воду внутри этой чашки.

— Ты начинаешь с воды; она является источником всей жизни. А ты затем добавляешь другие составляющие.

Я наблюдала, как он поднялся на несколько ступенек к тому, что могло бы быть алтарем, если бы Проктер Холл был церковью. Массивный стол раскинулся под витражом: Высокий Стол, за которым декан Уэст имел обыкновение читать молитву на латинском языке и править своей облаченной в мантию империей ученых. Теперь Сайлен провел рукой по поверхности... и там начала появляться фигура, мужская фигура! Затем другая — женская. Тела лежали словно во сне, покрытые белым покрывалом, две головы почти касались друг друга в середине.

— Я думала, что только рысь может вызывать секреты к жизни?

— Секреты — да. Но это мое собственное прошлое, и я могу раскрыть его тебе всякий раз, когда я этого хочу.

Он протянул руку под покрывало. Поднял руку женщины. Держал чашку под ней до тех пор, пока слабый всплеск упавшей капли не пронесся по залу. Я представила себе крошечный надрез, едва заметный на ее бледной коже. То, что Джайлс заметил в гробу, было вовсе не укол от шипа, а следом от укуса змеи, все еще кровоточащим.

— Ты, наверное, ожидала увидеть меня держащим флаконы в руках — белый и красный, яд и кровь. Но с помощью укуса змеи эти два компонента уже смешиваются. А если клык змеи принадлежит самому Дионису, одной капли достаточно, чтобы превратить чашу в чудесный фонтан молодости.

Он поднял чашу в мою сторону, и я сделала шаг назад, в ужасе, что он ожидал, что я буду пить из нее.

— Не волнуйся, это не напиток для живых. Но с другой стороны, один глоток, влитый в мертвые губы, — и к тому времени, когда взойдет следующая луна, жизнь вернется к телу. На этот раз навсегда.

— Тогда как моя сестра оказалась в похоронном зале?

— Это был единственный путь.

— Но почему, если никто и не собирался проводить похороны?

— Потому что новости о пропавшей студентке стали бы катастрофой для всех, участвующих в этом. Новые расследования, вопросы СМИ, предложения вознаграждения за любую информацию... судорожный поиск искомого был бы просто бесконечным. С другой стороны, пропавшее тело *мертвой* студентки — эта новость забывается за одну ночь. Здесь

нет никаких перспектив погони за тайной, никакого красивого счастливого конца. Подобная статья попадет на первую страницу, затем эту страницу скомкают и выбросят в мусорную корзину, вот и все.

Может быть, это и было концом для всех остальных. Но были еще два человека в месте, который я зову своим домом, и они никогда не переставали надеяться найти все ответы на свои вопросы. И они так и продолжать ждать их всю свою жизнь.

— И Рис тоже закончил свою прежнюю жизнь в похоронном доме?

— Нет, у него не было никаких видимых изменений, поэтому он продолжил учиться в школе. Только двое поняли, что с ним что-то не так — его брат и тот дворецкий. Брат, конечно, осознал это лишь спустя годы.

— Почему тогда Эльза изменилась, а он нет?

— Потому что он ни с кем не заключал договор. Когда я приложил чашу к его мертвым губам, он получил бессмертие — и все, предлагающееся к этому, — но без обязательств, как вы, люди, любите говорить. Конечно, он стал обязан *ей*, и так будет всегда. Но не самому Дионису. Что и делает даemons прекрасным созданием, практически ничем не отличимым от обычного смертного.

— А моя сестра?

— Твоя сестра вынудила бога на самое чудовищное соглашение: заставила смерть отступить от уже принесенной жертвы. Немногие осмеливались рискнуть, невзирая на последствия подобной сделки. Так что она... обратилась, если можно так сказать. Претерпела метаморфозы. Той ночью она отделилась от человеческой сущности настолько, насколько это возможно, хоть снаружи и осталась прежней. Отделилась настолько, что никогда не сможет вернуться.

И все же, тогда, под сосной, она казалась человеком...

— Это вы украли ее тело из гроба?

— Бессмертие характеризуется глубочайшим одиночеством из всех вообразимых. Мне не хотелось, чтобы первые мгновения в этом качестве она провела в похоронном бюро, да еще и одна.

— А Риз?

— Когда он очнулся, она была с ним.

Меня взволновали мысли о том, как Риз открыл глаза и увидел ее, как она улыбнулась ему, осознавая, что отныне он принадлежит ей навечно.

— Именно этого Эльза и добивалась, верно?

— Это определенно было эффективнее любого кольца, что она могла надеть на его палец. Но чего она хотела на самом деле, так это быть девушкой, на чей палец однажды захочет надеть кольцо *он сам*.

— Рано или поздно она будет этой девушкой.

Сатир замолчал, подбирая слова.

— Я верю, что он уже нашел ее. И она не та, с которой он видится при полной луне.

— Пока, может, и нет. Но всем остальным не суждено задержаться в его жизни надолго, включая меня.

— Краткость не имеет значения. Как ты знаешь, любовь упряма. Она не уходит, когда вторгается разлука.

В его голосе слышалась едва различимая горечь, и мне стало интересно, так ли сильно его сердце отличалось от наших человеческих.

— Для одной ночи размышлений достаточно. Последний шаттл до «Форбса» будет здесь довольно скоро. — Он поднял руки, и Проктер Холл снова стал нормальным: два тела исчезли, а канделябры застыли, вернувшись к привычному электрическому освещению. — Я могу организовать куда более быстрый транспорт, но на сегодня, вероятно, с тебя хватит феноменальных событий.

Я улыбнулась, осознав, как прав он был.

— Шаттл будет в самый раз.

Он открыл тайную дверь у алькова и оказалось, что та вела сразу наружу.

— Сайлен, мне бы хотелось увидеть, где умерла моя сестра. — Он приподнял брови, снова поправляя меня. — То есть, где она перестала быть человеком. Вы упоминали, что это произошло где-то рядом?

— Прямо по соседству. — Он указал на смежное здание, в котором я узнала Уайман Хаус, дом, где жил декан, на чьи владения я однажды случайно посягнула. — Поверь, это место такое же, как и прочие.

— Не такое же. Не для меня.

Я последовала за ним по заднему двору через туннель из листвы, что куполом нависала высоко над нашими головами и шелестом отзывалась в темноте. Закончился туннель в саду. Как он и сказал: такое же место, как и прочие. Гравиевые аллеи. Геометрические цветочные клумбы. Ровно подстриженные фигурные кусты. В центре же сада был изолированный каменный водяной фонтанчик, грезивший, чтобы к его горловине вернулся давно покинувший его голос.

Я обратила внимание, что там не было носика, просто гладкая восьмиугольная поверхность.

— Он всегда исполнял роль часов?

Сайлес кивнул и наверх поместил свою флейту, после чего отпустил инструмент. Трубочки остались на месте (одна — лежащей на плоскости, другая — указывающей на ночное небо), словно были удерживаемы заклиниванием. И появились часы. Отбрасывающие тонкую безобидную тень в виде угла — около пять часов, спустя неделю после последнего полнолуния.

— Твоя сестра была... она была необыкновенно...

Я слышала это слишком часто.

— Смелой?

— И это тоже. — Огромные глаза лихорадочно засверкали в свете полной луны, словно сами были циферблатами. — Но, кроме того, она была невероятно стойкой.

Он, должно быть, решил, что я буду такой же, как и она. Но я не была ни смелой, ни стойкой. Даже само нахождение в саду, где некогда была ожила шипящая змея, вонзившая свои клыки в мою сестру, наполняло меня таким ужасом, что с тем же успехом этот яд мог растекаться в моей собственной крови.

— Я знаю, Эльза была смелой, но как она ввязалась во все это? Все эти темные ритуалы и жертвоприношения... все это захватило ее задолго до встречи с Ризом, разве не так?

— Тьма не захватывает нас по своей прихоти, Тейя. Она тщеславна. И жаждет быть приглашенной.

Когда мы вернулись к Кливлендской башне, автостоянка пустовала. Последний шаттл до Форбса, должно быть, ушел.

— Не переживай, мы его не пропустили.

Мне стало интересно, о каких еще моих мыслях он догадался. Или прочитал. Либо просто знал. Находиться в его присутствии было тревожно и в то же время легко: хоть раз в фильтрации мыслей не было смысла.

— Что мне теперь делать, Сайлен? Я не могу делить с ней Риза. Ни за что.

— Делить с кем-то любимого — сложнейшее испытание для человеческого сердца. Но что, если та, с кем ты делишься — твоя сестра?

— Если уж на то пошло, это еще труднее. Эльза так похожа на меня, только... лучше.

— Лучше для кого? Не забывай, что Риз выбрал *тебя*. Все прочее иллюзорно. Эфирно, как одуванчики, чьи воздушные головки так легко сдуты, отправив в небытие.

Для него это было ничто. Но не ему приходилось жить с мыслями об Эльзе. Страшась ее. Завидуя ей. Видя ее лицо в каждом зеркале.

— Ты любишь его? — Тревога казалась нелепой на лице того, от кого я ожидала этого меньше всего. — Потому что если ты можешь разбить его сердце, чтобы защитить от сложностей собственное, тогда ты его не любишь. И, вероятно, никогда не полюбишь.

Я хотела ему сказать, что на этот раз способность читать мысли его подвела, но на какую-то секунду отвлеклась на рев приближающегося шаттла. Когда я развернулась, то обнаружила лишь тьму. Простирающуюся во всех направлениях и беззвучно посмеивающуюся над девушкой, привнесшей во мглу еще один кошмар.

МУДРЕЙШИЙ ИЗ САТИРОВ знал все. Для него прошлое и будущее были частичкам бесконечного, непримечательного, отшельнического настоящего. Но в одном он ошибся: я бы никогда не ранила Риза, чтобы защитить свое сердце.

"*Ты первая женщина, которую он полюбил по — настоящему*". Все это говорили: Джейк, Сайлен, даже Кармела в ее задорном стиле намекала, что Риз наконец влюбился после того, как годы тому назад почти влюбился в кого-то (как будто девушка вроде Эльзы примирилась бы с этим «почти»).

И все же он существовал — парень, разбивший сердце неземной ведьме. Должно быть, он встретил ее в Болгарии во время поездки, о которой не хотел говорить. Вероятно, из — за него она и решила поступить в Принстон. Затем, по какой-то причине, о которой я не знала, их отношения не сложились. Дальше была ссора. Авария. Чтобы вернуть его к жизни, она стала тем, что, казалось, существовало только в легендах. *Самодивой*. А он, чем стал *он*?

Согласно словам Джайлса, древнегреческий демон был шадящей версией Диониса. Он был наполовину человеком, наполовину богом. Чувственным. Темпераментным. Склонным к безумству и даже жестокости. Но мне не хотелось думать, что Риз по своей натуре опасен. Описание Сайлена ему подходило больше: «*Прекрасное создание, практически ничем не отличающееся от простого смертного*». Значило ли это, что он мог любить так же, как и смертный мужчина? Что, несмотря на бессмертие, его сердце тоже могло быть разбито?

Потому что с другой стороны был Джейк. Несомненно и бесспорно — человек. Джейк который во многом был больше похож на меня: не полубог, а живое существо со своими страхами, пороками и чувством собственного несовершенства. Он нуждался в ответе. В моем запоздалом решении: он или его брат.

К несчастью, три месяца отношений что-то да значат. Теперь, когда все плохое, произошедшее за эти месяцы, показалось в совсем ином свете — Риз на самом деле жертва, а не злодей — я и мысли допустить не могла, чтобы оставить его.

Но так же я не могла не желать быть с Джейком. Люди, наверно, мирились с подобным

постоянно. Регулярные встречи с одними, а ощущение связи с другими. Кратковременные фантазии. Внезапные влюбленности. Краденые раз от раза поцелуи. Это не значит, что так собиралась поступать и я, или что Ризу стоило об этом знать. Он сам сказал: *”Знание всегда все меняет. Оставайся со мной просто так”*.

Эти слова не покидали моих мыслей, даже когда я очнулась следующим утром, проспав двенадцать часов кряду. *«Оставайся со мной...»*

Измученная тем, что так долго тратила время впустую, я понеслась к его дому, но тот поразил меня своей заброшенностью с самого порога: входная дверь была распахнута настежь, словно это место было покинутым целую вечность. Затем до меня дошло, что это могло быть обычной невнимательностью, и Риз мог попросту спать (если демоны вообще спят). Я поднялась в его спальню и постучалась — ответа не последовало. Когда я вошла, до меня доносился лишь звук струящейся воды.

Он стоял под душем в одежде, руками прислонившись к стене и склонив голову так низко, насколько позволяли шейные позвонки. Поток лился на него, не переставая — цвет джинсов индиго, намокнув, стал еще темнее, пропитавшаяся майка, трепетавшая под струями, была оттенка спелого лимона, а вокруг него все было белым, ослепительно белоснежным...

Затем он повернулся. Увидел меня. Потянулся выключить воду, не разрывая зрительного контакта. Его лицо было пепельным, и я не стала дожидаться вопроса.

— Риз, я знаю правду, и она не меняет ровным счетом ничего.

Он схватил меня прежде, чем я закончила предложение. Обхватил руками, захватил ртом, приподнял и пригвоздил к стене, покрывая поцелуями повсюду, пока пространство вокруг не сузилось до наших прижимающихся сквозь одежду друг к другу тел, мокрых, пылающих, ноющих от желания и забывших обо всем.

Когда мы, наконец, притормозили, я заметила, что мы высохли.

— Как ты это сделал?

— Не хотел, чтобы ты простудилась.

— Да, но я просила не об этом.

— Ты права. Больше никаких секретов.

Он посмотрел вниз — пол оставался мокрым. Внезапно вся вода поднялась в вихре. Все ускоряющемся. Начавшем закручиваться так быстро, что мои глаза уже не были способны уследить... После водоворот стал ярко — красным и обрушился обратно на пол, приобретая форму гигантского мака, чьи лепестки вспыхнули на какую-то секунду, а затем рассыпались на миллион капель, которые исчезали, проникая в плитки кафеля, оставляя их сухими и, как прежде, белыми.

— Ты кажешься испуганной. Мне не стоит делать подобное на твоих глазах?

— Просто... Мне нужно время, чтобы привыкнуть. — Хотя, я не была уверена, что вообще смогу, да и не знала, как привыкнуть к подобному.

— Что тебе рассказал Джейк?

Я подытожила все, сведя к нескольким словам.

— Все примерно так и есть. Остальное — детали.

— Мне, наверно, стоит знать и их.

— Они неприятные, Теа. Я принадлежу ей раз в месяц, вот и все.

— Это просто секс, разве нет?

— Все, что ей заблагорассудится. Она может делать с моим телом что угодно — таков

уговор.

Даже одна мысль о том, как она прикасается к нему, вызывала тошноту.

— Ты когда-то был в нее влюблен?

— Я? Ты серьезно? — Его смех обрушился на плитки, как водоворот мгновение тому назад. — Если бы это было так, ей бы не нужна была эта проклятая договоренность.

— Эта договоренность была заключена не ради нее. Она спасла твою жизнь.

— Я не просил об этом. Кроме того, для начала, авария случилась по ее вине. Так что, поверь мне, я сделаю что угодно — абсолютно все — чтобы освободиться от нее.

— Со стороны так не казалось.

— Не казалось что?

— Ты увидел меня там, у дерева. И даже не остановился.

— Остановиться? Ты хоть представляешь, что бы произошло, если бы она заметила тебя?

— Я читала легенды.

— Ты читала пустышки. Эта женщина подлая: она получает удовольствие от убийств и разорвала бы тебя на кусочки, если бы я не...

— Риз, она моя сестра.

— Даже не рассчитывай на это, поняла? Когда-то она, может, и была твоей сестрой, но сейчас в ней от человеческого не осталось ничего. Ничегошеньки!

Сайлен говорил то же самое: *«Отдалилась от человеческой сущности настолько, насколько это возможно... настолько, что никогда не сможет вернуться».*

Мы зашли в спальню, он положил меня и, перекатившись на живот, расположился рядом.

— Спрашивай меня о чем угодно. О чем еще хочешь знать.

Я уже знала важнейшую деталь, но отчасти надеялась, что он будет ее отрицать:

— Что произойдет, если ты перестанешь с ней видеться?

— Это не вариант. Правила просты: я не протестую. Не заставляю ее ждать. Не отказываюсь ни от чего.

— И все же?

— Однажды я пытался. Ничего хорошего. — Гнев в его глазах разъяснил мне остальное. — Так я и выяснил, что единственными действенными средствами, обладающими лечебными свойствами, являются алкоголь и женщины. Выпивка стирала память. А женщины, они... — Он покачал головой, как будто вся парадоксальность ситуации даже для него была непостижимой. — Они были компенсацией за все то, что она творила со мной. Такой абсурдно, невероятно услужливой компенсацией. Мне нужно было лишь выбрать одну из них — или больше, без разницы, — и, можно сказать, дело было сделано.

Теперь мне стало понятно, почему тогда, в нашу первую встречу, мой отказ стать очередным «сделанным делом» рассердил его.

— И все это облегчало встречу с Эльзой?

— Сильно облегчало.

— Каким образом?

— Просто облегчало.

— Мне нужно знать, Риз.

— После нескольких женщин в «Плюще» еще одна на поле для гольфа уже не кажется

такой уж проблемой.

— Ясно. Так ты просто... добавил меня в эту мешанину?

— Тебя? — Он взглянул на потолок и улыбнулся. — Ты оказалась чем-то совершенно иным. Только мой взгляд упал на тебя и мир внезапно погрузился в покой. Покой, о котором я и не мечтал. Я знал еще до того, как ты заговорила, до того, как коснулся тебя, что все, что мне нужно — это быть рядом с тобой.

— Даже несмотря на то, что я так похожа на нее?

— А может и благодаря этому. Я, само собой, понятия не имел, что вы родственницы, но... ведь поначалу я и к ней тянулся. От нее веяло тем великолепием, той непорочной невинностью, что заворожила меня. Разве что в твоём случае она оказалась истинной.

— А в ее — нет?

Он предпочел не отвечать. Учитывая инциденты вроде Голых Олимпийских Игр, назвать Эльзу «невинной» язык не поворачивался.

— Неужели к тебе и вправду не закралась мысль о том, что мы можем быть родственницами?

— Да ладно, кто бы мог такое подумать? Между вами разница в пятнадцать лет, и она никогда не упоминала младшую сестренку. Я решил, что сходство было обыкновенным совпадением, неким восточноевропейским типажом, к которому у меня, по всей вероятности, была слабость. К моменту, когда я узнал, было слишком поздно. Я уже был на крючке.

— Как ты узнал?

— Когда Джейк на ужине назвал твою фамилию. Полагаю, он видел афишу о твоём выступлении.

Не удивительно, что Риз тем вечером отвез меня в Форбс, не проронив ни слова. *«Приятно познакомиться, Теа Славин»*. Мое имя стало тайной мстью Джейка, свершаемой над его братом за то, что тот увел его девушку.

— И тогда начался ад. Я пытался держаться от тебя подальше, но не смог. Затем я заключил с собой договор: мы будем с тобой вместе, но никакого секса, пока ты не узнаешь правду. Само собой, я почти нарушил его. И все равно не смог объясниться с тобой.

— Почему?

— Потому что думал, что ты будешь опустошена. Что я должен был сказать? *«Кстати, детка, я раз в месяц имею твою сестру»*?

— Ну да. Так же, как сказал мне, что можешь встречаться с другими девушками.

— Я не говорил такого.

— Не так, ты всего лишь сказал, что ты не из тех парней, что встречаются лишь с одной.

— Потому что это не так, Теа. В моей жизни всегда будет другая женщина. Та, которую я не выношу.

Кажется, я тоже буду ее ненавидеть. Раз в месяц, каждое полнолуние.

— А что об остальном?

— Остальном?

— Те парни в джипе.

— С этим покончено. Той ночью, когда ты явилась перед моим домом, я мог убить Эвана за ту бессмыслицу, что он выболтал перед тобой. Я злился на него. На себя. На весь долбаный мир. А потом все стало еще хуже. Мы поссорились из — за Карнеги Холла.

— Все равно не понимаю, почему ты сказал, что не можешь пойти. Полной луны не

было до субботы.

— В основном из — за чувства вины. Как, по — твоему, я должен был встретиться с твоими родителями, зная, куда пойду следующей ночью?

— Но ты все равно пришел на концерт. Я нашла твою записку.

— Я должен был услышать твою игру, так или иначе. Я планировал наблюдать издалека, потом вернуться сюда и в субботу встретиться с Эльзой. Все получилось, почти.

— Почти?

— Я не ожидал, что буду ревновать к брату.

— Ты. Ревнуешь к Джейку.

— Нет, не в этом смысле. Я верю Джейку больше, чем самому себе. Но завидую его свободе. Тому, что он может провести с тобой вечер как нормальный парень, какой тебе и нужен — а не с моим багажом.

Я старалась не думать о том, что мне нужно, или как все бы обернулось, если бы в итоге я была с Джейком. Риз тоже затих. На стене, высоко над нашими головами, нарисованный двойник восседал в спокойствии, охраняя собственную тишь.

— Мой профессор по древнегреческому искусству однажды упоминал демонов.

Он проследил за моим взглядом, направленным на полотно.

— И?

— Все не так плохо. Определенно сверхъестественный, но не злонамеренный дух. По крайней мере, в древнегреческой мифологии.

— Обнадеживающее начало. Что дальше?

— Обладает несравненным интеллектом и талантом в области искусств. Поэтому ты так хорошо играешь на фортепиано?

Он рассмеялся.

— Мне нравится думать, что моя игра и до этого не была ужасной. Но тебе стоит послушать моего брата. Вот уж кто может фантастически порхать по клавишам даже без демонических способностей.

Все, кто знал Джейка, ясно дали мне понять, каким великолепным пианистом он был: Ферри, теперь Риз, и даже моя сестра, которая больше не принадлежала человеческому роду, годы назад назвала его «*чудо руками*». Но меньше всего я хотела подтверждать мнение о феноменальной игре Джейка. Так было безопаснее для всех.

— Кстати, говоря о моем брате, мне нужно позвонить ему. Вчера я потерял самообладание. — Он все еще не знал, что я подслушала их ссору. — Подожди здесь, скоро вернусь.

Разговор, похоже, был быстрым, потому что он вернулся сразу же.

— Все улажено. Джейк будет здесь через час.

— Ты рассказал ему?

— О чем?

— Что мы помирились.

— Нет. Зачем портить сюрприз? Когда он приедет, то выяснит это сам.

Мы спустились вниз, на кухню, где было столько шкафов, что, казалось, еды бы хватило накормить весь Принстон. Он налил мне бокал вина, но я едва пригубила его. Джейк мог войти в любой момент. Что я могла ему сказать? Как могла посмотреть ему в глаза?

Риз, тем временем, продолжал рассказывать истории о его младшем брате, когда тот

был ребенком: о том, что первый урок игры на фортепиано у Джейка был в возрасте пяти лет; как Джейк упал с дерева и сломал два пальца, после чего рыдал и кричал, что больше не сможет играть; как тот испугался голубя, влетевшего через одну из стеклянных дверей и выскочившего из фортепиано, когда Джейк начинал играть...

Ни один из нас не услышал его шагов. Я почувствовала на себе взгляд — того, кто тихо прислонился к двери, как всегда затянутый во тьму собственных мыслей.

У меня начала трястись рука, так что я поставила бокал на столешницу. *Клик.* Удар ножики о гранит. Риз обернулся на звук, увидел брата и поторопился обнять его.

— Добро пожаловать домой! Прости за вчерашнее, иногда я могу быть таким придурком.

Никакого ответа, лишь кивок.

Риз обвил свою руку вокруг меня.

— Я никогда не был счастливее и этим обязан своему брату. Нам стоит отпраздновать.

Наконец, с губ Джейка сорвалось слово:

— Нам?

— Тебе, мне и Теа. Но на этот раз минуем Плющ. Настоящая тусовка за пределами кампуса.

— Вы вдвоем можете идти. Увидимся утром.

— Это шутка, так? Суббота же! К тому же, я хочу, чтобы в лучшую ночь в моей жизни ты был со мной.

Джейк продолжал смотреть на Риза и черты его лица смягчились.

— Во сколько выходим?

— Около девяти. После ужина.

— Я не голоден.

— Джейк, да ладно тебе! Я же сказал, что извиняюсь и жалею о том, что было вчера. Скажи, как мне доказать это, и я докажу.

— Тебе не нужно ничего доказывать. Был долгий день, и если ты хочешь, чтобы я потом пошел с вами, придется поужинать без меня. Просто зайдите за мной, когда будете готовы.

Все это он проговорил, не сводя глаз с Риза. Затем, ни за что в кухне не цепляясь взглядом, он развернулся и поднялся наверх.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Отвержение Эстлина

ВЕЧЕРИНКА БЫЛА ВСЕГО В нескольких милях от кампуса. Риз предположил, что м

все отправимся на Рэйндж Ровере, но Джейк настоял на том, чтобы поехать на своем мотоцикле — я знала слишком хорошо почему.

По размеру и роскоши дом был под стать Галечнику, хотя не хватало легкости, с которой безупречный стиль смешивает старое с новым, оставляя свой след на всем. Мы вошли с двумя братьями по обе стороны от меня (рука Риза на моей — тонкое напоминание, с кем из них я была), и все повернули свои головы — острые взгляды женщин, отражающие их зависть ко мне, готовые сжечь меня до пепла, чтобы смело претендовать на обоих этих великолепных мужчин в течение вечера. И было много женщин. Риз знал почти всех их. Одним он улыбнулся, другим слегка кивнул, но не обнимал и не пожимал никому руку. Джейк шел рядом со мной как тень, смотря перед собой в никуда, не потрудившись даже ни с кем поздороваться.

Огромная овальная библиотека была преобразована в бар на ночь. Мы только вошли, как знакомый голос заставил мои внутренности перевернуться.

— Риз! Наконец-то, дружище! Мы думали, что ты снова на нас забил. — Эван поднял кулак и ждал, пока Риз сделает то же самое.

— Я всегда прихожу, если говорю, что буду. Теа, это — Эван, хозяин вечеринки.

Я не могла избежать рукопожатия, но говорить мне ему было нечего. Он поспешил с извинением, которое Риз, должно быть, потребовал для меня заранее.

— Прости за прошлый раз. Я не думаю, что говорю.

Это было мягко сказано. Я улыбнулась так вежливо, как могла, пытаюсь не поощрять дальнейший разговор.

После быстрой, окутанной табачным дымом, болтовни он оставил нас, дав последний совет, чтобы мы развлекались на полную катушку с коллекцией спиртного его папы. Когда Риз выдвинул стул для меня за одним из столов и спросил, что мы будем пить, я знала, что момент, которого боялась, наступил. Когда в течение минуты или двух мы с Джейком останемся наедине.

Он сел напротив меня. Его тело раскинулось на стуле с отрешенным видом — вытянутые ноги, локти были расположены по разным сторонам спинки, голова наклонена вперед. Его глаза проследили за шагами Риза по полу, избегая меня.

— Я должна была вернуться к нему, Джейк.

— Я знал, что ты это сделаешь.

— Но это не значит, что то, что произошло в моей комнате...

— Ты не должна объяснять. Нет лучшего человека, чем мой брат, и я счастлив за вас обоих.

Через какое-то время, не касаясь напитка, который Риз поставил перед ним, он сказал, что хочет подышать немного воздухом.

Риз наблюдал, как он уходит, а затем покачал головой.

— Мы должны найти ему женщину, Теа.

Я не могла заставить себя рискнуть ответить.

— Мой брат ведет себя так, будто потерял желание жить. Я видел такое однажды, и не могу позволить произойти этому снова. Мы должны познакомить его с кем-то. Сегодня вечером.

Однажды. Он, вероятно, не мог иметь в виду Эльзу; должно быть, был кто-то еще. Мысль обеспокоила меня, и я перестала осторожничать.

— Я не думаю, что твой брат нуждается в помощи. Он может заполучить любую

женщину в этой комнате.

— Да, но женщина, которая сделала это с ним, не находится в комнате, а другие, кажется, не существуют для него. Таким образом, его нужно немного подтолкнуть. Предпочтительно к какой-то горячей штучке, которая отымела бы его до потери сознания.

— Это не должно быть проблемой.

Он смотрел на меня в течение секунды, прогоняя подозрение, прежде чем оно сформировалось.

— Нет, найти ее, конечно, не будет проблемой. Но вот вызвать у него желание — будет.

Мысль о Джейке с другой женщиной — одной из многих великолепных женщин в комнате — больно ударила меня в грудь. Ему было наверняка намного хуже. Видеть меня с Ризом. Быть вынужденным смотреть снова и снова на то, как его брат встречается с девушкой, которая должна была быть его.

— Ну ладно. Как насчет... ее? — Я указала на высокую блондинку, рассматривающую книжные полки.

— Нет, не та.

— Почему нет?

— Это не тип Джейка. — Он медленно проговаривал слова, как будто борясь с мгновенной амнезией, и я поняла, что что-то еще привлекло его внимание. Что-то, чего не было в комнате прежде. — Вон *та*.

Он легким кивком указал мне, куда смотреть, но мне это было не нужно — девушку, которая только что вошла, было невозможно не заметить. Она выглядела безупречной, словно скульптор вырезал свой готовый шедевр из чистого белого мрамора, затем воплотил его в жизнь. Пышная медная копна струилась волнами до ее талии, одурманивая все место своим удивительным цветом и вводя в заблуждение, что последний летний закат скрылся позади нее, пробиваясь сквозь толпу. Она улыбнулась всем — доброжелательный жест, поскольку была среди простых смертных — и начала двигаться с абсолютной уверенностью, будто владела каждой молекулой воздуха в комнате.

— Так, что ты думаешь? — Риз, казалось, наслаждался каждой секундой этого.

Я думаю, что из — за нее мы все кажемся карандашными набросками.

— Ты знаешь тип Джейка. Не я.

Он посмотрел на нее снова, пока она, наконец-то, не заметила его, и ее улыбка бросила мгновенный вызов — вызов равному.

— Ах, говоря о моем меланхоличном брате — вот он, как раз вовремя.

Джейк сел. Взял свой стакан и выпил половину на одном дыхании. Риз наблюдал за ним с определенной искрой в глазах, которая всегда присутствовала, когда он собирался посмеяться над кем-то.

— *Грущу я об отсутствии того, что миг укоротило бы его*²⁰. Да, Джейк? — Тогда он повернулся ко мне и пояснил. — Отсутствие любви. Объяснение Ромео того, почему время для него так долго тянется.

— Я читала пьесу.

— Конечно, читала; я недооценил свою женщину! — Он наклонился и поцеловал меня. Глаза Джейка переключились на толпу. — Я как раз собирался сказать нашему мечтательному Ромео, что мы нашли кое — кого, кто очень сильно сократит его часы.

Брови Джейка изогнулись.

— Мы?

— Да. Мы с Теа нашли тебе прекрасную женщину.

— Вы *нашли* мне женщину. И что заставило вас думать, что мне нужно кого-то искать?

— Твое угрюмое лицо. В последний раз я видел на нем улыбку несколько месяцев назад.

— Что-то я не припоминаю много улыбок в нашем доме. Не в последнее время, по крайней мере.

— Туше! — Риз разразился смехом. — Но именно об этом я и говорю. Ты решил мою проблему, и теперь я хочу сделать то же самое для тебя.

— Я сам могу решить свои проблемы, Риз.

— С возложением на себя безбрачного обета? Отличное решение.

— Самым лучшим решением — для всех — будет сменить тему разговора с меня.

— Упрямый, как я и говорил тебе. — Риз пожал плечами в мою сторону, но я поняла, что это еще не конец. — Джейк, серьезно, ты должен приглядеться к этой девушке. Мы были оба сражены, когда она вошла.

— Сражены с первого взгляда? Всегда многообещающее начало. — Его глаза пытались уловить мои. — И коллективное «мы» решили, что я должен приударить за женщиной, которую оно выбрали для меня?

— На самом деле, «мы» — не совсем коллективное. Сначала выбрала Теа, но у меня было другое мнение.

— Ясно. Таким образом, я должен за это Теа? — Он сказал это только мне. Смотря на меня. Ожидая, пока я подниму взгляд, чтобы объяснить все это — но я не могла. Мой мозг закрылся, в полном ужасе от того, когда же это закончится. — И кого она выбрала?

— Ту, которая просматривает книги. Но затем вошла рыжая, и мы поняли, что она идеальна. Вон там, у камина.

На то, чтобы заметить девушку, у Джейка ушла всего секунда. Быстрым движением он склонился над столом к своему брату, с шумом поставив пустой стакан на стол.

— Эта твой способ пошутить?

Риз немедленно отстранился.

— Прости. Виноват.

— Что именно ты пытаешься сделать, обыграть меня?

Схватка разрасталась так быстро, что основная причина должна была быть чем-то из прошлого, не связанная со мной.

— Забудь, хорошо? Я просто подумал, что она бы понравилась тебе, — вот и все. — Риз продолжал отступать. — Нам, вероятно, следует отправиться домой, в любом случае. Теа кажется усталой.

— Слишком поздно, чтобы уезжать теперь. — Глаза Джейка вернулись к рыжей, осмотрев ее с ног до головы. — Я в игре. В конце концов, что терять?

Он пошел прямо к ней. Я наблюдала, как она первый раз бросила на него свой взгляд, как он сказал свои первые слова ей — слова, которых я никогда не узнаю. Затем она наклонилась и прошептала ему что-то в ответ, коснувшись его локтя; несколько ее локонов упали ему на плечо, чтобы предъявить на него свои права так, что он и сам этого не заметил.

Мне необходимо было выйти из той комнаты. Или чтобы они двое ушли. Чтобы не видеть это действие и перенести их интимную болтовню в какую-то другую часть дома, где я бы не видела этого.

Но он привел ее к нашему столу. Ее звали Нора. Она сказала это мне первой,

улыбнувшись быстро, чтобы показать смутное любопытство. Тогда она повторила это Ризу — оценивая его, наслаждаясь сочетанием его имени, голоса и рукопожатия.

— Почему мы не видели тебя в Принстоне раньше? — Он начал вести светскую беседу, так как Джейк, казалось, не желал произносить ни слова.

— Принстон — это не мое. Я только что закончила обучение в Европе.

— Действительно? Моя девушка из Европы. — Рука, опустившаяся мне на колено, дала понять, кто была эта «девушка». — Ты была в Восточной или Западной?

— В Праге.

— Здорово! Чешские корни, как я понимаю?

Она покачала головой, и медные волны рассыпались вокруг ее шеи, как будто безумно влюбленный ветер решил взъерошить их. — Хотите — верьте, хотите — нет, но я на сто процентов ирландка.

— Мы тоже ирландцы! Правда, только наполовину. — Взгляд на Джейка, который все еще молчал. — Твое имя, это тогда дань Норе Джойс?

Ее смех раздался хрустальным звоном по воздуху.

— Моя мать обожала Джеймса Джойса. Когда она выбрала имя, папа сказал ей, что, если я окажусь хоть наполовину такой же дикой, как жена бедного Джеймса, то он отречется от меня.

— Я не виню его. — Еще один взгляд на Джейка. — А ты?

— Что я?

— Оказалась хоть наполовину такой же дикой?

— Нет. — Она просияла своей ошеломляющей улыбкой ему. — Намного более дикой. — Тогда ее глаза заскользили по бесстрастному лицу Джейка. — Дикие гены передаются в моей семье так же, как и молчаливые, кажется, в вашей.

— Не волнуйся, мой брат может быть очень милым, если задать правильный стимул. Остальное — просто оболочка. Темная и задумчивая.

— Да, я вижу. — На данный момент ее улыбка исчезла. Казалось, ей это начало надоедать, и она была готова уйти.

Наконец, губы Джейка разомкнулись.

— И под «правильным стимулом» Риз имеет в виду девушку, которая знает, как обращаться с темнотой. — Он сказал это так тихо, что сначала я подумала, будто он говорил со мной. Словно бы мы остались одни в комнате. — Если она существует, я бы отдал все, чтобы найти ее.

Нора не теряла ни секунды.

— Попробуй меня.

Она снова провоцирующе улыбнулась. Откинула волосы назад, а ее щеки покраснели.

Риз встал со стула.

— Для этого мы вам не нужны. Кстати, когда Джейк предложит тебя подвезти домой позже, не садись на его мотоцикл. Возьмите такси.

— Я не думаю, что Джейк будет отвозить меня домой сегодня вечером.

Риз потянулся к моей руке, но замер, когда услышал это. Выражение Джейка не изменилось. Он смотрел на нее, ожидая объяснений.

И она объяснила, но не раньше, чем насладившись своим кратким мигмом победы. Это было единственное объяснение, логический вывод, который не включал в себя отвержения Эстлина.

— Я уже дома.

— Ты — сестра Эвана? — Риз попытался убрать удивление со своего голоса, но не удалось.

— Сводная сестра, хотя иногда я думаю, что это преувеличение. — Она посмотрела на Эвана и его друзей, чьи пьяные голоса сводили на нет настроение в комнате в течение уже достаточно долгого времени. — Так или иначе, было приятно познакомиться с вами. Езжайте осторожно и... Я обещаю развлечь вашего темного и задумчивого брата.

В то время как Риз вывел меня, я старалась не думать о том, что на самом деле означало то обещание.

— Я НЕ МОГ ДОЖДАТЬСЯ, когда мы уже уйдем с этой глупой вечеринки, и ты будешь в моем распоряжении. Это было слишком очевидно?

Мы были в его гостиной. Он начал целовать меня и расстегивать молнию на моем платье, когда звук двигателя издалека напомнил мне, что Джейк еще не вернулся домой.

— Риз, мы не можем делать это здесь.

— Ты можешь делать все, что хочешь, где угодно в этом доме. Это теперь и твой дом тоже.

— Нет, он твой и Джейка. Он может вернуться в любую минуту.

Это замечание заставило его засмеяться.

— Ты так восхитительна, когда паникуешь по поводу владений. В тот раз, когда ты отказалась пройти через мою лужайку, мне захотелось поглотить тебе прямо там, под теми деревьями. Но я думаю, что с уверенностью можно предположить, что Джейк не будет спать здесь сегодня вечером.

— Ты не знаешь наверняка.

— Поверь, мой брат может быть упрямым, но мужчины — это мужчины. Он не откажет ей. Никто бы не сделал этого. На самом деле, я уверен, что он все еще у Эвана и прямо сейчас делает именно это...

Его рука скользнула под мое платье и все от этой ночи — молчаливость Джейка, гнев Джейка, незапланированное завоевание девушки — растворилось как призраки.

— Я хочу почувствовать, как ты становишься влажной... Тебе нравятся мои пальцы там? Или ты хочешь почувствовать мои губы?

Я хотела его губы везде. Но что-то было не так.

— Давай пойдем в твою комнату. Пожалуйста.

— Пока нет. Погоди, у меня есть Шопен для тебя.

Из всех возможных вещей — Шопен...

Он сел на скамью, притянул меня перед собой и начал играть. Это была та пьеса, которая подходила ему идеально: последний из этюдов, посвященный Листу. Я никогда не пыталась воспроизвести ураган этих звуков — не только из — за очень трудной техники (после многих часов практики всему можно было научиться), а потому что она взрывалась великолепием, которое всегда казалось мне не под силу.

Под его пальцами этюд звучал невероятно, триумфально. Он играл его с абсолютной легкостью, зная, что скорость его пальцев, порхающих по клавишам, зарядит меня эмоциями, сравнимыми с на американскими горками. Его лицо переключилось на меня — мои волосы, шею, плечи — но ритм не сбился ни на секунду. Он больше не смотрел на клавиши, но необходимость держать его руки над ними выводила его из себя. Пока

последние аккорды не дали его телу свободу действий. Он переместил меня со скамьи на крышку фортепиано, закрыв его со стуком, который отразился по всей комнате. Его руки, которые больше не нужно было контролировать, стаскивали с меня и с него одежду с сильной, безрассудной настойчивостью.

Я попыталась замедлить его...

— Не надо. — Он поймал мои запястья, ограничивая их в движениях. — Я не могу бороться с этим больше, Теа. Я твой. Весь. Возьми меня.

Его жар овладел моей кожей. Затем весь он — давление его живота, скорость его дыхания, сила его ног, открывающих мои.

— Я умираю, как хочу сделать это, без вины или тайн.

Его голос. Он могло убедить меня в чем угодно.

Но у меня все еще были свои собственные тайны. Невероятное, застенчивое тело Джейка, настолько отличающееся от того, которое приближается ко мне сейчас. Его ошеломляющий поцелуй той ночью, когда я хотела, чтобы он был первым, единственным, кто когда-то был бы во мне.

Мои руки снова оттолкнули Риза.

— Не надо. — Он снова убрал их в сторону. — Говорят, что в первый раз всегда больно. Но больно не будет, я обещаю. Теа, посмотри на меня.

И я посмотрела.

— Я люблю тебя.

Слова пронеслись по мне электрическим зарядом. Я хотела ответить ему. Но мое сердце остановилось.

— Доверься мне, больно не будет. Просто поверь мне. Откройся, откройся для меня...

Внезапно все мое тело почувствовало его. Давление, дрожь во мне и по всей коже, причинение кратковременной боли, которая в тот момент прошла по мне, сильная и пульсирующая, желание охватить его и принять каждой частичкой...

Когда хлопнула дверь, звук показался посторонним, и сначала мой разум не осознал, что произошло. Но все быстро стало ясно. И прежде чем хмурый взгляд Риза подтвердил это, я уже знала.

Джейк застал нас врасплох. Он слышал и видел нас.

Я ВЫСКОЛЬЗНУЛА ИЗ РУК Риза и слезла с фортепиано, желая исчезнуть — из комнаты, из дома, из жизни этих двух братьев. И из своей собственной.

— Это был Джейк, да?

— Сегодня вечером мой брат сошел с ума. Так хлопнул дверью, как будто было нарушено священное воздержание дома.

— Он все еще здесь?

— Это была дверь в его комнату — так что да. Но я надеюсь, что он не побеспокоит нас снова, потому что не хотелось бы заканчивать наш вечер ссорой.

— Он не пытается поссориться с тобой. Это моя ошибка; я — причина его...

— Не будь глупенькой. Мой брат увидел нас, занимающихся сексом, большое дело. Если он не может выдержать этого, то это его проблема, не наша.

Вот только это *была* наша проблема. Моя, по крайней мере. Я должна была рассказать Ризу правду и честно признаться во всем. Но опять же, слова отказывались формироваться.

— Риз, мне, наверное, надо уйти.

— Ты никуда не уйдешь. Если кому-то и должно быть стыдно, то это Джейку, а не тебе. — Он выключил свет и взял меня за руку. — Поднимайся вверх. Ты можешь забраться в постель, пока я побеседую с ним.

— О чем?

— О том, почему он ведет себя так, будто вернулся в период полового созревания. Я хотел, чтобы наш первый раз был прекрасным, а теперь он практически разрушен.

— Ничего не разрушено, ты был удивительный. Я просто... Я не хочу втягивать в это Джейка.

Он улыбнулся, поднял свою рубашку с пола и завернул меня в нее.

— Пожелание учтено. Кроме того, технически твой первый раз еще не закончен. Я планирую не давать тебе спать всю ночь, даже если это означает, что мы будем...

Шум оборвал его. Он услышал его раньше меня: опять двигатель, но на этот раз его рев доносился отчетливо в ночи. Закрылась автомобильная дверь. Затем открылись входные. За смехом девушки последовал ее голос в темноте.

— ...Нет, я не буду просить тебя снова. Но если ты действительно хочешь, чтобы я оказалась *под* тобой, тогда должен сказать мне куда мне идти в жуткой темноте этого дома!

Нора.

Ее шаги отозвались эхом в прихожей и на лестнице.

— Мой телефон почти сел, так что прекрати говорить... — Снова послышался этот ее звонкий смех. — Прекрати говорить, что ты сделаешь со мной, а лучше скажи налево или направо. Да, я наверху.

Еще один звук, едва различимый: дверь открылась и закрылась.

— Наконец-то! Мой брат пришел в себя. Жаль, что он должен был при этом устроить сцену и почти разрушить наш вечер.

Затем он продолжил говорить о Норе. О том, что он мог бы поклясться, что она потеряла голову от Джейка на вечеринке, что была уже заинтересована в нем еще до того, как мы уехали. Я сделала вид, что слушаю, но все, о чем могла думать — это как Джейк овладевал ей. Раздевал ее. Позволял ей делать с ним все, что она хотела.

— Эй, что случилось? — Риз повернул мое лицо к себе. — Тебе, кажется, не сильно понравилась бедная девочка.

— Как она может кому-то не понравиться? Она явно прекрасна.

— Я надеюсь, что Джейк тоже так считает, хотя сомневаюсь в этом.

— Разве ты не говорил, что она — его тип?

— На самом деле, нет. Рыжие волосы и злющий характер. Другими словами в Норе слишком много энергии, она слишком напористая — как породистая кобыла. Но это не то, что привлекает моего брата.

Но этого было достаточно, чтобы пригласить ее в свою комнату.

— Почему он так рассердился, когда ты указал ему на нее?

— Поскольку она напомнила ему кое — кого. Я должен был знать, что не нужно этого делать.

— Почему?

— Однажды Джейк влюбился в девочку, несколько лет назад. Потерял голову, как сумасшедший. Те же самые рыжие волосы, но в остальном — очень хрупкая. Изящная. Она разбила сердце моего брата, Теа. Просто взяла и разрушила, как будто это ничего не значило.

— Как?

— Развлекаясь за его спиной. Я впервые услышал это от кого-то в Плюще и почти поссорился с этим парнем. Думал, что он нес какую-то чушь, чтобы отомстить мне за то, что я проголосовал против него вовремя недели «пик». Затем я услышал это от кого-то еще. Я знал, что это уничтожит Джейка, поэтому решил ничего не говорить, пока не подтвердил бы слухи. Тогда же он узнал от друга, который случайно встретился с ней на вечеринке. Но ты знаешь Джейка. Он доверял ей и выбросил все из головы.

— Чем всё закончилось?

— Я увидел это своими глазами и не мог поверить. Не мог понять, как женщина имеет наглость так изменять моему брату.

Я подумала, подходило ли то, что я делала с Джейком под то же описание. Для этого совсем не нужно быть наглым.

— Он поехал в Сиэтл выступать на одном из наших благотворительных вечеров. Мы были на вечеринке, где она выпила слишком много. В то время как я отвозил ее домой, она начала приставать ко мне, прямо там, в машине, говоря мне, что Джейку не нужно знать. — Гнев взорвался в его глазах. Он был пугающим и отказывался стихать. — Я рассказал своему брату, как только он вернулся. Он расстался с ней в тот же самый день, но ходил как тень в течение многих месяцев. Я не хочу думать об ущербе, который это нанесло ему. Из — за этого мне хочется найти ее и...

Было лучше не воображать вещи, которые он, возможно, сделал бы. — Что произошло с ней?

— Ее отправили в Европу.

— Отправили?! Кто?

— Я сказал ей убираться к чертовой матери из жизни Джейка. Она ушла с очень щедрым предложением. Озвучив свою цену, по правде говоря.

— Ты имеешь в виду... Ты подкупил ее?

— У таких девушек, как она, всегда есть цена, Теа. И, слава богу, что есть.

Девушки, как она. Разве я была на самом деле лучше? Только две ночи назад я целовала Джейка. Давала ему обещания, голая, в своей комнате.

— Ты выглядишь усталой. Пошли спать.

— А демоны вообще спят?

— Это не обязательно. Я думаю об этом как о выборе образа жизни, чтобы быть как можно больше человеком. Если я буду делать это, то мое тело начнет нуждаться в целом пакете. Сон, еда, воздух.

— Тебе не нужно дышать?

— Я мог бы прекратить, если бы захотел. Но я делал это так долго, что мои легкие привыкли к воздуху, и иллюзия почти прекрасна. Мне нравится нуждаться в этих вещах. Становится немного пугающе, когда я не делаю этого. — Он выглядел печальным, когда говорил о том, кем он был. Как будто, если бы это зависело от него все те годы назад, он бы сделал другой выбор. — Что же касается тебя, то ты мне нужна невзирая ни на что. Моя единственная человеческая потребность, которая не является иллюзией.

Мы пошли в его комнату, и скоро он заснул. Я лежала в темноте, прислушиваясь к дому, к его обманчивой тишине. Где-то в другой части дома Джейк был с Норой. Делая с ней все, что обещал по телефону. Все, что он видел, как его брат делал со мной. И даже больше.

Его тип, по версии Риза, был другим — это изящная и рыжая девушка. Я попыталась не думать о той другой девочке и ее роковой красоте, но мой разум все время возвращался к

ней. Невероятно хрупкая фигура. Очень бледная кожа. Восхитительные волосы, рыжина которых покорила сердце Джейка, то же самое сердце, которое она и разрушила.

Теперь я знала, почему он хотел держать своего брата вдали от меня в самом начале. Почему все время он ждал поражения, уверенный, что я выберу Риза, а не его.

Мое сердце всегда будет твоим. В любом случае.

Мне нужно было увидеть его. Но минуты тянулись, а Нора не уезжала. Наконец, я услышала, как сорвался с места мотоцикл: он повез ее домой. Когда тот же самый звук опять послышался возле дома, я выскользнула из постели и вышла из комнаты.

Две идентичных двери были друг напротив друга через каменную лестницу. Одна вела в спальню Риза; другая, должно быть, в спальню Джейка. Я толкнула ее — она даже не была полностью закрыта — и сразу все увидела.

Одежда, разбросанная по всему полу. Открытый пакет презервативов с одной разорванной оберткой, оставленный в спешке рядом с туфлями на шпильках и платьем, буквально разорванным на куски. Та поездка на мотоцикле... Джейку просто нужно было съездить в аптеку? Мои глаза наткнулись на кровать и два тела, безудержно набрасывающихся друг на друга на ней...

Я убежала, когда его лицо оторвалось от нее. Через открытую дверь я услышала ее голос.

— Что это? Ты не...

Затем его собственный, прерывающий ее.

— Оставайся здесь.

Я бросилась вниз по лестнице, но он догнал меня, в одних натянутых джинсах, а в остальном голый, возбужденный и пахнущий ее духами...

— Почему ты пришла ко мне? — Он толкнул меня по коридору в часть дома, которую я никогда не видела. — Ты хотела знать, что я делаю с ней?

— Джейк, я понятия не имела...

— Теперь имеешь: я занимался любовью с тобой. Если я не могу иметь девушку, которую хочу, то буду представлять ее в той, что находится в моей постели. Я воображал столько вещей с тобой...

Он прижал меня к стене, и я попыталась избежать его губ, в то время как его рот преследовал меня.

— Зачем ты пришла? Чтобы проверить, не свело ли меня с ума то, что я увидел вас с Ризом? Свело! Вот почему я позвал Нору. Разве увидев нас вместе, ты тоже не сошла с ума?

— Перестань говорить эти вещи мне!

— Я сумасшедший, Теа, абсолютно свихнувшийся. Я без ума от девушки моего брата, я хочу ее постоянно, даже тогда, когда она не рядом. И я хотел бы сделать сумасшедшие вещи для нее, ты знаешь это, не так ли? Я хочу сделать сумасшедшие вещи с ней...

Его рука поднялась к моей шее, и пальцы сомкнулись вокруг нее.

— *Я не могу предать Риза* — это то, что я говорю себе каждый раз. Но потом я оказываюсь рядом с тобой и...

— Мы должны держаться подальше друг от друга, Джейк.

— Не имеет значения. Я вижу тебя везде, в каждой девушке, которую встречаю. Я продолжаю надеяться, что одна из них изгонит мысли о тебе, но они все становятся тобой, как только я касаюсь их. Ты когда-то думала обо мне, когда ты с Ризом?

Я не могла ему ответить. Я попыталась отойти, но его хватка на горле усилилась.

— Скажи мне. Ты когда-то представляла себе, что это я, а не он?

— Даже если и представляла, то что?

— Ничего, я просто... Я должен был услышать это от тебя. — Его голос продолжал понижаться, сильнее, чем я когда-то слышала. — Я не хочу, чтобы ты забывала обо мне. Я хочу быть в каждом твоём вдохе, стоит тебе только открыть свои губы... — Он наклонился так близко, что я могла ощутить его тепло на своей коже, на своем лице. — Дыши, это все, что я хочу, дыши для меня...

Я задышала, и его губы втянули воздух из моих, не касаясь их. Затем он выдохнул. Я почувствовала, как заполнилась моя грудь: воздухом, который только что покинул его. Как будто он вошел в меня. Заполнив меня собой до тех пор, пока физическая необходимость в нем не стала причинять мне боль.

— Я кончаю от одного твоего дыхания, Теа... Я могу испытать оргазм всего от ощущения твоего дыхания на моем рту...

Будто тысячи фейерверков взорвались внутри меня. Я слышала, как мой голос произнес его имя, и почувствовала себя слабой, онемелой от боли, испуганной его властью, которую он имел над всем моим естеством.

— Отпусти меня, Джейк.

Он остался неподвижным, руки были прижаты к стенке по обе стороны от меня.

— Риз проснется. Мне нужно идти.

— И что, если проснется?

— И что? Он твой брат, и я с ним. Просто отпусти.

Его правая рука упала с боку от меня, безжизненно. Я пошла наверх не оглядываясь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Мой воровской поцелуй

Я проснулась и подумала, что все еще сплю: перед глазами стоял цветочный взрыв. Словно кто-то собрал все цветы на поле и соткал из них ткань.

— Мне кажется, я должен платить за просмотр того, как ты спишь. Оторваться не могу, — Риз сидел ка краю постели с летним платьем в руках и улыбкой на лице. — Как тебе такой выходной наряд?

— Мы сегодня остаемся дома?

— Ни в коем случае. Мы идем гулять, как только ты соберешься.

— А Джейк?

— Он уехал. Обрато в Нью — Йорк, полагаю. — Он подал мне платье, пока я пыталась

совладать со смесью облегчения и вины из — за раннего отъезда Джейка. — Хочу увидеть тебя в нем.

— Я не могу в нем пойти. На улице зима.

— Несомненно. — Он подошел к окну и раздвинул занавески. — И самый настоящий снег.

Снег медленно падал пушистыми белыми хлопьями. Ерунда какая-то. Он хотел, чтобы я надела сарафан в середине декабря?

Пока я умывалась, на свет появилась остальная одежда: бежевое шерстяное пальто и резиновые сапоги в тон, украшенные те же цветочным орнаментом, что и платье.

Он подал мне пальто.

— Вот все, что тебе нужно.

Снег покрывал все и приглушал любые звуки, даже шум мотора, пока мы ехали по пустынным улицам. Когда Риз припарковался, деревья на обочине были едва видны.

— Закрой глаза.

Мы шли в морозной тишине. Неожиданно нас окутало теплом — тяжелым, пахнущим медом, словно летним. Он помог мне снять пальто. Снял с меня ботинки, и мои ноги коснулись чего-то мягкого, упругого...

Трава?

— Можешь открыть глаза.

Нас окружали маки — ослепительные, рвущиеся к небу, пьяняще алые. Тысячи маков. Повсюду, вплоть до деревьев вдали, где все еще лежал нетронутый снег, окружая нас эфемерной белизной.

— Узнаешь место?

Только теперь я заметила старую иву, с ветвей которой стекали в землю сонные видения.

— Так это ты был, тогда? Ты вырастил маки?

— Не смог устоять. Очень хотел произвести на тебя впечатление.

Не то чтобы ему стоило стараться. Мысль о том, чтобы встретиться с воплощением Диониса, сама по себе была достаточно ошеломительной. И немного жуткой.

Мы сели среди цветов. Я все еще замороженно смотрела на далекую полосу, где алые волны обрушивались на снег.

— Как такое вообще возможно?

Он улыбнулся.

— У демонов свои секреты.

— Например? Абсолютный контроль над природой?

— Хорошо бы! Нет, конечно, не настолько.

— Каковы исключения?

— Люди.

Вот этому мне точно было трудно поверить, учитывая, какой эффект он оказывал на всех.

— Какие еще?

— Больше никаких, Теа.

Он начал объяснять что-то о параллельных измерениях и о том, как он создает параллельные вселенные, оставляя остальной мир нетронутым. Точный механизм был за пределами моего понимания, но я знала, о чем он говорит. Я видела, как менялся Карнеги

превратился в видение на те несколько минут, что я играла. Пышная герань разрослась на балконах Манхэттенского концертного зала точно так же, как сейчас бесчисленные маки цвели в заснеженном лесу Принстона, ничуть не беспокоясь о зиме.

Я чувствовала себя ребенком, нашедшим волшебный клад.

— Покажи еще что-то!

Он сложил ладони. Постоял так немного. Развел их совсем чуть чуть, выпуская стайку черных бабочек — точно ветер разметал по полю горстку обрезков бархата. Когда он полностью раскрыл ладони, я увидела тонкое золотое ожерелье: цепочку с бутоном мака, склонившим свою голову с тоненького стебля. Он застегнул ее на мне и поцеловал место, которого коснулся цветок — между ключицами.

— Почему ты так любишь маки?

— Если вкратце, то они символизируют воскрешение после смерти.

— В греческой мифологии?

— В самых разных культурах, включая наших старых друзей греков.

— А если полностью?

Он провел пальцами по ближайшим лепесткам.

— Маки погружают в сон. Моя мать умерла от его недостатка.

— Риз, я... я знаю об Изабель.

— Правда? Кто тебе сказал?

— Кармела. Но она не виновата. Я, наверное, задавала слишком много вопросов.

— Неважно. Смерть моей матери не тайна.

— Ты думаешь, маки могли бы ее спасти?

Он сорвал один из множества цветов вокруг нас, несколько секунд изучал его, затем отбросил в сторону.

— Маки никого не могут спасти. Они так быстро умирают, как они могут вернуть мертвых?

— А демоны могут?

— Только одна вещь может, и ты уже знаешь, что это. А все остальное, все это, — он обвел рукой поле, — подчиняется мне. Хотя я стараюсь не слишком влиять на реальность. Только если я чего-то очень хочу, и нет другого способа получить это.

— Как картина в твоей комнате?

— Пришлось сделать собственную: та, что хранится в Третьяковке, не продавалась. Они в сущности одинаковые, только на моей нет следов времени. Выглядит точно так же, как в день, когда была написана.

Лучше, чем оригинал. Я подумала о другом «оригинале», о том, с которым всегда буду себя сравнивать.

— Риз, я похожа на нее?

— На кого?

— На мою сестру.

Его тело напряглось точно так же, как несколько месяцев назад, когда я впервые упомянула Болгарию, на этом самом поле.

— Нет, не похожа. И я бы не хотел, чтобы было иначе.

— Почему?

— Потому что ты не... пытаешься заполучить людей. Ты позволяешь им оставаться рядом, пока они не захотят принадлежать тебе. Но ты и тогда этого не делаешь. Поэтому я в

тебя и влюбился.

— А Эльза?

— Она непременно хотела добиться своего. Не представляешь, как это раздражает. — Его взгляд блуждал по полю, за пределами незримых границ теплого пузыря. — Мы познакомились летом, перед началом учебы в университете, на конкурсе пианистов в Болгарии. Мы оба стали победителями и выпили во время празднования. Когда началась учеба, она не переставала писать мне. Кажется, я ответил только раз — все это было бессмысленно. Но потом она подала документы в Принстон, и я... поддался. Она была самой сексуальной девушкой кампуса. А я был глупым и тщеславным, так что она решила облегчить мне задачу. Все было слишком просто, Теа! Мне оставалось только не говорить нет. Толпы парней были у ее ног, а мне и палец о палец не пришлось ударить. Я заполучил девушку, о которой все мечтали. Она была в моей постели. Каждую ночь.

Он откинулся назад. Его локти примяли несколько маков, но ему, кажется, не было до них дела.

— А потом ее выходки начали раздражать. Она вечно меня преследовала. Я предупреждал ее с самого начала, что мне не нужна девушка. Что это всего лишь секс, ничего серьезного. Но она вела себя так, словно я шутил. Когда я попытался разорвать отношения, она точно с ума сошла: плакала, умоляла, угрожала. Потом она резко сменила пластинку и предложила что-то совсем иное: перемирие на моих условиях. Никаких ожиданий. Никаких эмоций. Хотел ли я сходить с ней на вечеринку тем вечером? Скрепить договор печатью, так сказать. И не просто вечеринку — на «лесной пир за пределами наших дичайших инстинктов». И конечно, я пошел. Так это безумие и началось. Как только меня во все это втянули, пути назад не было.

— Втянули во что?

— Ритуалы. Кто бы мог подумать, что какая-то там древняя языческая фигня переживет пару тысячелетий, а? Сначала я думал, что это шутка. Ну или какие-то сестринские заморочки — явно не американского происхождения, это все, что я знал. Что бы это ни было, в общем, я никогда не делал ничего подобного. Я был свободен и неуязвим — и меня это очаровывало. И одновременно чертовски пугало. Но оторваться было невозможно.

— А кем были остальные женщины?

— Мужчины там тоже были, я был не единственным. И они казались нормальными парнями. Но женщины, они... — он искал выражение помягче. — Они были готовы на что угодно, Теа. Мы пили безостановочно — всевозможные «эликсиры» сомнительного происхождения. И барабаны. Из ниоткуда, прямо в лесу, пока все занимались сексом со всеми.

— И моя сестра?

— Она в основном была со мной — но да, и она. Мы начали ходить туда каждую неделю. Однажды там даже устроили шуточную свадьбу. Белые вуали для женщин, венки из плюща для мужчин... Я напился в хлам, мало что помню. Мне кажется, у одной из женщин даже была змея.

Я знала о роли змеи в ритуалах, но промолчала.

— После той ночи Эльза убедила себя, что все было по — настоящему, и мы действительно были женаты. Смехотворно. Но я никак не мог ее переубедить. Потом она снова начала мне писать. И не просто письма — всевозможные записки на случайных клочках бумаги, жутковатые сообщения в книгах. Оставляла их повсюду, даже у меня дома!

Ты, кстати, видела одно — в той книге, на Виньярде.

— Почему ты его сохранил?

— Я не сохранял. Я все выбросил много лет назад, но Джейк, должно быть, нашел и оставил себе Рильке. Мой брат... живет в своем мире. Иногда я совсем его не понимаю.

Кое — что о Джейке он не поймет никогда, и об этом-то говорить и не стоило.

— Помнишь библиотечную книгу, которую я тебе однажды показывала? «Цыганские баллады»? Эльза и там оставила записку. Я узнал почерк.

— Хорошо, что я не видел этого. Я бы потом Лорку читать не смог.

— Почему ты ее так ненавидишь? Она тебя обожала. Хотя бы в этом я ее понимаю.

— Тебе так только кажется. Но ты бы никогда не стала преследовать парня так, как она.

Через два дня после смерти моих родителей она пришла с книгой, исписанной этой ее бессмыслицей и подписанной «Э. Э.» — Эльза Эстлин. Сказала, что у меня не осталось никого, кроме нее. Можешь поверить в это? Мы опять поссорились: я пытался расстаться с ней, а она притворялась, будто не слышит. Когда она наконец ушла, я выпил все спиртное в доме. Отключился в итоге, только чтобы прийти в себя и увидеть, как она надевает мне на палец кольцо. Я точно с ума сошел, Теа. Просто крыша поехала. Я кричал, она кричала в ответ. Потом я пообещал отвезти ее в Форбс, чтобы больше никогда о ней не слышать. Она промолчала — странно, но я был только рад, что она, наконец, заткнулась. Мы сели на мотоцикл, и я дал ей свой шлем. Это и были последние мгновения моей человеческой жизни.

— Но ведь началась твоя вторая жизнь. И это же здорово, потому что... как бы мы иначе встретились?

Он выдавил улыбку.

— Да, она остановила время для нас. Видимо, нужно сказать спасибо.

— Насколько ты старше меня, кстати?

— Чисто технически, мне все еще около двадцати.

— Чисто технически?

— Ну скажем, мне двадцать девять.

— Это произошло пятнадцать лет назад. Ты не можешь быть таким молодым.

Он по — прежнему улыбался.

— И что значит «ну скажем»?

— Мне может быть столько лет, сколько я захочу.

— Твой возраст меняется по желанию? — Это было почти так же невероятно, как и все, что я слышала в тот день. — Тогда я хочу посмотреть, как ты выглядел до катастрофы. Ты правда так можешь?

Он встал, прошел позади меня и подошел с другой стороны.

В первую очередь я заметила длинные волосы, волнами спадавшие на куда более хрупкие плечи, на узкую грудь. Лицо было тем же: поразительно безупречным. Только... щеки теперь запали. Губы стали бледными. И грусть — та самая грусть, которую я замечала в нем столько раз — нарушала безмятежность голубых глаз, лишала их блеска. Ниже, под расстегнутой рубашкой, можно было пересчитать все ребра — точно пальцы скелета, тянущиеся к его животу

Я подошла к нему, к измученному парню примерно моих лет, и поцеловала безжизненные губы. Когда я открыла глаза, он снова выглядел старше.

— Такой ты мне больше нравишься, такой, какой ты со мной.

— Тогда забудем обо всем остальном.

Забыть Эльзу. Только этого-то я никогда и не смогу сделать.

— Риз, а она хороша в...

— В чем?

Я не могла это произнести, но он, должно быть, понял, что я имела в виду секс.

— Она не человек, Теа.

— А когда была человеком?

— Ты не хочешь об этом говорить, поверь мне. Не хочешь.

— Я все время об этом думаю. И я бы лучше услышала это от тебя.

— Тогда да, она была хороша.

Он откинулся на траву, сложив руки за головой.

— Просто хороша или невероятно хороша?

— Невероятно хороша.

— А теперь, когда она больше не человек?

Он сомкнул веки.

— Точно в тебя вливают наркотик, которого ты жаждешь, но который оставляет тебя развалиной. И тогда ты его ненавидишь.

— Но все еще невероятно хороша?

— Лучше.

Лучше. Даже в теории с этим невозможно соревноваться.

— Вот тебе и «оцените от одного до десяти», — я пыталась казаться беспечной, но он все понял.

— Твою сестру кто угодно оценил бы на десять.

— А ты?

— Бессмысленные оценки, — он положил мою руку себе на живот, туда, где ощущался пульс, а потом медленно подтолкнул ее ниже. — За всю мою жизнь только ради твоего прикосновения я был готов умереть.

— Тогда... давай не будем говорить о смерти.

Он улыбнулся и достал из кармана небольшую книжку.

— Мы чуть было не забыли о изначальной причине, зачем я привел тебя сюда.

— Ты и ее из воздуха достал?

— Нет, это я привез с собой.

Простая белая обложка с золотым тиснением:

Артур Рембо «Стихи».

— Трудный ребенок французской поэзии. Написал все эти никогда не виданные стихи, а в двадцать лет распрощался с поэзией и не написал больше ни строчки. — Он нашел нужную страницу. — Это было сто пятьдесят лет назад. Должно быть, он повстречал тебя — только звали тебя Нина — и написал о тебе прекраснейшее стихотворение «Ответы Нины». Рифма в переводе теряется, но все остальное на месте.

— Прочти мне его на французском сначала.

— Ты говоришь по — французски?

— Почти совсем нет. Просто хочу послушать тебя.

Краткие, ломкие строки переплетались в воздухе: первая с третьей, вторая с четвертой. Он дочитал до конца, но не остановился, и я не сразу поняла, что он перешел на известный мне язык. Что он обращался напрямую к моему сердцу:

— Что медлим — грудью в грудь с тобой мы?

А? Нам пора

Туда, где в луговые поймы

Скользят ветра,

Где синее вино рассвета

Омоет нас;

Там рощу повергает лето

В немой экстаз;

Капель с росистых веток плещет,

Чиста, легка,

И плоть взволнованно трепещет

От ветерка;

В медунку платье скинь с охоткой

И в час любви

Свой чёрный, с голубой обводкой,

Зрачок яви.

И ты расслабишься, пьянея, —

О, хлынь, поток,

Искрящийся, как шампаня, —

Твой хохоток;

О, смейся, знай, что друг твой станет

Внезапно груб,

Вот так! — Мне разум затуманит

Испитый с губ

Малины вкус и земляники, —

О, успокой,

О, высмей поцелуй мой дикий

И воровской —

Ведь ласки поросли шиповной

Столь горячи, —

Над яростью моей любовной

Захохочи!..²¹

Он прошептал последние слова в мои губы, уже закрыв книгу. Я и представить не могла какое влияние на мое тело мог произвести мой первый мужчина. Каждое прикосновение только заставляло меня еще сильнее хотеть его, и я не замечала ничего кругом, пока его руки раздевали нас обоих.

— Риз, — по его обнаженному телу прошла дрожь, когда я коснулась его, — я люблю тебя.

Я никогда, никому этого не говорила.

Мы занимались любовью часами. Как только мы останавливались, чтобы передохнуть, нас окружала тишина — непроницаемая, невесомая пелена. Но об одном никто из нас не осмеливался заговорить.

До следующего полнолуния оставалось всего три недели.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Мы можем все изменить

— ЗАЙДИ, Я ХОЧУ ПОКАЗАТЬ тебе кое — что. Риз открыл дверь в свою комнату, но не увидела ничего такого, чего не было здесь раньше. — Сюда.

"Сюда" оказалось в ванной. Декор был обычным: белая мраморная ванна, вешалка для полотенец из красного дерева, прислоненная, как лестница, к стене, свежие полотенца свисали с ее балок. Но слева, под зеркалом, от стены до стены, были вырезаны в камне две раковины, где днем ранее была одна.

— Когда тебе удалось это сделать?

Мое недоумевающее лицо заставило его рассмеяться.

— Физический мир не совсем проблема для меня, помнишь?

Конечно, я помнила. Тем не менее, его нечеловеческая сторона все еще поражала меня каждый раз.

— Это было предложение, кстати. Он провел пальцами по пустому кристальному ванному набору (держатель зубной щетки, мыльница, коробка с косметическими салфетками), рядом с идентичным набором, в котором стояли его собственные вещи.

— Риз, это так мило с твоей стороны. Но я не возражаю делить с тобой ванную, когда остаюсь здесь на ночь.

— Мы закончили с ночевками. Я хочу, чтобы ты жила здесь с сегодняшнего дня.

Эффект, вероятно, был именно таким, каким он ожидал: я смотрела на него в шоке, не шевелясь.

— Ну же, скажи это! Скажи, что переедешь ко мне.

— Перееду... как? Я должна оставаться в общежитии, как все остальные.

— Не беспокойся об общежитии. Он вытащил свой телефон.

— Подожди... Что ты делаешь?

— Звоню в офис расселения, прежде чем они закроются на зимние каникулы. Они будут благодарны за заблаговременное предупреждение, раз уж тебе не понадобится комната весной.

— Оставить комнату за мной не означает, что я не хочу здесь жить.

Телефон застыл на полпути в воздухе.

— Ты не уверена насчет этого?

— Это не то что я имела ввиду. Комната может быть запасным вариантом, на случай если ты... — Я не хотела говорить остальное.

— В случае если я, что?

— Изменишь свое мнение.

— Я никогда не изменю своего мнения.

Он смотрел на меня, пока я не сказала, что я тоже не передумаю. Тогда он набрал номер. Попросил к телефону одну женщину по имени, поблагодарил ее за организацию комнаты в общежитии для Джейка в сентябре, спросил о ее планах на праздники запятой провел светскую беседу о бутик — отелях в Рио, затем, наконец, сообщил ей, что его девушка переезжает к нему, так что в комнате в Форбс больше не было необходимости. И, да, Тея будет рада подписать документы, но не могли бы они, пожалуйста, отправить их непосредственно на его адрес?

— Готово! — Он повесил трубку и поцеловал меня. — Добро пожаловать в твой новый дом, малышка.

— Это было... быстро.

— Зачем тратить время? Мы также можем пойти забрать твои вещи сейчас, хотя, наверное, лучше разобраться о всем этим завтра. Или в любой другой день, на самом деле. У нас есть все каникулы для этого.

Все что у нас было — это неделя, но он еще не знал этого. Я летела домой в следующий четверг, и поскольку он никогда не спрашивал, что я собиралась делать на каникулы, я тоже не поднимала этот вопрос.

— Риз, есть кое — что...

— Да?

— ...кое — что, что мне нужно рассказать тебе.

— Конечно, мне просто нужно, выключить эту проклятую вещь — Текстовое сообщение отвлекло его. — Дай мне минуту. Я скоро вернусь.

Он в спешке выбежал, как-то дом был в огне. Когда я последовала за ним по лестнице, я сразу же увидела почему.

Через лужайку, все еще просматриваемую, несмотря на быстро опускающуюся темноту, шли шесть высоких фигур — выстроенные в линию, словно команда, снаряжённая для расстрела, практически идентичные в своих джинсах и черных кожаных куртках на змейке. Он перехватил их, прежде чем они смогли добраться до дома. Самый высокий сказал что-то ему (я узнала лицо только сейчас: Эван), но кажется Риза это особо не заботило. Другие начали тоже говорить. Эван повысил свой голос. Никто не двигался. Риз сделал шаг вперед, но Эван оттолкнул его. Еще один шаг. Эван снова оттолкнул его. Секунду спустя парни были на земле, Риз был сверху, держа его за воротник и склонившись, вынося ему предупреждение, которого никто больше не мог слышать.

Когда он вошел в гостиную, его лицо было спокойное и он только раз обернулся, чтобы удостовериться, что нежеланные посетители ушли.

— Извини, что тебе пришлось увидеть это. Не так я представлял начало вечера.

— Чего они хотели?

— Остальные прибыли для драматического эффекта. В то время как Эван, по — видимому, хотел неприятностей. Его глаза проверили пустой газон в последний раз. — Он считает, что мир должен вращаться вокруг его гормонов гуляки. Но я не этот мир.

От мысли, как тот парень смотрел на меня и называл "закуской " по мне прошлась дрожь.

— Что он на самом деле хотел?

— Убедить меня пойти с ними сегодня. И также в следующие выходные.

— Разве они все не уедут?

— Не пловцы. Они занимаются во время зимних каникул и остаются в Принстоне большую часть. Отказаться от команды ради женщины является крайним предательством.

— Но ты не в команде.

— Раньше был. Для практических целей, я до сих пор там. Но теперь я также с тобой и у меня есть обещание, которое нужно сдержать.

— Риз, речь идет не об обещаниях. — Или не о неохотных жертвах, как это звучит от него. — Если ты хочешь пойти со своими друзьями, иди.

— Я точно там, где хочу быть, прямо сейчас: дома с моей девушкой. К сожалению, Эван не воспринимает мои слова. Поэтому я дал ему дружеское напоминание, что вечеринки не исчезнут без меня.

— Может не вечеринки в Плюще.

— Что это должно значить?

— Плющом ведь это не ограничивается, не так ли?

Тень тревоги пересекла его лицо.

— Нам обязательно говорить об этом? Я оставил свои тусовки позади. Ты только что видела, как я сделал это.

— Я тоже хочу оставить твои тусовки позади. Но секреты не облегчают мне задачу.

— Понимаю... — Он молчал какое-то время, глядя через французские двери, словно пытался очистить свой разум, потом повернулся ко мне. — Конечно, Плющом все не ограничивается. Когда мужчины взрослеют, особенно некоторые мужчины, им нужно больше, чем просто пиво и девчонки из колледжей.

— И это значит...?

— Это значит, что команда собирается вместе в частном порядке, раз в месяц, с настоящей выпивкой и женщинами, которым много платят, чтобы обеспечить элитные услуги и не распространяться об этом.

— Элитные?

— Первоклассные во всех отношениях. Никаких запретов.

Его черствый тон заставил меня пожалеть о том, что я вообще спросила.

— А ты тот, кто спонсировал все это?

— Ты видела дом Эвана; у парня трастовый фонд. Есть и другие как он. Мы делим расходы. — Он изложил все, словно был на собеседовании в колледж. — Нахождение в команде пловцов дает тебе автоматическое право на них; о деньгах даже никогда не упоминается. Все остальные приходят только по приглашению. Мы отбираем их сперва, убеждаемся, что они могут позволить себе вложиться и знают, как держать язык за зубами. Кстати, это правило, которое распространяется на всех, включая меня. Так что ни слово не должно покинуть эту комнату. Ты знаешь это, верно?

Конечно, знаю. Для кучи парней, пытающихся повзрослеть, секретность была частью их сущности.

— Перестань, Теа, не смотри на меня так. Что я сделал в прошлом не должно иметь значения сейчас.

— За исключением того, что ты говоришь об этом, как о самой естественной вещи.

— А как еще я должен говорить об этом? Это *мое* естество, предположительно я должен быть версией Диониса. Твой профессор по искусству упоминал это, говоря о даэмонах?

— Да...вроде.

— Ну, у Диониса была своя свита, как и у меня. Представь меня застрявшим на этом

кампусе в течение пятнадцати лет: воспитывающего своего брата, трахающего твою сестру, называй как хочешь. Разозленного и до смерти скучающего. Так что из — за меня, дураки вроде Эвана вошли во вкус дионисийской жизни, думая, что это всего лишь вечеринки братства.

— Я понимаю. Но это не значит, что я готова быть частью этого.

— Кто говорит о том, чтобы быть частью чего-то?

— Если это твое естество, то рано или поздно это должно случиться.

— Мое естество меняется, когда я рядом с тобой. Я снова превращаюсь в человека и это то, кем я хочу быть. Он улыбнулся, выглядя удовлетворенным. Почти умиротворенным. — Кстати, ты хотела что-то сказать мне, когда ребята заявили.

— Да, насчет каникул.

— Конечно, я забыл! Завтра официальный зимний прием в Плюще. И у нас ужин здесь в Сочельник — семейная традиция, которая должна иметь место, или же зло сойдет на дом Эстлинов.

— О чем ты говоришь?

— Мы, ирландцы, суеверный народ. У прадедов было слишком много свободного времени, по — видимому, и придумали правила для своего потомства: все должны присутствовать дома в Сочельник. Это буквально высечено на камне.

Он подвел меня к камину и указал на мраморную табличку выложенную в высоту стены. Вокруг герба курсивом была выведена надпись:

Tugann neamhláithreacht amháin solitude síoraí.

— Что тут сказано?

Отсутствие одного приносит вечное одиночество. Датировано 1649 годом, когда Оливер Кромвель устроил резню в Ирландии. Так случилось, что имение Эстлинов было в Уотерфорде, в первом городе, выдержавшем осаду Кромвеля. После того, как войска отступили, предположительно наш предок, Томас Эстлин, помчался на встречу с другими лидерами повстанцев и не вернулся домой до самого Рождества — только, чтобы выяснить, что английские солдаты ограбили его замок за ночь до этого и убили всю его семью. Так он заказал эту доску, как напоминание о том, что смерть всех кого он любил — его рук дело.

— Риз... Я смотрела на округлые буквы, которые покоились, словно ожерелье внутри камня. — Не думаю, что я смогу быть на ужине.

Он стоял позади меня, но теперь медленно развернул меня

— О чем именно ты говоришь?

— Я собираюсь домой на каникулы.

— Когда?

— Мой вылет в четверг вечером.

— Мы можем изменить его.

— Слишком поздно. До Софии, вероятно, все продано уже.

— Мы можем изменить его. — Его глаза были прикованы к моему лицу, пытаюсь прочитать его. — Если это не то, что ты хочешь.

— Я хочу остаться здесь, с тобой. Но мои родители ожидают меня дома на Рождество.

— Это твоя жизнь. Никто не должен говорить тебе как жить.

— Знаю, вот только они...

— Они не владеют тобой.

— У них уже было одно Рождество, когда их дочь не вернулась домой с учебы.

Он сел. Потер лицо в течение нескольких секунд, а затем посмотрел на меня.

— Скажи мне даты. Я забронирую тот же рейс.

— Не меняй свои планы из — за меня.

— Я отказываюсь быть вдали от тебя. Я останусь в отеле, и ты сможешь видеть меня, когда захочешь.

— Что насчет обеда? Ты сказал, что это плохая примета нарушать правило семьи.

— Меня не заботят правила или приметы. И в любом случае, семьи не осталось — только я и мой брат. Плюс Ферри. Рождество является единственным временем, когда мы можем убедить его перестать быть дворецким и присоединиться к нам за столом. К счастью, ирландские суеверия сидят глубоко в крови старика, поэтому... Он снова достал свой сотовый телефон. — Давай бронируем билеты. Ты сказала в четверг, верно?

— Да. Британские Авиалинии, через Хитроу.

— Ладно, это двадцатые числа. Что напоминает мне... нужно сначала проверить мое проклятое расписание.

Его голос скис на последних словах, но это было ничто по сравнению с изменением в нем несколько секунд спустя. Его пальцы замерли. Его лицо стало неузнаваемо белым, пока он смотрел на что-то на дисплее.

— Что случилось?

Он протянул мне телефон.

Сетка квадратов, пронумерованных от одного до 31. Внутри, вбита информация от строки до строки, начиная с полумесяца, утончающегося до едва заметной линии, затем заполняющимся снова — Луна. И только один полный круг. И над ним: цифра 24.

ПОЗЖЕ ТОЙ НОЧЬЮ, пока Риз спал, я решила: я не поеду в Болгарию на Рождество. Мы с ним проведем Новый год там, с моими родителями. До тех пор, мы останемся в Принстоне. Придет Сочельник, существо на холмах сможет завладеть им в течение нескольких часов — но это все. Он встретит ее с моим все еще теплым поцелуем на его губах. И как только ее время пройдет, он вернется. Домой. Ко мне.

ЗИМНИЙ ПРИЕМ В Плюще стал тяжелым испытанием уже на этапе сборов.

Риз осмотрел меня сверху до низу.

— Хорошо, но этого не пойдет. Слишком чопорно на мой вкус. И слишком банально для подобного вечера.

Ранее, когда я спросила его, что надеть, он ответил неопределенно: "Что-то длинное и элегантное". Это был единственное длинное платье, которое у меня было — черное, на тонких бретельках, я надевала его на сцену — и очевидно, оно не подходило для Плюща.

— Риз, может приглашать меня не было такой хорошей идеей. Я не принадлежу тому миру.

— Какому миру? Членам Плюща? Ты только что заставила Карнеги пасть к твоим ногам, и теперь ты беспокоишься о кучке богатых наследников? Они должны пытаться соответствовать к тебе, а не наоборот.

Но Карнеги не имеет ничего общего с этим. Я никогда не войду в комнату, как Нора, покорив всех в ней.

— Хорошо, настало время импровизации. Он повернул меня вокруг оси, и когда я посмотрела в зеркало, мое платье было полностью изменено. Персиковый, бирюзовый,

фуксия, кремово — желтые разводы абстрактной формы на мягком шелковом трикотаже, которые напоминали орхидеи. — Тебе нравится? Женщины умрут от зависти сегодня.

— Думаю, что причиной смерти может быть мужчина, а не платье. Но да, оно зрелищно. В то время как я говорила это, живая орхидея на резинке проскользнула на мое запястье. — Это обычай, не так ли?

Он кивнул, улыбаясь.

— Говоря об обычаях, как тебя допускают на официальные приемы в Айви?

Его глаза расширились, искренне озадаченные.

— Допускают?

— Официальные приемы только для членов. И ты не можешь быть членом, если ты даже не студент.

— Ах, это. Это формальность. — Как и большинство препятствий во вселенной Эстлинов. — Я в совете выпускников. Большинство решений практически мои.

— Никто не замечает, что ты остаешься в том же возрасте?

— Не совсем, по крайней мере пока. Все лишь немного управления восприятием. Члены уходят, как только они выпускаются. А персонал меняется каждые несколько лет. Я забочусь об этом.

— С щедрым пакетом выходного пособия?

— Более, чем щедрым. Жалобы не являются даже теоретически возможными.

Беспечность, с которой он делал такие замечания беспокоила меня. Как и всегда.

— Все, на самом деле сводится к деньгам? Я многое слышала о Плюще, но я думала, что ты из всех людей будешь...

— Часть того, что ты слышишь правда, а часть нет. О Плюще все время плохо говорят, особенно те, кто пробуются и не вступают в него. Но это частный клуб, Тея. Они очень хорошо обращаются со своими членами. И если тебе случится быть из стойких масс Плюща, то они сделают все, чтобы быть хорошими к тебе.

Они действительно очень хорошо относились к нему. Приветствовали его, как только мы прибыли, поднимались из — за столов, чтобы пожать ему руку. Я не хотела сказать или сделать что-то неправильно, поэтому просто последовала за ним через столовую из темного дерева и так низко свисающих канделябров, что казалось, будто мы шли в ловко оформленной мифической пещере. Когда мы сели, блюда были размещены перед нами руками в белых перчатках — время было подобрано идеально, еда была все еще теплая, и, конечно, вкусная. Риз едва коснулся ее и не обращал внимание на других, кроме как для ответов на возникающие вопросы.

Затем начались танцы, сначала настороженно, с двумя парами не боящимися последовать на танцпол; другие постепенно следовали, пока пространство не забились людьми.

— Это не тот парень, который встречался с твоей подругой Ритой, тот который сказал мне что ты была в Бостоне?

Я обернулась и увидела Дэва, который в одиночестве выпивал, с меланхоличным взглядом, что длилось недолго. Девушка схватила его за руку и потащила на танцпол чрезмерно хихикая.

Риз пожал плечами.

— Ну, полагаю, вот и ответ на мой вопрос.

Одно присутствие Дэва в Плюще уже ответ — он не мог прийти на прием, если только

член клуба не привел его в качестве пары. Итак, Рита была права. Он заменил ее как раз вовремя, на праздники.

Я пыталась забыть встречу, но как только Риз пошел пополнить наши напитки, Дэв подошел и спросил, может ли он поговорить со мной.

— Конечно. Чего тебе?

— Рад видеть тебя здесь. Как дела?

Я не собиралась вести светскую беседу, и меньше всего с ним.

— Чего тебе, Дэв?

— Как... как она?

— Она в порядке. Уезжает в Будапешт, чтобы встретить новый год с дедушкой и бабушкой. — Несколько секунд неловкого молчания. — Честно, я не понимаю почему ты это делаешь.

— Делаю что?

— Отказываешься от девушки, которую любишь, чтобы какая-то Барби могла ввести тебя в Плющ.

— Полагаю, девушка которую я люблю забыла упомянуть, что она та, кто порвал со мной?

— Зависит от того, как посмотреть на это, не так ли? Я бы порвала с парнем тоже, если бы он не заступился за меня.

Струйка пота начала собираться на лбу, пока я рассказывала ему, какой расстроенной я нашла Риту той ночью в Форбсе.

— Ты не понимаешь, Теа. Моя семья — сущий ночной кошмар, особенно к тем, кто не является индусами. Они бы никогда не позволили мне привезти ее домой.

— Ты, по крайней мере, попытался? То есть, мы говорим о твоей девушке, а не о какой-то случайной девчонке. Ты мог бы сказать им, что если они не примут ее, то ты сам не придешь домой.

Он посмотрел в пол, затем тихо сказал:

— Когда она уезжает?

— На следующей неделе. У тебя еще есть время. Я не подаю тебе какие-то идеи, но слышала, что новый год на Дунае удивительный.

Он поблагодарил меня — дважды — и вернулся к своей паре, которая дулась в баре. Риз вернулся с нашими напитками.

— Готова потанцевать или мне провести экскурсию? Второй этаж и все такое.

— Экскурсия звучит отлично.

— Честно? Меня преследует ощущение, что тебе не нравится это место.

— Оно немного...

— *Отстраненное и удушающе аристократично?* — Он указал на большой портрет у основания главной лестницы. — Ф. Скотт Фицджеральд, буквально визитная карточка Плюща. Вот как он описал клуб в "*По эту сторону рая*". Хотя, не думаю, что в нем осталось что-то аристократическое. И, конечно, ничего удушающего.

— Тогда зачем ты так часто ходишь сюда?

— Привычка. Легко продолжать делать то что делаешь всегда.

Мы поднялись наверх и сели у камина в одной из комнат. Стены были покрыты фотографиями, в основном устаревшими групповыми снимками молодых мужчин в ретро пиджаках и галстуках.

— Как вышло, что здесь нет женщин?

— Потому что Плющ не принимал в члены женщин до 1991 года.

— Так долго?

— Ты же знаешь как это. Люди борются за традиции.

— Я не знаю как это, нет. Традиции там, где я выросла, были несколько менее... сосредоточены на мужчинах. И в любом случае, исключение других из вашей крепости, кажется, не требует много борьбы.

— За исключением того, что в этом случае борьба была реальной. Студентка подала в суд на клуб и выиграла, после одиннадцатилетнего суда.

Я не хотела спорить с ним. Но что же именно она выиграла? Право быть в клубе, который идет в суд только, чтобы удержать ее вне его? Были рассказы о том, что девочки должны были терпеть в течении недели "пик" в Плюще, кульминацией чего был проход голямшом по той же лестнице, по которой мы с Ризом только что так мирно поднялись. *Это частный клуб, Теа*. И хотя судья мог бы заставить их открыть двери, он не имел никакого контроля над тем, что произошло, как только вы пройдете через эти двери. Это было все... традиции Принстона. Священный статус — кво, в котором хорошее и плохое сосуществовало в неустойчивой гармонии, часто известно только таким людям, как Риз, чьи семьи были по внутреннюю сторону забора в течение многих десятилетий.

— Джейк тоже член Плюща? — Почему-то, я не могла представить его наслаждающимся серысов в белых перчатках.

— Нет. У Джека был только один родитель — я. Что значит, он мог делать что хочет.

— А ты не мог?

— Мой отец выгнал бы меня из дома, если бы я даже рассматривал другой клуб.

— Риз, жизнь в общежитии — это не конец света. Твой собственный брат сделал это, и он кажется в порядке.

— Я имею в виду действительно *выгнал* бы. Выбросил, без денег. Типичный урок Арчера: или ты делаешь, как хочет он, или можешь идти на все четыре стороны.

— По тебе не скажешь, что отец тебе сильно нравился.

— Раньше я был в восторге от него. Все были. Пока он не убил мою мать.

— Он... что? — Я знала, что Ризу нравилось драматизировать, но это было немного слишком. — Разве твоя мама не была очень больна, так, что врачи были бессильны?

— Ей не нужны были врачи. Я мог бы спасти ее сам. Для этого ей даже не нужно было быть живой.

Наконец я осознала о чем он говорил.

— *Спаси ее...* тем способом, которым спасла тебя моя сестра?

— Это был бы другой ритуал — но да. Моя мать настолько далеко зашла, что мы молились о чуде. И это случилось. Эльза с ее рассказами о вечной любви и жизни после смерти. Я думал, что она выдумала все это. Но что мне было потерять?

— Из — за этого ты стал увлекаться ритуалами?

— На самом деле тем, меня увлек секс. Но потом, меня зацепило обещание богоподобной власти. Победы над смертью. Для начала, ты должен был быть "посвящен в таинства" — раньше греки так называли это, но это просто красивое название для обучения применения любого ритуала, который ты захочешь. Для которого, я сделал бы что — угодно. Даже женился на женщине, которую не люблю.

— Но ты не женился на ней. Или женился?

— Я почти сделал это. Все было запланировано на полнолуние в декабре, но в начале недели я получил звонок от детектива полиции на севере штата. Спортивный автомобиль сорвался со скалы на шоссе тихоокеанского побережья. Упал с обрыва. Взорвался. К тому времени, как туда добрались, там не так много осталось, только достаточно, чтобы отследить номер лицензии с агентства по аренде на имя моего отца.

— Это не значит, что он убил ее. Это мог быть несчастный случай.

— Во вселенной этого человека не существовало несчастных случаев, Теа. Ты знаешь, какими были его последние слова мне? Мы говорили по телефону, они просто направлялись в Сан — Франциско, и он сказал: “Увидимся, сынок”. За всю мою жизнь, он никогда не называл меня “сынок”. Ни разу.

Кусочки дерева потрескивали в огне. На первом этаже, люди танцевали под громкую музыку в мире, где несчастные случаи случались, и любовь была не вечна, а смерть была непобедима. Я взяла его за руки, но он казался спокойным. Его губы достигли моего уха, прежде чем я успела понять, пытался он что-то сказать мне или поцеловать меня:

— Я хочу забрать тебя домой и снова оказаться рядом обнаженными. На самом деле, дом слишком далеко.

Мы выбежали, не попрощавшись ни с кем. Он припарковал машину в густой темноте на соседней улице, посадил меня сверху и занялся любовью прямо там, отказываясь прекращать, шепча напротив моей кожи вещи, в которые я хотела верить, шепча их бесконечно. Потом он поехал, не выпуская меня из рук, даже когда мы достигли его дома и ключ был вытащен из замка зажигания. Он держал меня с красивой, странной настойчивостью, которую я всегда любила в нем, держал меня возле себя до самого последнего момента, а затем, наконец отпустил, прося меня пообещать — и я пообещала — никогда не оставлять его.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Отсутствие единственного

— МИСС ТЕЙЯ —

Я открыла глаза и увидела дворецкого рядом с собой. Необычайно стройного. Стоящего неподвижно, на фоне темного проема французских дверей.

— Я считаю, что мистер Риз готов.

Готов. Конечно, он был готов. Я вспомнил правила, которые он объяснил мне однажды:

я не протестую. Не заставляю ее ждать. Не отказываюсь ни от чего.

— Простите, я похоже задремала. Который час?

— Почти девять

Мы были одни в гостиной. В остальной части дома было темно и тихо.

— Где он, Ферри?

— Наверху. И мистер Джейк ещё в пути. Возможно, будет через десять минут.

Его голос был масляно мягким. Обычно отстраненное выражение лица трансформировалось. Оживилось осторожностью, почти отеческой теплотой.

В моем животе затянулся узел. *Просто иди наверх. Улыбнись. Поцелуй Риза, и позволи ему уйти.*

Я едва слышала свой собственный стук, но он был уже в дверях, когда я открыл ее. Черные джинсы. Лазурно — синяя спортивная куртка. Выглядел невероятно сексуально, независимо от того, сколько бы он не пытался принизить свой наряд.

— Не расстраивайся. — Он притянул меня в свои объятия. — Я вернусь прежде, чем ты заметишь.

— Когда тебе нужно уезжать?

— Уже должен был уехать.

Мои глаза наполнились слезами, и я потупила взгляд, чтобы он не заметил. Его куртка была застегнута на молнию, но не настолько, чтобы скрыть голую кожу под ней. Нет рубашки. И даже ни одной пуговицы. Молния расстегивается проще всего, одним движением.

Она может делать с моим телом что угодно. Такова сделка.

— Теа, я не могу оставить тебя так. Поговори со мной.

Поговорить? О чем? О том, как я провела бесчисленные часы, пытаюсь угадать то, что она будет делать с ним, и все то, что она уже сделала? Двенадцать месяцев в году, в течение пятнадцати лет. Это означает, 180 полнолуний, поэтому сценариев было бесконечное множество. Мой строптивый ум начал с того, что я видела под этим деревом, затем постепенно увеличил дозировку — до тех пор, пока не осталось ни пятнышка на его теле, которое она бы не трогала, целовала, клеймила, трахала.

— Поговори со мной. Пожалуйста.

— Просто уходи.

— Может не стоит, если это так влияет на тебя.

Поначалу смысл его слов не дошел до меня.

— О чем ты говоришь?

— О том чтобы испытать удачу. Мне сказали, она придет за мной и убьет. Но есть только один способ это выяснить.

— Даже не смей думать об этом. Никогда.

Я не могла представить мир без него. И если его существование зависит только от этого, я отдавала бы его Эльзе — каждую ночь, всю оставшуюся жизнь.

— Риз, не обращай внимания на мое настроение. Просто иди и вернись ко мне, когда все закончится.

— Я не задержусь, вот увидишь. У Плюща вечеринка чуть позже. Я сказал Джейку отвести тебя туда.

— Не сегодня ночью.

— Да, сегодня. Это Рождество, и ты не останешься дома.

— Я в порядке, не волнуйся.

— Я волнуюсь. И я не оставлю тебя, пока ты не пообещаешь, что выберешься и хорошо проведешь время.

Я пообещала. Но вечеринка не будет иметь никакого значения. Мысли о нем с ней — обнимающем ее, целующем ее, практически являясь ее рабом на протяжении всей ночи — пронзала меня, как будто кто-то прокручивал нож в моей груди.

— Посмотри на меня. Теа, — он нажал на мой подбородок. — Для меня нет ничего кроме тебя. Ничего. Я иду к ней только потому, что я хочу еще месяц с тобой.

Потом он поцеловал меня. И в этом мгновение мир был именно таким, как мы хотели — ничего, кроме нас.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Атриум фортепиано

— NOLLAIG SHONA DUIT! — голос только что вошедшего Джейка заставил меня оторваться от окна. — На ирландском это означает «Счастливого рождества».

— Привет Джейк!

А что еще я могла сказать? *Счастливым* это Рождество не станет ни для одного из нас.

— Я знаю, что это трудно. — Он положил свою руку мне на плечо. — Но Риз никогда не остается с ней надолго. Он скоро вернется, вот увидишь.

Скоро? Всего несколько минут прошло с тех пор, как темная фигура пересекла газон и скрылась за деревьями. Теперь единственным, что я могла там видеть — был зловещий серебряный диск, излучающий свой пристальный взгляд с ночного неба.

— Пошли, Теа. Давай поужинаем.

За этим же самым столом я впервые ужинала в Галечнике. Снова над ним дрожали свечи, и их свет, отражаясь от хрустальных бокалов, создавал иллюзию плещущейся в них воды.

Ферри выдвинул для меня стул.

— Счастливого рождества, мисс Теа.

— Счастливого рождества, Ферри. Я бы сказала это на ирландском, но не хочу уродовать язык.

— Как это звучит на болгарском?

— *Vesela Koleda*.

— Ах, как мелодично. — Он поднял со стола, стоящую в центре свечу (белую,

окруженную листьями падуба) и поставил ее передо мной вместе с коробком спичек. — В Ирландии мы считаем, что это Рождественский огонь. Он должен быть зажжен самым молодым членом семьи.

Я посмотрела на него и Джейка — человеческую половину моей новой семьи. Риз и Эльза были другой половиной моей жизни, принявшей сумасшедший оборот.

Я зажгла свечу, а Ферри наблюдал за этим с торжественной улыбкой.

— После ужина мы должны оставить свечу у окна, чтобы указать заблудшим душам путь к дому. Но до этого она благословит наш Рождественский обед.

Пища была простой: рыба под сливочным соусом, картофельное пюре и несколько салатов. После того как был разрезан Рождественский пирог Джейк вытащил из кармана пиджака конверт и протянул его Ферри.

— С Рождеством. Это от всех нас.

Старик открыл конверт, бегло просмотрел его содержимое и медленно сложил все обратно.

— Со всей благодарностью, боюсь я не могу этого принять.

— Ферри, ты этого более чем заслуживаешь. И уже давно пора. Ты десятилетиями служил в этом доме, теперь пришло время занять собственный дом.

— Мой дом рядом с вами и господином Ризом. Так было всегда.

Джейк улыбнулся, забрал конверт и убрал его обратно в карман, достав оттуда другой запечатанный конверт.

— План Б. На тот случай, если ты решишь, что Ирландия слишком далеко, на что мы с Ризом, откровенно говоря, надеялись. — Затем он объяснил для меня. — Это документы на соседний дом. Начиная с сегодняшнего дня Ферри больше не служит нам. Он будет нашим новым соседом.

Листок бумаги начал дрожать в трясущихся руках Ферри. Поблагодарив Джейка, он вышел и вернулся спустя пару минут с красиво упакованной коробочкой (для меня) и большим плоским пакетом (для Джейка).

— Это от господина Риза. Он хотел лично сделать вам сюрприз, но когда он узнал, что ему придется... что он не будет присутствовать то, попросил меня вручить вам это за него.

— Ты первая. — Джейк посмотрел в мою сторону, каким-то образом умудрившись избежать прямого взгляда на мое лицо или на подарок Риза.

Я открыла коробочку. Внутри была лакированная коробочка поменьше, а в ней на черном бархате лежал, похожий на мое ожерелье, браслет с золотыми маками и томик стихов Рембо, на сей раз подписанных так:

Моей, поцелованной ветром, девочке.

Риз

Джейк перевернул его собственный подарок и на другой стороне плотной коричневой бумаги был написан адрес, но почтовой марки не было, должно быть пакет был доставлен курьером.

— Странно. Мой брат даже не потрудился его открыть?

— Думаю господин Риз решил не смотреть на то, что там внутри.

— Ты имеешь в виду, что Риз купил мне подарок, не зная, что это такое?

— Он посчитал это совпадением. Если точнее, то он сказал — «Удачное стечение

обстоятельств». Около двух месяцев назад, когда он был дома, раздался звонок для мистера Эстлина, желая дать второй шанс одному из самых ценных клиентов “Кристис”.

Джейк замер, но его пальцы уже разорвали упаковочную бумагу. Через стол я смогла увидеть темную деревянную раму — наверное, это какое-то произведение искусства.

— Они сказали господину Ризу, что заказ был сделан в середине сентября, а затем отменен, буквально в течении суток. Эта вещь была в числе самых дорогих приобретений “Кристис” за весь год, и одна из самых редких на рынке, поэтому, для начала они хотели подтвердить отмену заказа, прежде чем выставить лот на аукцион. Поскольку господин Риз никогда не делал таких заказов, то он решил, что только один другой Эстлин мог действительно хотеть этот лот и был готов заплатить за него хорошие деньги. Естественно, господин Риз сразу приобрел этот таинственный лот, не пожелав слышать о деталях, чтобы этот подарок стал сюрпризом для вас обоих в канун Рождества.

— Только этот подарок был не для меня, а для Теи. — Джейк сказал это ровным голосом смирившегося с чем-то человека, положил раму мне на колени и покинул комнату.

Под стеклом я увидела два, а не один, предмет, но они не были произведениями искусства.

Слева лежал мятый и выцветший от времени нотный лист. Ноты были написаны от руки, как и несколько придирчивых примечаний: Новый этюд в фа — минор. Сверху была подпись. Буква *F* над буквой *III*, непременно с их характерной вертикальной линией, подчеркивающей все имя и чертой, похожей хлыст — подпись Фредерика Шопена.

Рядом, справа, лежал еще один — на этот раз безупречный и белый — лист бумаги, который Джейк, скорее всего, послал в “Кристис”, чтобы те поместили его в раму вместе с этюдом. Тонкие линии оранжевой и черной рамы обрамляли имена Шопена и мое собственное. Внизу листа стояла дата: 14 сентября, 2007 год.

Пока я сидела, пребывая в шоке, я слышала вздох. Ферри подошел ко мне сзади и теперь смотрел через мое плечо, а его нижняя губа дрожала то ли от гнева, то ли от ужаса. И этот ужас или что это было — ясно отражался в его широко открытых глазах.

Затем он отошел и отнес Рождественскую свечу к одной из французских дверей и поставил ее на пол.

— Нам пора. — Джейк стоял в коридоре, держа в руках мое пальто. — Я обещал моему брату отвести тебя вечером в Плющ.

Я ждала, что Ферри скажет мне что-то. Хоть что-то, хотя бы до свидания, но его глаза продолжали всматриваться в темноту снаружи дома, ища потерянные души, которые могли увидеть мерцание свечи во мраке этой ночи.

В ПЛЮЩЕ БЫЛО ГРОМКО И ЖИЗНЕРАДОСТНО, но должно быть зд присутствовали только пловцы и их друзья, потому что все остальные студенты ушли на каникулы. Люди подходили и говорили с нами (вернее с Джейком, я же просто делала вид, что слушаю), а минуты в моей голове, немые и равнодушные как волны, бежали одна за другой, ничего не касаясь.

— Что мы будем делать, когда Риз вернется домой? — спросила я Джейка, когда мы, наконец, остались одни, но он не ответил. — Джейк, что мы скажем ему?

— Правду, что же еще?

— Но я не думаю, что он поймет. Скорее он подумает, что мы предали его.

— Конечно, подумает, потому что мы сделали именно это. Я был полон решимости не

дать этому произойти, но я облажался.

— Если кто-то и облажался, так это я.

— Мы все облажались, включая Риза. Он должен был признаться тебе с самого начала.

Это не сделало меня счастливее — ошибки Риза не оправдывают мои собственные. Кроме того, было еще кое — что. Кое — что, о чем я не могла сказать вслух — я была потрясена подарком Джейка. Не потому что это был самый дорогой лот, приобретенный у Кристис за целый год, а потому что он, в очередной раз, в отличии от Риза нашел путь к моему сердцу. Джейк был единственным, кто выяснил, что я любила и нашел это, а Риз, несмотря на то, что мы вместе уже четыре месяца, до сих пор дарил мне то, что любил *он*. Его маки. Его поэтические тома. Возможно, он пытался изменить мои литературные предпочтения?

Было уже за полночь, когда большая группа людей влетела в двери, как ураган, и какофония звуков стала невыносимой. Я заперлась в ванной и, пережидая время, уставилась в зеркало, висящее под люминесцентными лампами. Когда я вышла, высокая тень преградила мне путь и загнала меня в угол пустого коридора.

— Посмотрите — ка на *это*. — Голос произнес каждое слово сквозь усмешку, что заставило меня задрожать. — Девушка, которая считает себя слишком хорошенькой, потому что ей удалось вскружить голову Ризу Эстлину.

— Оставь меня в покое, Эван.

— Мы все время гадаем, что такого в тебе заставило Риза отречься от других женщин? Должно быть ты хороша в постели. — Он ждал пока я не попытаюсь пройти мимо него, и затем заманил меня в ловушку, прижав к стене. — Не играй так жестоко со мной. Я вижу, что происходит — он уже от тебя устал и передал своему брату. Я мог бы стать следующим, не думаешь?

Он дыхнул в мое лицо пивным перегаром. Я пыталась оттолкнуть Эвана, но он еще сильнее придавил меня своим телом.

— Отвали от меня, Эван. Или я буду звать на помощь.

— Звать на помощь? Такие девушки, как ты, этого не делают.

Мне нужно было сделать именно это, но я все еще надеялась, что он уйдет и мне не придется унижаться перед всеми. Внезапно его зубы вонзились в мое ухо, вызвав острую боль.

— Я могу заставить тебя кричать в частном порядке, если ты мне это позволишь. Я умираю от желания попробовать тебя. Смотри, каким твердым ты уже меня сделала... — он взял мою руку, опустил ее вниз и потер ею по ширинке на его джинсах. — Ну же, пообещай мне, что я тебя попробую, когда другой Эстлин тоже от тебя устанет. Я буду добр к тебе. Ты не представляешь, каким хорошим я могу быть, если ты и дальше будешь вызывать у меня такой стояк...

Остальное произошло в мгновении ока. Он был отброшен от меня кулаком, врезавшимся ему в лицо. Люди бросились к нам со всех сторон и стали держать Джейка, пока охранник поднимал Эвана с пола и выводил его наружу.

— Что он сделал? Он что-то сделал тебе? Я надеюсь, для его же блага, что он этого не сделал. — Джейк держал мое лицо в своих руках, отчаянно всматриваясь в мои глаза, как будто боялся, что я могла ему солгать. — Я такой идиот, я не должен был спускаться с тебя глаз. Скажи, что он ничего тебе не сделал, потому что иначе...

— Он ничего не сделал. Я в порядке.

Толпа все прибывала. Все стояли и глазели на нас.

— Пойдем, я найду тебе выпить. Или ты предпочитаешь лечь?

— Я в порядке, Джейк, правда. Давай не будем раздувать из этого проблему.

Он повел меня в соседнюю комнату, где мы могли бы побыть наедине.

— Тебе больше не нужно беспокоиться об Эване.

Что-то в его тоне заставило меня нервничать.

— Что ты имеешь в виду?

— Он покинет Пристон прежде, чем он откроется после каникул.

— Ты же шутишь, правда?

— И не думаю. Эван вытворял такое дерьмо и раньше, на него есть компромат, и он это знает. Так что, скорее всего он уйдет сам, прежде чем его вызовут в дисциплинарный комитет. Иначе он будет отчислен. Риз и я удостоверимся, что так и будет.

— Отчислен за что? За то, что он посмел подойти к девочке — трофею Эстлинов?

— Он бы сделал с тобой такое, что ты и представить себе не можешь.

— Сделал со мной? Просто послушай себя! Он подросток, который переступил черту, потому что слишком много выпил. И вы готовы разрушить из — за этого его жизнь?

— Мне плевать его будущее.

— Джейк, да что с тобой? Ты говоришь, как твой брат.

— Я не говорю, как он. Если бы Риз видел тоже, что и я, то он порвал бы Эвана на куски. Так что отчисление по сравнению с этим подарок, уж поверь мне.

— Но ты, же понимаешь, что Риз виноват так же, как и Эван?

— Мой брат не имеет к этому отношения. — В его голосе прозвучал стальной холод.

— Конечно, имеет. Эван считает Риза образцом для подражания, и сегодня он поступил также, как Риз поступает с другими девушками, даже во время так называемой фазы Теа, потому что Эван видел это. И почему бы ему этого не сделать? Я с Ризом уже несколько месяцев, так что мне точно должны нравиться такие вещи.

Чтобы ответить ему понадобилось несколько секунд.

— Это не обсуждается, Теа. Эвану придется найти другой кампус для его слабоумных выходов.

— А если он откажется?

— Это не вопрос «хочу, не хочу»

— Нет, это обычная сделка Эстлинов. Ты заставишь его назвать свою цену.

— Я сделаю... что? — его лицо перекосило от гнева, а руки мгновенно сжались в кулаки. — Риз тебе сказал? — я отвела взгляд от плещущегося в его глазах безумия. — Что именно он сказал?

— Джейк, я не думаю, что мы должны...

— Нет, должны. Скольким же мой дорогой брат с тобой поделился? — Мое молчание только подпитывало его гнев, подтверждая то, о чем он уже и так догадался. — Риз может быть хорошим рассказчиком. Он выдал тебе все подробности? Как она бегала за ним, умоляла взять ее прямо в машине и сказала, что с самого начала хотела только его?

— Пожалуйста, не надо.

— А почему нет? Это сексуальная история. Именно это Риз готов рассказать девушке, прежде чем уложить ее на фортепиано? Тогда он рассказал тебе об этом? Или раньше, когда вы выбрали для меня Нору?

Его распирало от ярости и боли, давно накопившейся боли за то, что ему пришлось

отойти в сторону. Исчезнуть. Стереть себя из воспоминаний других людей, даже из своих собственных.

— Так вот как он отбил тебя у меня, Теа? Сказал тебе, что я последний дурак, потому что позволили женщине себя использовать?

— Он никогда не пытался отбить меня.

— Нет. Он просто забрал тебя, когда решил, что он тебя хочет. Даже не дал тебе время сделать свой собственный выбор.

— Мой выбор уже был сделан.

— Я так не думаю. В тот вечер, когда мы остановились... это был бы твой первый раз, не так ли?

Я не слышала своего «да», но он слышал.

— И когда я увидел, что ты отталкиваешь его у фортепиано — это было из — за меня?

Еще одно «да», еще тише, чем в первый раз.

Это было все, в чем он нуждался. Впервые его руки сомкнулись вокруг меня без чувства вины, и он глубоко вдохнул мой запах, как будто до сих пор у него отнимали воздух.

— Джейк, слишком поздно.

— Мне плевать.

— А мне нет. Я с Ризом, и мы не можем...

— Теперь все это неважно. — Он взял меня за руку. — Я не могу поверить, что ждал так долго. Пойдем со мной.

Пойдем... куда?

Когда он выводил меня из Плюща, я пыталась решить, что мне сказать ему в машине. Что было слишком поздно для нас обоих, и я действительно имела это в виду. Единственное место куда мне нужно было сейчас пойти — это домой. Причем быстро. Потому что нужно было спрятать его подарок, пока я не придумаю как объяснить Ризу, почему его брат пытался купить для меня оригинал Шопена еще в сентябре, задолго до того, как должен был познакомиться со мной. Даже задолго до того, как я встретила Ризом.

Мы прошли мимо машины, и Джейк продолжал идти дальше.

— Куда ты меня ведешь? Мы должны прийти домой до того, как вернется Риз.

— Вернемся, не переживай.

Мы миновали еще один квартал и завернули за угол, к зданию, в пустынном вестибюле которого стоял рекламный щит, надпись на котором гласила:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ИНЖЕНЕРНУЮ КАФЕДРУ ПРИНСТОНА.

— Джейк, что мы здесь делаем?

Не говоря ни слова, он направился вниз по коридору, где потолочные лампы проливали свой яркий душераздирающий свет на пол, покрытый линолеумом, словно освещая путь к больничной койке.

Затем я увидела их. Десятки фортепиано. Во всех оттенках черного и коричневого они были собраны под бесконечными кирпичными сводами атриума, сквозь стеклянную крышу которого, должно быть, днем видно небо, но сейчас покрыто ночью.

— Что это такое?

Он улыбнулся, не выпуская моей руки.

— Временное убежище. Мы жертвуем их школам и небольшим концертным залам. Их отсюда заберут.

Как всегда, эти простые слова и спокойный тон — как будто он показал мне самую

обычную вещь.

— Так это склад

— На неделю. Мы попросили университет, и нам разрешили.

— Кто «мы»?

— Риз и я.

Он повел меня вдоль ближайших инструментов. Черная Yamaha. Steinway из красного дерева. Кнабе из богатой гладкой вишни. А потом, вдруг, в середине помещения, я увидела, стоящий отдельно от остальных — белый рояль. Кремово — белый, который заставляет вас желать распахнуть двери в летнее поле для ярких солнечных лучей, для букетов из крошечных цветов и для поцелуев — непредсказуемых как первые ноты, когда музыку для вас подбирает кто-то другой.

Джейк сел за него и начал играть. Мягко, как будто это ничего не стоило, и не отводя от меня глаз, вероятно сотни раз проигрывая этот этюд. Я так много слышала о его таланте, о магии, которую он вершит, играя на фортепиано, но ничего из этого даже близко не было правдой. Он полностью владел клавишами. Каждым нюансом. Каждым оттенком звука, который от них исходил. Неумолимая хрупкость его прикосновений заставляла музыку томиться под его пальцами, покоряя ритмы, на которые она не была способна, безжалостно их ломая, а затем собирая обратно в мелодию абсолютной красоты.

Сам этюд был неизвестен. Он изливался океанским приливом, с бушующим в нем штормом, возвышающимися волнами звука, пока последние ноты не утешают его, убаюкивают, заканчивая одиноким аккордом, потерянном в темноте своего отчаяния.

Когда он поднялся со скамьи, я уже знала, что произойдет, и что я не смогу остановить его или себя, даже если попытаюсь. В каком-то далеком уголке моего сознания я знала, что это неправильно. Но я была загипнотизирована его музыкой, грустью, наполняющей его глаза, пока он играл, его губами, прикасавшимися однажды к моим, и теперь нашедшими их снова, стирая поцелуем все остальное, абсолютно все...

— *Это так ты заботаешься о моей девушке?*

Разгневанный голос, как удар грома, прозвучал в здании и что-то ударило о фортепиано, разбив его на куски. Весь Атриум задрожал.

— Как давно ты положил на нее глаз? С тех пор, как ты заказал свой маленький подарок?

Я с ужасом наблюдала, как Риз схватил Джейка за плечи и откинул его на один из роялей. Тело Джейка ударилось о дерево, и сила удара заставила его согнуться, прежде чем Риз схватил его снова.

— Отвечай мне! Как долго? Ты думал, я не выясню, куда ты отведешь ее? Ты так спешил убрать сюда эти чертовы фортепиано, чтобы ухаживать за ней за моей спиной?

Риз откинул Джейка еще раз, но уже в другое фортепиано. Я закричала, пытаюсь добраться до него, но он лишь крикнул, чтобы я держалась подальше.

— Почему, черт возьми, ты это сделал, Джейк? Я доверял тебе свою жизнь. — Он схватил Джейка в последний раз и встряхнул его, крича ему в лицо с оглушительной яростью. — Ты мой брат! Почему?

Джейк не дрался, зная, что у него нет шансов против нечеловеческой ярости Риза. Был слышен только его тихий голос.

— Она была моей еще до вашей встречи. Я отдал ее тебе.

Риз обернулся, найдя меня испуганными глазами, недоверие в которых требовало

ответа, но он дал мне не более секунды. Затем он посмотрел мимо меня и, прежде чем я смогла хоть что-то сказать, он ушел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Чистилище

В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ЧАСЫ мы с Джейком не разговаривали. Он захлопнул дверь своей комнаты, в то время как я ушла в другую — напротив. Комнату, которая практически стала моей. Затем все погрузилось в тишину, такую оглушающую, какой я еще не была свидетелем. И в этой тишине каждый из нас ждал Риза.

Он не вернулся домой — ни позже тем вечером, ни на следующий день. Джейк тоже не выходил из комнаты. И когда ярко — красное Рождественское солнце излило свое безразличие и исчезло за безжизненными деревьями, я накинула свое пальто и пошла прогуляться.

В конечном итоге он объявится. Он обязан был появиться.

“Забавно, как Принстону удастся держать меня на коротком поводке. Сначала брат, теперь ты”, — сказал он однажды в шутку. Но ни его брат, ни я не держали его на этом поводке. Нечто предопределенное и непреодолимое лишило его свободы в этом кампусе, так что даже если он решит не возвращаться к себе домой, я знала где его найти. Точно на следующее полнолуние. Через месяц за вычетом одного дня.

Остальное было менее понятно. Что мне ему сказать? Захочет ли он вообще слушать? Я была готова все объяснить, извиниться, убедить, умолять, унижаться. Иногда в жизни, если ты не осторожен, некоторые вещи могут быть неисправимо уничтожены. Как те Андалузские цыгане — чья кровь, как я подозревала, заполнила его вены талантом, и сумасшествием, и всем остальным, на что была обречена Изабель — ему вероятно сложно найти в себе силы на прощение.

Такой мужчина мог влюбиться в тебя, почитать и положить свою жизнь и будущее у твоих ног. Но как только ты заставишь его ревновать, ставки сделаны.

Я вздрогнула. Как только зашло солнце, температура стремительно пошла на спад. А теперь, ко всему прочему, поднялся ветер, дома по обеим сторонам улицы закончились. Так далеко по Мерсер Стрит, вдали от мягкого света рождественских фонариков, простиралась земля, более известна как Пристонское поле сражений, распростертое под разбросанными

елями и бесцветным небом.

Самое время развернуться и пойти назад, промелькнула мысль в голове. Но на другой стороне поля, я заметила изолированный фасад Греческого храма. Ну или что-то очень похожее: четыре ионических колонны, стремящиеся своими элегантными формами ввысь; каждая из них венчалась некой спиралью, на вид похожую на принесенного в жертву овна, рога которого после смерти поместили на самую высокую точку, чтобы восхвалять молитвы богам.

Оказалось, что это памятник. *Эта священная земля*, прочитала я на именной дощечке. *На этих полях в раннем свете 3 января 1777, Вашингтонская Континентальная Армия победила Британские Регулярные войска впервые за долгую борьбу за американскую независимость.* Ниже также было написано: *В этом храме покоятся те, кто погиб во время этого поединка: и американцы и британцы. Историческая галерея, на которой вы стоите, была отреставрирована, чтобы обозначить вход к могиле этих неизвестных солдат, павших во время Революции.*

Священная земля. Мне нравилось, как это звучит. Мне также было по душе идея, что враги похоронены в одной могиле, наконец обретая покой. В смерти все равны. Вражда больше не имеет значения. Также как и время. Под этой колоннадой античность, казалось, скрывалась за углом. Война за независимость — на расстоянии взмаха век. И каким-то образом, возможность того, что демон из древнегреческой легенды смог полюбить девушку, которая была (или вероятнее всего, не была) ведьмой из болгарских легенд, стала правдоподобной.

Вот только в болгарских легендах не бывает счастливых концов. Определенно не в нашей, о Самодиве, в которой Вилья выходит замуж за своего пастуха, а затем смертельно заболевает. Тоскует по своему лесу. По своей свободе. За пропитанными лунной ночью на полях, вдали от человеческих глаз. Только одно может её спасти: снова стать диким существом в ночи. Но это значило, что её пастух больше никогда не увидит её. Означало, что он должен закрыть своё сердце от всего мира.

Одним тихим вечером, когда звезды усыпали ослепленное небо, он взял её за руку и сказал: "Время пришло, моя любовь." И он повёл её — через ущелья и глухие холмы и секретные горные тропинки — к озеру, воды которого впервые свели их вместе. Там, в безопасности, спрятавшись за дубовыми корням, лежало её в платье, сотканное лунным светом...

Я бежала всю дорогу назад — словно обезумевшая, не способная нормально дышать, думая, что я, наверно, смогу избежать судьбы. Джейк был в гостинной, погруженный в одно из кресел, взгляд опущен в пол.

Я остановилась в нескольких шагах от него.

— Какие-то новости?

Вместо ответа я услышала, как открылась и закрылась входная дверь. Без шума. Нормальный щелчок, как-то просто кто-то вернулся домой, как обычно.

Я поспешила в прихожую, говоря Ризу, что я его люблю и что мы все можем исправить, все ошибки, все недопонимания между братьями, но он даже не посмотрел на меня. Держась на безопасном расстоянии, он пошёл в гостиную, направляясь прямо к своему брату.

— Вы двое отправляетесь в Болгарию. Я поменял своё имя в билете на твоё. — Тяжелый конверт упал на стол. — Самолёт утром.

— Риз, она любит *тебя*, а не меня.

— Я посмотрю, возможно ли вас двоих перевести в Гарвард. Зимнее классы начинаются через четыре недели. К тому времени Ферри позаботится о переезде. О всех её вещах и твоих.

— О чем ты говоришь?

— Принстон может принять письменные работы вместо финальных экзаменов. Так что достаточно только отправить е — mail, нужды приезжать не будет.

— Ты знаешь, что я готов на все ради тебя, но не таким путём, — голос Джейка начал повышаться.

— А ты это делаешь не для меня, а для Теи. И если ты разобьешь ей сердце — считай ты мне больше не брат. Я убью тебя собственными руками.

Он подошёл к одному из фортепиано, сел и улыбнулся Джейку.

— Последняя баталия? — Он начал играть вариацию мелодии Листа, после, постучав по дереву, добавил: — Твоя очередь.

Ответа не последовало.

— Да ладно тебе, Джейк, не надо поддаваться. Это всего несколько нот.

Джейк сел на другой край скамейки и начал играть машинально, будто бы он делал это во сне.

— Это постыдно! Попробуй ещё раз — Ноты другого произведения Листа раздались в воздухе, слегка быстрее.

Джейк повторил, и при этом проявились первые признаки энергии.

— Намного лучше! Как на счёт этой?

Они продолжали играть, гоня друг друга по клавишам, как делали бесчисленное количество раз до того, как я появилась в их жизни. С каждым ходом, силы понемногу возвращались к Джейку. Это наверное был тем, к чему стремился Риз — музыка была всего лишь подготовкой, способом заставить своего брата встряхнуться, откинув весь страх и вину, начать своё будущее со мной. То будущее, которое Риз хотел для себя самого.

Затем он посмотрел на часы. Его руки с такой силой сжали колени, что кожа на костяшках пальцев побелела. Его глаза устремились на меня, давая понять, что он ещё не закончил играть. Что эти последние звуки были предназначены для меня.

Проскользнул аккорд. Осторожный. За ним последовали еще два, ближе друг к другу и ниже к клавишам. Затем ещё два, ещё ниже. А затем финальный аккорд — быстрее, чем предыдущие, поспешный вопросительный знак. Моё сердце замерло, как только я узнала эту мелодию: неистовый ноктюрн в до — диес миноре, который Шопен отказывался публиковать при жизни. Еще шесть аккордов, на этот раз пронизаны опасностью — уже не вопрос, а угроза.

Дальше тишина. Та же тишина, которая по нотам должна длиться не более секунды, стала безжалостной в его руках — мучительной и бесконечной; тишина, в чьем плену было невозможно дышать, в которой время просто исчезло, и осталось лишь ужасающее ожидание музыки, которая вот вот должна была раздаться. И она раздалась. Музыка настолько неумолимая, что я даже представить таковой ее не могла. Музыка абсолютной и отчаянной боли.

Все началось с одной ноты: высокой, обезоруживающе хрупкой. Правая рука закрутила ее в кристальной красоте, подняла ее, после опустила, затем повторила то же самое только

чтобы достичь невероятной высоты, еще большей, чем прежде, а после скатить вниз каскадом ключей, словно быстродействующий яд осушил все ее силы.

Только его руки двигались, пока он играл. И все же я ощущала напряжение по всему его телу, сотни мышц желали, чтобы пальцы донесли эту невероятную музыку с такой точностью, которую я и представить не могла возможной. Я хотела, чтобы он остановился на полпути, до начала самой приторной части, которую он терпеть не мог, но он продолжал играть, все гармонии, которые он называл "сахарными" сейчас разворачивались с оглушающей простотой, пока ритме не перетек в краткие строки и не обрушилась на клавиши, подгоняя высокие октавы к деликатной конечной ноте — тёплой и беглой, как благословение.

Затем опять тишина. Невозможно дышать. Я представила, что он повернется ко мне, улыбнется и позволит подойти к себе. Но он сидел там без малейшего телодвижения, с закрытыми глазами, чьи веки едва заметно двигались, пока по его щеке не скатилась единственная слеза. Первая, которую я увидела. Джейк сидел напротив него, склонившись сломленной массой.

Музыка продолжилась — чрезмерно простая, настолько завершенная, какой музыка никогда не была. И безутешная. Безнадежная.

Я много раз задумывалась, покинет ли меня когда-то Риз. Теперь я знала: *это* было его прощанием. Эта музыка, которая четко дала понять, что жизнь без него похожа на смерть. Музыка, с которой разбивалось его сердце, давая при этом шанс его брату починить моё.

Я хотела, чтобы ноктюрн подошёл к концу, чтобы я могла ему сказать, что жизнь не обязательно должна соответствовать легендам в этот раз. Что, хотя бы раз, нужно принять решение самим на счёт нашего будущего, вместо того, чтобы это делал кто-то другой или надеяться на случай или, что еще хуже, на судьбу. Но он остановился играть задолго до окончательных нот. Его дрожащие руки задержались на дереве всего на секунду, затем он спрыгнул со стула, как раненый зверь и выбежал из комнаты.

Словно бегство могло что-то решить. Я любила его. Больше жизни. Даже страх смерти был не настолько сильный и устрашающий для меня. А это означало, что нет ничего невозможного. Однажды я его верну, осталось придумать каким образом.

ТЫ НИКОГДА НЕ ДОЛЖНА открывать дверь, в которую, возможно, ты не захочешь входить.

И все же Сайлен не мог представить, что вскоре, когда все остальные двери в мире захлопнутся наглухо, это же предупреждение вернет меня обратно в Магистерский колледж в поисках его.

Или он знал?

Дверь с виноградным листком была заперта, и я принялась ждать — ждать знакомый голос, его мудрые советы, в которых я сейчас так нуждалась больше, чем когда-то. Но в коридоре стояла тишина, когда я направилась обратно мимо знака уборной и выключателя.

Тьма не захватывает нас по своей прихоти, она жаждет быть приглашенной.

Я отключила все выключатели, все до последнего. И темнота, наконец приглашенная, стала полноценной.

ШАГ В СОВЕРШЕННО ТЕМНОМ коридоре.

Затем другой.

Я входила в бездну ночи так много раз, но так — никогда прежде. Вцепившись в стены. В подвале. Одна. Напуганная.

Внезапно, я увидела свет. Серебряный свет, усиливающийся по мере моего приближения, пока я не осознала, что мои пальцы ощутили моментом ранее — дверную ручку в форме полумесяца.

В этот раз дверь открылась, и я оказалась в туннеле, вырытом прямо в земле, освещенном десятками свечей внутри трещин в стенах. На другом конце была пещера, которой я никогда прежде не видела. Причудливая резьба кружила в беспорядочном красном и коричневых цветах, вознося свой свет через воздух к потолку, чьи плечи согнулись под весом возвышающегося над ним мира. Вдали, пойманное в сюрреалистичной игре в симметрию, озеро отражало все вокруг. А посередине, поглощенный своей собственной пугающей красотой, самые удивительные деревья отбрасывали свое отражение — зелёная листва справа, голые ветви слева, под которыми сидел в одиночестве сатир, ожидая.

Я последовала к нему по каменной тропинке через воду.

— Что это все, Сайлен?

— Это начало Чистилища.

— Но Чистилища не существует. Это всего лишь легенда.

— Люди называют легендой все, что вызывает у них наибольший страх. И все же, это не перестаёт существовать.

— То есть вы хотите сказать, что это место где мертвые...что вход в Чистилище находится здесь, в подвале Принстона?

— Для каждого мира есть свое Чистилище. — Его рука взмахнула вверх к тому, что находилось над нами. — У всех этих зданий есть подвал, который простирается глубже, чем ты думаешь. Даже у твоего разума, — его указательный палец коснулся моего виска, — есть собственные катакомбы, секретные ходы, которые ты можешь лишь мельком увидеть раз за всю свою жизнь. И твое сердце тоже; у него чистилище одной из красивейших. Ты заметила, что для всего что ты желаешь или любишь, что-то внутри всегда начинает желать или любить противоположное?

— Да. Именно так я и потеряла их обоих.

— Потеряла? — Он одарил меня одним из своих загадочных взглядов. — Сегодня судьба дала тебе выбор.

— Между мужчиной и призраком?

— Нет, между памятью и забвением. Все что требуется — это глоток.

— Глоток чего?

— Этого. — Он указал мне на воду. Каменная дорожка разделяла ее на две части с деревом точно посередине, — Озеро Памяти и Озеро Забвения. Выбор данный каждой душе которая входит в Гадес.

— На землю мертвых? Но я ещё не мертва.

— Тебе и не нужно быть. Туннель, который тебя сюда привёл, это Некромантеон, древнегреческий оракул смерти. Он позволяет воссоединение с умершими, короткие встречи с нашими любимыми. Для этого многие бросают вызов Чистилищу. Сам Дионис спускался в эти лабиринты, чтобы вернуть свою мать, Семелу.

— Но Дионис бог.

— Небогам тоже это удавалось. Геркулес, Одиссей... и конечно же, Орфей. — Он достал золотой футляр из своего кармана. Размером с квадратный дюйм, со кружевом из

слов, которые, по моим догадкам, были на греческом. — Это одна из дощечек Орфея, та самая, с которой все началось. Дионисийские мистики были похоронены с ними за путешествие в Чистилище, а эта принадлежала Орфею лично. Я дал ее ему, когда он решил отправиться в Гадес.

Тонкий орнамент выглядел таким хрупким, что я даже боялась прикоснуться к нему.

— О чем гласят эти слова?

— Эти слова из одной песни. Инструкции после жизни.

Он рассказал текст по памяти на английском:

По левую сторону дома Гадеса найдёшь ты неиссякаемый источник.

И возле него будет возвышаться кипарис.

Близко к источнику не подходи.

Неподалеку от него найдешь ты Озеро Воспоминаний.

Струящуюся вдаль прохладную воду и хранителя пред ней.

Произнеси: "Я дитя Земли и Звездных небес.

Я пришла, истощенная от жажды. Я погибаю".

И позволят тебе напиться священной воды.

— Это значит, что ты Хранитель?

— Я? — Он засмеялся, возвращая дощечку обратно в свой карман. — Нет, Озеро Воспоминаний охраняет фиговое дерево. Священное дерево Диониса.

Опять фиговое дерево. Всегда оно. Ни одно другое дерево не может выжить на пустых холмах над Черным морем. Но фиговое дерево может. И именно под ним танцевала моя сестра, под луной, в одиночестве.

— Почему на одной половине нет листьев?

— Потому что остальная часть — это белый кипарис.

— Два дерева срослись в одно?

— У нас только одно сердце. Воспоминания и Забвение возникают из него. — Он указал налево, где голые ветки, белые как кости, опускались вниз к воде. — Кипарис означает свободу. Всего лишь глоток из этого озера, и ты сможешь забыть обо всем, что доньше тревожило тебя. Даже любовь. Твой разум сотрёт все темные воспоминания также, как кора этого кипариса вырастает безупречно чистой.

Я представила себе забвение. Тишину. Безопасность. Землю без пульса под защитным слоем снега зимой. И я смогу вернуться к своей прежней жизни невредимой. Окончить учебу с заслугами. Покорить мир музыки. Даже встречаться с кем-то милым и не сложным, как Бэн, например.

— А другое озеро?

— Озеро Воспоминаний запечатлеет все, что есть в твоём разуме и сердце навсегда. Так что будь осторожна со своим выбором. Однажды приняв решение, не сможешь повернуть его вспять.

Я выбрала довольно быстро — не было ничего такого в моем разуме или на сердце, чего бы я не хотела запечатлеть. Но его голос остановил меня.

— Ещё не время. Есть ещё кое — что из прошлого, что я должен раскрыть тебе.

Он повернул свой взгляд в сторону пещер, и я заметила её. Белая фигура, сидящая среди камней, склонившись над книгой, не потревоженная нашим присутствием. Она подняла своё

лицо. Помахала, подпрыгнула и на цыпочках пошла вдоль воды.

Эфирная. Нет лучше слова. Даже на расстоянии её походка ошеломляла своей мечтательной легкостью, беззаботностью, словно шаги ребенка, напевающего какую-то мелодию. Когда она подошла ближе, я смогла разглядеть книгу, Цыганские баллады Лорки — та самая книга, в которой она оставила своё послание Ризу.

*"Кто еще бы полюбил тебя так, как я
если ты изменила мое сердце?"*

Её глаза пронеслись своей незабываемой голубизной сквозь меня, не замечая ничего более воздуха, после чего она двинулась в сторону Озера Воспоминаний. Она дотронулась до воды. Поднесла руку к губам. Выпила и струсила остатки капель, несколько из которых попали на все еще открытую книгу. Затем она улыбнулась Сайлену загадочной улыбкой — улыбкой, которая отказывалась покидать комнату, даже когда ее самой там уже не было — и быстро кивнул ему, она проговорила что-то одними только губами, и скрылась в туннеле.

— Что она тебе сказала?

Он заколебался, и это меня ужаснуло больше, чем какие-то озера или чистилища.

— Сайлен, что она сказала?

— *До встречи сегодня вечером.*

Это был простой ответ, и я вначале не уловила никакой угрозы в нем. Эльза знала его, когда училась здесь. И что? Она пришла в пещеру, также как и я?

Прочитала книгу с поэмами. Сделала глоток воды, затем ушла обратно в ни о чем не подозревающий мир. Я бы тоже так поступила, если бы моментом ранее он не остановил меня.

Есть кое — что ещё.

Я, возможно, никогда не сопоставила бы воедино эту тщательную паутину логики — весь круговорот событий, который развязался сам по себе, когда моя сестра приняла решение — если бы другая строчка из той же поэмы не пришла мне в голову. Что-то про луну. О том, каково это ошибиться и начать все заново. Число за числом по кругу, как-то стрелка часов все время сбивалась, пока, наконец, не наступает полночь, позволяя некоему ритуалу начаться.

— Книга, которую читала моя сестра... там есть поэма о Бахусе. О том, как луна все продолжала отсчитывать под фиговым деревом. Лорка описывала ритуал, не так ли? Это то, чем Эльза была занята в ту ночь?

— Да.

— И она пришла вначале сюда, прежде чем отправиться на поиски Риза?

— Да.

— Как она вообще знала? В смысле... зачем она читала о ритуале смерти и затем говорила, что вы встретитесь позже, если несчастный случай ещё не произошёл?

— Потому что это был не несчастный случай.

Он дал мне ответ недели назад, когда я даже не понимала, что именно слышала: *"У нас было очень мало времени... я помог ей пройти через это..."* Я должна была понять это еще тогда. Риз умер в полнолуние. И в точности перед полуночью.

— Вы хотите сказать, что моя сестра... что вы двое убили Риза?

— Это был единственный способ для неё, чтобы удержать его. Он решил переехать в Ирландию со своим младшим братом. И поскольку его родители были мертвы, ничто не могло встать у него на пути.

— Ничего, кроме Эльзы. Благодаря вам!

Он посмотрел вниз, сгорбившись, как потолок пещеры — грустное подобие человека, у которого была масса времени для искупления своих деяний, но который наверняка знал, или хотя бы подозревал, что даже вечности будет недостаточно для него, чтобы сделать это.

— Как ты мог пойти на такое, Сайлен?

— Понятия добра и зла со временем меняются. Поверь, я пытался смириться с этим с тех самых пор.

— Смириться с чем именно? Ты позволил ей убить его, а затем превратить в её раба.

— Нет ничего необратимого, Тейя, я могу помочь любви найти его.

— Значит вот зачем я нужна? Неплохая логика: сестра той, которая убила его, теперь станет для него утешительным призом. Ты открывал передо мною двери, посылал к часовне, высказывал таинственные мудрые советы. Но кого на самом деле ты пытаешься утешить? Риза или себя?

— Ты его истинная любовь. Я уже видел это. Разве что, я опять ошибаюсь.

— Когда до этого ты ошибался?

Его глаза проследили за воспоминанием вдоль берега, как-то он ожидал увидеть белую фигуру вновь.

— Она боялась, что он ускользает от неё, что её гипнотическая красота не могла его больше удерживать. Поэтому она спросила меня о будущем. Что, может, если им двоим будет дана вечность, сможет ли он однажды полюбить ее так же, как она любила его. Ну или любить в целом. Это был вопрос, который сам за себя отвечал, потому что время, даже вечность, не в силах удержать то, что никогда не было нашим. Но ей нужно было знать. И быть абсолютно уверенной.

— Что ты ей сказал?

— Только то, что я видел. Что его будущее было наполнено экстраординарной вещью: длительное забвение, темнота, и вдруг среди всего этого — любовь. Любовь сильнее, чем её собственная. Её любовь хотела и требовала всего, ее безумие уничтожало все преграды на своем пути, даже когда этой преградой стало его сердце. Его же любовь была иной. Она простиралась, словно океанская волна — стремительно накрывая тебя своим течением и глубиной, но готовой пожертвовать собой, превратится в пену и раствориться в пустоте, просто чтобы в безопасности доставить тебя на берег.

Вот только я не видела ничего безопасного на берегу, который стоил мне Риза.

— С чего вы взяли, что его любовь будет ко мне?

— Я не предполагал. Когда он попросила меня заглянуть в его будущее, я увидел там девушку со знакомыми мне чертами.

И таким образом он солгал Эльзе, не зная того, обещая ей, что однажды Риз полюбит её.

— Ты был влюблён в неё?

— Это была не любовь. Возможно похоть, вероятнее всего. Твоя сестра могла быть очень... убедительной. Я был единственной дорогой к ритуалам, так что она быстро поняла, что не в природе сатира отказывать красивой девушке.

Я читала о природе сатиров. И видела тоже, на многих недвусмысленных вазах. Они одержимы нимфами: преследуют их, занимаются с ними сексом. Некоторые изображения даже представляли сатиров с эрекцией. Не мудрено, что Сайлен все время называл меня нимфой.

— Пожалуйста, Тея, не бойся, эта моя слабость, уверяю тебя, осталась в прошлом. К

тебе я испытываю только искреннее восхищение.

— Я очень на это надеюсь. Сводить Риза с девушкой, которую тайно желаешь, было бы странным способом исправить ошибки прошлого.

Его глаза расширились от моего тона, напоминая мне о том, кем он был. Но я больше не боялась его. Несмотря на его легендарную мудрость, он все же был глупцом, которым манипулировала девушка, сподвигнувшая его на убийство.

— Как именно Эльза устроила это? Была ли она также хороша в убийстве, как в соблазнении?

— Единственное, в чем твоя сестра не была хороша — так это в поражении. Она излила мне свое сердце — его темноту, неистовую темноту девушки, которая вот — вот могла потерять свою любовь. Я предупреждал её держать его подальше от ритуалов, но она надеялась, что это заинтригует его и зажжет искру, которая уже давно погасла в его сердце. И на мгновение как-то сработало. Но затем он начал отдаляться ещё быстрее. Поэтому она начала меня умолять устроить брачный союз, *hieros gamos*.

— То кольцо, которая она надела на его палец?

— Нет, кольцо было ее идеей. Всего лишь сентиментальный человеческий жест. Сам ритуал начался ранее, на юге лесов на границе с гольф площадкой. Я не думал, что он дойдёт до конца, но она все же смогла его убедить каким-то образом.

Я вспомнила, что Риз упоминал о фиктивном браке. "Убедила" попросту означало, что она его напоила и сказала будто это все игра, после которой не будет последствий.

— Финальный обряд должен был свершиться в Декабре, при полной луне. Это должен был быть её великий триумф, её серебряная лунная свадьба. Но он мог поменять своё решение в последнюю минуту, что он собственно и сделал, что требовало запасного плана. Она спрятала ключи от его машины, чтобы ему пришлось взять мотоцикл и отдать шлем ей. Затем пешеход случайно пересек дорогу на Колледж Роуд в самый неподходящий момент. По сей день Риз думает, что убил человека. Когда тело так и не нашли, он обвинил дворецкого в том, что тот прикрыв его. Потратил недели на поиски объявлений о пропавшем без вести человека, уверенный, что он мог помочь семье погибшего. В какой-то момент он даже хотел сдать с повинной.

— Неужели Ферри действительно все замёл?

— Нет.

— Тогда что случилось с телом?

— Никогда не было никакого тела. Пешеход, которого сбили был... не способен умереть.

— Ты? — Конечно же, это был он. — Зачем нужно было все это подстраивать? Простого глотка яда было бы недостаточно?

— Потому что это должен был быть либо несчастный случай, либо естественная смерть. Ритуалы не срабатывают с убийствами.

— Почему нет? Это жизнь за жизнь, не так ли?

— В сущности, да. Но ты не можешь забрать жизнь, а затем предлагать свою взамен богам. Поэтому ей нужно было, чтобы кто-то другой запустил механизм.

И что же это был за механизм! Он никогда не прекратит свое вращение, приводя Риза к ней месяц за месяцем, каждое полнолуние.

— Все равно, планирование несчастного случая с намеренным убийством кого-то... — Я вынудила себя посмотреть ему в глаза. — Для меня это все равно, что классическое дело

об убийстве.

— Не совсем. У неё был криминальный умысел, *mens rea*²². Но сам акт вины — *actus reus*²³, как таковое — было моих рук дело. Убийство требует обоих факторов.

— Ты имеешь в виду, что даже древние следили за технической стороной?

Его щеки покраснели — ещё один приступ ярости, который ему пришлось подавить — скорее всего, потому что он знал, что я была права. — Дело в том Тея, что несчастный случай мог обернуться и ее смертью. Тогда не осталось бы жизни, которую можно было бы преподнести на ритуал. Ни менады, ни даемона. Только вылетевший с дороги мотоцикл. Я не знаю тех, кто решился бы на такой риск.

— Это был не риск, если ты уже раскрыл для нее будущее.

— Будущее всегда риск. Всегда есть шанс, однако малый, что что-то собьет курс событий.

— Почему тогда ты просто не дождался, пока Риз будет возвращаться из Фобрса?

— Потому что тогда на нем был бы шлем. И в этом случае вероятность заметно уменьшилась бы.

Вероятность его успешного убийства...

Я не знала, что ещё сказать. Я пришла за советом, но больше не желала их от него

— Ты предполагал, что лучшим способом искупить ущерб, хотя бы частично, это рассказать Ризу правду.

— Множество раз. — Он посмотрел на озера, как-то пытался отыскать там ключ к неуловимому прощению. — Но уменьшится ли на самом деле от этого вред или только все ухудшится? Узнав правду, он отказался бы подходить к ней.

— И что с того? Он сам вправе решать.

— Здесь нечего решать. Она бы убила его, будь в этом уверена.

Он был прав. Эльза уже убила Риза однажды. Зачем сомневаться во второй раз?

— Время приближается. — Он указал на озёра. — Тебе предстоит сделать выбор.

Все время я предполагала, что мой выбор был между Ризом и Джейком, хотя по факту оба были в одной чаше весов. Любить их вечно, или хотя бы до конца моих дней, с миром призраков, где все вокруг бескомпромиссно, напряженно и возвышенно. Мы с Ризом никогда не сможем покинем кампус Принстона. Я буду делить его тело с Эльзой. Он будет делить моё сердце с Джейком. И когда двое из нас покинут этот мир, другие двое смогут продолжить свой нескончаемый ритуал.

Альтернативой было забыть. Выбрать нормальное, человеческое будущее.

Но пока что, как бы сильно я не старалась, я не могла себе это представить.

— Ты выбрать сердцем, — сказал сатир, увидев, что я выпила. — Что поражает меня больше всего в этом мире — это то, что он не меняется.

— Эльза и я сестры. Насколько разными мы можем быть?

Он не ответил, а последовал обратно в туннель, время от времени оборачиваясь, чтобы посмотреть, иду ли я за ним.

— Это и в самом деле оракул смерти? — Я коснулась холодных гранитных стен. — Это не может быть реальностью. Мы в тысячах милях вдали от Греции.

— Реальностью? Помни, оно таковое, только если ты сама захочешь. — Улыбка растянула свою двойственность на его лице. — Некромантеон сейчас является жемчужиной в туристической брошюре, но он на самом деле нечто большее, чем достопримечательность. Сама идея тропы Гадеса — дороги в Чистилище, по которой любой может пройти туда и

обратно — считается мифом, любопытным изобретением древних умов. И может, так даже лучше.

Я ожидала увидеть дверь с виноградным листом. Вместо этого, лоскут небес вел нас на пустой холм с видом на океан. Или море

— Где мы?

— На границе между двух миров.

— Земли и воды?

— Нет. Прошлого и настоящего.

— Как на счёт будущего?

— Будущее здесь, — он указал на моё сердце, — ты ведь не боишься его, ведь так?

Я заколебалась, и его смех заполнил все пространство вокруг холма.

— У будущего есть больше причин бояться тебе, нежели наоборот.

Вдали перед нами волны разбивались о камни, оставляя в безопасности свои последние желания на берегу.

— Как мне вернуть его обратно, Сайлен?

— Если ты думаешь о любви, как о победе — ты проиграешь. Такова загадочная схема вселенной. Что касается как или когда — этого я тебе сказать не могу.

— Ты единственный, кто может, у тебя ведь дар пророчества.

— Ясновидение и пророчество не одно и то же. Видеть будущее — это одно, а понимать его — другое. В последний раз, когда я пытался интерпретировать то, что видел, моя догадка оказалась ужасающе неверной.

— Тогда не интерпретируй, а просто скажи мне, что ты видишь.

Он продолжал смотреть в небо. На расстоянии солнце начинало подниматься над водой.

Ты помог моей сестре убить его, а теперь отказываешься помочь мне? Я не произнесла этого вслух, но с ним это было равносильно.

— Моя помощь не изменит исход для тебя, как и не изменила для твоей сестры. Если есть желание — найдется и способ. Разве не так говориться среди людей?

Я думала он на этом он и уйдет, как всегда загадочно. Но он добавил:

— Дело в том, что человеческая мудрость часто упускает суть. Твоя сестра, например, имела больше желания, чем кто-то мог хотя бы надеяться. И все же, ей не удалось достичь желаемого.

На этих словах он повернул меня. Я увидела знакомое здание на фоне силуэтов деревьев и холмов вдали. То же случайное размещение камней, терраса в виде на море — копия церкви в Царево, но старее.

— Мы вскоре увидимся, Тейя, Нимфа Луны и Солнца...

Он оставил дверь для меня открытой. Внутри был знакомый стол, растянутый до самого камина, откуда простор Проктер Холла тянулся до самого вестибюля.

— Так значит это *в самом деле* церковь. Только никто об этом не знает.

Вот только его уже не было. Сквозь дверь позади себя я видела только поле для гольфа, забор Уайман Хауса и... ночь! Вокруг было темно. Как могло быть иначе? Пока утреннее солнце уже вставало в Греции, здесь, в кампусе колледжа, который стал моим домом на другой стороне глобуса, ночь только начиналась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

АОТ — Академический Оценочный Тест

[

←2

]

Туше — (от франц. *toucher* — трогать, касаться), характер, способ прикосновения (нажима, удара) к клавишам фортепиано, влияющий на силу и окраску звука.

[

←3

]

Вторая балканская быстротечная война 1913 года

[

←4

]

Бекон, салат-латук, томат — классический английский сэндвич.

[

←5

]

Исаак Альбенис (1860–1909 гг) — испанский композитор и пианист, один из основоположников испанской национальной музыкальной школы/

[

←6

]

Кахунас — шаман, возможно, имеется ввиду гуру музыки.

[

←7

]

Психтер — керамический сосуд, напоминающий по форме гриб.

[

←8

]

Спарагмос — разрывание, раздирание, ритуальное расчленение животного.

[

←9

]

Набор букв у героини M A I N A D O, написанное слово *mainad*, правильное написание *maenad*.

[

←10

]

Транскрибирование — передача, воспроизведение текста способом, стремящимся к наиболее точной передаче произношения.

[
←11

] Здесь и далее прим. пер. (с исп.): Конечно, из нее получится идеальная ведьмочка.

[
←12

] Девочка.

[
←13

] Как красиво!

[
←14

] Но, деточка.

[
←15

] Господи.

[
←16

] Совершенно обезумел.

[
←17

] Какая прелестница!

[
←18

] Да, ясно.

[
←19

] Слово «байк» (англ. Bike) в английском языке может означать и мотоцикл и велосипед.

[
←20

] Цитата из пьесы Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта» (Пер. О.Сороки) Акт 1
Сцена 1.

[
←21

] Перевод Евгения Витковского.

[
←22

] Преступный умысел.

[
←23

] Правонарушение.